

Лариса Кольцова
Мать Вода и
Чёрный Владыка

Лариса Кольцова

Мать Вода и Чёрный Владыка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69366103

SelfPub; 2023

Аннотация

Пятая книга из цикла "Три жизни трёх женщин Ванда". Существует ли мистика в реальной жизни или она лишь в душе самой героини? Её вера в проклятие древних богов, унаследованная по линии бабушки жрицы все-таки коснулась её? Или же это всего лишь следствие ее поступков, её опрометчивой доверчивости? А может это всего лишь ненастный день и наступит другой, пригожий и тёплый?

Содержание

Чапос – злой колдун Паралеи	4
Дневники Нэи	136
Лабиринты подземного города	200
Ещё одна фея Паралеи	417
Девушка Колибри	479
Доктор Франк	585

Лариса Кольцова

Мать Вода и Чёрный Владыка

Чапос – злой колдун Паралеи

Мусорная философия Чапоса

Тайну их сближения, казалось, знают уже все в «Лучшем городе континента». И Рудольф не мог ни понимать, насколько это нервирует хозяйку «Мечты», местную фею его души. После природного очищения, после урагана, по счастью лишь краем затронувшего «Лучший город континента», нечто неуловимо изменилось вокруг, не внешне, а в самой атмосфере произошли изменения. Сам распорядок жизни стал и вольнее, и оживлённее. Женщины стали наряднее и оголялись до пределов возможного и даже невозможного. Обнажилось вдруг множество романов, ранее скрытых или завязавшихся новых, в том числе и могущих быть откровенно скандальными при самой только попытке их обнаружения.

Всё это висело каким-то незримым облаком над «Лучшим

городом континента». Назвать это подобием смога и язык не поворачивался, поскольку в подобной атмосфере хотелось дышать полной грудью. Хотелось свалиться, как дураку, в траву в густом лесу, где никто не увидит, и махать руками на предмет безумной проверки себя как летающего и вовсе неразумного. Хотелось обыкновенного и глупого человеческого счастья. И только нечто в самом Рудольфе препятствовало отдаться счастью. А определения завозившемуся «нечто» он не знал, называя это кристаллическим вирусом – инопланетным зверем, угнездившимся где-то в глубинах его подсознания, но периодически завладевающего и сознанием. Насколько материальной или мистической полностью была болезнь в нём? К кому он мог обратиться? Только к мудрецу Франку. Да тот не выносил и сам его дух, или на дух? Уклоняясь от встреч уже на расстоянии.

Играя с нею в сомнительные игры, допрашивая и уличая её в тайных отношениях с Антоном, он не верил в это. Но наблюдая уже её ответные выпады в свою сторону, когда она демонстративно целовалась с прекрасным вдовцом у себя на террасах возле «Мечты», когда прогуливалась с ним по лесопарку предвечерней порой, он реально свирепел. Уже одно то, что к её губам кто-то прикасался, выводило из равновесия.

И он невольно вспоминал Лору. Когда та, плача ночью в его объятиях от переполнявшей её любви, на следующий же день побежала утешать, что называется, «посидим на дорож-

ку», отбывающего далеко и надолго, может и навсегда, тоже плачущего Александра Ивановича, своего предыдущего друга и соратника по интеллектуальным увлечениям. Вернее, «полежим на дорожку», что больше соответствовало реалиями. Тогда он о таком не знал, а теперь Лора была даже не миражом его памяти, а смутным контуром некоей земной женщины с пшеничной косой, кормящей его первого сыночка, синеглазого богатыря в настоящем. Причём, коса помнилась чётко, даже то, как она её переплетала в стиле, называемым «колосок», а лицо не просматривалось, и цвет глаз забылся. Серый? Голубой? Кажется, как тростник болотный, выцветший в предосеннюю пору. А ведь любила страстно и искренне, перебарщивая в своём усердии признаваться в этом несколько раз за сутки.

– Ты ведь знаешь, что я люблю тебя?

– Я забыл, напомни, – отвечал он то с ласкательной интонацией в голосе, а то и отмахиваясь от надоевшей и приторной её присказки.

– Я люблю тебя.

– Угу, – как если бы зуб заныл...

О Ксении он не вспоминал, запретив себе это. Она вырывала из его амнезии бесконтрольно, и он с усилием запихивал её туда обратно. Не было у него ни одной верной ему женщины. Неужели, и эта нимфея из той же серии? Если не так, в чём уверяла интуиция и весь нажитый опыт, почему не разубеждала, а с лёгкостью соглашалась? «Да, Антон

больше чем друг». Или как она там говорила? Любовник? Это было настолько же очевидной, насколько и неумелой ложью, но она играла в запрещённые игры, и он даст ей понять, что с ним такое не прокатит. За игровые поцелуи со скучающим бездельником, человеком – нагрузкой, неизвестно за чем прибывшим на земную базу Трола, она ещё ответит.

Чапос появился без опозданий. Разодетое в аристократические перья пугало, он всерьёз вошёл в свою роль человека из высшей касты. Сколько лет Рудольф его знал, столько лет не уставал над ним потешаться. Хотя и было это пугало смешным ровно настолько, насколько может быть смешной ископаемая бочкообразная авиабомба, которую кто-то решил использовать для охраны огорода, водрузив сверху голову-тыкву и напялив на неё человеческое пальто. Бомба всегда непредсказуема и страшна, как над ней ни потешайся. И его опасная начинка не была секретом для Рудольфа, но он слишком его презирал, чтобы остерегаться. К тому же, Чапос осторожен и жаден, а такие действуют только исподтишка. По истечении, в общем-то, и небольших лет у Чапоса заметно атрофировалась способность к эпическим обобщениям в беседах о метафизике бытия. Да и сама метафизика его интересовала уже мало, слишком глубоко зарыл он свой нос с кабаньими ноздрями в навозные кучи, где промышлял, а уж их жирные испарения постепенно нарушали его способность вбирать в себя ароматы, нисходящие откуда-то свыше. Вернее, окончательно забили все его поры своим специфици-

ческим содержимым. И он уже давно не противопоставлял себя и тех, от кого питался, поставляя товар. И уже давно не жалел тех, кого, когда наваливалась на их плечи безмерная уже усталость или болезни, – следствие нещадной эксплуатации, выставляли за границу развитых и богатых городов, грабя нещадно, и редко какой из женщин удавалось сохранить хоть что-то даже для жизни в провинции.

Они сидели в уличной пристройке к «дому яств». Оранжевое полотнище, натянутое на деревянные отполированные столбы, трепетало и хлопало при порывах сильного и жаркого ветра. Похудев из подражания изяществу аристократического сословия, Чапос несколько изменился и своей широконосой физиономией. Не изменив обычной мрачной сосредоточенности на известной только ему одному, не решаемой, а может, и несуществующей задаче, он стал пригляднее слегка усохшим лицом. Тёмные, распирающие его изнутри, энергии остыли, замедлили своё коловращение, он стал проще, хотя и пошлее. Отсвет от крыши-тента придавал его коже оранжевый привлекательный цвет ровного и густого загара. Вообще жизнь состоятельного и уверенного в себе горожанина заметно отполировала его в лучшую сторону, но только внешне.

Пожрав, как всегда за счёт Рудольфа, и выпив из прибережённой бутылочки «Матери Воды», принесённой им в огромном кармане просторной оранжевой рубахи, шершавый человекообразный «барон апельсин» развязно сказал,

утратив сдержанность после выпивки, – Господин будет доволен. Даже если вы будете спать, то, чему и положено, будет железно стоять, такова эта женщина, хм-хм... – он прокашлялся, сказав мерзость с умыслом, и приступил к закуске. Рудольф брезгливо следил за его манипуляциями с кусищем мяса, который вполне себе аппетитно благоухал пряными травами, однако, казался отвратительным, как и вывороченные губы поглотителя пищи. Как и весь он в целом, урчащий гоминида, так и не сумевший произойти из обезьяны, пусть и была та продуктом замеса инопланетной эволюции, – или инволюции?

– До чего же вы тут одержимы низкими потребностями, жители вывернутой наружу засаленной изнанки Вселенной.

– «Вы тут»? А вы там? Высоки и не имеете изнанки? Да и какая изнанка у подземелья...

– Прожуй свою дохлятину, потом и рассуждай!

– Руд, откуда такая злость? Или не может ваша ласкунья заменить моих девочек? – оранжевое и отнюдь не сказочное порождение инопланетного демиурга намекало ему на Нью, которую сам же Рудольф решил променять на его девок.

– Я тебе не Руд! Господин Руд-Ольф! Повтори, если не хочешь, чтобы я вбил тебе этот кусок в пасть!

– Господин Руд-Ольф явно чем-то разочарован, а виноват почему-то я, – вяло отреагировал Чапос на его выпад. – Что толку в её необычной внешности, если, по сути, она, как и все они, приедаются до безразличия.

Устав жевать, Чапос отдыхал, ворочая языком и время от времени чмокая от удовольствия, наслаждаясь проглоченным, запечённым с пряными и острыми овощами куском жаркого. Иногда он словно прислушивался к собственному безразмерному желудку, решая, не пора ли опять пополнить его ароматной и дразнящей едой.

– Как ни малюет их природа, они все одинаковые под своим подолом, – и он прикрыл глаза, но лишь наполовину, чтобы следить за реакцией Рудольфа и по возможности увернуться от оплеухи.

При несомненном, хотя и затаённом страхе Чапос никогда не отказывал себе в удовольствии пыхнуть в лицо высокомерному и превосходящему его силачу очередным словесным непотребством, – Только не все позволяют себе то, о чём втайне мечтает любая из них... – он ожидал поощрения на заданную тему или её резкого пресечения. Рудольф молчал.

Чапос продолжил, – Родовой гнёт, страх держат их на цепи, и скудную зачастую кормёжку из рук приручившего хозяина они называют любовью. А мне нравятся те из них, кто занят вольной охотой и выгрызает сочные шматы из дичи на запрещённых для большинства территориях того мира, где нас поселил злой демиург...

Тут Рудольф невольно вздрогнул совпадению своих размышлений о некоем демиурге и упоминанию Чапосом о том же. Увы! Чапос не был говорящим забавным инопланетным

фруктом, а был откровенно жутким их пожирателем. Удивительным было то, что он всегда приятно благоухал. Он словно бы напился ароматом тех пригожих плодов, коими не только торговал, но и жрал их без меры. Хотя весь секрет заключался в том, что он приобретал себе самые дорогие парфюмерные изыски, возможные на Паралее. А поскольку всякий душистый эксклюзив не являлся настолько уж и доступным кому ни попадя, тут было чему удивляться. Здесь и запахи были кастовыми. Выходило, он не врал о своём доступе в селения избранных по праву того, кто близок к чьему-то «высоко породному» телу. Какая-то порочная, высоко сидящая в своих садах «вишенка» вырядила простонародный овощ в корку апельсина, наделив и соответствующим запахом. А воняй он как тухлый кочан капусты, то ему бы оно подходило в самый раз.

Напомаженный «апельсин» тем временем уже разошёлся, – Их губы красны и жадны, а ненасытное тело не признает этикетов, запретов и приличий. Только такая женщина даёт удовлетворение настоящему мужчине. Припав к такой, – другой не возжелаешь уже никогда. И ваша слобная аристократка, ваша «сливочная бомбочка» в душе точно такая же заурядность – одна из множества влагалищ безразмерной Матери Воды, украшенная небесным ликом всегда обманывающей вечности, всегда линяющей, всегда умирающей и протухающей. И только в чёрных пластах почвы она уже никого не обманывает, там действительно она вечность.

Нет Ему, Надмирному Отцу, и дела до земляных вонючих порождений, которые Он устал разрушать, не имея сил выносить их бесчинства и богохульства. Она же, его похотливая и гулящая жёнушка Мать Вода всё не устаёт совокупляться с подземным и жгучим Чёрным Владыкой, всё порождает и порождает с ним на пару своих временных детей. Наделяет их текучие и непостоянные тела украденными у законного Мужа Духа зёрнышками бессмертия, чтобы владыка внутренней планеты испёк из этого зерна свой насущный хлеб, когда накопит его нужное количество, чтобы приобщиться к сферам высшего существования, подлинной небесной жизни, а не её земляной подделки. Только Надмирный Отец не даёт и не даст ему сотворить это бесчинство, не даст своего высшего смысла тому, кто обречён растаять без следа в потоке разрушающего и всё очищающего Времени. А когда это произойдёт, никакого Времени не будет. Само Время есть ассенизатор вселенских нечистот. Другое его имя – Смерть. Оно лишь слуга Надмирного Отца.

– Заехал в метафизическую канаву! Женщина, время, смерть... При себе держи свою тухлую философию, а то сам пастью воняешь как падальщик, – но сейчас Рудольф и себя ощущал таким же гнусным скотом. – Не марал бы имя своего Надмирного Света всуе.

– Всуе? – повторил Чапос, не поняв слова, так как было оно произнесено на языке далёкого и неизвестного ему мира.

– Впустую.

Но Чапос пропустил объяснение – аналог мимо ушей. Его поразило отчего-то странное слово «всуе».

– Всуе, – произнес он, словно играл каждой буквой по отдельности, пробуя её на вкус.

– Ты случайно Хагора не знаешь?

– Отца Гелии? Видал по случайности. Общался.

– Выходит, ознакомился с его дискурсом? То-то так разит вялым упавшим духом от твоей премудрости. Но если Хагор – неизлечимый импотент, то ты-то совсем ему противоположное и мощно – упругое животное.

Чапос удовлетворённо чавкнул, будто съел неожиданный комплимент.

– Ваши обороты речи достойны того, чтобы создать из них ещё один неведомый и звучный язык! И ведь ни разу не пояснили ни одну из своих загадочных фраз. Да! Только не животное я, а человек, наделённый человеческим умом и осмысленной душой. Наверное, неоднозначен я, чтобы все меня вокруг восхваляли. Наверное, не настолько добряк, чтобы меня запрячь в цели, к моему благу отношения не имеющих. Однако, повезло всякой женщине, познавшей меня близко как мужчину. Никто не жаловался. Напротив, после первого же раза стремились в мои объятия очень охотно...

Похабные речи обладали плотной физиологической фактурой, так что казалось, от них тоже разит пряным мясом. – Не берусь, конечно, судить о глубине, или напротив, зауряд-

ности его суждений, общался с ним поверхностно, да и то он был в сильном охвате «Матери Воды». Бредил больше, чем говорил разумно. «Мать Вода» она не для слабаков. А он-то явный хилак. Я знал другого умного человека. Он объяснял мне многие тайны мира.

– Кто же тот человек?

– Его давно нет в живых, – ответил он охотно. Обычно же цедил свои откровения с трудом, как бы давя на собеседника, – за просто так дураки развлекают, не мешало бы стол-то загрузить кушаньями. А тут слагал свои новеллы, плёл о полузабытых снах, украшая их художественным узорочьем, и жрал то, что и принёс служитель заведения из стандартного набора закуси, не требуя добавки. Или минута такая выдалась, что хотелось быть откровенным бескорыстно. Задумчиво и даже мягко осоловел он глазами, – Помню, не только давал он мне книги из своей библиотеки, а и допускал до их осмотра... Брожу, бывало, вдоль шкафов, отражаясь в хрустальных дверцах. Свет из окон до пола, слышен щебет птиц в лазурных ветвях, а под ними девочка крошечная и будто росинка чистая, в платьице воздушном играет и словно на незримых крыльях порхает над травой... Каков отец, думал, таковы и дети его – мира высшего дары. Чуете, о ком я вспомнил вдруг?

Рудольф молчал.

– С трепетом открываю ручищами трудовыми эти самые хрупкие створки шкафа, а там... Роскошь-то какая! Запах

мудрости и запертых знаний, голова даже кружилась, как до книг этих дотронулся...

«Бери», - говорит, - «какая тебе глянется. Душа, может, и шепнёт, что тебе надобно»?

«Да чего она там шепнёт», - робею я, - «когда тёмен ум мой. Лишь читать и обучен».

«Не скромничай», - отвечает, - «ты не кажешься тёмным. Ты уже начитан и любознателен. Слушаешь чужие беседы с пониманием очевидным. А сверх сознание, наличие которого тебе может и неведомо, а только есть оно у всякого, само подскажет, к чему именно тебя влечёт...

Чапос свесил голову, вроде как, и уснул. Пауза затянулась.

- Так выходит, тебя с юности к знаниям влекло? - подтолкнул его вопросом Рудольф.

- К чему влекло, если честно, уже и не помню. Слов впитал множество, а вот смысла в них как не было, так и нет для меня. Потому что никакие книги разгадки жизни не дают. Даже у вас, у существ загадочных и сильных, её нет. Разгадки этой.

- Как же ты попал в такие непростые места? - спросил Рудольф, тоже не видя смысла в том, зачем ему тайны жизни уже самого Чапоса.

- А я тогда был на побегушках у своего приёмного отца. После того, как придавило меня в шахте, едва позвоночник мой и уцелел, не треснул лишь чудом, отец и нашёл работёнку полегче. А отец мой приёмный служил у хозяина ари-

стократической усадьбы телохранителем. Расположился ли аристократ ко мне по прирождённому своему человеколюбию, развлекался ли в минуту отдыха, только сказал он мне: «Учись! Ты имеешь способности впитывать знания. Я помогу тебе. Буду платить за твоё обучение. Иначе ты пропадёшь. В тебе имеется опасная врождённая склонность к саморазрушению и хищности. Но это преодолимо, если тренировать дух, а дух – это и воля, и психика и интеллект». И он был прав! Вообще же у меня было три отца, можно так сказать. Один породил, другой вскормил, а третий был отцом, давшим моим мыслям начало поиску смысла, направление в сторону развития...

Чапос опять завис. На сей раз настолько глубоко и печально, что долго не выходил из своего погружения. – Во всяком случае, он пытался это сделать. Он говорил, что человек должен много читать, учиться, думать и общаться, но смысл жизни он должен искать сам. Интеллектуальное иждивенчество, так он говорил, не даёт человеку подлинного постижения мира. Оно приходит из глубин самого человека, в процессе его духовного раскрытия. У него были такие сильные, тренированные руки, но они были очень доверчивыми. Он готов был протянуть свою руку для пожатия любому и, в конце концов, рука убийцы схватила его за эту протянутую руку... – он опять замолк надолго.

– Руки? Кто его схватил? И кому он их протягивал? – Рудольф решил, что Чапос заговаривается, засыпая прямо за

столом.

– Да всем. И мне в том числе. А что я мог? Меня хотели сбросить в бездонную расщелину вниз головой. Там на дне протекала чёрная река. Зев преисподней. Лютый холод шёл оттуда, снизу, а вовсе не жар, как думают иные. Смерд каких-то ядовитых испарений. До сих пор вижу это так, как будто только что меня свесили туда вниз головой. Один из военных вддел мои ноги в какие-то петли и шибанул в спину. Я повис головой вниз... долго раскачивался, ожидая минуты обрыва креплений, но они лишь туже затягивались. Кровь прилила к моим головным сосудам, и они едва не лопались от напряжения и ужаса...

«Ты хочешь туда нырнуть»? – спросил один из мучителей, по виду ласковый начальственный хромоногий старичок. – «Стоит только разжать крепления на твоих ногах, и ты со свистом пролетишь до самого дна, а если повезет, поплывёшь по той реке. Хочешь? Ты умеешь плавать?»

Тот гад сделал бы это, я знаю. А она уверяла, что меня просто обманули, взяли на испуг. Её руки, такие маленькие и детские по виду, били меня по лицу настолько твёрдо и сильно как руки мужчины, потому что она решила, что это я виноват во всём. Она вообразила, что к ней снизошло озарение в тех тоннелях. А ведь известно, что там очень странная смесь воздуха, – она словно бы пьянит, хотя и бодрит... Когда я вылез наружу, моё лицо было в синяках от её ударов. Но я позволял ей себя бить, поскольку посчитал, что вино-

ват перед нею ничуть не меньше того влиятельного гада. Перед её детьми... Потому что не надо было мне приходиться в Департамент Безопасности, уж коли никто меня туда не приглашал... но я вообразил тогда, что смогу откупить своего приёмного отца. Я ж не знал, простонародный дурак, что в таких местах вовсе не деньги обладают силой, а степень причастности человека к высоким уровням общества. Чем выше обитаешь, тем больше силы над обстоятельствами.

– Хромоногий был в то время начальником Департамента Безопасности? И что же с ним произошло потом?

– Впоследствии Тон-Ат просто раскромсал ему мозг, даже не вскрывая его черепную крышку. Этот мрачный чародей мог убить и меня, а не стал. А, может, и не смог. Он сделал эту попытку впоследствии, когда направленным воздействием своего кристаллического оружия пытался разорвать моё сердце, но оно только треснуло, а я выжил. Или у него не было на тот момент необходимых сил, или я был слишком силён, только я выжил, а он вынужденно приблизил меня к себе...

И снова зависание. Один глаз сказителя уехал куда-то к переносице, другим он яростно всматривался вбок, хотя там никто не стоял. При сильном волнении Чапос заметно косил.

– Дай пояснение своему повествованию, уж коли его начал.

– Как начал, так и забыл! А скажу вам вот что. Нэя настолько глупее и ничтожнее той, кто дала ей только ответ

от своей нездешней красоты. Любимое, но не сказал бы что удачное, дитя столь счастливого и столь кратковременного союза двух необыкновенных людей. И никакого пояснения я не дам, и уж тем более ни в чём не признаюсь. И только увидев собственную смерть, я, возможно, ей одной во всём и признаюсь. Но не расскаюсь. Я выбрал свой дальнейший жизненный путь, вися вниз головой над адской расщелиной, и ни разу не пожалел о своём выборе. Знаю я только одно. Преступлением спастись нельзя. Я до сих пор плыву по этой адской реке, ставшей моей жизнью. Как вы мне однажды рассказывали о реке преисподней – реке забвения. Вот и я всё забыл. От этого в моих воспоминаниях нет связности. Они как сны...

– Ладно, не будем о твоих снах. Как именно погиб тот, кого ты назвал своим духовным отцом?

– Он, к сожалению, был погублен теми, кого считал своими соратниками. Они втянули его в заговор, а потом его же и подставили. Он не успел дать мне того, что и обещал. Образования. А он никогда не обманывал. Никого. Праведный человек был. Всё лучшее у меня от него, что впитал я по случаю в своей юности. А сам я земляной ком с горячеей и чёрной начинкой. Проживи он дольше, и я был бы другим человеком. Я мог бы взрастить в себе дерево смысла. Совершить бросок вверх. Но кому было меня поливать? Зерно истины во мне засохло, не возшло.

– Где оно, твоё лучшее? В чём выражается? Кому ты сде-

лал благо, хоть самое малое? Демокрит собачий! Роешься всю жизнь в чьих-то выпотрошенных кишках, а твякаешь о небесных смыслах. Никогда я не встречал такого двуликого уroda.

– Ты способен услышать? Говорю же – усох зерном духа. Но это не значит, что не страдаю от житейской никчемности. А кто этот Дем-Крит?

– Он любил философствовать, сидя на свалке или на кладбище, всех презирал и клялся собакой. А молился, как и ты, пустоте, в которой бессмысленные атомы толкают и пихают друг друга. Ко всему прочему он обожал деньги и неплохо умел мошенничать. Ты бы лучше не страдал, а покончил со своим гнусным промыслом работорговца.

– Не могу. К кому будете обращаться в случае чего? – Чапос засунул пальцы в свою пасть, пытаясь вытащить застрявший между зубов стебель от свежего гарнира, поданного к его невозможному для употребления, если по виду, кровяному мясищу, и Рудольф отводил глаза от людоедского пиршества. Понятно, это была тушка домашнего зверька, но в сочетании с общим видом потребителя мяса, рвущего его выдающимися по размеру зубами и практически глотающего куски, не жуя, зрелище холодило неким реликтовым ужасом.

Рудольф содрогнулся, давя позыв к тошноте, от вида крови из недопечённого умышленно, по рецептуре, куска жаркого. – И не исключено, что весь этот груз мешает мне впитать в себя что-то такое, что важнее всего этого любопытно-

го, накопленного хлама, ни к чему не годного...

Чапос скосил один глаз в сторону Рудольфа, а другой отъехал куда-то в сторону, как бы по своим делам. Иногда Чапос косил, что было признаком его озабоченности несколькими мыслями сразу. Невзирая на беседу и всегдашний интерес к Рудольфу, он напряжённо думал о чём-то ещё. Лоб Чапоса не был покатым, надбровные валики умеренные. Свод черепа был высок, а замаскированный волосами костяной нарост – гребень делал его голову вытянуто-огромной. При задумчивости или глубоком погружении в себя, лоб его разглаживался от нервических морщин, кровь отливала от расширенных капилляров, он светлел и становился даже приглядным, на особый вкус, конечно, но лицо привлекало несомненным наличием ума и характерной силой. Тупым или малоразвитым он не казался нисколько. Если бы он был лишён своей всегдашней озлобленности и презрения к окружающим, он не выглядел бы отталкивающим, только неординарным. А ведь многие люди любят тех, кто выделяется из общего фона. Особенно женщины.

Взяв голубеющую полупрозрачную ягоду с подноса для фруктов, Рудольф разжевал её, пряно-травянистую на вкус и мало сладкую. Ягоды оставляли приятное послевкусие, и он стал их поглощать, что было знаком его примирения с наличием Чапоса рядом. Стал оглядывать посетителей, занятых своей нехитрой трапезой. Никто не ел столь отвратительно, не пыхтел, не разбрасывал слюну как несытый зверь. Впол-

не симпатичные, в меру стеснительные перед лицом себе подобных люди, понимающие, что они не у себя в пещере или норе, где нет свидетелей поглощения добычи. Да здесь и не было нор – пещер, исключая беженцев в горах. А и у тех были больше скальные города, чем первобытные пещеры.

Отшлифовавшись внешне, Чапос был бессилён изменить свою структуру внутреннюю. Возможно, это и происходит с отдельными экземплярами, а накапливаясь, изменения меняют и целые группы и сообщества людей.

На Земле в прежние времена мудрецы считали, что Бог всегда лишает грешников, рано или поздно, орудия греха. Но кто Он? Бог? То, что называли эволюцией? Нет. Человек выпал из природной эволюции. Человек стал вне природным, над природным существом. А затем и существом космическим. И что это, как не поиск своего начала, своего смысла, своего утраченного или обещанного «золотого века».

Вот безумец Хагор уверяет же, что жил в таком хрустальном «саду наслаждений», что совершенный мир без малейшей щербинки возможен, что он есть. Но Хагор никогда и ничего не мог, или умышленно не хотел говорить ему такого, чего и без его утомительной болтовни не имелось бы в его собственных накопленных информационных хранилищах памяти. Хагор был похож в этом смысле на побирушку, каких существовало много на Паралее, копающегося в завалах ненужного барахла, выбрасываемого высшими этажами социального местного дома. Мало ли, и ценное что найдут.

И находили, находят. Прислушиваясь невольно к нескончаемому говорению этого космического бомжа, и было ещё под вопросом, насколько он таковым являлся, а не был беженцем с островов, анализируя потом, Рудольф вдруг с удивлением узнавал давно знакомое из тех исторических книг, что приходилось ему самому читать в юные годы погружения в человеческую спираль развития. Где была там правда, где кривда, соотносить приходилось с самим продуктом развития на его последнем открытом завитке.

Сидящий же теперь перед ним был, что называется, артефакт, существующая невозможность, говорящий и едящий одушевлённый апельсин, вызревший на ветвях страшной местной эволюции. В том же, что была она страшной, доказательств хватало.

К соседнему столу подошла девушка-подавальщица, ставя перед заказчиками поднос с едой. Она была стройна, и Рудольф пытался дорисовать своим воображением ту часть её нежных и юных ног, что скрывала рабочая туника. Девушка как почуяла пристальное внимание к себе, обернулась к нему, заодно и к Чапосу. Лицо круглое как суповая миска. Красивой она, к сожалению, не оказалась. Да и почему к сожалению? К чьему?

– Что-нибудь желаете заказать ещё? – спросила она тонким певучим голоском и подошла к их столу.

– Не лезь, если тебя никто не звал! – грубо одёрнул её Чапос. После чего протянул руку и похлопал её по ягодицам.

Она вспыхнула, но промолчала.

– Твёрдые настолько, что руку отшибёшь, – дал оценку Чапос. – Что означает, никто тебя пока что не растряс, как следует. Или и не пытался даже. А не желаешь ли стать улаждением моих глаз, куколка? Я поселю тебя в уютном и обеспеченном местечке, где уже не ты, а тебе будут прислуживать.

Девушка подняла на него глаза, полные ужаса. Ни нагрубить ему, ни ответить она не могла. И похоже, знала, кто такой Чапос, к чему может привести его слишком пристальное внимание.

Чапос заулыбался, с удовольствием наблюдая её страх и смятение. В этом тоже была частичка его власти над столичными обывателями, и он смаковал эту частичку как глоток «Матери Воды». – Ты рылом не вышла для такого человека как я, – добавил он. – Я пользуюсь только красотками высшего качества и баснословной дороговизны. Ты довольно неуклюжая, да и не обученная пока для того, чтобы украсить собою мой отдых. Прочь! – он легонько подтолкнул девушку прочь от себя. Приложи он силу, она упала бы. – Строит из себя недотрогу, а сама только и мечтает, кому бы себя всучить. Работа тут не только сытная и денежная, но и такая, что мужа себе небедного точно уж отыщет, если с пути кто раньше времени не собьёт. В такие дома яств устроиться трудно. Только по родственным или влиятельным связям, – Чапоса явно увлекла девушка, да Рудольф рядом помешал

применить к ней давно обкатанные приёмы – Может, её хотите? Так я организую. Правда, дороговато выйдет.

– С ума сошёл! Своими плодами-ягодами торгуй. На чужое добро пасть свою несытую не разевай! Только попробуй её тронуть. Я уж точно всё проверю, если что себе позволишь. Я постоянно сюда прихожу. Здесь еда хорошая, а обслуга расторопная. Понял меня?

– На кой мне она, если все столичные дома яств наспигованы таким добром под завязку. Где они и теряют свою свежесть, невостребованные, как и те фрукты, коими забиты кладовые этих домов. Товар всегда превышает своей массой количество тех, кто его и потребляет. Излишки выбрасывают за бесценок на простонародные рынки.

– Экономист, – отозвался Рудольф, – цены твоим познаниям нет.

– Что правда, то правда. Никто меня в юности не оценил, как я того заслуживал. Кроме одного человека, о ком я скорблю и буду скорбеть до конца моих дней. А теперь мне ничья оценка не важна, не нужна, никчемна.

Нисколько не стесняясь и не уважая Рудольфа, Чапос сплюнул в тарелку, демонстративно являя нарушением элементарного этикета своё презрение не только окружающим людям, но и тому, кто его в данный момент накормил. Напоил он себя сам.

– Я не толкователь снов, – Рудольф вернулся к оборванной теме откровений Чапоса о некой страшной реке, проте-

кающей где-то то ли в бреду Чапоса, то ли в скрытой реальности самой Паралеи. – Я понял, о чём ты тут страдальчески мычал. Ты убил Виснэя Роэла! Пусть тебя и запугали, а попали твои мучители в самую точку, правильно вычислили того, кто на всё способен за плату. А уж какой будет эта плата, неважно. Они же не привлекли к осуществлению злодейского замысла никого другого. Разве узилище на тот момент пустовало? Но в твоём лице они нашли штатного и дешёвого ликвидатора и на будущее. Поскольку люди из потомственного клана наёмных убийц берут очень большие деньги за свою специфическую работу, да и контакты с ними всегда проблематичны по своим последствиям. Их не только трудно, а и невозможно контролировать.

Вызвав отвращение физиологическим неряшеством, Чапос опять утратил как объект свою притягательность. Захотелось встать и уйти от него, чтобы не сунуть ему в жующую челюсть кулаком для назидания. – То, что для тебя наполнение твоего существования как земляного червя, для меня только комок грязи на ботинке, неизбежный, если обходного пути через эту грязь не существует. Улавливаешь разницу? – Рудольф сунул ботинком в ногу Чапоса.

– Больно же бьёте! – вскрикнул он.

– Это ещё не больно. Радуйся, что я всего лишь тебя погладил, – подобный стиль общения был противен и ему самому, но опыт выучил, что для поддержания к себе уважительного отношения необходимо иногда напоминать о своём

силовом превосходстве.

Чапос тщательно разгладил свою штанину. Бандит был щёголем невероятным, компенсируя нескладную внешность внешним лоском. Но, к сожалению, ботинки Рудольфа были начищенными, и урона Чапосу нанести не удалось никакого.

– Нет её. Разницы этой. Когда влезает в дерьмо, не обязательно в нём тонуть. Вонять будет по любому. А ботиночки у вас – шик! Мне такие достаньте. Заплачу по максимуму.

– Для нечеловеческих копыт такие уж точно не подойдут.

– Да я срисовал уже. Закажу себе точно такие же. А то и лучше. У меня мастер в столице есть по части изготовления обуви на заказ. Ваша пленная аристократка у него тоже заказывает туфельки на свои пригожие ножки.

– У меня нет пленных.

– Однако, дочь аристократа вы как-то сумели себе присвоить...

– У меня нет рабов.

– Я тут украл у мастера пару туфелек, что она заказала для себя. Подарю ей как дополнение к платью, в котором она пойдёт со мною в Храм Надмирного Света.

Что можно было ответить ему на это, Рудольф не знал. Он смотрел в лицо фетишиста – греховного порождения блуда их местной богини Воды, созданное из местной глины и обожжённое огнем её подземного любовника. Рудольф впервые слышал сказку про загулы матушки Воды, но Чапос был фантаст, и мог её сочинить по ходу дела. Само лицо его име-

ло цвет слегка подкопчённой оранжевой меди, как будто он только что вылез из владений загульного батюшки, оно довольно лоснилось сейчас от обжорства. И Рудольф поражался тому, что не устаёт от него никогда. Он был как своеобразный аттракцион для развлечения, отвлечения, даже если человек отвращается, а тянет смотреть иногда как порнографию или нелепый фильм ужаса. Так и отвратительный тип притягивал Рудольфа к себе некоей извращенной составляющей его же собственной души. Её хотелось ампутировать, выдрать из себя, но не получалось. Паралея проросла в него извилистым незримым щупальцем – корнем и корчевать было как? Чем?

– Чёрный Владыка раскалённого ядра планеты тянет к себе вниз. Уловив человека однажды, он не отпускает его без колоссальной борьбы никогда, ведь человек всегда один на один с превосходящей непредставимо подземной силой. Поэтому ему так важно заручиться в этой жизни поддержкой высших сил, напитаться их светлыми энергиями. Но глупый безверный человек сам отдаляется от них, сам приговаривает себя к засасывающему мраку, – отозвался Чапос эхом на его размышления, и могло ли это быть случайностью?

– Любопытно. Философ из мусорного контейнера. Что же ты оттуда не вылезает?

– А кто будет меня кормить? Вы что ли? Уйдя в своё время из шахт, я уже никогда туда не влезу, вкусив силы и комфорта. А на что ещё я годен? Я же люблю пожрать на славу,

пусть это и не единственная радость, но одна из тех, которая не приедается никогда. В удобно и богато устроенной жизни всякий процесс жизнедеятельности становится удовольствием. Здоровый человек всегда и обильный производитель как мыслей, предваряющих плодотворные дела, себе и другим на пользу, так и нечистот. Думать же полезно во всякую минуту, особенно когда на работу никто не гонит, как было когда-то. Утром встанешь, окно раскроешь, а там птицы гогочат, листва шелестит, и вся эта природная краса тоже моя. А то ведь прежде и природа вокруг как не моя, времени на любованье не имелось. Уж не говоря о том, чтобы утречком заняться с какой-нибудь лапочкой...

Он искоса отслеживал реакцию Рудольфа на тему, которую всегда сводил к сраму, коробящему душу. Но на этот раз Рудольф отвлёкся и не заткнул фонтан той похабщины, что в следующую секунду и обрушилась на него.

– Регулярный, взаимно-нежный массаж тех самых органов, данных всякому для наслаждения, необходим. Главное, и тут хорошее добротное питание важно, чтобы иметь то, что девоньке и отдают, и полноценно взбодриться самому. Девоньки это дело любят порой и посильнее мужиков, если сам мужик, понятно, умеет источник страсти в её теле пробудить и с качественным разнообразием это нежное тело удовлетворить... – Он выпятил бочкообразную грудь, глядя раздутый от чрезмерной еды живот, откинувшись назад на спинку кондового стула недешёвого заведения. Но толстым он вовсе не

был. Тугое холёное тулово его было сильным, невероятно плотным. Он мог бы олицетворять собою того самого сверхплотного и тяжкого духа планетарного ядра, о котором разглагольствовал, если кому-то из мира их зрелищного искусства пришло бы в голову создать экранизацию его чёрной легенды.

Выдох земляного "демиурга"

Рудольф отвернулся и сплюнул на пол, откровения собеседника вызвали тошнотворное ощущение и во рту.

– От духоты, должно быть, во рту будто пыль, – участливо сказал ему Чапос и предложил отведать голубых ягод, утоляющих жажду без отягчения желудка, а также дающих приятное послевкусие.

– А говорил, помнится, что охладел не только к рабыням, но и к своей аристократке, – сказал он Чапосу вместо того, чтобы просто встать и уйти от этого скота. – И твоя устремлённость вверх покинула тебя и в этом смысле...

– Я говорил о конкретной аристократке, а не о женщинах вообще. Конечно, у всякого бывают периоды упадка, но, если ты не окончательная пока что падаль, всё быстро возвращается в исходную и сладостно-твёрдую норму. Тяга к женщинам покинет меня разве что на полях погребений. Да и то не даю обещаний, что не буду вылезать из-под почвенных пластов для путешествий хотя бы к ним в сны. Вы же знаете о

том, как женщины томятся в своих снах о том, чего лишены в реальной жизни. Вот тут-то для душ похотливых и несытых раздолье. Они входят в соитие с такими томящимися...

– Про загробные твои сны давай не будем, – с отвращением перебил его Рудольф.

Но Чапос желал его злить и продолжил смакование скотских удовольствий.

– После моих девчушек, которые роятся вокруг и чирикают, трутся о меня своими клювиками ради вкусных зёрнышек, что мне теперь чахлая аристократка, помешанная на диетах и тонкости своей талии. Да и претензии на нечто высокое надоели мне. К тому же и усохла она, увяла конкретно моя старушка. Только и осталось от неё прежнего, что гордая осанка. Что ни говори, а была она мне, по сути, женой в течение долгих лет. Муж-то всегда при важных делах, при юных подавальщицах лакомых блюд. А я жил в его имении, замещаю его. Ел, пил из роскошной посуды, спал на тонком белье, купался в чистейшем озере, где ни ступала нога простолюдина. Исключая слуг, понятно. Но там у них особые слуги. Они умеют молчать и ничего не видеть из того, что происходит в жизни их работодателей. Уезжал я от своей жёнушки-двоемужницы всегда с полным баулом подарков. Ни одной рубашечки, ни штанов сам не купил. Всё она. Приучила меня к дорогому одеянию и дорогой обуви на заказ. Она, конечно, не скрывала, что мужа любит, что муж лучше, чем я. И сама я знаю, как она плакала о нём, как желала его верности. В дни,

когда была вероятность зачатия, она меня к себе не подпускала, рожала только от него. Но, как ни старайся, как ни хлопочи, а Надмирный Отец прелюбодеев всегда на свет ясный выводит. Попадание имело раз место, когда муж окончательно её забросил, поскольку с возрастом его конец встаёт только на молодых, как я и сказал. Он избалован и властен. Так что последний ребёнок, родившийся у моей аристократки, мой, то есть моя. Девочка по счастью, а у девочек и женщин нашей расы гребень отсутствует, он проявлен только у мужского пола. Муж глаза вытарачил, поскольку сообразил же, что давно жену не опахивал. Долго новорождённую девочку изучал, а потом поцеловал её в лобик и ушёл. Признал, а это главное. Думаю, ему было глубоко на... К тому же его жена столько лет воспитывала как своих родных его детей от любовниц. Она добра. За что я и утешал её столько лет.

– А молодые аристократки тебе, понятно, недоступны. Ухватил по случаю чью-то не обласканную жену, а теперь-то драгоценный прииск истощился.

– Да на что они мне? Они точно такие же, как и простолюдинки, только разодеты, да и простодушия им не хватает, а я научился его ценить. Я привык просыпаться утром рядом с премилой какой-нибудь мордашкой, она несёт мне напитки в постель, растирает меня душистой водой, массирует, едва прикасаясь пальчиками, шепчет в губы, как меня хочет. Вы ухмыляетесь? Но это правда. А я могу всё. Могу храпеть, пердеть, быть тем, кто я и есть – скотом, если в вашем опре-

делении, и всё равно буду облизан и обласкан. Вы считаете меня жесточайшим зверем. Но как иначе-то мне, не аристократу и не баловню судьбу, свою дорого устроенную жизнь, за которую заплачено не только многолетним трудом, а и прочей муторной, часто гибельной для большинства борьбой, сохранить? Потому и отдых ценен лишь тому, кто познал трудовую усталость. Раскинешься на обширной своей постели, на тончайших простынях, не стесняя себя одеждой, и чуешь, просыпаясь, как кто-то мягонько массирует мою поломанную тяжкими трудами юности спину. Приоткроешь глаза, а рядом соблазнительная штучка пытается укрепить для самой сладостной деятельности моё природное интимное имущество. Я о нём забочусь, с необходимой регулярностью обеспечиваю ему женскую ласку. Но держу себя в умеренности. Берегусь от разврата в любой его форме ... – и это говорил продавец разврата!

– Мразь! Заткнись уже! – прошипел Рудольф, – если не хочешь, чтобы я уже реально отшиб тебе яйца прямо тут ударом ноги... – он встал и с грохотом развернул стул Чапоса к себе.

Чапос выкатил глаза, зловеще вращая белками, но гулко рассмеялся, привлекая внимание других посетителей дома яств, – Что же конкретно вас столь задевает? Не общайтесь, если невмоготу...

– Последую твоему совету, – ответил Рудольф, – Найду себе другого агента.

– Не стоит и усилий. Будь я не только по крови, а и по образу жизни аристократом, стал бы я с вами общаться? Или вы вообразили, что так легко войти с ними в общение? Вы что же думаете, что я, найдя себе такую вот обогатительную жилу для процветания, сам же и пользуюсь тем, чем торгую? Живя в своё время в простонародной среде, я привык к естественным для человека радостям, а всякая человеческая потребность, выходя за разумные пределы, разрушает человеческую же крепость. А если её нет, то разврат и последних сил лишит. Я всегда знаю меру во всём, пусть вам и кажется, что это не так. У меня просто потребности большие, ведь и я человек во всех смыслах массивный. Я всегда только одну женщину люблю, даже если обладаю властью над большим их количеством. Потешиться безобидными играми иногда и позволительно, чтобы подсластить, как в частностях, так и в целом горькую жизнь. Тяжёл этот мир, давит, а другого мы не знаем, вот и приходится всякому по мере возможности ума или изворотливости находить для себя средства для того, чтобы не расплющило уж совсем. Я для тех, кого приближаю, роднее отца и ближе мужа. Я досконально знаю, как устроен внутренний и очень тонкий женский механизм. Потому власть моя превышает отцовскую, она для них всё равно, что власть Надмирного Света. Это сладостное чувство. Хотя и от этого устаёшь.

– Якай поменьше. У гнусного отребья никакого «я» быть не может, как и у зверя. Наслышан, что каждый второй из

рабовладельцев зверь-извращенец.

– Только не я!

– Ты не забывай, какие откровения порой можно услышать из уст твоих говорящих кукол, – волосы же дыбом! Не раз и не два мои коллеги хотели заняться тотальным уничтожением гнёзд разврата, собрав для этого бригаду добровольцев. Я запретил, поскольку бесполезно, не меняя устройства всей системы в целом. К тому же, заниматься локальными погромами опасно просто потому, что нас тут мало...

– Да у тебя волос-то, можно сказать, что и нет! – хохотнул Чапос, жадно впитывая все откровения Рудольфа. – Чему там дыбом-то вставать? Так вот оно что... – он призадумался. – Ты обладаешь властью над прочими подземными оборотнями? Конечно, когда надо следить за порядком в мире подземном, наверху этим должны заниматься здешние управители.

Тут бы и расхохотаться Рудольфу над его дикарской уверенностью в существовании каких-то демонов, но весело не было.

– Я над женщинами никогда не измываюсь, – убеждал его Чапос, став вдруг почтительным, будто стоял перед всемогущим судьёй. – А кто так делает, я тому морду звериную разбиваю одним ударом. Я их берегу, ухаживаю как за цветами в светлой и чистой оранжерее. Кому же чахлый и угнетённый цветок нужен? Тут очень затратная работа. Для изысканных и забалованных хозяев мира такие одушевлённые

цветы только в соответствующей роскоши и уходе необходимо содержать. А я поставщик женщин отборной красоты, а потому и высокой ценности. Для купания у них есть перламутровая просторная ракушка размером с комнату, наряды, ароматы само собой. Кормлю их вкусно, вволю, разрешаю лениться и капризничать. Бывает, что я их сажаю в подвал с кусачими пауками, и мне это тяжело, да ведь нельзя незаконно жить никому и нигде. Порой же такие дурные попадают. Так и норвят наброситься, когтями в глаза, а то и с ножом...

Или вы думаете, что в числе мужчин меньше пострадавших от этих якобы слабосильных и угнетаемых особ? Сам свидетель и не единожды, как девушки убивали или калечили мужчин с такой изошрённой жестокостью, что... – он не договорил, с опаской посмотрев на Рудольфа. Тот смотрел в перспективу улицы, шурился от ветра и как будто не слушал, уйдя в свои раздумья.

– Что без причиндалов драгоценных оставались жизнь свою влачить... – Чапос замолчал.

– Что же тебя-то не утопили в той самой перламутровой ёмкости для купания? – продолжил за него Рудольф, – А вдруг такая возможность и представится? Девушки бывают порой и сильные. Даст тебе по черепу заранее заготовленным булыжником, а потом скажет, что ты поскользнулся, ударился затылком и захлебнулся.

– Со мной такого не произойдёт. Я всегда учитываю, ка-

кая добровольно ко мне льнёт и ищет в моём лице главное для всякой из них, – мужскую силу и заботу. Никакого насилия, только совокупность взаимных желаний. Её желание моей благосклонности и защиты, и моё желание – достичь краткого забвения всего. Потому что моя благосклонность – это улыбка Надмирного Света для неё...

Отвратное мурло, кем он и являлся, вызвало желание его уничтожить. И поражала собственная покорность подставлять под терзания свои уши и душу. Бяка из подлинной уже преисподней отлично соображал, что упражняется в глумлении, но вот почему он обнаглел? Раньше же такого соскальзывания в чавкающую мерзость никогда не было. Может, у Чапоса в голове что-то сгнило?

– Не смеши, «Надмирный Свет»! Глиняный Ивашка из не промешанной глины, выпершийся из тёмных нижних пластов наружу. Не знаю, сколько там у тебя комнат для омовений, как ты говоришь, но ты по-прежнему воняешь падалью. Почему ни одна из твоих подневольных утех не убила тебя? Чего им терять? Если так и так – пустыня.

– «И – вашка»? Что за словечко вы произнесли? Растолкуйте. А меня уже так называла одна женщина – «глиняным горшком с прогорклой кашей вместо мозгов». И обрубок гигантского червя меня называл один тип, а если знать, кем он мне приходится, можно и повеселиться, да мне не хочется. За убийство же не пустыня, а казнь светит такой вот милашке. Да и откуда им взять человеческое достоинство, ес-

ли они не имели его изначально? Пустыня всё же шанс, хотя шанс и на краю преисподней. Например, моя мать родилась в зоне пустынь, а сподобилась родить меня от аристократа. Хотел бы я знать, где она и как выглядит. Думаю, она была красива. А его знать не хотел и не хочу. Придёт время, я буду его проводником туда, откуда он вызвал меня без моего согласия. В бездну.

– Глиняный Ивашка – это ты. «Нос крючком, голова торчком, а живот – ящичком». Сказка такая есть про ожившее глиняное чудовище. Он поглощал всё и всех, кого встречал на своём пути.

– Такой страшной сказкой не только и детей испугаешь, – заметил Чапос. – Нельзя детей пугать. Они очень уж впечатлительные.

– Добряк ты, оказывается, продавец юных тел и поглотитель чужих жизней, – удивился его замечанию Рудольф. – А меня в детстве моя добрая бабушка пугала такой сказочкой, рассказанной на ночь. Но если разобраться, то, как любая сказка она имеет глубокий метафизический смысл. И напрасно её рассказывают детям, я в детстве её боялся. Ненасытное бездуховное чрево, набитое под завязку и без смысла, обречённое так или иначе рассыпаться на глиняные черепки от удара сверху, заметь, – с горы. И хочу тебя разочаровать по поводу твоего мнения о собственной матери. Твоя мать была потомком людей другого фенотипа, внешне отличного от насельников Паралеи. Вряд ли она вписывалась в обще-

принятые каноны красоты.

– Хотите сказать, что я урод в уродливую мать?

– Я не считаю тебя внешним уродом. По мне так ты, глаз не оторвать. Необычный ты. А жители Паралеи ценят тонкокостных людей и склоны к излишней стандартизации. Но если бездельникам из лазоревых рощ можно быть воздушными духами, то скажи, как, обладая комплекцией эльфа, рубить породу в каменоломнях, ворочать тяжести и обрабатывать поля для выращивания хлеба и прочего? Если бы ты жил, как когда-то среди тружеников, цены бы тебе не было. Но ты же лезешь из своей толстой и бугристой шкуры вон в надежде стать радужным и порхающим аристократом. Зачем тебе это?

– Зачем? А затем, что я по крови своей наследственный аристократ! Отец мой старинного рода выкидыш, в Коллегии Управителей сидит, тварь породистая! И хоть что бы кинул мне от своего изобилия! Разве что кулачищами меня когда-то угостил от всей души... Опять же, в их среде полно приёмышей, простецкой природной выпечки, а кичащихся своей знатностью. Что же вам известно о той расе, что в рассеянном состоянии живёт среди просторов континента?

– Когда-то они во множестве населяли страну у океана, но сгнули по своей собственной вине, рассыпались на атомы, слишком были агрессивны. Обладая страшным оружием, назначившие себя элитой безумцы не справились с собственной хищной составляющей, погасившей их инстинкт выжи-

вания, потому что об уме в такой ситуации и речи быть не может. Отдельные экземпляры остались. Кто успел хорошо спрятаться.

– О моей матери что вам известно?

– Твою мать ребёнком привезли в Паралею, и она, когда подросла, работала чернорабочей в садах привилегированных сословий, где копала землю, сажала цветы, убирала плоды. Аристократы ценят красоту во всём, но ты же знаешь, что эту красоту создают не их руки. А однажды кто-то и приголубил нестандартную девушку в райских кущах просто из любви к экзотике, или она попалась тому, кто не успел донести своё «высокое устремление» низа туда, куда положено и всё пролил по дороге в случайно встреченное вместилище – в твою родительницу. Думаю, что последнее ближе к истине. И твоё «не знающее устали» то самое досталось тебе по наследству от аристократического маньяка. Вряд ли она сама к тому стремилась. Но как узнаешь? Так что она живёт где-то, тихо работая на сельских полях в далёкой провинции. Ведь она совсем ещё не старая. Что же касается твоего отца, об этом осведомитель мне ничего не сообщил ввиду засекреченности информации о лице, занимающем очень уж высокое положение. Поэтому тебе и сходит с рук то, что никогда не прощают другим преступникам. Ты же убивал людей в своём изнаночном уголовном клоповнике. Почему тебя не только не казнили, но и в тюрьме не держали больше месяца никогда?

Чапос ничем не выразил своего удивления или волнения, или их и не было. Какое-то время он обдумывал услышанное, презрительно щеря зубы и раздувая ноздри. Кому предназначалось презрение, развратному отцу – маньяку, бедной трудовой матери, или всему несправедливому миру Паралеи, неизвестно.

– Вам хочется думать, что тот, кто излил семя в мою мать, просто проходил мимо, когда она, на свою беду, слишком низко нагнулась для прополки цветников? Вы хотите мне внушить, что я изделие подлого насильника? От того мне и не дано внутренней гармонии, что моя мать не хотела меня никогда и даже не видела лица того, кто её сшиб сзади, окунул лицом в чёрную почву и предал поруганию? Теперь ничего уже не важно, но вполне себе символично. Жизнь любит подобную глумливую символику. Я всю жизнь так и сижу по самые ноздри в этой унавоженной смрадной почве. Но вот ведь шутка Судьбы, – и я плод любви. А раз так, то меня всегда любят женщины. Только в тех, кого зачали по любви, вложен любовный магнит.

– Если так, если в тебе таится ценное, пусть и не проросшее зерно таланта, чего ты выбрал столь зловерный промысел?

– Не всякому любимцу Судьбы охота лезть в грязь там, где нет обходных путей или они слишком длинные. Поэтому на меня, приспособленного к грязи с детства, большой спрос среди высокородных чистюль. А ведь я им ни в чём не усту-

паю, а то и превосхожу namного. И тут дело не в моём вы-сокородном ваятеле, не в нём одном. Моя мать тоже щедро снабдила меня своим строительным материалом. Вот и вы-шел я редкой диковиной из её причинного места...

Он гримасничал, как будто глотал лимон, хотя их тут не произрастало, – Как же я ненавижу это самое место, куда вы-нужден столь часто навевываться и сам. Природа такова, что её не всегда и переборешь. Она не всегда зовёт наш ум на собственные гулянки. Помнится, вы тоже немало заплатили мне за то, чтобы я покончил с теми, кто едва не утопили Ге-лию в придорожной канаве. Не было такого? Непонятно, ко-нечно, зачем так поступили. В смысле, до конца не доби́ли...

– Ты же испугался тех бандитов. Оплату не взял, поскольку жизнь тебе была дороже. Знал, что прочие из числа их коллег тебя искалечили бы в отместку.

Чапос отрицательно покачал головой, ухмыляясь, – Не по-смел бы никто и тронуть!

– Чего ж тогда не исполнил заказ? – вяло поинтересовался Рудольф, давно уж утратив интерес к той мерзкой истории.

– Любопытно стало, чем вы лично ответите за то нападе-ние? Когда я лишь притворился беспомощным...

– Догадался, зачем я притащил тебя на то место, где и рас-правился с той нечистью?

– Догадался, – ответил Чапос без притворства. – Дали мне понять свою силу...

– Нет. Хотел и тебя присоединить к ним, чтобы сподруч-

нее было вам втроём искать пути в Надмирные селения. Но потом жалко тебя стало. Гнев сошёл, и я понял, твоя-то вина в чём? В трусости если. Можешь теперь оправдываться, силён, мол, отважен, решил эксперимент надо мной затеять. Не так это, падаль! Ты вовсе не был уверен, что твой папаша тебе защита. Он знать тебя не хотел и не хочет!

Чапос не подал и вида, как задевают его упоминания о равнодушии папаша по имени Ал-Физ. Или давно уж смирился с этим непризнанием, – Дела ушедшие, а всё же, томят меня нерешённые загадки. Не раскроете ли секрет, кто после всего Гелию исцелил? Ведь она была в таком состоянии, что шансов выжить почти и не имелось. А она после того нападения вскоре опять появилась вся из себя как новенькая?

– Не лезь туда, куда тебе и незачем. Не грузи свою голову тем аспектом бытия, куда тебе по любому не попасть. Займись лучше собственным преобразованием из пресмыкающейся в грязи твари в мыслящее существо.

– Не могу я один вычистить всю ту глубочайшую грязищу, в которой и сам живу. Как и сказал, по самые ноздри плаваю в этом.

– Так вылезай оттуда! Кто тому мешает?

Чапосу не понравился его совет, и он совершил разворот от себя к Гелии, – Говорил я вам, не пускайте вы Гелию в аристократические увеселительные заведения. Не давайте ей такой свободы. Там она и воспалила к себе чью-то властную похоть. А как отказала хозяину жизни, то и получила палка-

ми по рёбрам от его жестокого холоуя. Но вы ж до властного гада не смогли добраться, а испепелили наёмников. Сказать вам его имя хотя бы и теперь? Когда прошли годы...

– Когда и было, – всё так же вяло отозвался Рудольф. – К чему мне имя, если уничтожить надо всю вашу властную касту, если по справедливости...

– Так и уничтожьте! Уничтожьте, как смогли испепелить тех, кто исполнял волю одного из вожакв Паралеи.

– Я тебе кто? Чистильщик разве? Я тут не ради смертельных побоищ. Я всего лишь отомстил подонкам, избившим мою женщину. Мою!

– Мсть вещь правильная. Только причём же тут все-ленская справедливость? И ругаетесь вы из-за того, чтобы скрыть от самого себя, как тянет вас всё низкое. Во мне же концентрация этого животного и раскалённого субстрата такова, что вы от духа его буквально пьянеете. Но вы думаете, что вы-то приличный мальчик, и наслаждаетесь контрастом, воображая, что я как чёрный фон способствую более сильному проявлению вашей светлости. Добавлю, что мнимой, – Чапос перешёл на ты. Что всегда делал лишь при полной откровенности. – Загадка для меня, почему ты лишён такого добра, каким мир этот наполнен до излишества? Женщин имею в виду. Способов их добычи существует множество, даже нищие такими удовольствиями не обделены. Надоела избыточно сладкая и разукрашенная аристократка? Так подбери себе попроще, хоть и эту из дома яств служебную деву.

Я и сам люблю иногда для полноты ощущений, что поглубже отведать, раскрепоститься, так сказать. Чтобы не жалко потом было...

– Сегодня ты точно напрашиваешься своим рылом на конкретный кулак, – ответил Рудольф, предельно устав от этой гнусной горы, извергающей смрадную грязь. – Твой аристократический папаша, видимо, очень умён, раз с первого взгляда опознал в тебе свою личную неудачу, отчего и рассвирепел на тебя. Избил и не признал.

– Он всего лишь исполнил приказ вышестоящего. Потом освободил меня из подземного узилища и дал мне денег. Хромоногий Реги-Сэнт, на ту пору бывший Главой Департамента Безопасности, приказал меня умертвить как ненужного свидетеля...

– И ты взял? За избиение себя и того человека, кто заменял тебе отца?

– Дела давние, и мне горестно к ним прикасаться. У вас же лишь сиюминутное любопытство... – в голосе Чапоса звякнула нотка мольбы.

– Не будь ты для меня аттракционом развлечения, стал бы я терять на тебя своё время, – ничуть не расстрогался Рудольф.

– Ты всего лишь мне завидуешь, – Чапос перешёл на равную форму общения, еле подавляя раздражение, – А уж знал бы ты, как я тебе завидую! Иной раз изведусь весь от лютой этой зависти и неразрешимых мыслей о тебе. Твоя сила за-

кована в непонятные мне ограничения. Твоя красота никак не используется, как и ум в полную его меру, а ты хотел бы такой же вседозволенности тут, как и я. Хотел бы вкусить и от пиров, и от сладостных забав на полную свою мощь, что прееет в тебе невостребованной также.

– Это ты весь сопрел, сидя в своей навозной куче, а я-то ослепительно чист, поскольку живу в непредставимой для тебя чистоте во всех смыслах.

– А не можешь ничего! Живёшь серо, можно сказать, убого выглядишь по своему оформлению, женщин лапаешь лишь мысленно, раздевая их только глазами, поскольку твоя швея не дала тебе желаемого, как я понял. И я не удивлён. После той роскоши, в какой она нежилась у своего отчима-мужа, что ты можешь ей предложить? Ты даже от тягот труда не в состоянии её освободить! Нет у тебя тут никакого видимого богатства. Даже заработанные в этом «Лучшем городе континента» деньги ты тратишь с умом не умеешь! И почему-то думаю, что и там, внизу, та же скудость у тебя. Запрещает-то тебе всю лакомую полноту бытия вкусить, кто?

Рудольф молчал, оглушённый его дичайшим и пафосным обличением. Видя, что реакция со стороны Рудольфа запаздывает, Чапос тоже примолкнул. Рудольф собрался уходить, так и не сказав внятно, нужна ему женщина или нет?

А Чапос уже настроился ошкурить этого придурка, оплачивающего то, что можно взять бесплатно на всяком перекрёстке с его-то возможностями! Чтобы не дать уйти воз-

можному ближайшему уже прибытку, он затеял разговор на тему, всегда заманчивую для странного оборотня, – Не будем уже о женщинах. Не та они тема, чтобы тратить на это столь редкие часы досуга. Давайте уж договорим о красно-волосой расе и о повсеместном её распространении на континенте в прошлые времена. А мне, как понимаете, эта тема особенно любопытна. Они не были уродами, тут вы правы. А кто так считает, имеет ограниченное понимание в отношении природного богатства этого мира. Зауженное восприятие, так сказать, как у насекомых. Женщины той расы, которых мне приходилось встречать, поражали своей яркой и энергичной красотой, силой чувств и одновременно тонкой восприимчивостью. Те люди были ничуть не менее, а более развиты, нежели люди нынешние – люди всеобщей серости и тусклой подражательности. Их цивилизация вторична по отношению к погибшей, потому она и затухает, что погибли её создатели. Только те, кто создает цивилизацию, способен поддерживать её устойчивость, а устойчивость всегда в развитии, а не в застое. Виснэй Роэл знал, о чём он говорил. Он обладал огромной коллекцией артефактов, но все его труды уничтожили, как и саму коллекцию похитили после того, как самого его убили. Уверяю вас, моя мать была красотка, а папаша, пусть и не внешне, а по качествам своим урод. Что он и подтвердил, шлёпнув на моё лицо свою нестираемую аристократическую печать. Все его запрятанные изъяны в моём случае и вылезли наружу!

Как и предвидел Чапос, Рудольф клюнул на эту тему, – Откуда же такая уверенность, если ты подкидыш в чужую семью? – спросил он заинтересованно.

– Ха! – довольно откликнулся Чапос, – как любите вы темы отвлечённые! Почему? Если от них прибылька вам никакого? Вы удивитесь, но я знаю имя того, кто и зачал меня ради такой вот неласковой доли. А ведь и в моменты, предшествующие зачатию, мужчина обязан подумать о том, какой щедростью будет способен он одарить своё творение... ведь не дикий же зверь во время дикого гона, в самом деле? Но как подумаешь, тут мы от зверья-то и неотличимы порой. Только приспособились как-то свой верхний ум от нижнего чётко отграничить. Или сама Мать Вода со своим муженьком-исполином подземным нас таковыми сотворила, поскольку блуд он часто и поспешен, и неосмотрителен. А Надмирный-то Отец всего лишь нам отчим милосердный. Придёт время, и я уничтожу этого аристократического блудника. Все свои недостатки мне передал, а своего аристократического блеска и прочих благ лишил. Обязательно уничтожу, ещё тогда слово себе дал, как кровью харкал от его щедрых оплеух... – Чапос выставил вперёд свой чудовищный кулак, – От него такой вот кулак мне и достался. Силён, умён, богат, а сердце-то его бульжника мертвее. Наслышан я, что многих он увечил, когда его низовой работой грузили вышестоящие. Теперь-то он других для такой деятельности нанимает. Вышибу его вон из этого мира, куда он меня вызвал из

мира иного! Тогда, когда сочту нужным. А вы перестаньте воображать, что вы тут хоть кому защита. Никому вы тут не защита. Даже своей Гелии не были...

– Если ты не изменишь сам тон нашего общения, то я...

– Что? Испепелите из своего сверхоружия? Даже маг Тон-Ат не сумел уничтожить меня. И вы не станете того делать. У вас же есть некая своя, хотя мне и непонятная, а этика поведения среди людей Паралеи, некие ограничения на насилие, как бы вам и не хотелось порой того. И не воображайте, что меня привязывает к вам корысть. Вы только незначительная часть моего грандиозного коммерческого проекта, причём я общаюсь с вами больше от любопытства к вам, чем по причине реальной выгоды. Я любопытный слишком. Но чую, не доведёт меня это до добра. Хотя вы и самая малая часть из того, в чём я черпаю выгоду, вы же и носитель самой большой опасности для меня. И не потому, что не подконтрольны нашим властям, а от того, что не признаёте над собою и высшей Надмирной Власти, вот что! Вы же говорили сами, что созданы из другого звёздного вещества и духа другого Творца, а Он далеко отсюда. Вы уверены, что скроете от Него любые свои деяния за дальностью расстояния. А что, если нет? И Творец наш Един? И доказательство тому у меня есть. Потомки ваши от местных женщин – что это как не доказательство?

Сильно потея от жары и обилия еды с выпивкой, оранжевый зверь-апельсин неожиданно растянул оранжевую

рубаху, явив заросшую тёмно-рыжими кольцами мощную грудь. Раньше он никогда не позволял себе подобной развязности. Вероятно, прежде он стыдился своей непохожести на других, а теперь начисто утратил всякий стыд во всём. Под густой медной шерстью едва просматривалась его кожа. Цвет волос на голове не соответствовал тому, каким окрасила природа его нательную шерсть, он и в этом смысле был тут диковиной, не единственной, но редкой. Рудольф помнил, как Чапос уже рассказывал ему, что встречал на обширном континенте Паралеи похожих на себя мужчин, так и женщин этой же расы. В отличие от мужчин те как раз часто наделены необычной лакомой красотой. Тогда Рудольф пошутил над ним: «Чего же не взял себе пару»? На что Чапос скривился, но ответил, что такая у него как раз и есть в качестве единственной женщины. Вернее, была... А поскольку он желает пойти в Храм Надмирного Света с прекрасной девственницей, чтобы зачать детей в её чистом лоне, другими не тронутым, пришлось прежнюю отодвинуть. Ему нужна избранница, которой и поклоняться не зазорно такому человеку как он.

– Нэя свой счастливый шанс упустила. Разумно было бы и вам оставить её, как я свою прежнюю наложницу и найти себе юную девственницу для прочной длительной связи. Всё лучше, чем тратить деньги на подпорченных уже дур! Я вам и тут помогу. Конечно, это нелёгкая затея, как и мне было непросто обрести ту, кто и соответствует моим высо-

ким представлениям о доверительном семейном союзе, но я нашёл...

Было ли это смешно слышать из его уст? Давно уже нет. Его обильный речевой поток всегда протекал где-то параллельно руслу подлинной его жизни, где бурлила и клокотала его тёмная практическая деятельность.

Представив бедных девчонок, к которым мечтательный наследственный маньяк совался со своим, «не знающим устали», тёмным гигантским фаллосом и производил с ними то, что называл «совокупностью взаимных желаний», можно было только содрогнуться, сочувствуя их участи. Как, наверное, ужасен рёв его животного торжества для тех, кто замирали за тонкими картонными стенами, радуясь, что не они соучастницы этой «совокупной радости» на сей раз, а уж ощущения сотрясаемой его бешеными рывками «счастливицы» лучше было и не представлять. В таких заведениях на всём экономили, и внутренние стены – перегородки были практически условными, – все звуки, крики, стоны и запахи были всеобщим достоянием. Вдобавок ко всему он грабил их, если кто из девушек не находил себе надёжное укрытие для заработанных денег и подарков от довольных и не всегда злых или жадных потребителей. После такой «избранности» они бежали от него во все стороны света, и он жаловался на постоянную их убыль. Его порнографические откровения обладали не только физической плотностью, но и прилипчивостью, как некая мерзкая субстанция, так что невольно воз-

никал эффект сопричастности к его безобразиям.

– Когда-нибудь я всё-таки удалю тебя с информационных носителей этого нелепого архаичного диска – вашей планеты.

– То есть? Не очень понял.

– Сотру со страниц книги жизни, чтобы дать утешение тем, над кем ты привык глумиться. Зачем ты это делаешь – утяжеляешь и без того их плачевную жизнь? Они же не просто люди, а женщины, которые должны рожать вам будущее – детей.

– Я таков, каким и слепило меня моё гиблое детство. Никто не любил меня, а приёмная мать даже ненавидела. Потребовала у слабовольного приёмного отца засунуть в крошечную шахту с подросткового возраста, дабы не стал я бандитом, как на морде моей прописано, а одобряемым тружеником во благо семьи. Денег не давала, отнимала всё заработанное. А не погиб я лишь благодаря собственной врождённой крепости. Даже Эля, которую я спас из лап жестокого и влиятельного ящера, не любила... Я повёл её в Храм Надмирного Света, ласкал её, наряжал, подарил возможность жить в своей усадьбе, растить детей, которых она где-то нагуляла, а подсунула мне как моих кровных. Только ведь я, зная, как тяжело может быть приёмному, их и словом не обидел, ничем не задел, не ущемил. Она упрекала, что я к детям неласков. Так ты мне роди моих уже детей. «Нет! Сам попробуй, какво это тело своё родами разрывать!» Итак, дескать, еле срос-

лось, еле зажило, любить перестанешь. Да ради потехи, что ли, я жену себе завёл? Когда у меня куда более соблазнительной потехой целый дом в столице наполнен. Тогда что тебе в моей усадьбе делать? Трудись, как я сам, как другие. Стал я приучать её к хозяйству. Усадьба – это не театр, где она привыкла вертеть задом, да ножки свои выставлять ради зрительного соблазна ротозеев. А ножки у неё хороши, нежны и упруги на ощупь... Тот, кто такую девочку нетронутой себе присвоил, вряд ли бы от неё отказался, не будь она блохой по своей натуре – ненасытной и мелкой кровопийцей, сама на всех встречных и прыгала. «Ты тупица, обросшая шерстью!» – орала мне порой, – «Утончённое искусство не ради таких, как ты, создано! Всё, чему нас обучали в школе искусств, есть служение лишь чистому искусству». Ради искусства – ха! Только ради того, чтобы потом соблазны свои продать подороже. В мужниной же усадьбе, помимо задирания нежных ножек и оголения в супружеской уже постели, работать надо, как и всем прочим ради пропитания. Любовь к делам постельным не отменяет и прочих обязанностей всякой жены. Рожай, выкармливай и трудись неустанно ради блага семьи. А она ревновать вздумала! Другая бы радовалась, что муж редко дома бывает, а тебе от этого лишь вольница, да возможность полениться, когда нет сурового спроса. Но нет! Она, задрав подол и взяв своих нагулянных детей в охапку, помчалась от меня в столицу. К кому? К тем, кто не даст ей уже ничего! Знать бы кто помог ей сбежать, она и доро-

ги-то не знала из моей усадьбы. Я построил своё убежище на границе с джунглями, дорог практически нет, а я никогда её не отпускал никуда, как чувствовал, что она порченная была этой своей театральной выучкой. Но в столице никуда её не взяли, утратила форму, да и была-то даже по юности своей всегда в статистах. Теперь вообразила о себе, что она способна к образованию. Ещё не решил, что с ней сделаю. Возможно, и сотру, как это вы говорите, и никаких ей больше страниц, ни белых, ни запачканных её блудом...

Слушать про его Элю было тоже неприятно, как и неприятно ему было и само это липкое и сладкое, как просроченный леденец, существо по имени Эля. Поэтому он спросил у Чапоса в лоб, – Тебе хочется убить меня? Хотя бы иногда возникает такое желание?

Чапос опять завис в молчании. Потом ответил, скосив один глаз в сторону, а другим вонзившись как шилом в самый мозг так, что Рудольф вздрогнул. У этого зверя и лютость взгляда была звериная. Но зверь на то и зверь, что человека не переглядит. Чапос отвёл свой взгляд, собрав глаза в кучу и приспустив веки, – Вы умеете читать мысли, так что к чему вопрос?

– Отвечай! Если спросил, то хочу озвучки твоих мыслей. Если уж сидишь и выпускаешь с усердием зловредные газовые примеси из себя, чтобы меня удушить тут, выпускай и прочее, чем забита твоя башка-клоака.

– Бывает такое... И не просто убить. А оскопить. Отче-

го-то я уверен, что ты обладаешь весьма впечатляющим атрибутом своей мужественности. Как и я. Издеваясь же над моей сексуальной одержимостью, ты и сам хватаешь похотливым взглядом каждую проходящую мимо женщину, если она того стоит, конечно. Но считаешь, что твоё внутреннее устройство настолько глубоко и запрятано, что такой тупоумный представитель низшего человечества как я ничего не понимает в тебе. А всё же, люблю я с тобою поговорить по душам и никогда не смогу причинить тебе вред, если собственноручно. Если честно, ты один интересуешься мною, слушаешь меня, изучаешь. Меня даже женщины, которых я удовлетворял выше их запросов, не изучали так пристально. А уж чтобы любоваться мною, этого не было никогда. Не имею в виду свой чисто мужской атрибут, – на него-то восхищённых созерцательниц хватает. Но чтобы мною, как человеческим уникальным экземпляром, тут – увы! А ты вот налюбоваться на меня не можешь. Как и я тобою. Для того и живописую для тебя картины из собственной жизни, о чём обычно люди умалчивают. Чтобы подольше тебя рядом удержать, а ты очень любопытен, – Чапос стал печальным. – А ведь в раздвоенности моего отношения к тебе скрыта большая боль для меня. С одной стороны это почти родная к тебе любовь, и я должен тебя предостеречь от угрожающей опасности, а с другой – ненависть, когда я хочу обратного. И как ты узнаешь, не приговорён ли ты к смерти? И она уже румянит свои щёки для встречи с тобою?

– Понимать это как предупреждение? Как то, что любовь в тебе победила твою же ненависть? Кто мне угрожает?

– Об этом ты должен подумать сам и быть осторожным. Понятно, что не я. Мне-то зачем? Если я и не простил тебе Нэю, то глупо мстить за то, что не было отнято.

Ноздреватая субстанция из басен Воронова, поведенная ему же интеллектуальным мусорщиком Хагором, тоже хотела только любви. При странном этом признании в любви-ненависти Чапос даже слегка посветлел лицом, слегка утончился, даже так можно было сказать. Лоб утратил нервные продольные складки, глаза приобрели ясность и тихую задумчивость, а само лицо незримая рука некоего духа выравнивала на глазах, разглаживая не промешанную вязкую его фактуру.

Если можно такое допустить, хотя бы мысленно, что Нэя – мечтательная и возвышенная девочка из прошлого полюбила бы Чапоса, стала бы она тем добрым духом, который преобразил бы его, довершив неоконченную работу брошенного Творцом негодного образца? Или он стал бы лишь иллюзией её обманутого сердца, как та губчатая склизкая сволочь – паразит, что питалась несчастными заблудившимися в Космосе людьми? Оно хотело только любви и утешения, или чего-то и ещё? Доктор Франк никогда и никому в подземном городе не рассказывал эту мрачно-загадочную историю, услышанную самим Рудольфом из уст земного шефа ещё на Земле. А оказалось, между Франком и Хагором про-

исходил информационный обмен. Так и представилось, сидят два старика на тёплом пригорке и удивляют друг друга былью и небылью... Но ничего удивительного, если они оба когда-то возились с маленькой Икринкой. Хагор как дедушка, доктор как наблюдатель за развитием ребёнка.

– Ты так и не смог забыть её? Как это возможно за столько лет твоей, насыщенной липкой грязью, жизни? Где у тебя, или правильнее в тебе, осталось то чистое место, где возможно хранить человеческие чувства? Чего ты хочешь теперь? Любви и утешения?

– У меня целый «дом любви», элитный и мой собственный, и я уже всем обожрался. А по поводу неизжитой любви к маленькой швее я просто пошутил. Решил вас немного подразнить. Помассировать психику для лучшего пищеварения, – и вполне по-скотски Чапос сытно рыгнул в сторону Рудольфа кислой едкой приправой. – Утешайтесь с нею сами. Но, похоже, вам не хватает этого самого утешения. Что же. Я поделюсь с вами лучшим из того, что у меня есть, как и всегда. Жаль только, что я не узнаю о том, насколько вы останетесь ею довольным. А кстати, как там Эля? Счастлива ли она? Уверен, что никто не способен дать ей того, что давал я.

– Если ты о кулаках, которыми ласкал её, то да. Так не способен уже никто. Отойдя от синяков, она не только побелела, но и стала стройнее, перейдя на иную диету после твоей сытной похлебки для домашнего скота. Местные парни,

насколько я понимаю, ею довольны все. А уж как она сама довольна своей жизнью, понятно всякому встречному. Женщина, даже не цветок, а экзотическое соцветие твоя бывшая жена. В глазах рябит от яркости, как на неё посмотришь, – издевался над Чапосом Рудольф, передразнивая его манеру говорить о женщинах как о растениях или насекомых. – А уверяешь тут, что женщин не бьёшь. Свою жену едва до состояния калеки не забил. И кто-то, милостивый, помог ей от тебя сбежать. А уж дальше, живучая и наделённая завидной приспособляемостью, она укоренилась и расцвела на новой почве.

– Догадываюсь, кто это была. Она ведь решила, что если Элю выгнать из моей усадьбы, то сама туда хозяйкой войдёт. Бесплодные и жалкие мечты! Для той, кто обречена распахивать сокровенные свои внутренности для толп пресыщенных распутников, двери моей усадьбы не распахнутся никогда... А ведь и вы её знавали... Довольно любопытно, что у нас общность троп, общность дев...

Рудольфа заклинило от его наглости, и вместо того, чтобы гаркнуть, какая ещё общность дев? Он промолчал.

Чапос быстро вошёл в свои привычные внешние координаты, темнея и раздуваясь багровеющим от злобы фасадом – мордой. Благодушный апельсин сбросил маскирующую свою корку, явив прежнего монстра. На мощной шее выступили жилы – корневища. Казалось, голова его имеет корни, растёт из скалы его тела, натужно тщится достать до недостижимого

неба, совершить свой обречённый бросок вверх. Со дна его существа опять поднялась к зримой поверхности скрытая и сдавленная лава его ненависти, не только лично к Рудольфу, а ко всему, что его окружало, зажигая зрачки зелёной пульсацией. Это существо почти физически раздирали две противоположные стихии мира. Страдание от жизни было преобладающим его ощущением, и он не ведал счастья, даже короткого и обманчивого. И всё врал про сладости любви со стороны несчастных и обездоленных девушек, над которыми он издевался. Никому они не могли уже дать счастья.

– Пробовали Элю на вкус? Я, правда, обглодал её основательно, но в ней ещё большой запас мякоти остался, – голосом Чапос владел превосходно, но веко на одном глазу подёргивалось от нервного тика. Жена Эля была одной из его болевых точек. Пока она слонялась по столице никому не нужная, он радовался её обездоленности, но сейчас он злобился и задыхался, едва вспоминал о ней. От злобы на неё он отринул и совместных детей, обзывая их подкидышами. Или в деформированном его существе не нашлось места отцовским чувствам.

– Я не людоед, – Рудольф смеялся, глядя в зауженные таимой ревностью глаза глиняного «бога». – И чужими женами не питаюсь. А что, в вашем профессиональном цеху это обычная практика?

– Когда вы выставите свою затейницу – модельершу за стены, я испеку пирог с начинкой из её сердца. Тогда по-

делюсь с вами своими гастрономическими переживаниями. Может, и вам пришлю кусочек на пробу.

Перебранка зашла далеко за принятые и давно соблюдаемые границы. На привычную игру уже не походило. Он не просто хамил, а пёр куда-то не туда. Что-то было в этом тревожащее. Отвесить оплеуху не представлялось возможным ввиду многолюдья открытой площадки «дома яств». Сделать же так означало бы, что помесь апельсина с фавном, напяливший одежду, приобретённую в дорогом салоне тряпья, не только достиг своей цели, уязвив человека из будущего, но и позволить ему встать вровень с собою. Причудливые и довольно красивые для его несуразной головы уши отвлекли Рудольфа в сторону размышлений о его странной двойственной природе, давшей ему фрагменты очевидной красоты, но перемешанной с уродством. Мог он или нет нравиться женщинам? По его рассказам – да, а в действительности? Обрисованные по своему краю ярко-красным контуром, так как сидел Чапос перед Рудольфом спиной к улице, его недурно выточенные, весьма тонкие уши освещались сзади раскалённым дневным светом и вызвали непреодолимое злое желание у Рудольфа ударить по ним. Грубая шея, вырастающая из мужественных плеч, была увенчана странным массивным, но высоколобым черепом с заметным наростом – гребнем. Чапос искусно маскировал его начёсом продуманной причёски. Исследования Франка, сделанные по просьбе Рудольфа, когда ему удалось однажды в процессе взбучки выдрать

пук волос из головы дерзкого агента, выявили, что фенотип Чапоса не странность, не уродство, а иная антропологическая форма. Он принадлежал к другой расе, проживающей некогда в зоне исчезнувшей цивилизации. Они уничтожили друг друга, но оставили своё рассеянное потомство. Их ДНК редко, но встречалась среди здешнего населения и в смешанном, и в чистом виде, как уверял Франк. О том же говорила и несуразная мощь туловища при невысоком росте.

– Чего вы меня пронзаете своими глазищами, будто испепелить задумали? Я же знаю, что вы меня любите. Вы же эстет особого рода, и вам нравится слушать меня, когда я говорю низости. Потому что я ваше отражение, только в тёмном зеркале.

При разговоре из его жующих челюстей вывалился кусок жаркого, он ловко поймал его на лету и засунул обратно в густо – лиловую пасть. После этого шерстяной фавн, сидящий в сгущённом облаке смешанных запахов – собственного пота, острого духа пахучих блюд, окружающих чавкающих людей, цветочного аромата из глиняных напольных кашпо и кружащейся вокруг оранжевой пыли жаркого ветреного дня, облизнул языком крупные губы и раздвинул их в гримасе физиологического блаженства. Глаза подёрнулись мутной плёнкой, как прозрачным веком удава, переваривающего проглоченную живность.

– Сегодня утром до чего же я оттянулся с одной свежинкой. Ножки белые, пузико и титьки сливочные, какие и по-

ложено иметь девственнице, губки пухлые, и вся она сочная трепетная и узкая. Глазёнки, как звездочки сияют, аж пупок прокалывает от их взгляда. И вся эта природная её упаковка, заметьте себе, не только распяляет, но и не обманывает. До чего же вкусна, сознание отключается при том – при самом... – Он поёрзал на расшатанном сидении, неприлично скрипя им, явно испытывая сексуальное возбуждение, забыв о Рудольфе и вперившись пьяным взглядом в пустоту, наполненную для него эротическими видениями. Прижав к воспалённому лицу синюю фляжку в форме Матери Воды, он лизал её опустошённую ёмкость горячим пёсым языком, вывалив его на обозрение.

Незримая петля страшного порождения Паралеи

К ним повторно подошла та самая девушка, предлагая уже послеобеденный десерт. На этот раз Чапос зло пихнул её, и она пошатнулась, утратив равновесие, лишь чудом не уронив поднос, заставленный вазочками с розовато – кремовыми суфле. Рудольф успел удержать её ношу, не дав подносу опрокинуться. С испугом на лице она нагнула шею в знак признательности тому, кто спас её пирожные и вазочки от уничтожения. По щекам ползли крохотные слезинки. Рудольф положил на её поднос деньги, давая понять жестом руки, чтобы она немедленно уходила, пока Чапос не вырвал

из её рук поднос. А он уже тянул свои ручки, вообразив, что десерт куплен ему в утешение. Тогда как деньги были даны в качестве возмещения за напрасную обиду. Девушка оказалась ловкая и сообразительная. Она быстро убежала на своих резвых и очаровательных ножках куда-то вглубь помещения, радостно утаскивая свой прибыток.

– Куда?! – свирепо заорал Чапос ей вслед. Все вокруг замерли от его вопля.

– Пасть закрой, – тихо произнёс Рудольф. – Я для себя купил. А вот есть передумал. Ты мне аппетит отбил. Пусть она сама решит, кому подарить мой десерт.

– Так повторно продаст, – заметил Чапос, поняв, что не отведаст ему сладкой закуски за чужой счёт. – Сейчас к себе поеду, и моя девочка будет для меня заменой нежнейшего суфле. Давно я не был столь плотно охвачен своим желанием, если только в молодости. Но вам я её не привезу, себе решил оставить. Даже старому искущённому любителю Ал – Физу давно такой не выпадало. А если бы он её увидел, то захлебнулся бы тягучей слюной. Думаю, в усадьбу к себе возьму вместо Эли. Специально для неё заказал срочно построить новый флигель, чтобы с башенками и зелёными окнами, с верандой ажурной, где буду её по утрам любить, чтобы всю её красоту впитывать в себя уже при свете Ихэ-Олы. Я бы и на Нэю не согласился её поменять, даже ради реванша за прошлое. Это если бы речь шла о подобном обмене. Но я от такой роскошной штучки уже не оторвусь, пока не

выем её до самого доньшка. А там посмотрим. Приобрету себе ещё одну работницу для поместья. Женщины – это же всегда выгодное приобретение. Пока цветёт – мни её, дыши ею вволю, а утратит свою сладость, так рабочие бесплатные руки кому помеха? Тем более, что место Эли пустоует. Но когда это ещё и будет! Сейчас, даже отлучаясь от неё, я несую в ноздрях её чистый аромат. Она первая девственница в моей жизни, вот так мне повезло. Это не занюханый «Ночной Цветок», – вы ведь и не знали о том, что я успел эту Асию отвести перед тем, как всучить её вам. Не мог устоять, и вовсе не потому, что очень уж хотел того, а чтобы опередить вас в этом смысле. Напоил её в «Ночной Лиане», и в кабинке всю её исследовал до самых её возможных глубин. Не скажу, что впечатление было ярким. Я уж его и не помню. Меня вообще-то трудно увлечь этим цветочкам, как они ни стараются пустить в нос свой колдовской дух, чтобы отравить мужскую голову, я умею их отсмаркивать. – Тут Чапос достал из штанов огромный лоскут, явно клок женского подола, расшитый завитками, и гулко высморкался в него. – Ну и пылища сегодня! Все ноздри забило. Что же касаето Нэи – её прекрасное пахучее «вчера» успело сегодня как-то и выветриться. Я же видел её в столице. – Сволочная игра только маскировалась под опьянение. Чапосу для настоящей потери самоконтроля нужна была целая бутылка, а то, что он привёз с собой, это годилось лишь на лёгкое просветление его вечно сумрачного настроения.

– Не тужься. Ты меня никогда не сможешь испачкать, как не способен этого летающий крылан, даже если он гадит человеку на макушку. Для меня, что он, что ты – вы одной крови, братья по разуму. Хотя нет. Он вполне безобиден, в природном смысле чистая тварь. Думаю, что твой создатель из раскалённого ядра планеты выгрызет тебе твою задницу, когда ты попадёшь прямиком в его объятия, поскольку она и стала твоей душой. Заодно и закусит твоими бычьими чреслами, ведь после смерти они тебе будут ни к чему.

– Я девушек зря не обижаю. И наказываю их только за провинности, если клиента, например, обворуют или подерутся с кем. Они все лгуны и воровки. Воруют и друг у друга, но я своей властью никогда не злоупотребляю. Именно потому, что обладаю наличием души и состраданием к падшим. Не знаете вы, что творят другие. – И он жадно принялся за второе блюдо – тушёную в остром травяном соусе домашнюю птицу. Станный соус походил на грязь.

– А мне такое знание без надобности. Мне достаточно и часа общения с тобой, чтобы потом проводить дезинфекцию своего ума.

Рудольф встал. Было жарко, муторно и тяжело. Ком грязи плюхался где-то в области желудка. Чапос ухмылялся в пустоту, понимая, что не густо, но прицельно сумел нагадить Рудольфу в душу. Застылая мимика оранжево глиняного лица и была как та самая маска вечно потешающегося над людьми Демокрита. Он якобы ослепил себя в свои сто два

года, чтобы не терзаться вожделением к женщинам. Какого же оно было накала в молодости, если изводило его даже после ста лет?

Какое-то время Рудольф раздумывал, а не стоит ли его сбить со стула, пусть и у всех на виду, и навсегда избавить себя от общения с ним. Или уподобиться Хагору – вот, допью малый остаток, а завтра буду чист как новорожденный? Обогнув тяжкую глыбу Демокрита местной адской выпечки, схватил его за причудливо-извилистое, наследственно аристократическое ухо, прежде чем уйти от него. Но Чапос только мотнулся слегка в сторону, не прерывая пищевого экстаза, в котором пребывал, уже впиваясь в белую грудку птицы, урча, будто это была плоть его необыкновенной невольницы. Судя по неменяемым глазам, так и было. Галлюцинации, насланные коварной «Матерью Водой», плавил его мозги. Соус стекал по его подбородку, чёрно-зелёный как гниль, вытекающая из его рта. Чапос не стеснялся простых людей никогда и забывал в их присутствии все правила приличия, которые проявлял только в дорогих заведениях, да и то не всегда, а по трезвости. Напивался же он почти всегда, если платил Рудольф. Как он проявлял себя в другом обществе, где бывал без Рудольфа, Рудольф не знал.

Но впечатление его выпадения из реальности оказалось обманчивым. Он схватил Рудольфа за руку выше локтя и сдавил железным захватом. Будь это обычный человек Паралеи, Чапос раздавил бы ему мышцу. Разжав его засаленные

едой пальцы, Рудольф какое-то время держал его руку в своей. Он мог бы вывернуть ему ручищу, выбить из плечевого сустава, но устраивать побоище в людном месте с представителем уголовного местного мира – было нарушением всех основных установлений пребывания тут землян. Поэтому он положил руку зарвавшегося полуфрукта – полужверя на стол, в тарелку с объедками, сдавив её в отместку. Побелевшая и сжатая она какое-то время лежала неподвижно. Одурманенная голова Чапоса прояснялась, он выглядел несколько испуганно.

– Ты думаешь, как и тот Демокрит, что живёшь в мире, где нет ничего, кроме хаотических столкновений атомов в пустоте, порождающих между собою бессмысленные вихри случайных взаимодействий. Поэтому ты не умеешь просчитать последствий своих поступков, имея куце к тому же воображение. Ты не понимаешь, что, создавая свои собственные глиняные «высшие законы» в якобы бесструктурном хаосе, сталкиваешься с теми, кто точно так же в своём произволе творит для себя уже свои «высшие законы». Но мир чётко структурирован и имеет не только глубинную, но и внешнюю иерархию. Я могу в любую минуту твоего зловредного существования скинуть тебя в то самое ядро преисподней, где и живёт твой злой демиург – твой подлинный родитель. И мне ничего за тебя не будет, в отличие от тех несчастных женщин, твоих живых десертов, если бы они посмели вынести тебе высший приговор. Или на худой конец оторвали бы

тебе твои звериные яйца вместо того, чтобы их лизать, а потом сплёвывать и отхаркивать из себя в затаённом углу твою мутную сперму.

Напряжённое лицо бандита бледнело на глазах. Гнев менял его, как и воспарения туда, откуда его всегда и неумолимо утягивала вниз корневая система той почвы, где он провёл всю свою сознательную жизнь. Но в данный момент гнев Чапоса был направлен в нужную сторону – на себя самого. Он признавал превосходство Рудольфа, которым восхищался и которого ненавидел. Амбивалентное чувство несло в себе опасность. В каждый конкретный момент зависть и ненависть к пришельцу из неведомого верха, но живущего где-то внизу, могли опрокинуть его неизъяснимую любовь в связке со страхом. Бомба всегда могла взорваться.

– Вы и сами можете там оказаться в любую минуту, поскольку ваши подземные пещеры ближе к центру планеты. Свет оставил вас, если вы сами замурованы там. Вы такой же отверженный, как и я. Только вы ниже, потому что были прежде выше, непредставимо выше меня.

Рудольф погладил скрытый густой дорожкой волос гребень на его черепе. Остальные волосы Чапос сбривал, оставляя только основу, похожую на красновато-коричневый войлок, дающий при касании довольно приятное ощущение бархатистой шкурки гладкошёрстной собаки. Может, и не врал, и женщин, склонных к экстриму, а таких всегда хватает, он по-настоящему привлекал.

– Я тебя не боюсь, а ты меня – да. Потому что я сильнее тебя. Я демонстрирую тебе преимущество в своей силе не потому, что я такой тупой, а потому, что это единственное, что ты чтишь. Сила всего лишь слуга ума, а не его наездник, вот чего ты не можешь понять, Чапос. В этом наша главная разница. А так? Ты давно богач, хотя и прячешь свои сокровища на будущее, а я не имею в этом смысле ничего, и по вашим представлениям я бедняк. Но может случиться, что твои сокровища не понадобятся тебе, а спустя годы какой-нибудь работяга из шахт найдёт то, ради чего ты отказался кропотливо выращивать в себе зерно духа, как ты говоришь. Вот ради него, неизвестного работяги, условно говоря, его будущих загулов и трат, ты и стараешься, пыхтишь, потея чёрным несправедным потом. Ты ведь в заброшенных шахтах прячешь свои богатства от своих дружков? Ты знаешь эти выработки вдоль и поперек, ты был любознателен и бесстрашен когда-то, и исследовал их достаточно, чтобы спрятать сейф, вырубив там нишу. Представь себе, я знаю, где твоё богатство. Но мне сокровища без надобности. Ты мог бы каждой своей девушке из своего «дома ужаса» построить отдельный домик с ажурной верандой и дать сносную вольную жизнь, но вместо этого сосёшь их кровь как паук из подвала. Потому что жадность, Чапос, самое иррациональное свойство человеческого ума, то есть чистое безумие. Когда-то я хотел тебя перевоспитать, но вместо этого сам тут архаизировался, вот в чём проблема. Я стал частью вашего

всепланетного обмена веществ, врос, так сказать, по колени в вашу землю. Поэтому ты как человек, сохранивший остатки бывшего ума, понимаешь, что я такой же скот, как и ты.

Подлизываясь к нему, Чапос соорудил миролюбивую физиономию, продолжая внутри себя клокотать в смеси самых разных чувств. Нэя, бывшая жена Эля, унижение от верчения уха на виду у посетителей забегаловки, задавленное желание садануть по столу, разметав все тарелки, и устроить драку в отместку. И драку он обязательно где-нибудь устроит, отыгравшись на не виновном. Во избежание ущерба тому неизвестному, кому Чапос припас свою тяжёлую оплеуху, следовало бы ещё немного посидеть рядом, дожидаться его остывания. Чапос был отходчив. Только сил у Рудольфа уже не было. Чад, жара, пыль, запахи приправ и пота людей, собственный голод в сочетании с нежеланием ничего тут и пробовать. Он направился к выходу. Через усилие Чапос обронил вслед уходящему Рудольфу, – Без всяких шуток, над вами висит угроза реальной гибели. А сказать больше я не могу. Я не знаю никаких подробностей. Ни того, кто это будет. Ни времени, когда это может произойти. Заказчик не должен быть для вас тайной. Вы лучше меня знаете, с кем вы столкнулись и по какому поводу. Я приеду к вам, как договорились, через два дня...

Неудачная попытка освобождения от петли чёрного колдуна

Через два дня ранним вечером в ожидании указанного Чапосу часа, в тайной надежде, что тот забудет об их договоре после дневного подпития и последующих усад своим живым десертом, и никого уже не привезёт, Рудольф валялся в своей хрустальной надстройке, предварительно включив робота на режим уборки помещения. Образы текли в заданной уже плоскости, как будто «Мать Вода» и его зацепила своим колдовским испарением из бутылки Чапоса и отравила. Он видел, словно сам там находился, белокожую, свежую и ещё не умученную девушку на кровати у шаткой перегородки в её персональной камерке. Нагая и зыбкая в сравнении с волосатым сопящим и чудовищно плотным, напирющим сзади кентавром, она вжималась в эту перегородку в тщетной попытке хоть как-то ослабить его натиск. Чистая и прохладная, вечная девственница и вечная блудница Мать Вода и её любовник – низший демиург из расплавленного центра преисподней – вот кем они казались. Искажённое страстью лицо Чапоса напоминало бугристую неряшливую отливку из металла, поражая глубинной огненной подсветкой вытарщенных глаз. Из ощеренного рта вырывалось сипение, и текла слюна. Можно было не сомневаться, что сжатые волосатыми лапами девственные воздушные груди

после такой «совокупности взаимных желаний» останутся в кровоподтеках. Рудольф никогда и представить себе не мог подобную картину inferнального секса. Ещё секунда такого напряжения, и зверь должен был издохнуть, отдать концы, но он не знал устали, перекачивая безвольное тело девушки так, как ему было удобнее. Картонная стена сотрясалась, утлая постель скрипела, грозя обрушением. Девушки довольно хихикали, наблюдая со стороны замкнутое, безопасное для них комнатное торнадо, стонущее на два голоса – один жалобный и женский, а второй – хриплый и безумный в своём зверином отрыве от всего человеческого.

Каждая из них в своё время проходила через эту позорную инициацию. К каждой из них в приступе «напряжённого устремления вверх» вваливался страшный хозяин и требовал исполнения «высшего закона», придуманного им, глиняным «богом», если она не хочет претерпеть наказания за его нарушение и провести ночь в жутком подвале без постели и еды, развлекая скучающих пауков. Те, кто были чрезмерно чувствительны и строптивы, или убегали сами, или их отправляли в более немилосердные места. Неожиданно она обернула к Рудольфу залитое слезами и напряжённое от ужаса лицо, и он увидел Нэю! В этот миг стена с треском свалилась, вызвав визг и скрежет непонятно кого. Бормочущий вихрь стал закручивать в себя пространство вокруг, образуя чёрный столб, рвущийся за пределы атмосферы с последующим её поглощением. Дышать стало нечем, на груди

же самого Рудольфа сидела худая девка с лицом, который он не мог рассмотреть, но определённо её знал, и целила ножом в сердце, растягивая большой рот в фирменной ухмылке Чапоса...

С падающим сердцебиением Рудольф очнулся у себя в мансарде. Внизу за розовеющей и сизой пеной густых крон деревьев лесопарка рабочие меняли дорожное покрытие Главного шоссе, дымя и грохоча своей громоздкой машиной, и громко перекрикивая шум в попытке что-то сказать друг другу. Что за сон посетил его, он не мог понять, испытывая состояние, похожее на слабое отравление. Но тогда в столице он ничего не ел и не пил. Пластина – сканер, приложенная к предплечью, показала относительную норму всех биохимических данных, включая сердечное и головное давление. Проводить же более глубокое всестороннее обследование не хотелось, для этого надо было спускаться вниз в мед. отсек. Причина внезапно накрывшего голографического бреда обрелась где-то в другом измерении, не телесном.

Кристалл Хагора, лежащий на столе, явил вдруг необычную метаморфозу, став латунно – жёлтым, приобретя металлический блеск и напомнив халькопирит со смутными искажёнными человеческими чертами, чего никогда не было с ним прежде. Повертев его в руках, испытывая гнетущее состояние, обычное после кошмарного сновидения, он поразился тому блеску и чистоте вокруг, что навёл робот в давно заброшенной бывшей спальню комнате. Сам робот, отклю-

чившись после исполнения программы, замер в углу, сложившись в простую кубическую конструкцию, и любой местный житель принял бы его за безделицу непонятого назначения.

Конечно, он не собирался тащить сюда девчонку из притона Чапоса. Ей было место только в подземном отсеке, но от чего-то не оставляла мысль обновить свое хрустальное прибежище, и думал он о Нэе. Но уже не о той, которая была в юности, а о той, что сторала от своей любви в подушечках...

И яростная судорога желания требовала повторения всего, ставшего привычным. Но приводить её сюда он не хотел. Это было и оставалось святилище Гелии, которое она, правда, и не ценила никогда, но больше тут не было никого, (не считая одного позорного исключения, о котором не хотелось и помнить). Всем прочим полагался подземный отсек, где он прежде допрашивал диверсантов, когда светлый великодушный человек Разумов наделил его чёрной и жесточайшей должностью. Только в отличие от Шандора – предшественника, не тем будь помянут, пользоваться невольницами Рудольф избегал, как и предаваться сексуальным утехам в том отсеке, исключая тот самый случай с пойманной «шпионкой», в самый первый год своего служения, о котором не вспоминал в виду его крайней болезненности. Да ещё одной персоне «посчастливилось» там оказаться, – о ней тоже не было воспоминаний ввиду их отвратности. Гелия никогда в том отсеке не появлялась. Она на правах жены, – какой уж

она там ни была, иногда ненавистной, а иногда ведь и желанной, – посещала его подземный уже личный отсек, какой и полагался всякому служащему в подземной Паралее. Даже мальчишки-штрафники жили в личных отсеках. Теперь уже он использовал свою власть для того, чтобы возлагать ликвидацию врага на подчинённых, и редко посещал это самое обычное по виду, находящееся в зоне наиболее глубокого залегания подземного города, особое помещение. Уж тем более девушек туда не приводил, в отличие от Шандора и тех коллег, кто этим забавлялись, и кому он не был воспитателем. Всякий совершеннолетний дядя сам решал проблемы, возникающие как с личной жизнью, так и с личной нравственностью. Для себя он решил, что ни одна инопланетянка не оставит своего следа в его жилом отсеке. Там, где он спал и отдыхал, должна была быть безупречная чистота.

В общем-то, в подземном городе имелось полно свободных помещений для разных нужд, да и просто законсервированных на всякий такой случай. Девушек, тех, кто иногда прибывали в подземный город, после всего отпускали уже свободными для дальнейшей и, как хотелось бы, обновлённой жизни. Их выкупали у работоторговцев, поскольку отпускать бедняг к тем же гнусам для бесконечного произвола, было уже невозможно. Поэтому-то развлечения для подземных обитателей были весьма дорогими в местном денежном эквиваленте, потому и редки. Рудольф, даже отдавая за девушку немалые местные деньги, редко когда к ней прикасал-

ся, если только она сама проявляла активную симпатию, усиленную взаимным же устремлением с его стороны. Иные девчонки нуждались в лечении, – они уже успели натерпеться от троллей-пользователей их тел. Однажды старый доктор сделал замечание как бы мимоходом: наша инопланетная база, мол, не религиозная организация по спасению погибающих и заблудших душ. Ресурс-то ограничен поставленной ещё на Земле сверхзадачей. Монастырский устав не подразумевает семейной этики отношений. Будь иначе, женщин бы сюда тоже присылали. А при этом странное скольжение мысли в глазах врача, указывало на то, что и Рудольф к местным бедам причастен. После такого он старался с доктором-праведником не общаться по душам, – после того, как сообщил в ответ, что пока что в отличие от некоторых, не вступил в «общество защиты особых дев», – то есть подобрал, накормил, приласкал, подлечил и беги себе дальше в ту же самую немилосердную среду. «А это лишь потому», – отозвался доктор Штерн, – «Что не получается у тебя поставить этих несчастных с собою вровень, как того ни хочется порой».

А всё же иногда... иная из девушек производила впечатление не только на чётко локализованные центры жизнедеятельности, а задевала и нечто, близкое к центрам душевным и сокровенным...

На такой случай имелся внутренний волевой хлыст, не допускающий опасного сближения. История с Асией, – тайный и постыдный, пусть и неглубокий, а шрам его души, – оказа-

лась отличной прививкой от возникновения ненужной привязанности. Конечно, даже от единичного случая скверна не становилась достоинством, как и сами эти помещения глубинного залегания не становились павильонами любви. От чего-то любое соприкосновение с «особыми девами» вызывало мысли о погибшем от собственной беспечности Шандоре. Как будто других поводов и не было! А вот не вспоминался, чтобы сам по себе, чтобы с благородно выплывающим из сумрака поминовения красивым своим ликом, с глазами настолько и синими, как у нетронутого острыми зубами жизни юноши. Лишь хроническая задумчивость и могла это выдать, – его неизбывную боль, – но только тем, кто о Свете знал. А так-то, у них каждый второй был задумчив, даже мальчишки, не переступившие порог своего двадцатилетия. Был ли Шандор настолько сам по себе циничен, или неизлечимо уже несчастен и покалечен, что совместил свою тяжкую службу и свой легковесный отдых в одном месте? Ответить было некому, Шандор покинул эту Вселенную, а дурная преемственность осталась, – и неважно, что сам Рудольф ею не воспользовался, он передал её другим, а те с готовностью приняли.

Нэю же допускать в такое осквернённое место и мысли не возникало. Только если было позволено себе однажды, почему бы и не повторить опять? И эта ультра парадоксальная сшибка двух взаимоисключающих импульсов к одной женщине, жажды и отторжения, как и сгустившееся внутрен-

нее напряжение психики опять вызвали потребность в дикой разрядке.

Петля чёрного колдуна принимает облик особой девы

Чапос доставил девушку ночью к главному входу ЦЭСС-ЭИ с внешней стороны. Рудольф их встретил, не видя её лица, закрытого ажурной вуалью, видя лишь вызывающее сетчатое платье. И непонятно почему, скорее всего из-за этого платья, она ему сразу резко не понравилась. И он тут же решил, что завтра же выпустит эту секс-рабыню на волю, не притронувшись к ней, параллельно обдумывая, а как она будет брести в таком вот платье по людному городу в сторону счастливо обретённой и уже новой жизни? Кого попросить купить приличное женское платье? Смешная сама по себе забота была вовсе не смешной. Отказаться сразу означало лишить девушку спасения. Чапос уедет, а она с ним для дальнейшего погружения в жуткое болото. Так он ещё и побьёт её с досады, не получив свой вожделенный куш.

– Ваше ночное удовольствие прибыло, мой господин, – прохрипел Чапос. То ли он осип от злоупотребления выпивкой в сочетании с ледяной водой, то ли подавился собственным издевательским смешком, только он поспешил отвернуться от Рудольфа. – Вам не хватит не только ночных часов, но вы и утреннего света не увидите. Поскольку не сможете

от неё оторваться очень и очень долго. Одно плохо – она заберёт всю вашу наличную силу. Ну, так это дело наживное. Поел, поспал, поднакопил, чего требуется, а там и опять...

– Закрой свою пасть! Не хвали, если не хочешь, чтобы я отвалился. А то оставлю её тебе. Вот и радуйся с нею совместно! – Рудольф сильно схватил девушку за довольно костистое плечо, по-прежнему не видя её лица, еле удерживаясь от намерения пихнуть её назад к Чапосу. Он с очевидностью понял, насколько ему не нужна особа со спрятанным лицом, и даже не возникло желания сразу приоткрыть нелепую тряпицу-забрало. Чапос заметно испугался, настолько жалко было утратить баснословные деньги, что он намеревался заполучить не просто за пользование, а за выкуп своей невольницы. А подземные оборотни своих правил жизни никогда не меняли. Они забирали девчонок уже навсегда, и то, что иные дуры повторно заплывали в комфортную и сытную, но гибельную заводь к Чапосу, повинны были лишь они сами. Как правило, очнувшись с документом, подтверждающим возврат их утраченных прав, девушки прытко бежали, кто куда, лишь бы от Чапоса подальше. Разгадка головоломки откладывалась на потом. Некоторые из совсем уж наивных простушек приходили к Чапосу за разъяснениями, в чём причина великодушия? Куда теперь-то идти? Они же о подземном городе не помнили. А уж Чапос на такой случай имел особый, привилегированный и тайный домишко, куда их заманивал уже как вольных профессионалок для ублаже-

ния тех, кто рабскими телами пренебрегал. Он и на этом наживался, продавая при удобном случае и тех, кто его личным товаром уже не являлись.

Но это Рудольф расшифровал эмоциональную рябь бугристого лица «апельсина» как страх утратить свою наживу, а почему именно вздрогнул Чапос, о том догадка пришла уже потом.

– Не капризничайте, мой господин, – с мягким уговором обратился Чапос к тому, кого, невзирая на трепет леденящий и непреходящий перед неразгаданной силой, считал всё одно не умнее себя. – Если я вас чем задел в последнюю встречу, то совсем скоро вы забудете об этом. По крайней мере, рассмотрите там у себя, от чего отказываетесь.

– Да иди ты! – Рудольф с усиливающимся отвращением отвернулся от Чапоса, не понимая, к чему вся эта затея? Девушка мягко прикоснулась к его пояснице и провела по ней ласкающим жестом, истолковав заторможенность заказчика как раздумье в свою пользу. Чешуйчатый гибкий браслет соскользнул вдруг с её запястья и упал к её туфлям из вызолоченной кожи. Она обернулась вокруг своей оси, оказавшись спиной к Рудольфу. Мелькнув жилистыми, но стройными ногами, нагнулась и, умышленно задержавшись при этом дольше необходимого, продемонстрировала свои голые, выпуклые, неожиданно упитанные при худощавом теле ягодицы. Умело повертев продажным телом, намекая на скрытую в тугих полушариях самую главную услугу,

она схватила уроненную вещицу, после чего юрко скрылась в салоне автомобиля Рудольфа, по-хозяйски заняв заднее сидение. Чапос проводил её замутнённым и сложным каким-то взглядом, из чего несложно было заключить, – девица ему дорога и жаль её терять. Но гнусная профессия обязывала. Чапос взял файл с деньгами, изображая достоинство жреца в храме. Не удержался он и от того, чтобы изобразить подобие улыбки, не то любезности, не то поощрения, а не то и тайного усмешливого презрения. Хотелось ему сунуть в рожу добавку к файлу, но за что? Сам-то он, Рудольф, лучше был сейчас?

Чапос стал вдруг суетлив и зол, неожиданно бросил деньги в салон, как нечто не стоящее внимания, что не было ему свойственно, продолжая топтаться вокруг своей машины и совершать вполне бессмысленные действия, то открывая, то закрывая дверцу.

– Десертом что ли обожрался или перепил? – спросил Рудольф. – Чего топчешься? Забирай себе, если жалко, – в данную минуту он готов был забыть и об отданных деньгах, лишь бы Чапос свалил вместе со своим «ночным удовольствием» под мышкой. Оставил бы его в одиночестве. Непонятная давящая сила извне мешала вытащить девку из машины и толкнуть к продавцу назад, не давала произнести и слова отказа. Он только морщился как от проглоченного, невозможно горького куска какой-то дряни, не понимая, что с ним происходит. Лохмотья недавнего кошмара, засорив-

шие сознание, словно бы связали его волю. И вся эта эмоциональная галиматья, не поддающаяся расшифровке, сопровождалась сильной и внезапной похотью к женщине-товару, лица которой он так и не увидел. Она же притихла в глубине машины Рудольфа и не подавала признаков жизни.

– Позавчера, когда я вкушал с вами, та шкура, о которой я вам и рассказывал, умело притворившаяся атласной и чистойшей, сбежала от меня! Но убогого ума не хватило даже на то, чтобы спрятаться получше. Через сутки я вернул её. Она затаилась у своих родителей в провинции, думая, что они ей защита. Я настолько разочаровался в ней, что отвёз её конкуренту в один клуб, где любит ошиваться разная около политическая шушера, и продал. Чтобы не прощать её никогда. А так, если бы оставил, то простил бы. Я слишком добрый. Но женщин прощать нельзя. Они не уважают таких мужчин. В том клубе железная дисциплина и эксплуатация идёт по полной программе, не то, что у меня – домашняя семейная атмосфера, свобода, никакой тебе охраны. Пусть она пожалеет, и не раз, обо мне! Пусть вместо моих ласк настоящего мужчины и поблажек себе выслушивает бредни каких-нибудь политологов по ночам. Они все импотенты. Тот хозяин клуба мнит себя интеллектуалом, и своих тварей близко к себе не подпускает. Непроходимая дистанция. Не видит в них женщин, а только товар, которым торгует. Бездушный бизнес. Зверская дрессура. А я хотел взять её в свою усадьбу. Она и прежде жила от всех отдельно, и толь-

ко я имел право раздвигать её ляжки. Почему все те, кого я хотел полюбить, дают мне под дых? И только затрёпанная шкура клянется мне в любви? Потому что любовь обнажает человека, делает его слабым, а тупое большинство почитает только превосходящую силу. Утончённое же меньшинство, как выяснилось в процессе моей жизни, не для меня припасено.

Жалкая исповедь открыла внезапно его уязвимое нутро, вызвав у Рудольфа слабое подобие сочувствия. То дикое зрелище, что ему привиделось в неожиданном сне, могло и не иметь к подлинному Чапосу ни малейшего отношения. Не мог же он быть в ответе за кошмары Рудольфа. Толстая шершавая кожа скрывала рыхлую начинку и довольно безвкусный сок. Премудрость его была позаимствованной – от начитанности и от общения с загадочным человеком Виснэем Роэл, отцом Нэи, толкнувшим его в юности в сторону самопознания, но нерадивый ученик давно свернул с этого пути.

– Когда я был нищ, ни одна и близко не подходила, как стал богат, облепили одни паскуды. Да. Я отчасти виноват. Я применил к ней с самого начала не ту тактику, потому что привык за столько лет общаться с одними паскудами. Пугал её, не дал ей времени привыкнуть к себе, сразу пропёрся в её девственное лоно, не очистившись душой и телесно, как это положено по законам Надмирного Света. Да я и не знал, что она девственница! Она ведь уже успела побывать ... Скажем

так, у одного любителя свеженьких десертов. Но он её отпустил зачем-то. А так бы...

– Если тебе её жалко, ведь жалко же? Чего не отдал Ал-Физу в индивидуальное пользование? Ведь Ал-Физ отпускает их на волю со значительным вознаграждением потом...

– Зато он поставщикам никогда не платит денег! Всё, что ему надо, хватает бесплатно! За покровительство якобы. А как до дела дойдёт, где оно, его покровительство? Уж сколько нарывались все. С ним лучше дела не иметь.

Тут вдруг Чапос заорал, – А у меня одни убытки! Вот вчера, как уехал, ночью в доме стена рухнула! Девушку одну ушибло, другую искалечило! – он долго кашлял от захлестнувших его надрывных эмоций, – Всё одно к одному. Теперь вместо строительства в усадьбе надо будет здание чинить. А оно ветхое. Проще новое построить. Опять убытки. Надо аренду искать, чтобы девок отселять. Или проще купить сразу другое помещение? Маета одна!

– Стена? – Рудольф потрясённо смотрел на Чапоса. – Не надо было тебе так усердствовать, утверждая торжество твоего персонального «высшего закона». Ты сам и расшатал стены своего гнезда распутства. Ты сам ведёшь себя как стенобитное орудие, когда превращаешь женщину в предмет для самоуслаждения. Если тебя не любят, ослепи себя как Демокрит.

– Я? Расшатал? Чем это? Я купил это здание в уже ветхом состоянии. Денег пожалел, вот и попал!

– Чёрными торнадо и расшатал. Они вырываются из бездны всегда, когда человек становится соучастником её битвы с подлинными Богами. Вслед за человеком она тщится поглотить и божественный порядок. Ты этого не знал?

– Чего? – Чапос смотрел на Рудольфа как на помешанного. – Девушку мне забрать с собой? Уж если вы задумались о божественном порядке, вряд ли она составит вам в этом компанию.

– Какую девушку? – Рудольф начисто забыл о шлюхе в своей машине.

– Да вы что, тоже упились «Матерью Водой»? Или у вас в ваших хрустальных пещерах есть кое-что и похлеще?

– Хрустальные? Откуда ты знаешь о хрустальных пещерах? Кто тебе сказал-то об этом?

– Да хватает осведомителей. Не у вас же одного они и есть!

Страдающий «апельсин» вползал в свою обычную непроницаемую корку, темнел отталкивающим лицом, сворачивал глубоко личный контакт. Девушка, плохо различимая в ночной полутьме, высунула из салона голую выше колена ногу, на которой нечто блестело, оплетая её стройную голень. Следом раздался хрипловатый голос, показавшийся знакомым, но Рудольф точно не имел в знакомых подобных сирен.

– Ну, едем или как? Чапос, утри ты сопли! Кого ты собрался осчастливить? – она говорила повелительно с тем, кто привёз её как товар. Наличие рядом покупателя ей было безразлично, видимо. Хозяин товара опять засуетился, еле

втиснулся в неприметную свою машинку и умчался, пока Рудольф застыл в бесформенных раздумьях, или правильнее без таковых вовсе. Не иначе «Демокрит – апельсин» владел приёмами тёмной магии, практикуемой во всех архаичных обществах, погрузив его в плотное облако, глушившее в нём ощущения и способность к ясной оценке того, что происходит. Оно прицепилось к нему в том «доме яств», то самое сгущённое облако, в которое выделял свою похотливую испарину Чапос, утяжеляя и насыщая его ещё больше, ещё гуще. Запах, невысказанный запах того места никуда не уходил, вызывая пока ещё тупую, приглушённую головную боль, пограничную с тошнотой.

Рудольф достал пару прозрачных горошин из бокового кармана куртки, чтобы купировать боль. Плюхнувшись на переднее сидение, он опять ощутил прикосновение женщины, но уже к своей шее, и резко дёрнулся от неё, не принимая игры той, кого так и не увидел пока. Включать свет и разворачиваться к ней не хотелось, действие болеутоляющего усиливало заторможенность. Она поиграла пальцами, ласково захватив ухо, но не произнесла ни слова. Потом забилась в угол сидения и больше не шевелилась.

Он повёз незнакомую женщину по ночному Главному шоссе к «ЗОНТу», и она молчала сзади. Женщины Паралеи, вообще-то, не были разговорчивы, а таковые и подавно. Представлялось её короткое платье с разрезами и то, как она елозит голыми ягодицами по сидению его машины, оставляя

там свои выделения и свой запах. Не отступающее отвращение к изнанке жизни было всё также в связке с сильной похотью к незнакомке. И он думал, что своей разрядкой спалит в себе заодно и жалость к Нэе. И она будет обречена только на этот низ его жизни. Ей и этого никто уже не даст. Пусть шьёт троллям и ублажает его, когда ему будет нужно. В последние ночи стало происходить то, чего он не хотел уже допустить. Он боялся полюбить её, уверяя себя, что ничего пока не произошло.

В холле «Зеркального Лабиринта» никого не было, и уже недалеко от лифта он вдруг подумал, что девица в целом отчего-то знакома ему даже при закрытости лица. Он был уверен, что лицо её невозможно раскрашено, а вуаль нацеплена для дальнейшей игры и разжигания любопытства. Она закрепила эту плотную кисею на украшенные обручем волосы, открыв лишь губы. Это был своего рода знак качества для мира потаскух, так заявляла о себе особая «жрица» подпольного Эроса, всегда умелая, всегда готовая удивить и всегда дорогая.

Обманул, мразь! Подсунул кого-то, кто уж точно юной невольницей не являлась. Приостановившись, он сунул руку под подол с разрезами до талии. Всё было рассчитано для удобства клиентов, вдруг кому станет неважно уже сразу, уже на ходу. Женщина схватила его руку и поднесла к своим красным, вздутым от особых притираний соком засекреченных трав, губам, полизала умышленно же высунутым,

пупырчатым каким-то языком как у ящерицы, от чего его неожиданно передёрнуло, и возникла решимость повернуть, наконец, вспять, отдать её хозяину. Но Чапос укатил, а самому ехать в столицу не хотелось никак.

Какое-то время он топтался на месте, решая её дальнейшую участь. Отвезти прямо сейчас ночью и вытолкать на перепутье столичных улиц? Дорога туда, даже если потом остаться в столичной квартире, казалась на данный момент непреодолимо муторной и длинной. И он решил запереть её на ночь одну в том самом отсеке, чтобы утром отвезти к продавцу её услуг ради того лишь, чтобы с треском дать тому по морде за обман. Или превратился в рыхлый перегной былой мистический ужас Чапоса перед пришельцами, или же реально загнил сам мозг Чапоса, влача преступника к фатальному концу всякого безумца. Подземное «общество защиты животных» своим человеческим и земным состраданием давно уже стало пособником злодея в его промысле отлавливания девушек лишь ради продажи жителям загадочных подземелий. Нравственный максималист доктор Франк на это и намекал всегда! И такое вот озарение пришло лишь сейчас, когда подсунули закоренелую и профессиональную потаскуху из тех, кто, что называется, по влечению души себя реализуют, а не по преступному произволу ловца юных и беспомощных душ. Прежде такого Чапос себе не позволял.

При одной мысли о Чапосе возник нейрохимический всплеск, вызвавший если и не подавленную уже боль, то её

эхо в голове. И он издал невольный стон, ясно осознав разрушительное воздействие мутанта на собственную психику, поскольку прирождённый колдун обладал неким умением входить в подсознание, минуя его сознание. И это несмотря на свою более низкую организацию и личностную непредставимую темень. Произошло слишком опасное сближение с инопланетянином, что и позволило тому замыкать свои чуждые биополя на волновые и нейро – энергетические излучения самого Рудольфа, утратившего понимание, что за столько лет существования на Троле он давно стал таким же трольцем, и земная защита от внедрения чужаков давно ослабла.

Она ждала, поняв задержку как желание пристроиться где-нибудь тут в пустынном холле, задрав один из клиньев подола своего позорного одеяния, издав нечто вроде мычания, приоткрыв крупные губы. Привычно и профессионально изобразила ответное нетерпение, которого и быть не могло, если только она не была окончательно больной на всю голову. И тогда Рудольф толкнул её в сторону лифта настолько сильно, что она непременно приложилась бы лицом в панель входа, не успеет та открыться. Она влетела в пространство кабины как воланчик для бадминтона, крутанулась вокруг своей оси не без изящества, но мастерски удержала равновесие, не меняя при этом выражения статичного лица, насколько можно было его рассмотреть через скрывающую ткань. При этом она не издала ни звука, ни движения протеста, ничего,

что выдавало бы её гнев, обиду или недоумение. Продажная кукла была выдрессирована. Прежде Чапос доставлял лишь неопытный молодняк, что называется на «любителя чистоты». Они, как правило, вести себя не умели, были естественны, неловки, чем и подкупали, вызывая жалость и сострадание. Эта же вызвала раздражение сразу же, ещё на улице, когда явила свою опытную и грязную специфику телодвижений. В машине по подземной дороге он от неё отвернулся, приказав не шевелиться, едва она сделала попытку заелозить своими ногами.

Особая дева с токсичной начинкой

Оказавшись на месте и заблокировав панель входа, он резко стащил с её волос обруч с вуалью «ночной жрицы», изливая на неё своё усиливающееся раздражение от понимания, что затея не только пустая и психически затратная, а невозможная. Даже минимальная физическая активность была тяжела в данный момент. Внезапно возникшее ещё на улице сильное возбуждение так же внезапно и пропало. Хотелось только лечь и отключиться на час, на пару часов, как получится. И вдруг он застыл как стоп – кадр, увидев её лицо полностью.

Могло ли такое и быть, настолько издевательское совпадение, когда, войдя сюда, он словно провалился в тот самый мусорный контейнер, чем и был, вроде как, отсечённый и

выброшенный блок его памяти? Перед ним стояла Азира! Та танцовщица, которую подтолкнула к нему именно Гелия, как всегда обманутая тем, что он надолго саму Гелию оставит в покое.

Азира была неплоха внешне даже по земным стандартам, но и только. Жадная, развращённая предыдущей жизнью, из которой впитывала всё скверное и пустое, не имея в себе фильтров, встраиваемых воспитанием, она быстро скатилась из его хрустальной мансарды в подземный, сугубо служебный отсек, откуда она сбежала в горы. После поисков была обнаружена на одном из далёких пунктов слежения у дежуривших там космодесантников. Они дружно уверяли, что нашли девушку в горах в запуганном состоянии и проявили сочувствие. Всего лишь накормили и дали возможность отдыха, решив, что она утратила адекватность из-за того, что заблудилась. Даже по её внешнему виду было ясно, что она не шпионка и не беженка, проживающая где-то недалеко. Её никто не обижал, что было просто исключено. Они ни в чём не нарушили устав и кодекс космодесантника. Они всего лишь не успели сообщить о найденной девчонке. Неотложные дела и прочая текучка, да и хотелось дать ей возможность элементарно прийти в себя и не пугать ещё больше. Она жила у них лишь пару недель в отдельном свободном отсеке для отдыха, и они даже не притронулись к ней, только разговаривали и кормили её. Никаких записей компромата на ребят обнаружено не было, поскольку дураки в составе

космического десанта были редкостью, и даже первогодки быстро входили во все тонкости мастерства сокрытия того, о чём управляющему персоналу знать не обязательно.

Было уже не разобраться, что и как там было. Пришлось принять их версию событий. А девушка выглядела вполне приглядной и отъевшейся, умытой, причёсанной и облачённой в земной комбинезон, если отбросить в сторону её странное поведение и абсолютную немоту. И только после процедур в клинике загадочного доктора Тон-Ата она сильно похудела и подурнела. Но каковы бы ни были его методы, женщин загадочный чародей возвращал в житейский мир при полном душевном здравии и ясном уме. О нём ходили легенды, хотя и с примесью холодящего ужаса. Якобы он сочетал своё лечение с курсом длительного голода и содержания больных в полной темноте. Тем не менее, люди выздоравливали, никто из них не умер, не пожаловался, да и не помнил ничего о самом лечении. А пышные формы они наедали себе заново, если того хотели.

После излечения сдвинутой психики Азира окончательно уже исчезла из зоны видимости самого Рудольфа. Чапос отвез её в глухую, засыпаемую песком из близких пустынь провинцию, сунув деньги, предварительно и ограбив, не без этого. Где-то там она и родила девочку, умершую впоследствии от инфекции. Так она заявила Гелии, когда вернулась в столицу и рассказала ей всё. А что Гелия? К тому времени она уже окончательно утратила способность к любым чело-

веческим чувствам, она доживала данную ей жизнь в режиме автоматизмов, всё глубже уходя в мир иллюзий, в декорации чужих и собственных вымыслов. Гелия, гнушаясь Азирой, как маленькой частичкой отвратительного ей в целом мира Паралеи, помогла ей опять. Помогла специфически, не желая её возврата в театр, бывший в её мнении подлинным Храмом искусств, а через знакомых, – у неё их было много и весьма разнообразных по стилю и уровню своей жизни, – устроила девушку в некий элитный клуб. Подобного рода заведения тоже имели ступенчатую структуру, и Азира в этом смысле обреталась где-то ближе к уголовному подвалу, параллельно неся вахту любовницы Чапоса. В настоящее время Азира вместе с Чапосом (ирония жизни) оплачивали ту самую квартиру, где когда-то жила Гелия. Альфа-самец в своей кровожадной стае, Чапос стал неразлучен с лучшей эротической танцовщицей клоаки. Чёрная классика жанра прошлого Земли проявилась и тут, в Паралее, – проститутка и уголовник – сапог сапогу пара, не разлей вода.

И вот она сидела перед ним, ничего уже не боясь после того, как держала за концы высших представителей их мира. Пусть день, час или пятнадцать минут где-нибудь в тёмном углу, провонявшем скотской испариной, но это наделяло её сопричастностью к их жизни, столь отличной от жизни бедняцкой, откуда была она сама. Видимо, она считала, что на неё падают частицы их избранности, и она сияет особым сиянием перед своими бывшими подругами и соседями, остав-

шимися в безвылазной бедности. Она вела себя нагло и бесстрашно, ведь клоака, где она обитала, отбила у неё все тонкие и приличные чувства. А всё же...

– Ну что, акробат, – произнесла она вдруг, – привёз меня в свой подземный балаган? Когда-то я боготворила тебя, но те времена давно прошли. Впрочем, почему давно? Выходит, я старуха? Нет. Это было совсем недавно. Веришь, до сих пор жалею тот браслет, что тебе отдала по собственной дурусти. Так и покинуло меня моё везение, как ты его забрал у меня. А тут мне одна осведомительница, что из вашего же сообщества учёных людей, – хотя она такая же учёная, как я девственница, – сообщает о том, что Нэя тобою пересажена из глиняного столичного убожества в хрустальный буквально дворец. Думала, что я почернею от зависти. Это правда, я в юности ей завидовала, но уж давно не теперь. И вот что теперь думаю, не тебя я тогда в юности видела в том балагане. Тот парень был добрым, лучезарным буквально, а ты – оборотень бешеный. Разве я не помню, как ты хотел меня убить?

– Никогда я не хотел тебя убить, а только пришибить слегка, как назойливую муху! – сказал он.

– Муху? Уже любопытно. Так ведь бывает и такое, что и от укуса мухи можно сдохнуть.

– Дохнут насекомые. Люди умирают.

– То люди, а ты разве чел? Хотел, хотел меня убить! Я же помню твоё лицо, ставшее страшным как у подземного ду-

ха, когда ты положил меня на постельку в этом самом подземном балагане и для чего-то сковал мне руки и ноги, а потом вытащил какую-то непонятную страшную штучку, чтобы всадить её в меня! Уже и примеривался.

– Это был твой бред от передозировки, – ответил он.

– Нет. Ты же сам однажды отвёл меня к тому подземному старику, который и очищал мою кровь от остатков того, чем пичкал меня Чапос. Ты того не знал? Да. Это был Чапос – моя любимая тварь и грабитель тех денег, что я и зарабатывала своим адским ремеслом. Или ты думаешь, что я была счастлива от собственного ремесла? От всех тех вывертов тела, коим меня обучили в той мерзопакостной элитной школе танцев? Никогда я не была счастлива. Ни единого дня, ни единой ночи, исключая разве то время, когда вообразила себе, что ты меня полюбил. Да недолго я обольщалась. Как поняла, что не нужна я тебе, и ты забываешь обо мне сразу же, как я покидаю твою хрустальную башню, надолго забываешь, то подумала, чего ждать? Ладно, Чапос – лжец, но и ты оказался не лучше. Надо деньги на немощные дни зарабатывать. Да ведь чем больше у меня денег было, тем больше их к Чапосу перетекало. Он же бочка без дна. Тут уж и твоя вина была.

– Чего ты вдруг разоткровенничалась? – спросил он, насколько её не жалея, а жалея только о том, что притащил её сюда.

– Потом поймёшь, если это «потом» наступит. Можно и

так сказать, предсмертное раскрытие души.

– Умирать собралась?

– Никто не собирается, да всякий умирает. Ведь и ты можешь внезапно умереть. Если ты чел, а не оборотень подземный. Как у вас тут, у оборотней, бывает, я не знаю, но Чапос мне как-то рассказывал, что вы тут подобны нам обычным и поднебесным людям во всём, кроме своих хитрых устройств и летающих машин. Другая цивилизация, а люди те же почти. Чапос не глуп. Чапос – наблюдательная тварь, в его замесе принимал участие сам Ал-Физ. Хотя Чапос в сравнении с Ал-Физом реальный выродок, что и часто наблюдается у тех отцов, кто сами слишком уж щедро бывают одарены. Природа она такая, всякому роду отваливает общий клад ценностей, а как там будет происходить распределение богатств, ей наплевать. Кому отвалит столько, что диву даёшься, что так много-то? А другому ничего не достаётся, ни ума, ни здоровья, а порой и рук ног не додаст. Слепая, может? И врем мы сами себе о каком-то там добром и справедливом Надмирном Отце?

– В чём же одарённость Ал-Физа?

– Он тебе интересен? И ты очень уж его интересуешь. Только не радуется никто, если Ал-Физ им заинтересуется. Он же не добряк Надмирный Отец, чтобы дары валить на голову того, кто и удостоится его высшего взгляда.

– Я его не боюсь.

– Зато он тебя боится. А это гораздо хуже, чем если бы

боялся ты сам. Ал-Физ любит тех, кто перед ним дрожит. И не любит тех, кто его сильнее. Зря ты возник из своего подземного мира так открыто, что Ал-Физ о тебе узнал.

– Решила предупредить об опасности ради нашего общего прошлого?

– Ты всё же лучше, чем я о тебе думаю, – вздохнула она. – Ты всегда оказывался лучше, когда я думала о тебе только плохое, а вот когда я тобою обольстилась настолько, что решила стать матерью твоего ребёнка, ты хотел меня убить.

– Не было такого, – вяло отозвался он. – Ты одела меня в одеяния собственного безумия, вот что тогда и произошло.

– Когда я удрала из твоего балагана в горы на поверхность, меня нашёл в горах один из горных демонов, он сумел привести меня в чувство. Накормил и дал приют. Молоденький был, добрый, так что демоном он, конечно, не был. А то я точно пропала бы. Для чего же ты так сделал?

– Я всего лишь хотел тебе помочь, дура проклятая! Освободить и тебя, и себя от последствий, которые ты и расхлёбывала потом одна. А ты сбежала!

– Зачем бы тебе обо мне заботиться? Ты хотел меня убить!

– Ты больная была, а я хотел только помочь тебе.

– Да ну? С таким лицом полез, чтобы вылечить? С таким лицом только убивают!

– Зачем мне было тебя убивать, недоделанное ты чадо своего рода?

– Тебе лучше знать, чем я тебе помешала. Может, ты рев-

новал? К Ал-Физу?

– Да я и знать не знал о твоих похождениях в логово Ал-Физа!

– У него не логово. Логово здесь у тебя. А у него просторные сады и светлые дворцы как у Надмирного Света. И потом, ты же периодически заменял меня своей Гелией? А когда с нею надоедало, ты меня к себе опять приближал. Так и я не терялась. Точно также тасовала вас, – тебя, Чапоса, Ал-Физа. И всякому влиwała в уши, как вы неподражаемы и неповторимы. Ах! Я сознание теряю во время оргазма! А я за всю свою жизнь так и не узнала, что это такое и есть. Притворялась только. Может, сегодня у меня получится?

Разговор по душам с той, кому отказано в её наличии

– Неплохое начало для предстоящих ласк «точёной особы, предназначенной лишь для высоко статусных членов», – отозвался он, вдруг вспомнив ту совместную с Гелией вечеринку в «Ночной Лиане», где Азира бесстыдно себя рекламировала.

– Разве ты аристократ? Вроде нет. Так что мы с тобой давно свои, врать друг другу и незачем. Строить из себя знатков этикета тоже незачем. Ты, помнится, без всякого этикета затрахал меня до полусмерти, а потом и выбросил с ребёнком в глухомань. Что другое, а это ты умел, трахаться то есть.

Помнится, мне поначалу оно и нравилось. А всё же, до Ал-Физа ты несколько не дотягиваешь. У тебя дар на лице твоём открыто выражен, красив ты невозможно. А у него в том месте, какое прячут люди в отличие от зверей. Зря твоя Гелия его оттолкнула в том закрытом клубе. Может, он-то как раз её удовлетворил бы настолько, что она не ходила бы уже с кислой физиономией от вечной недостачи чего-то. Тогда как обладала лучшим мужчиной континента. Тобою! Лови комплимент, я щедрая и честная женщина. Мне Чапос рассказывал ту историю, как ты отловил охранников Ал-Физа и моментально испепелил живьём из своей колдовской штучки. Чапос даже поседел от пережитого ужаса. Он же тебя туда сопровождал и видел, он врать не будет. Говорил, едва паралич его ноги не сковал. Он обоссался даже. Ал-Физ уж не стал больше рисковать, как обнаружили в его личном парке обугленные косточки и пепел вместо лиц его надёжных охранников. А вот одежонка-то целенькая была. Намеренно оставили, чтобы дать понять, что следующий на очереди он сам. Он и подумал, девок полно, что ему Гелия? Сегодня возжелал, завтра остыл, у него это в порядке вещей. А Гелия лишила себя незабываемых ощущений. Вот кто непревзойдённый по мощи любовник, а ведь в возрасте чел. Каким же он был в молодости? Это надо у Ифисы спросить. Она его до сих пор забыть не желает.

Он сел на угловой диван, узкий и неудобный, стоящий у стены, противоположной той, возле которой стоял столик с

приготовленными нехитрыми яствами. Довольно скудными, поскольку кормить ожидаемую шлюху намерения не было. Женщина окинула взглядом стол с полным безразличием. Голодной она точно не была. Сев в кресло у стола, приняв подчёркнуто пристойную позу, сжав колени и расправив подол так, чтобы из разрезов юбки по возможности не торчали ляжки, она сказала, – Почему так отдалился от своей гостью? Что же не торопишься предоставить мне для ласк свою отличную и крепкую штуковину? Я помнила не только твоё лицо, но и твою сокрытую, реальную роскошь и тогда, когда мы расстались, если вспоминала о том, как нам было хорошо в процессе телесного соединения. Что касается души, ты всегда избегал душевного соединения со мной.

– У тебя нет человеческой души.

– Есть! Иначе я не тосковала бы...

– У тебя растительно-животная душа. А тосковала ты от собственной ущербности.

– Ты не любил меня... – произнесла она неопределённо – вопросительно, как будто ожидая опровержения.

– Конечно, нет!

– А Нэю любишь? Что же тогда не входишь с нею в душевно-телесный экстаз?

Он равнодушно молчал, общаясь через усилие и странную лень, обдумывая те конкретные действия, необходимые для её удаления отсюда. Может, задействовать Инара Цульфа, безотказного агента для щекотливых поручений? Кто-

нибудь из ребят доставит гостью наружу, чтобы уже Цульф и отвёз ту в столицу? Перед Цульфом, обязанным своим устройством сюда именно Рудольфу, стоит ли церемониться? Но наступила ночь, болезненный Цульф лёг спать. Подобное экстренное поручение не входило в привычный перечень поручаемых тому дел. Пятна собственноручный безупречный фасад в глазах догадливого Цульфа уж очень не хотелось.

Азира продолжала, – Нэя слишком уж возвышенная. Её возможно лишь любить, но нельзя иметь как шлюху. А тебе не хочется никакой привязки. Затратное это занятие, любовь...

Конечно, Чапос и поведал ей, что Нэя тут обитает, а уж остальное она домыслила сама.

– Только ведь и у возвышенной, и у шлюхи вагина скроена по одной природной выкройке. В чём же тогда дело? А оно в том, что ты боишься полюбить. Не хочешь привязки именно что души. Это потому, что Гелия слишком сильно, слишком больно укусила тебя в своё время за сердце. Дрянная была женщина! И только я всегда понимала её настоящую суть. Она же была оборотнем! Вот тебе и досталось, поскольку ты не оценил, какая настоящая женщина оказалась рядом с тобой. Та, которая могла бы стать твоей настоящей женой и матерью твоих детей. Но ты отказал ей в наличии человеческой души, а сохранение ребёнка даже не засчитал за её подвиг во имя любви. Разве ты понимаешь, через что

я прошла?

Он засмеялся, – Ты мечтала стать моей женой? Прыгала из одной постели в другую, как будто на нескольких станках трудилась, сдельную работу выполняла...

– Это твои домысли, – нагло опровергла она. – Ты просто искал повод, чтобы меня обвинить. И тот дедушка врач доказал тебе, что ребёнок был от тебя. Я знаю. Выходит, у меня нет души? И не надо! Возвышенных душой любят, зато, когда их бросают, это для них трагедия. У меня, к счастью, не было в жизни трагедий, поэтому я здоровая и красивая, несмотря ни на что.

– Ты научилась отлично разговаривать, – заметил он.

– Конечно. Мой учитель и покровитель Ал-Физ в отличие от тебя не считает меня растительно-животной душой. Таких мужчин вряд ли и больше пары-тройки штук на целый континент. Ни одна женщина, к которой он прикоснулся, его уже не забывает. А почему? Как думаешь?

– Не думаю о нём, и уж тем более о его сексуальных победах.

– И зря. Всякому стоит подумать, если вдруг встретится на его пути необычный сам по себе человек. Чем он других превосходит, что за сила ему дана, что судьба со всеми своими благами ему служит? Или тут что-то другое, и не в личном превосходстве дело, а в его умении заставить работать те внутренние и встроенные в человека механизмы, какие и всякому даны? Он женщин отнюдь не через вагину их

покорял, а через воздействие на душу всякой, находя ту самую дверцу, что и открывается через ласковые особые слова, через то отношение, о котором та и мечтает. А ты думал? Только и орудовал тем инструментом, пусть и отличного качества, но который не настолько уж и уникален? Многие таким-то обладают. Он способен не только женское тело, а и душу её ласкать. Вот он каков! Наше с ним общение было и есть всегда гармоничное. Только то и печально, что сам он ни одной не принадлежал и не принадлежит.

– Опять этот Ал-Физ, многогранный, многоликий, много-рукий. Многочлен, одним словом. Кого ни встретить, всякого он затронул так или иначе. Такое чувство, что целая армия клонов с личиной и именем Ал-Физ живёт и действует на континенте.

– Опять болтаешь на своём колдовском языке? Но твоё колдовство уже не способно пробить защиту моей души. Пережив те ужасные страдания, коими столь щедро осыпала меня жизнь, я обросла такой корой, что содрать её с меня возможно лишь с самой жизнью. Я стала нечувствительной и жёсткой, как дерево. Кое-что и потеряла, конечно, но в основном-то лишь способность обольщаться и трепетать, а гораздо больше приобрела.

– Отлично развилась за эти годы, признаю, – сказал он, безразличный к её личным достижениям.

– В отличие от тебя, Ал-Физ не жаден на то, что способно развить тех, кого он и приближает. Вначале жалела, что

познала его близко несколько поздновато, а потом поняла, будь я неопытной девчонкой, он мимо бы прошёл и не взглянул. Девчонки редко интересными бывают, поскольку глупы и почти все кажутся умному и чрезмерно искущённому человеку на одно лицо. Чтобы такого привлечь мало внешней пригожести, яркий талант души нужен. Но ведь у юной девушки этот самый талант ещё дремлет, не проклюнувшись...

– Насколько мне известно, Ал-Физ не любит те плоды, что валяются у всех под ногами. Он срывает плоды тугие, налитые свежестью и напитанные светом, с недоступных вершин.

– Я говорю тебе о душевном общении. Услышь, о чём я тебе тут воркую. Ал-Физ входит в женщину через её душу. И никак иначе.

– Очень похоже на правду, если знать, во что он превращал женщин, посмевших его отвергнуть. Их избивали и даже калечили его личные телохранители – злобные псы с квадратными челюстями.

– Ты о Гелии? Она его не отвергла, а напала на него всего лишь за то, что он дал беспощадную оценку её сомнительным достоинствам. Тогда как она мнила себя самой драгоценной женщиной континента и смотрела на всех свысока, если не с презрением. Ал-Физ же посчитал её за красивую шлюху, поскольку знал, что она женщина двух мужчин. Почему бы не стать третьим, если ему захотелось? Она разбила о его голову сосуд с «Матерью Водой», за что и была схвачена телохранителями, как та, кто покусилась на жизнь че-

ловека из Коллегии Управителей! Ал-Физу было не до неё, когда его лицо было залито кровью. Но именно он прекратил её преследование по закону. А так ей грозила бы высылка в пустыни. Будь она умной женщиной, то использовала бы всякую возможность обогатить себя во всех смыслах через посредство таких властных и исключительных мужчин.

– И чем же он тебя-то одарил? Если ты как была, так и осталась «особой девой»!

– А мне такая жизнь нравится! Я трахаться уж очень люблю, а работать ненавижу!

– Подробности той истории с Гелией откуда знаешь? Вряд ли он сам пожаловался.

– Уж понятно, что нет. Да ведь тот, у кого всюду прислужники, не может сохранить ни одной личной тайны. Вот ты умник. Всегда один. О тебе и не знает никто и ничего. Кроме меня. Я всегда слежу за тобой.

– Зачем?

– Догадайся.

– Не свисти о том, чего нет, и быть не может.

– Я любила тебя. И моя растоптанная любовь стала ядом!

– Так и подавись им!

– Как бы самому не пришлось... – она замолкла, испугавшись выражения его лица. Заелозила, а потом уже ласково продолжила, – Хорошая у нас разминка. Горячая. Я даже вспотела. У тебя где-то тут душ был? Но я потом им омоюсь, как ты потребишь меня как шлюху.

– Заткнись, тварь! Я к тебе и не прикоснусь! А сутенёру твоему нос расшибу в лепёшку за такой подарочек.

– Словечки как всегда непостижимые для слуха. Ну, не сердись. Ты бесподобен, и я до сих пор скучаю по тебе. Открою тебе тайну. Никогда и ни по кому не скучала, а по тебе -да! Только с тобой я испытывала ту гармонию единения, о которой все бредят, но редко кто достигает.

– Разве не Ал-Физ твой источник для обретения гармонии?

– Уж очень не хочется тебя хвалить, но ты лучше Ал-Физа. Хотя бы тем, что молод. Хотя бы тем, что загадочен. Хотя бы тем, что ты оборотень, и твоё мужское жало напитано особым, весьма острым и сладким ядом. Он сразу всасывается в кровь и остаётся там надолго. Я до сих пор не освободилась от тебя. Для того и явилась, чтобы, наконец, освободиться.

– Как понимать?

– А так. После меня других женщин у тебя уже не будет.

– Как только Ал-Физ не отрезал тебе кончик твоего языка. Чтобы не молола всякую чепуху.

– Мой язык для Ал-Физа очень ценен. Я приношу на его кончике очень много, важных ему, сведений. Покажи мне свой настоящий облик. Я сохраню всё в тайне.

– Дура! Здесь у всех тот облик, который жёстко задан личной природой. Даже ваши редкие местные чародеи, вроде Тон-Ата и ему подобных, не способны менять тот облик,

который и вынуждены были тут принять. Не считая того, что могут вводить в кратковременную иллюзию захваченное сознание какого-нибудь простака.

При упоминании имени Тон-Ата она вздрогнула. Почти детский испуг расширил её глаза. – Может, позовёшь меня жить к себе? А Нэю выкинь из того хрустального дворца, где она строчит платица тем зазнайкам, кто ради потехи мужчин идут на сумасшедшие траты.

– Я не имею к её деятельности никакого отношения. Её туда Инар Цульф вселил. Глава Хозуправления в Администрации города. Запрос был со стороны местной общественности на особое украшательство, уж коли город особый.

– Ага! Сочиняй. Я забуду об Ал-Физе. Я хочу повторения того, что когда-то у нас было. За это смерть та цена, которую я готова заплатить. Если Ал-Физ найдёт меня. Но он не найдёт. Мы же будем жить здесь. Да к тому же я хочу умереть молодой, чтобы не становиться прокисшей старухой с дряблыми ляжками и с бесформенно обвисшим лицом. Это рабочей скотине без разницы, поскольку она трудится и в старости, а я ничего не умею, кроме как ублажать мужчин своей красотой. Я не Нэя. С меня пылинки сдувать не надо, аристократические капризы утолять не надо, да и дворцов хрустальных мне не надо.

– Заткнись! Повторно прошу. Если я разозлюсь по-настоящему, то вышибу тебя в хозблок. Где хранятся роботы. А я их активирую, чтобы они жужжали тебе колыбельную на

ночь и бегали по стенам и потолку. Ты же боялась их безумно, помнишь?

– Колыбельную на ночь петь сегодня буду я. Я спою её тебе на ушко, и это будет незабываемая песня. Слушай, а ты становишься как Ал-Физ! Всё разговариваешь, всё тянешь чего-то. Или немножко заржавело твоё прежнее железное и мужское устремление к женщине?

– Ал-Физ утратил свою прежнюю потенцию? – спросил он без всякого интереса к сугубо личной тайне Ал-Физа.

– Ты у его наложниц спроси. У нас с ним исключительно деловые отношения, – ответила она с безразличием.

– И какие же? – спросил он.

– Такие. Секретные. А за секреты платить надо, – ответила она.

– Все ваши трольские секреты давно мне открыты.

Она засмеялась, – Какой же ты простодушный, а ещё оборотень! За иные секреты люди платят жизнью!

– Мне твои секреты и даром не нужны! – она начинала злить нешуточно.

– А я даром ничего тебе и не отдам. Ты заплатишь мне за эту встречу самую высокую цену из всех возможных. И жалеть потом не будешь. А теперь приступим, вон как трогательно ты оформил это подобие стола. Отметим, если не душевное единение, так сам праздник встречи!

Нападение ядовитой твари

Набросившись на приготовленную еду, она поведала, что ребёнка, пока носила его в себе, ненавидела так, что блевала от ненависти, а родив, бросила малютку диким и нищим провинциалам, которые её, похоже, и уморили. Что и ждать от полумутантов, всё пожирающих из тех щедрот, что она привозила...

Но тут-то он жадной дрянью и не поверил, не давала она ничего своему ребёнку, а Гелии не привезла из ненависти к ним обоим.

А теперь она блистающая ценность своего мира! Богата, любима, и равных ей нет в её «высоком» искусстве. В чём он и сам убедится, не понимающий ни в чём, здоровый как гора, но ей и не страшный давно. Но уж так и быть, она по старой памяти даст ему подлинное мужское удовлетворение, работа у неё такая. И она положила ноги на кристаллический стол, сдвинув ими тарелки и едва не опрокинув бокалы. И захохотала, потому что была, или изображала это? под воздействием психотропных веществ. Ноги оплетали паутинные цепочки из недорогих сплавов, усыпанные мелкими бусинками и блестящими бисеринами, всё это звенело и переливалось. На интимном месте, открытом задранном подолом, алел лоскут кружева, держащегося на тех же цепочках. Медленно раздвигая ноги и впитывая его реакцию на свои продуманные

соблазны, она пьянела от собственной неотразимости, мутнела лихорадочными глазищами, беззвучно открывая рот и дразня языком. И по мере того, как он отодвигался от неё, она изощрялась в явно издевательской откровенности всё больше. Сорвала кружевной алый «фиговый лист» вместе с цепочками, а он и так ничего не закрывал, после чего застыла, ожидая его немедленной атаки, дразня полностью выбритым лобком и густо-розовой открытой телесной ракушкой. Но ничего не происходило. Она сорвала туфлю с ноги и бросила в него. Следом полетела вторая, но и она не достигла цели. В руке её оказался стакан с лимонным соком. Лимонные и грейпфрутовые деревья росли в горах, посаженные давно-давно «ксанфиками» – ботаниками предыдущих вахт. Скорее всего, и бокал ожидал тот же полёт, но её заинтересовало содержимое. Она щерилась и приняховивалась к соку.

– Детскую мочу пей сам! Я вина хочу! Такого как «Мать Вода».

– Обойдёшься, – ответил он равнодушно, – ты сама-то дешевле одного бокала с этой вашей «водой».

Она присматривала, чтобы ей ухватить со стола, но так ничего и не тронула. – Ужин-то твой нищенский, безвкусный, как безвкусен ты сам. И квартира эта твоя, пустая вся с каким-то стеклянным кубом вместо человеческого стола.

– Чего тебя так плохо выдрессировали, что ты обижаешь своего потребителя? Где же обещанные ласки? – он издевался. Он никогда не смог был к ней и притронуться.

– А тебя не удивляет, что у меня такая чёткая память на события, о которых я тебе и поведала? Я же, вроде как, с ума слегка съехала тогда?

– Не слегка, а со свистом ты съехала!

– Меня вылечил один очень могущественный человек. Ведь в ту пору, когда он лечил меня, я и понятия не имела, какой властью и богатством он наделён на отдалённых отсюда островах. Даже не знаю, к чему ему была нужна та возня с чокнутыми аристократами, чем он занимался у нас в столице. Он лечил и простых людей, если они того стоили. Жалостливый был или же и сам отчасти чокнутый, мне-то что. Он один умел возвращать людей из тьмы безумия. Не удивляйся ничему, поскольку сама наша встреча была устроена именно мною. А мне уж очень хотелось с тобою повидаться. Смотрю на тебя и удивляюсь. Вроде прошли не дни, а годы, а для тебя будто и не было их. Смотрю на тебя и точно, не было никаких лет, а так, лишь пару суточных кругов совершила Ихэ-Ола по небу. А вот если смотрю на себя, то понимаю, что прошли годы... – Азира приклеилась к зеркальной сфере лицом, не понимая её назначения и приняв за декоративную безделушку. – Я же всегда понимала, ты – оборотень, а не человек! Вот я и вернулась к тебе, чтобы удостовериться, так ли это. Проведу над тобою собственный опыт, но не тот, что Тон-Ат проводил надо мною. Он-то ради моего блага старался, а вот твоего блага я как раз и не хочу...

– Да вовек ты ему не понадобилась бы, если б не Гелия! –

он невольно включился в запальчивую перебранку с нею. – Ни безумная, ни разумная не нужна ты ему была даже как опытный образец. Только корысть и могла подвигнуть его прикоснуться к тебе, потратить на тебя своё время. Гелия заплатила ему очень уж немалые деньги.

– Гелия? Да не смейся! Она была жадна, как и все в нашем продажном мире искусства.

– В вашем? Ты-то и рядом с Гелией никогда не стояла! У вас были разные миры и разные искусства.

– А чем, собственно, и разные? Она продавалась тебе точно так же, как продавалась и я в своё время. Не скрою, я сочтала в те времена корысть с очень приятным мне занятием. Нам с тобою было хо-хо! Отлично! – Азира не без удовольствия смаковала необычный ей цитрусовый напиток. – Хо-хо! Отлично! Если бы он был к тому же и опьяняющим, цены бы ему не было. Это я о твоём угощении. – Азира брезгливо вылила остатки сока на пол. – Бодрит, но не возбуждает. Только и способен, что нагрузить мочевого пузырь. А я люблю всё то, что возбуждает и раскрепощает. – На некоторое время она удалилась в санблок, отлично помня, где он находится и как функционирует. Оставалось лишь подивиться её памяти. Но такое чувство как удивление уже покинуло его, едва он стащил с её лица маскировочную вуаль. Он вяло размышлял над тем, как обезвредить себя от дальнейшего общения с ней. Мягко нейтрализовать или запихать в технический отсек? Запереть до утра, а потом попросить первого

встречного и свободного подчинённого удалить её за пределы стен ЦЭССЭИ без обеспечения ей комфортной доставки в столицу. Пусть сама, сука, в своём позорном платье добирается через дебри домой, как сумеет! С омерзением вытирая гигиенической салфеткой лужу сока, словно она была мочой самой Азиры, он еле удерживал себя от того, чтобы не смести со стола всё то, что и приготовил для совместного вкушения с ожидаемой «особой девой», оказавшейся подsunутой ведьмой. Та вернулась умытой и заметно посвежевшей. Для чего-то она смыла с лица весь грим и показалась почти прежней. Распустила свои блестящие волосы по плечам и загадочно улыбалась, словно приглашая и его войти совместно с нею в мир прежних совместных радостей. А ведь радости были, как ни корчило его от их следового наличия в памяти.

Устроившись в кресле по-свойски и удобно, она вперила в него мнимо загадочный и блестящий, а на самом деле пустой и кошачий взгляд, играя своими коленями, то сдвигая их, то раздвигая. Он молчал, стоя в углу, и она начала болтать первая.

– Наш мир с детства связывает женщину такими путями, что приходится потом избавляться от них посредством не самых безопасных для психики способов. А моё происхождение была таковым, что не путы даже, а целая сеть опутывала моё сознание. Хорошо ещё, что искусство танца раскрепостило моё тело. Я отдирала эту сеть от себя годы, чтобы

достичь такой лёгкости и мастерства, что даже люди из Коллегии Управителей мне не в диковинку. А согласишься, это тоже искусство, – увлечь подобных персон собою.

– Как же тебе удалось влезть в тайную резиденцию Тон-Ата на островах? Как он тебя допустил туда? Или он отслеживал, используя и тебя в числе всех прочих, замыслы Ал-Физа? – он пропустил мимо ушей её похвальбу о своих половых связях с людьми из Коллегии Управителей. Там обитали точно такие же животные, что и всюду.

– Всё-то тебе скажи. Мы не в прежних и почти родных отношениях, как когда-то. А что ни говори, мне жаль, что всё осталось позади. Мне было с тобою хо-хо! Отлично! Хорошо, как редко с кем и было. Поэтому и ты ничего не забыл. Хо-хо! Отлично это чую! Только не суйся в тайны Тон-Ата. Никому того не удавалось, чтобы сунуться и не заплатить чрезмерно за своё любопытство. Я ничуть не верю, что он погиб вместе с твоей Гелией. Уверена, что он жив и здоров. Да и многие не самые глупые люди Паралеи в том уверены. Тон-Ат не только аристократ с отдалённых островов, но исследователь, вроде тебя. Не знаю, конечно, чего ты тут исследуешь, но думаю, что-то и любопытное, раз вы тут торчите целым сообществом столько-то лет, если не поколений. Я во многое теперь посвящена, не то, что прежде было. Тон-Ат – маг, это правда. Намного более могущественный, чем ты. Правда, я его случайно обидела, было такое... Но он меня простил. А вот тебя я не простила. Пусть тебя Надмир-

ный Отец прощает, если у таких как ты и тебе подобных Он есть. Тебя все считали ненормальным, включая и твою жену Гелию. Ты никогда не умел ухаживать за девушками, зато умел причинять боль! Говорят, ты и Нэю выкрал из столицы для тех же целей! И врёшь ты, что не используешь её как шлюху! Ты платишь ей за своё обслуживание. Ничем другим нельзя объяснить ту роскошь, в какой она тут и утопает. Не всякая аристократка выглядит как она. Ей тут такая воля и возможности, что и в столице о ней галдёж стоит, не утихает. Её многие помнят. Помнят, как она нищенствовала после того, как была вышвырнута Тон-Атом в отщепенки, и её роскошная грудь, как и её сияющие небесные глазки мало чему там поспособствовали. Ведь врала всем, что вдова! Старик-то жив! Видела его собственными глазами в столице не так уж и давно. А теперь она поднялась с твоей помощью в своём тряпичном бизнесе, когда хозяйкой живёт в огромном и прекрасном дворце. И все буквально дохнут от зависти.

– И ты в том числе?

– Я? Чего мне ей завидовать? Я живу хо-хо – отлично! Не хуже, чем она. Только я вольная женщина, а она связана по рукам и ногам деспотичным хозяином. Тобою. А уж насколько ты переменчив, ей ещё придётся это вкусить! – Она опровергала сама себя, то завидуя невиданной воле Нэи, то обзывая её невольницей чужой прихоти. – Чего же обо мне не вспомнил, как потребовалась тебе замена Гелии? Разве я была бы хуже этой ломаки и давно бывшей аристократки? Я

тоже могла бы стать не худшей из твоих привязанностей. Если ты вдруг стал нуждаться в услугах женщины, – а насколько мне известно, ты после гибели Гелии жил как бесполой, – я была бы предана тебе одному.

– Ты не можешь знать, без кого я обходился, а в ком нуждался...

– А я знаю! Я всё про тебя знаю. Ифиса всю твою личную жизнь отслеживала и Ал-Физу о том рассказывала. Ал-Физ и не считает тебя человеком, думая, что у подземных обитателей какая-то особая природа, но я-то помню, каким ты открылся мне... Только ещё один человек был точно таким же... Нэйль... Он никогда не мог прикоснуться к женщине, исходя лишь из мужской и чисто-животной надобности. Он приближал лишь ту женщину, которой открывал своё сердце. Потому и был он настолько всем желанен и настолько же недоступен... На том речном острове твоё лицо и небесные светлые глаза сияли даже в ночном полумраке, как у Нэйля... И ласкающие сильные руки, ищущие милые губы, как у него... и моя искренняя страстная самоотдача, каковой не ведал уже никто, кроме Нэйля и тебя...

– Как же тогда Ал-Физ? Чапос?

– Они порождения этого подлого тяжкого мира, такие же подлые и тяжкие. А Нэйль был совсем другой. Ты тоже не такой, как все. Я хочу постоянства и любви. А что? Не похоже? Видишь, я умылась и такая же свеженькая, как и была в те времена, когда ты таял при одном взгляде на меня. А

фигурка у меня разве не блеск? Разве я не подобие «Мать Воды»? Чем же я хуже Нэи? Прочуешь опять, что лучше, всё будет хо-хо! Отлично!

Пылала ли она настоящей ревностью или только кривлялась, ему было всё равно. Даже повеселила мысль о самой возможности сделать Азиру своей, как она выразилась, привязанностью. Такого и в прошлом не случилось, а теперь-то... Её покрасневшее лицо, утратив шутовскую весёлость, приобрело вдруг вид откровенной ярости. Она так и не дождалась того, к чему привыкла со стороны тех, на ком отработывала свои приёмы сексуальной экстремистки.

Рудольф слонялся по отсеку, словно находился тут один. Она же, забравшись в кресло ногами и уже из него вскарабкавшись на стол, как кошка чуть ли не замыкала, зашипела от злости. Глаза искрились, как оголённый провод. Она задрагла клинья своего подола до самых ушей, явив всё своё возможное непотребство, то самое «высокое искусство» зияющей бездны. Именно там она и обитала уже давно, являясь её жрицей, её живой маской для жаждущих взглянуть этой самой бездне в лицо.

– Хо-хо – отлично? – прошептала она свою нелепую при сказку с наигранным изнеможением, приглашая его приступить немедленно. Она опустилась на колени, чтобы облегчить ему доступ к себе, грудью елозя по столу, с которого сбросила всё угощение на пол. Резкие ароматы тропических цветов забили Рудольфу носоглотку, словно женщина впи-

тала в себя огромную оранжерею, где концентрация чуждых запахов кажется едва ли не токсичной. И тем не менее, все его ощущения были притуплены, и зрительные, и обонятельные. Даже слушая её намеренно оскорбительную исповедь, он был равнодушен и к ней, и к её речам, пребывая в частичной отстранённости от того места, где находился с купленной шлюхой. Основной же частью своего сознания он был там, где продолжал созерцать фею-жемчужину в её причудливой, пусть и захламлённой отчасти, но бесподобной прозрачной комнате – шкатулке.

Через туман собственных размытых грёз о Нэе он увидел, как Азира встала на стол ногами, как жадно живая покупка разглядывает его, к чему-то прицеливаясь в нём, словно ища уязвимое место и удобный момент – для чего? Уловив его внимание, она опять повернулась к нему спиной и, прогнув поясницу, открыла полушария своих ягодиц, ожидая, что распалённый самец прильнёт к её зазывающему сокровищу. Но вызвала лишь приступ почти физиологической тошноты. Он приблизился в намерении взять её в охапку и сбросить в хозблок, чтобы там заблокировать до утра, до приезда муженька и сутенера в одном лице, вернее в одной морде. А там и сдать её ему в руки за пределами стен ЦЭССЭИ. Произошедшая сцена подействовала как удар меж глаз. После тончайшей любви в сиреневом кристалле с нимфеей, чей уникальный телесный аромат не могли заглушить и колдовские духи, эта девка была подобна смраду открытой канали-

зационной ямы, куда он не мог уже нырнуть после райского цветника.

Как ни была она стремительна, а он частично заторможен, он уловил тот момент, когда она изготовилась к прыжку. Он стоял к ней вполоборота, и это ввело её в заблуждение. Тварь никогда не напала бы открыто, только исподтишка и выждав миг беспомощности. Её, похоже, к подобным зловещим трюкам готовили профессионально. Она молниеносно вытащила из складок своей сшитой для соблазна тряпки острый маленький нож. Искусно тая его в ладони и маскируя будто бы оборвавшимся блестящим браслетом, та, кто была когда-то всего лишь танцовкой и бродяжкой по «аристократическим» свалкам, прыгнула как акробат, оттолкнувшись от кристаллической поверхности стола. Привыкнув иметь дело с неподготовленными людьми, она не просчитала, да и не могла этого, его мгновенной реакции на свой кошачий прыжок. Он сшиб её в воздухе, выбив явно отравленное оружие. Яд в миниатюрном клинке был излюбленным трюком наёмных убийц. С грохотом, удивительным для столь худощавого и мелкого тела, она растянулась плашмя и взвизгнула. Замерев, как обнаруженная ящерица, женщина, носившая прежде имя Азиры, едва он подошёл к ней, вцепилась зубами в его ботинок. И эта её зверская злоба всё и решила. Он приподнял носком ботинка искажённое безумием лицо за округлый и такой женственный подбородок. Если бы она заплакала, стала умолять о пощаде, он ни за что не тронул

бы её. Всё выяснил бы и, возможно, отпустил. Но недаром она напоминала рептилию, в ней не было ни женской слабости, ни желания признать себя побеждённой.

Едва он поднял её, как она вывернулась и кинулась к валяющемуся у кресла трёхгранному ножу. Тонкой, но мускулистой и тренированной рукой она принялась махать невероятно ядовитым жалом. Достаточно было малейшей царапины на обнажённом участке кожи, а Рудольф был в спортивной майке, открывавшей его руки до плеч. Яд подействовал бы не мгновенно, но неотвратно, вызвав паралич нервных синапсов. Пришлось выбить нож ударом ноги в защитном ботинке. Ушибленная в её хрупком запястье кисть руки обвисла как тряпочная, а человекообразная рептилия вместо естественного крика боли издала свистящее шипение, как и положено рептилии. Какое же было везение в том, что, вернувшись с патрулирования в горах, он поленился переобуться. И тогда она, войдя в зверский экстаз битвы с превосходящим противником, не замечая уже понесённого ущерба – травмированного запястья, ушибов от падения на пол, подлетела с намерением вцепиться неповреждённой рукой в его лицо, острыми, заточенными пикой и твёрдыми ногтями целя в глаза. Поэтому он и ударил её в солнечное сплетение, не имея намерения убивать, а только отключить её. Но упав вторично, она уже не дышала. Оскаленный рот с губами, покрытыми пузырящейся обильной пеной, вытаращенные глаза и распалённое лицо остывали в выражении безмерного удив-

ления. Последняя конвульсия выгнула её грудь, и она застыла навсегда.

Яд, проникший в порез, нанесённый ей самой себе маленьким отточенным ножом, подействовал через несколько минут, что означало его очень высокую концентрацию, чтобы убить наверняка. Она утратила привычное, наработанное длительными тренировками и жестокое хладнокровие, попав в водоворот собственных бешеных эмоций. Никаких наркотических веществ она не принимала, зная, зачем прибыла сюда, а только разыгрывала перед ним спектакль одурманенной нимфоманки. И не просчитала силы своей застарелой ненависти, вырвавшейся бесконтрольно, внезапно давшей зверскую силу и также внезапно лишившей отточенного преступного умения.

Это было плохо, потому что заказчик остался неясен. Но таковым мог быть лишь один недочеловек – член Коллегии Управителей Паралеи Ал-Физ, тот самый Ал-Физ, кто и был отцом девушки-аристократки Олы – Физ. По-видимому, Чапос и обвинил Рудольфа в её совращении, имея свой расчёт на его устранение. Свою застарелую ненависть к тому, кто был не только соперником и объектом зависти, но и врагом метафизическим, несущим в себе коды другого мира, терзающего своим загадочным сокрытым могуществом. А против виновника настоящего – Арсения Рахманова он ничего не имел, посчитав его рабом Рудольфа.

– Вот тебе и «хо-хо отлично»! Уж так хо-хо, и настолько

отлично...

Выдохнув воздух, Рудольф осушил бокал с вновь вытасканным из холодильной камеры соком, не поняв его вкуса. Мерзейшее ощущение, накотившее следом, вывернуло его наизнанку. Взяв столовую разовую салфетку, он бережно вытер стол. При этом стараясь не глядеть на бездыханную местную «шахидку» под своими ногами. Если бы она была кем-то вроде террористки – смертницы, она напала бы в первую же удобную минуту – в машине, в пустынном холле, в лифте, даже зная о бесчисленных сенсорах слежения, спрятанных в ЦЭССЭИ повсюду. Но она имела план спасения. Она когда-то довольно долго жила именно в этом специфическом отсеке и знала о наличии тут, скрытого в одной из стен, скоростного лифта на поверхность в горы. А там, вполне могло такое быть, в одном из множества запрятанных в скальных породах бесчисленных червоточин – тоннелей её кто-то ждал, тот, кто давал ей гарантию безопасности. Посчитав её внезапное безумие в то самое время, когда она тут обитала в дни его собственного помрачения, надёжной гарантией безопасности, Рудольф и не стал воздействовать на тончайшие структуры её памяти, считая, что её внутренняя свалка из утративших связность образов и прежних понятий никогда не восстановит картины увиденного подземного чуда. Проникнуть со стороны гор в подземный город постороннему человеку было невозможно, но выйти – совсем другое дело. Выходов было множество, если их знать. Она бы-

ла очень любопытна и наблюдательна до того момента, как её постигло то несчастье – внезапное расстройство психики и утрата адекватности на долгие месяцы. Потому и вспомнила она многое, когда Тон-Ат умудрился как-то вернуть её в нормальное состояние. Не исключался, конечно, вариант, что её обманули и хотели использовать только как ликвидатора – смертника. Ремесло этой особы было не просто её способом выживания. Это была её самореализация, её неустанное творчество, возможность специфической власти и глумления над теми, кто её покупал. И над ним она жаждала мести, хотела использовать для убийства тот самый кульминационный момент, чтобы всадить ядовитое жало в грудь беспомощному распластанному обидчику, и тогда оргазм перетёк бы в мучительную агонию, а она насладилась бы своим торжеством и победой. То был её чёрный почерк, её садистический стиль, который она успела проявить в уголовном мире Паралеи. Расследований, понятно, никто не вёл, если убитый являлся и сам преступником, но в уголовных хрониках это всплывало. И кто-то из секретной охраны Коллегии управителей Паралеи был о ней осведомлён и использовал её в страшных своих целях. Учил и оберегал. При запросе же со стороны Ал-Физа тут же её и предоставил. О загадочных же тоннелях в горах были осведомлены многие из жителей Паралеи, не говоря уж о людях из надзирающих и властных структур. Но проникнуть в скрытый мир землян никто из них не мог. И не пытался, зная, чем оно чревато. Исключая

редких, но увы! появляющихся тут девиц. И приходилось, чтобы не порождать глубинных во всех смыслах конфликтов с собственными замурованными в подземельях и в горах коллегами, эту красочную зудящую мошкару не замечать. Сам он к ним не прикасался из-за непреодолимой аллергии к подобному способу развлечения, стойко развившейся в нём ещё при жизни Гелии, когда стал смеркаться её сияющий свет. Девушкам же, прежде чем выпроводить их на поверхность, делали мгновенную инъекцию, после которой они забывали о событиях последних часов, имея в голове смутное подобие расплывчатого ускользающего сна, смешанного с нелепыми образами их собственного производства. Поэтому-то весьма неглупый Чапос имел такое превратное и искажённое представление о мире подземной Паралеи, населяя его жуткими демонами. Но демоны эти жили только в подсознании его невольниц.

Исключением стала Азира, поскольку подверглась загадочному лечению Тон-Ата, и неизвестно какие порушенные длительной наркотизацией структуры он восстановил в её голове. Память Азиры на прошлые события оказалась вполне себе чёткой, что она Рудольфу и продемонстрировала. В каком-то смысле она стала жертвой собственной мстительной злобы, утратив самоконтроль и не проявив разумной покорности и ласковости, чтобы усыпить бдительность назначенной жертвы. Или же её страх перед ним и местом её прошлых страданий оказался сильнее всего прочего. Страх ак-

тивизировался в преждевременном и безумном прыжке, разрушив план тайного заказчика и погубив саму наёмницу. Если бы это была другая женщина, всё бы удалось.

Победа, которая не радует

Поспешность, жадность, ущербное мышление и лютая ненависть Чапоса, победившая безответную любовь Чапоса к пришельцу, – вот что было причиной провала, и оно же причиной счастливого спасения самого Рудольфа. Чапос же решил присвоить немалые деньги заказчика и сыграть на ненависти и ревности Азиры, завёл её эмоциональную пружину, толкнул на «подвиг» и просчитался, не учтя больную голову одушевлённого оружия. То, что исправно работало на тёмной стороне их жизни, дало осечку. А могло бы этой осечки и не случится. Токсины больной цивилизации с поверхностных слоев проникали и вглубь планеты, сам подземный город уже пребывал в начальной фазе, пока ещё незримого, но разложения. Пора было заканчивать со сладостными утехами «космических воинов» – пусть и штрафников в подавляющем своем составе, но прибывающих сюда с чистой головой людей земного высокоразвитого мира. Пора было расчищать свалку в себе самом, прежде чем требовать высоких стандартов поведения от подчинённых. Но как? Сразу или чуть погодя? Вот как Хагор, время от времени борющийся с алкогольной зависимостью. «Допью остаток послед-

ней фигурной и самой красивой фляжечки, чтобы отдать её Инэлии на очистку и просушку. Пусть хранит там свои целебные настойки», – говорил он при этом, – «а завтра всё»!

Фильм ужаса закончился. Кто в нём был персонажем, изображающим сатанинскую сущность – это был вопрос открытый. Выражаясь крылатым русским изречением – оба хуже. Космический десантник на отсталой и опекаемой, пусть и тайно, Паралее стал виновником гибели, пусть и твари инопланетной, но родившей от него ребёнка. Ребёнка так и не найденного. А это было ниже нулевой отметки, если измерять в градусах земной человечности. Но вот уже почти два десятилетия он жил не на Земле. И эта ценностная шкала не работала в среде отрицательных космических величин. Если только Надмирный Свет Нэи не записал его деяний в своей Книге Судеб, чтобы судить по своей уже шкале, Надмирной.

В мире же, зависшем в бездне Космоса, где Солнце не просматривалось и тусклой искоркой, если смотреть невооружённым глазом, – тут в оболочке старика ли, девушки ли жило инопланетное нечто. Здешние актёры как в древнем японском синтоизме не имели чётких определений добро – зло, как было в культуре христианской. Их лица были масками, не имеющими эмоционального измерения. Они были статичны, улыбались, и убивая, и целуя. Возгласы, вскрики, всхлипы чужой речи не имели содержания. Он помнил, как в подростковом возрасте в музее, где работала мать, проходил спектакль с участием китайских актёров. Все зрители сидели

с благостными проникновенными лицами. Актеры порхали как диковинные птицы в широченных одеяниях, махали мечами, намалеванные белым и густым гримом лица не казались лицами людей. Громкие высокие голоса пронзали уши как рапирой, и от их резкости хотелось на них цыкнуть, чтобы не орали. Движения напоминали мультипликацию, будто это были марионетки, а не люди. Мимика отсутствовала. Невозможно было понять, где они изображали любовь, а где ненависть, если не махали своим оружием, а просто перекрикивались на расстоянии. Ведь поцелуев и объятий, как в европейском театре там не было. Знатoki же были поглощены действием. Сказать, что Рудольфу было тогда скучно, не сказать ничего. На особенно непонятное верчение одного из актёров он засмеялся в полный голос. Зрители замерли, а актёр подошел к нему вплотную, поскольку сцены в европейском понимании не было тоже. В руках этого воина – фигляра был самый настоящий меч, хотя и тупой. В его яростных подведённых чёрной краской узких глазах пылал вовсе не марионеточный гнев. Он поднял своё совсем не декоративное оружие. Приложи он им плашмя по голове наглого и невоспитанного мальчишки, мало бы не показалось. Но актёр отошёл, не имея намерения трогать. В отличие от древнего воителя, кого он изображал, он был человеком современного социума Земли. Он просто дал понять некорректность поведения. Не понимаешь – не приходи туда, где люди чтут таинство искусства. И это ведь на одной планете, в пре-

делах одной Земли так было. Полная не состыковка культур и представлений, вроде бы, и одного человечества.

Роботы утащили её тело в морозильник рядом с секретным лифтом. Там уже бледно покоились два накануне пойманных и убитых штатным ликвидатором, не им! шпиона. В настоящем времени он мог позволить себе избавление от «почётной» нагрузки быть беспощадным иммунитетом подземного братства, навешенной на него Разумовым, и от которой он реально согнулся. А может, и треснул собственным душевным каркасом. Сегодня выдался урожайный день для собирателя душ грешников по поверьям трольцев, живущего в сердцевине их планеты. Секретный грузовой лифт ночью поднимет тела в далёкое ущелье в горах. Там был колодец, куда их сбрасывали роботы с последующим уничтожением до последней молекулы. Свои подземные территории делить даже с тленом врагов земляне не желали.

И все это он вписал в счёт Нэи. То, что предназначалось вначале шлюхе, теперь ожидало саму Нэю. Прекратив к ней свои визиты, он видел, проезжая мимо или гуляя, наблюдал за ней, когда она не замечала, как осунулось её лицо. Вкусив ласк, она хотела их ещё и ещё и уже страдала от одиночества, не понимая причины резкого обрыва отношений. Так быстро переключиться на Антона она, конечно, не могла, но угроза того сохранялась. Красавчик продолжал околачиваться поблизости, и она с ним шушукалась, сидя по тенистым уголкам лесопарка. Они были похожи на представителей старин-

ной игры в куртуазную любовь, любовь, состоящую из знаков внимания и вздохов, любовь возвышенную. Но всё лишь до времени, и Рудольф вовсе не собирался делиться с Антоном своей вещью, кем её считал, или заставлял себя так считать.

В ту же ночь после омерзительного побоища, испулавшись в подземном глубоком бассейне, он пришёл к сиреневому кристаллу. Ощущение ледяной липкости на коже рук от недавнего прикосновения к той, кого в данную минуту уже не существовало даже как безжизненного тела, не проходило.

Часть лиловой стены слабо светилась там, где располагался жилой сектор. Маленькая швея-труженица всё ещё ждала своего женского удовлетворения и не умела уснуть, засыпая лишь под утро, понимая, что никого уже не дождёт. Он представил себе её душистую уютную ракушку, где сидела эта мерцающая жемчужина и одиноко томилась по солнышку любви. Но его не было. И не к кому обратиться свое счастливое «ай-ай». И в эту минуту он любил её, жалел, мысленно посылая ласку, трогая млечную влекущую грудь, милое лицо. Представлял, как она в своих кружевных шортиках сидит на свежей постельке с подушечками и хочет того же, что и он. Он продолжал мысленно прикасаться к её розовым соскам и ко всему сокровенному, ощущая её томление как своё. Если бы он вошёл сейчас, всё произошло, как всегда, но уже без игр в сон, а став реальностью. И он несколько раз уходил и возвращался, понимая, что кристалл её сусальной «Меч-

ты» мог бы стать промежуточным звеном между пирамидой наверху и подземным отсеком внизу, – это был бы выход из взаимного тупика. И знал, что войди он, не понадобилось бы никаких слов, она молча повисла бы на нём, и всё было бы прекрасно, не хуже, чем могло быть в хрустальной пирамиде. Если бы он позволил себе опять утонуть в её постели, в пошлых этих подушечках, осыпанный её крашеными волосами с запахом умопомрачительных духов, тех же, что были и у Гелии, услышать её милые возгласы...

Но ничего он себе не позволил, связанный сглазом чёрной кошки из страшного отсека. Через непроницаемую стену он будто видел, что она стоит растерянная и смотрит на него. Ведь она может его видеть изнутри, стена кристалла прозрачна для тех, кто внутри помещения...

А Нэя задёрнула тонкие шторы, закрываясь от прозрачной стены, за которой он стоял, непонятный человек со звёзд. Она спряталась за ткань шторы и никак не умела успокоить сердцебиение. После чего бросилась переодеваться.

Уже сходя со ступеней вниз, Рудольф столкнулся с Антоном. Тот настолько не ожидал его, – как впрочем, и сам Рудольф такой вот встречи на исходе ночи, – что буквально остолбенел. Однако, узнали они друг друга мгновенно.

– Шеф? – первым произнёс Антон, приходя в себя. – Вы, похоже, решили обновить свой прикид по местным канонам? Разве вы не знаете, что ночью здесь не принимают заказов? – он пробовал шутить.

– Да вот решил последовать твоему примеру, – не остался в долгу Рудольф. – Ты-то решил вот отовариться ночью, чего же мне-то нельзя?

– Ну и как? – в голосе обычно деликатного Антона послышалась язвительная нотка. – Заказ приняли?

Антон отпрянул, поскольку Рудольф едва ли не навалился на него при этих словах и ощутимо пошатнул. Будучи выше ростом, Антон сильно уступал ему в физической подготовке, – Да я ж шучу! – воскликнул он. – Я иногда сюда ночью прихожу в бассейне искупаться...

– В бассейне? Разве этот лягушатник для тебя тут устроен? Кажется, для девушек.

– Так они ж спят ночью, а тут цветы так благоухают и... – он явно не собирался отвечать на агрессию ГОРа подземного города, – Тут же ограда сломана в одном месте, вот я и пролез. За вами следом...

– Я через проломы в оградах не лазаю! Не приучен к такому.

– Как же сюда прошли? Там охранник у входа бродит, да и закрыто...

– Охранник? То-то я подумал, кто это храпит в кустах?

– Так закрыто ж...

– Для тебя так. А для меня иначе. Пришёл зачем?

– А вы? – ответил он дерзко и заметно отодвинулся от Рудольфа.

– Данный объект в зоне моей ответственности. И этот ку-

кольный театр возник тут исключительно по моей прихоти. Уяснил? К ней хотел проникнуть? Или договорились? – Рудольф схватил Антона за рубашку с такой силой, что ткань на его груди натянулась и лопнула.

– Да к кому?! – искренне воскликнул Антон, даже не заметив вырванный клочок на своей рубашке. – Я без приглашения в гости не прихожу. Меня никто не приглашал. Тем более, ночью. Вы что, шеф? Мне всего лишь не спалось, вот и решил прогуляться. И про бассейн я шучу. Задумался как-то, вот и пришёл, смотрю пролом в ограде, ну и влез...

Его искренний тон и растерянный вид заставили Рудольфа прийти в себя. В этот самый момент через пролом в ограде влезла некая парочка. Сначала девушка, за нею следом... Рэд – Лок. Девушка оказалась Элей. Ничуть не смутившись, она прошелестела своим платьем мимо мужчин и поспешно скрылась за поворотом, где и был ещё один вход в здание для нужд сотрудников исключительно. Рэд неспешно приблизился к Антону и Рудольфу, поскольку терять достоинство даже в такой щекотливой ситуации не считал для себя возможным.

– Желаю всем долголетия, – произнёс он дежурную формулу вежливости и добавил, – а также приятной прогулки.

Поскольку ему никто не ответил на приветствие, он продолжил, – Надо бы хозяйке доложить завтра о поломке ограды. Мало ли кто вздумает влезть на охраняемую территорию.

– Так ты уже влез, – заметил ему Рудольф.

– Девушка попросила проводить, – без всякого смущения ответил Рэд. – Задержалась до ночи в Администрации, я и проводил...

– В Администрации? – спросил Рудольф, вместо того, чтобы молча уйти от них. Понятно, что он не собирался лезть в пролом, поскольку имел возможность открыть код замка, установленный на железной калитке, закрывающей всю территорию на ночь. – В Администрации «Лучшего города континента» не смыкают глаз и по ночам? И чего девушка, работающая здесь, там забыла?

– Дык... Она там апартаменты начальства по ночам убирает. В столице дети, мужа нет. Нехватка насущных средств. Как-то так. Очень деятельная девушка, знаете ли... Я бы не постеснялся поставить её в пример своей жене.

– Не стоит тебе так поступать, – насмешничал Рудольф. – Твоя жена тебя не поймёт. Или ты впал в нищету и тебе нечем прокормить своих детей?

Рэд переминался на месте, не зная, как поступить, пока Рудольф не подсказал ему выход, – Лезь уже назад, а то жена проснётся, а тебя нет. Придётся ей объяснять, что ты нанялся в провожатые несчастной женщине, которая кормит своих несчастных детей тем, что по ночам убирается в здании Администрации.

Рэд мгновенно последовал его совету и скрылся в темноте лесных зарослей.

– Пошли! – приказным тоном обратился Рудольф к Анто-

ну и двинулся к выходу. Антон послушно поплёлся за ним. Наблюдая, как шеф открывает код замка вынудой пластинкой, он не выразил удивления и ничего не спросил.

– Эй! – заорал им вслед хриплый голос охранника, от которого Антон вздрогнул, а Рудольф и ухом не повёл. Вслед за голосом сам его носитель, однако, так и не появился на садовой дорожке в зоне видимости. Видимо, не успевал за нарушителями, увязнув в декоративном кустарнике.

Едва они очутились за пределами территории «Мечты», как Антон всё также безмолвно свернул в сторону от тропинки в самую глушь, где и пропал. Рудольф и не собирался его удерживать. В нём клокотала ярость, но та, кто и вызывала её, в общем-то, ни в чём уличена не была и не отвечала за места прогулок Антона. Мало к кому ещё влекло юнца-вдовца? Ведь в этом манящем кристалле обитали девицы, что называется, в свободном доступе и в режиме безответственности для тех, кому и посчастливилось увлечь ту или иную из них на пару часиков подышать и прогуляться под звёздами. Не в доме же неволи их заточили. И все о том знали.

Нэя выбежала на террасы, но никого уже там не обнаружила. К ней подошёл Ихэл, – Я всех этих, кто поналезли к нашим девчонкам, изгнал отсюда! – заявил он с гордостью. – Надо бы ограду починить, – добавил он. – Да и вы этих лизуний запирали бы, что ли.

– Они тут не в доме неволи! – сердито ответила она, – Где хотят, там и гуляют. Пусть жёны тех, кто сюда пролезает, их

и ловят. А если они где-то ещё бродяжат, мне-то что? – и ушла в свой кристалл, полная разочарования, и не совсем успокоившись от пережитого волнения.

Дневники Нэи

Подземелья, принятые за чертог любви

Уже на следующий день мне позвонил по связи, при посредстве браслета на руке, некий неизвестный. Юношеский голос нёс, если честно, чушь невнятную. Передал, что будет ждать меня возле центрального входа в «Зеркальный Лабиринт», поскольку ко мне есть вопросы, связанные с деятельностью моего предприятия, ради которого я и арендовала одно из зданий, принадлежащих корпорации самого «Зеркального Лабиринта». Он меня встретит, поскольку знает, как я выгляжу. А мне и не обязательно его знать, поскольку он будет лишь сопровождать меня к месту назначенной встречи.

Я никогда не была внутри зданий «Лабиринта», где работал Антон, и где, как было мне известно, находились лаборатории Рудольфа, а также его приёмная для встреч с научным сообществом. Не знаю почему, но я ничуть не взволновалась, как было это прошлой ночью. То ли лимит на сильные волнения поистратился, то ли над всеми прочими чувствами довлело моё раздражение на Рудольфа. Понимая, что приглашение по форме официальное, я задумалась, а как мне надлежит выглядеть? В тех платьях, в коих я щеголяла на

поверхности, идти туда, как мне казалось, не стоит. Те, кто там служили, одевались как-то иначе. Скромно и неброско. Заурядно и одинаково. У служащих было подобие униформы, которой у меня не было. И это меня озадачило.

Пришлось идти в местный торговый центр и подбирать там соответствующую экипировку. Я обрядилась в наряд студентки, белую блузку на перламутровых кнопочках и серую длинную юбку. Пришлось и причёску собрать в строгий узел на макушке. Осмотрев себя в зале показа в зеркальной стене уже в «Мечте», я вздохнула. В таком вот обрамлении, утратив яркость одеяний, я будто потеряла часть своей индивидуальности. Став как все, я выглядела мило и скромно. Поэтому я решила подкрасить глаза, чтобы усилить яркость лица. Став похожей на местную и несколько припозднившуюся со своим обучением студентку, поскольку в большинстве они были юными и только в меньшинстве постарше, я невольно задумалась о значении для женщин их внешнего оформления. Если оно красочное, даже самая незначительная пичужка радует глаз, и только их пение никак не связано с красотой их оперения. Но, в общем, я осталась довольна, решив, что похожа на образец аккуратной и серьёзной практикантки, а не на разлохмаченную и не выпавшуюся какую-нибудь студентку с вечно оборванными пуговками и мятыми складками юбки. Я старалась не думать о предстоящей встрече, не понимая её цели, чтобы не утратить своего безмятежного, как мне хотелось верить, вида.

Войдя в просторный холл «Зеркального Лабиринта», я остановилась потрясённая. Стены были украшены картинами Нэиля! Но не теми, созданными в красках, и которые Рудольф приобрёл в салоне столичного Дома творчества. Тут были их объёмные подоби́я. Казалось, они отделяются от стен и парят в пространстве. Скалы, озёра, леса и кристаллические города, выдуманные Нэйлем, переливались, создавая иллюзию своей подлинности. Я восхищённо бродила вдоль рукотворной, или чем там её создали? красоты. Здешний мир поражал своими чудесами и возможностями. Я утратила понимание времени и пространства. Мне казалось, что я уже и не здесь, а где-то в фантазиях, ставших подлинными, и мне не хотелось возврата. Мне казалось, вот сейчас я увижу его, моего Нэиля, он появится из-за той туманно – синей скалы. Он выйдет из того странного арочного сооружения, и я направилась к иллюзорной белой дороге, увлекающей зрение в ажурные переплетения зданий, зависших на разных уровнях над голубой водой. А у самой воды не было берегов на другом её конце, то есть и конца у неё не было...

Я уткнулась носом в стену! У меня сжалось сердце, и слёзы прожгли изнутри мои глаза, но я усилием воли подавила их, боясь заплакать и помня о накрашенных загнутых ресницах. Меня мягко тронули за плечо, я вздрогнула и, обернувшись, увидела, что позади меня стоит неправдоподобно красивый юноша, высокий, широкоплечий, с длинными тёмными волосами и синеглазый. Волосы были собраны сзади

в смешной хвостик, как делают ремесленники и простые рабочие, но ему это шло. Будто он жил в сказочных пейзажах и городах, поскольку его костюм поражал. Ни одного шва или застёжки. Хотелось чисто профессионально потрогать ткань рукой. При движении в складках его одежды как бы мерцали отсветы молний. За пределами «Лабиринта» так никто не ходил. Система зданий имела строгую пропускную систему, и так просто сюда было не войти. Я же прошла, потому что была занесена в базу данных на пропускном контроле.

– Нэиль, – произнесла я глупо, ясно видя, что он не Нэиль.

– Артур, – сказал парень с тем певучим акцентом, который сказал мне всё, и протянул руку. Я невольно прикоснулась к открытой ладони, она была нежная ещё по-мальчишески, с длинными красивыми пальцами. – Вас ждут, – он повёл меня вглубь.

Мы шли через много дверей, и все они открывались сами и закрывались бесшумно за нашими спинами, скользя в стороны. Мы не встретили никого. Всюду было пустынно и гулко. Прозрачная и узкая комната, называемая лифтом, как узнала я потом, поехала вниз. За синими стенами мелькали дивные сооружения, ни на что не похожие. Глядя сквозь эти стены, я искоса наблюдала моего провожатого. Он добро сиял глазами, глядя тем не менее в упор, что не было вежливо, но я не стеснялась, ведь он был так молод. Мне было очевидно, – я понравилась ему. Вырядившись скромно, я неожиданно помолодела.

Потом мы ехали с ним в прозрачной штуковине по загадочным тоннелям, очень быстро, и всё сливалось за сферой странной машины. Выйдя в серебристый тоннель, мы пошли вглубь и остановились у сплошной стены. Он нажал браслет, у меня был похожий, но проще устроенный. Часть стены молниеносно исчезла, ушла вглубь другой стены, а я увидела странное опять же место. Оно было просторным и пустынным, если в целом.

У одной из стен, цвет которой был скорее белым, с серебристым и еле заметным как бы напылением, стояла зеленовато-золотистая конструкция, вроде стола, а поверху сфера – шар. Наверное, светильник? Поскольку шар светился перламутровым мягким светом, меняясь постоянно в своих оттенках. Рудольф сидел в круглом кресле за столом-кристаллом, одетый в похожий костюм, как у Артура, с мерцающими молниями в складках загадочной ткани. Очевидная тонкость ткани одновременно создавала впечатление, что одежда металлическая, как и само помещение, хотя ни он сам, ни стены, замыкающие пространство, не являлись металлическими. Увидев меня, в первое мгновение он посмотрел точно так же, как при нашем последнем разговоре у пропускного пункта в стене, когда предлагал мне сесть в его машину... Я ощутила слабость, будто провалилась в тот самый день... Но так не было! Понимание, где я, вернуло здравомыслие. Или я хорохорилась, а здравомыслие отказало мне в тот самый момент, когда я решила сюда притопать. Для чего? Ведь все

дела всегда улаживала Эля у своего Инара – главы Хозуправления. Как ни тщи́лась Эля скрывать от всех свою связь с Инаром Цульфом, о том знали. Любопытства к личным тайнам такого вот блёклого и обтекаемо-неуловимого по своим качествам человека, но влиятельного бюрократа, между тем хватало. Он жил одиноко, и иным женщинам его одиночество казалось заманчивой возможностью войти с ним в Храм Надмирного Света, если не самим, то их дочерям. В падшей женщине, моей помощнице, никто соперницы не видел.

Артур ушёл, и стена сдвинулась. Мы остались одни в замкнутом пространстве. Необычность помещения и всё прочее вызывали дискомфорт, пограничный с колеблющейся зыбкостью во всех наличных чувствах, как во сне. Возможно, я даже и пошатывалась, не знаю, как было на самом деле. Он уже не смотрел на меня, перевёл взгляд на шар, а шар менял цвета, пульсируя внутри своего объёма.

– Садитесь.

Несмотря на почти физически осязаемую ласку голоса, мне по-прежнему хотелось убежать отсюда. Но уже некуда. Я дрожала как от холода, хотя трудно было определить, холодно тут в самом деле или тепло. Всё дело было не в температуре помещения, а в том, кто сидел напротив. Его близкое присутствие погружало меня в ещё большую оторванность и от времени, и от пространства. Где я? В затаившемся утреннем сне или в яви? Тут он поднял взгляд на меня и, наблюдая мою нервическую дрожь, встал. Я увидела во весь рост его

стремительную в своих движениях фигуру. Он молниеносно очутился у меня за спиной и спокойным голосом повторил, – Садитесь.

Я села, почти утратив вес, настолько непривычное ощущение вызвало круглое кресло.

– Успокойтесь, – игра в предельно стерильный официоз с подчёркнутым «вы», мне не нравилась. Тут я даю пояснение. Мне никогда не нравились мужчины, склонные к лицедейству. Осталась аллергия на них ещё со времён юности.

– Я сделаю массаж, чтобы снять напряжение, – он говорил со мною уже как врач с пациенткой. – Вы так трясётесь, словно провалились в логово людоеда. Я и не подозревал о подобной нервозности.

Он расстегнул мою блузку и опустил её ниже плеч. Я покорно подчинилась его движениям. Раз уж он взял на себя роль врача, то пусть... Он стал прикасаться бесстрастными пальцами к моей шее, плечам, продолжая игру в любезно-обезличенного врача, всего лишь обеспокоенного недугом пациента, чем обезличивал и меня. Массаж оказался действенным, если не считать того, что разминал он мне шею так, что едва не свернул её набок. Я пискнула, и он ослабил своё усердие. Но едва его пальцы скользнули по позвонкам, я почувствовала сладкий озноб, как в те разы, когда он гладил мою спину, лёжа со мною в постели. Тут он нажал, видимо, нужную точку, и я не только успокоилась, но и погрузилась в полудрёму. В то же время я чувствовала, как жадно он впи-

тывает меня, не видя его лица. Пространство вокруг словно передавало его сильнейшее волнение, а руки это скрывали. От него шла колебательная вибрация и, хотя он уже не прикасался, рецепторы моей кожи отзывались, как бывает при ласковых поглаживаниях. Я ёжилась от удовольствия, стыдясь своих ощущений и не умея себе их запретить.

Он провёл кончиками пальцев от плеча к шее, к ушам, и тут уж прежние бестрепетные руки как бы постороннего массажиста вышли из подчинения навязанной им игре со стороны своего господина-ума. Он ласкал меня точно так же, как я и фантазировала себе, проснувшись утром и лёжа в постели, представляя его ласки. Я очень по нему скучала...

– У вас так тихо, – прошептала я, не имея сил ни на что, – везде, в холле и тут.

– Тишина естественное состояние мира и Вселенной, шумит только человек.

– А животные? – глупо спросила я, чтобы не молчать.

– Иногда и животные, – согласился он, – звуки же природы, исключая её редкие и крайние состояния, всегда гармоничны. Шелест листвы, журчание воды, шёпот трав и свист ветра... Вы ведь любите природу? Не можете не любить. Вы же художник. А грозу любите?

– Грозу? Не знаю, люблю ли, но боюсь её.

– Гроза – это снятие напряжения в природе. Они бывают очень опасны, иногда убивают. Но приносят с собой очищение, будто мир родился заново, и с психикой человека про-

исходит то же самое. Обновление всех ощущений. Вы боитесь смерти?

– Да, боюсь.

– Её все боятся и лгут, когда говорят обратное. Для преодоления страха смерти нам и даётся избыточный половой инстинкт. Чрезмерно избыточный. У животных же всё четко регламентировано в этом смысле, но в них и не существует осмысленного понимания смерти как таковой. В каком-то смысле они ощущают себя и бессмертными в каждый миг своего существования. А мы, напротив, отравляем этими мыслями каждый, даже и счастливейший миг. Вот у вас в Паралее почти не рождаются дети, особенно в высших условиях, – атрофия полового инстинкта, как месть наполовину убитой планеты. Почему у тебя нет детей? Ведь был муж?

Он и прежде не раз спрашивал, почему у меня нет детей, но вот насколько это его интересовало в действительности, не знаю. Может быть, он предполагал, что дети были, но остались там, где я и жила семь лет?

– Вопрос неправильный, – пошутила я, включаясь в навязанную игру, – поскольку ответ известен.

– У твоего мужа жила какая-то крошечная девочка, насколько мне известно.

– Девочка? – удивилась я. – Да, жила. Но в отдалении от того места, где жила я сама. Я так и не увидела её ни разу. У меня есть догадка на её счёт... когда в столице жила, пришла

такая вот мысль... – Нэя замолчала.

– Продолжай, – потребовал он. Я молчала.

– Я сам продолжу. Это ребёнок твоего брата. Твой брат был окружён женским обожанием, а возможно, и надоедливый преследованием. Незаконнорожденный ребёнок. Поэтому младенца и принял твой муж, чтобы воспитать самому.

– Принял означает, что имелся взаимный договор, – ответила я. – Девочку же, дочку Нэиля, похитили у матери. Не знаю, зачем ему девочка, если он мечтал о мальчике, о воспитаннике, которому хотел передать все свои познания и умения... Он никогда не выразил желания, чтобы я была близка тому ребёнку. Говорил, незачем, свои будут...

– Настолько самообольщался? Или же ты оказалась неспособна к деторождению?

Я молчала. От волнения я застегнула кнопки неправильно, перепутав их, и он бережно расстегнул их опять, и стал гладить меня, наблюдая мою реакцию на ласку. Я закрыла глаза, чтобы не видеть его глаз, но он решил, что я слабею от его прикосновений. Может, это тоже было правдой. И тогда он резко отодвинулся от меня, отошёл и сел напротив, глядя исподлобья.

– Повтори, по крайней мере, что ты не была со своим ветшаком в близких отношениях. Вдруг я и поверю?

– Мне всё равно, во что ты поверишь, а что отринешь.

– Нет. Тебе очень хочется выглядеть безупречной.

– Я и есть безупречная в своём поведении. А то, что было, не имеет уже никакого значения, – пролепетала я, в отместку включив игру в безразличие к тому прошедшему, что нас связывало когда-то. А что, собственно, и связывало-то?

– Я помню всё. Тот день, когда увидел тебя впервые... Как будто времени и не было. Но оно было, и оно многое изменило в нас.

– И что же было? Не вообще, а касательно некоего нашего общего прошлого, если общего-то ничего и не случилось... – гнула я свою линию. Пожала плечами, злясь на его игры, включив свою игру, изображая беспамятство, будто только что встретила его. Я стала судорожно застёгивать блузку, поняв, что мой ответ неожиданно задел его.

О, этот его голос, он томил меня, он ласкал до мурашек и пробирал до такой глубины, что мне хотелось отключиться и... Что и? Мне хотелось того же, что и ему, и если меня раздражала его игра, то он тоже пребывал в каком-то взбаламученном настроении, но причина не угадывалась. Не потому, что он психопат, – он им не был, – сама причина его поведения находилась в зоне неизвестности для меня.

– Вы оформились в уникальную редкость, – продолжал он своё мурлыканье, с умыслом модулируя голос на эротическое звучание, как проделывал по ночам в моей «Мечте», когда я покрывалась мурашками изнеможения, стоило ему начать своё бормотание, предваряя любовные игры большей насыщенности, когда на слова сил уже не оставалось. – На

мой вкус, конечно. Другой может так и не считать. Иногда маленькая душистая дикая ягодка может и поспорить своей желанностью с изысканным культивированным и роскошным плодом. Чем она меньше и неприметнее, тем больше её хочется. Но зачем вы злоупотребляете косметикой? Хотите ещё большего привлечения к себе внимания? Хотите личного счастья?

– Да, хочу, – призналась я, – мне одиноко тут, холодно, – и я поёжилась.

– Мне тоже, – признался и он. – Страшно одиноко в смысле женской дружбы. И холодно, когда ложишься в постель, а рядом нет желанной женщины... У нас тут целый подземный монастырь. Монахи-воители. Очень опасный народ в определённом смысле, для женщин я имею в виду. Ты хочешь быть такой желанной женщиной?

– Разве не была...

– Ты же сама сказала, что прошлое для тебя не означает ничего. Я предлагаю тебе дружить со мной в настоящем. Я же не монах...

Монах? Я не понимала некоторых слов, поскольку, не находя им аналога в языке Паралеи, он употреблял слова своего родного земного языка, уже давно не таясь передо мной.

– Дружить? Как мы дружили сначала в твоей машине, а потом в моей «Мечте», когда я, как ты и сказал, была твоей куклой? – лучше бы я этого не говорила!

– Не хочешь быть куклой? – спросил он усмешливо. – Ну,

хорошо, оставайся придорожной девой на любителя, какая мне и разница. Я же не собираюсь устраивать тут семейное гнездо, – и вся, было начавшаяся, идиллия нашего сближения исчезла. Стало очевидно, что у него, как и у меня, раздражение довлеет над прочими его нежными чувствами, если он их имел, конечно. – Я буду осторожен, а ты можешь утаивать наши отношения, чтобы тебя не травил местные блюстители нравственности.

– Я уже в тот раз сказала, игры в придорожную девушку закончились! Настоящий мужчина должен быть великодушным. А ты злишься как недоразвитый мальчик, у которого отняли игрушку.

Кукла недоразвитая...

– Почему ты выбрала такое название для своей затеи? Мечта.

– Когда я гуляю, то любуюсь на небо, думаю, что мечты подобны облакам, они вечно изменчивы и вечно недостижимы. И странно, что прошлые мечты порой лучше запоминаются, чем сама прошедшая жизнь. Она становится фантомом, ускользающей как в деталях, так и в своей целостности... Я решила, пусть хотя бы текстильные мечты женщин осуществляются. Они описывают мне свои мечтания о себе, о том, что уж точно их украсит, а я стараюсь им угодить.

– Получается угодить?

– Как правило, да.

– Ты любишь угождать другим? В этом твоё призвание?

– Я хочу по малой нужде, – сказала я. – Утром слишком большую чашку бодрящего напитка выпила, того и гляди, прольюсь наружу... – я издевалась над ним, чтобы сбить с него весь его обличительный запал.

– У тебя, скорее всего, не вполне здоровые почки, раз уж ты страдаешь недержанием мочи. Потом проверю, – он не остался в долгу. Не вставая, он нажал пульт, и панель стены отъехала. Я увидела ещё одно помещение, и он указал, куда идти. Я долго не хотела возвращаться к нему, продолжая испытывать возмущение. Не поторопилась ли я отменить своё решение расстаться с этим «Лучшим городом континента»? Что я тут нашла, кроме той же работы, которой была завалена и в столице, с тою лишь разницей, что приобрела комфорт, мне совсем не принадлежащий? Так сказать, чисто служебный, и уйди я, всё это будет отобрано. А еда? Ну, вкусная, разнообразная. Я, конечно, успела забыть о своём существовании впроголодь, как оно и свойственно людям. Ко всему хорошему привыкаешь быстро. Зато в столице у меня был собственный уголок, которого нет сейчас. Но я осознавала, моя бравада поверхностная, от обиды. Не желала я возвращения в прошлую жизнь, и дело тут не в комфорте...

Я стояла перед зеркалом, вглядываясь в собственное лицо, казавшееся чужим. Считал ли он меня красивой? Прежде

да, а теперь? Я разглядывала себя очень придирчиво, ничуть собою не обольщаясь, как и проделывают все женщины на свете, если наедине с собой. В его натиске ощущалось нечто, похожее на лавину, нависшую надо мной. Её сброс лишь дело времени, – ничем хорошим моя игра для меня не закончится.

– Тебе ведь не нравится роль куклы? – спросил он, когда я к нему вернулась, – Но это не настолько и плохо, как ты думаешь. Чем хуже участь раскрашенных живых кукол в твоём пошивочном доме – театре? И какая бездна между ними и участью точно таких же девушек, работающих каторжным трудом. Да ты и сама вкусила все прелести вашего честного труда, – он подошёл ко мне и прижал к себе, как было при встречах в лесу, у стены...

Я тонула в его глазах, как в тех ушедших временах, настолько удалённых от дня теперешнего, что, возможно, их и не было в действительности. Они приснились, они данность другой жизни, иной Вселенной, а то, что принимаем мы за время, есть перемещение нашего сознания в разные и не всегда сопоставимые друг с другом миры, в другие носители, точно также не всегда похожие на прежние...

Я доверчиво прижала голову к его груди, глубоко вдыхая его запах в себя и узнавая, наполняясь той же самой покорностью, ожиданием, готовностью ответить...

– Твоя бабушка отлично воспитала тебя. Жизнь не стала для тебя таким грузом, который ломает хребет. Ты выстоя-

ла в очень сложных жизненных обстоятельствах. И здесь ты трудишься на износ, чего никто и никогда не оценит, а богатства ты этим так и не заработаешь, понятно. Поэтому я хочу навсегда освободить тебя от здешнего неблагополучия.

– Каким же образом? Возьмёте меня к себе? В своё загадочное имение? Ведь у вас где-то же оно есть?

Он засмеялся. – Есть, есть! Целая Вселенная моё имение! Да и твоё, чего ты не понимаешь.

– В качестве кого приглашаете войти в свою спальню?

– Ты ждёшь объяснений, в которых не нуждаешься?

– Зачем я вам?

– Зачем? Здесь страшно убогий выбор, да его здесь просто и нет. Я же, понимаешь, коллекционер. Но здесь не Земля. Кто вокруг? Бесцветные, угрюмые гуманоиды. Покорные, впрочем, но бестрепетные. И ты, феерия красок, фантазия во плоти. Ты хочешь, чтобы я тебя отпустил? После того, как нашёл и перетащил сюда? Или ты всё ещё не хочешь себе признаться, как ты здесь очутилась? Или ты думаешь, что после девяти лет твоего отсутствия я буду гулять с тобой за ручку, как герой – обольститель Антуан?

– Я не хочу такое слышать! Я устала от бесконечной критики со стороны человека, которого можно столько же бесконечно критиковать, пока время жизни не закончится. Я хотела покинуть город, ты хватаешь меня за руку, я осталась, ты опять меня отталкиваешь! С тобой-то всё в порядке?

– Нет. С мной не всё в порядке. Ты же сама призналась,

что влюбилась в Антона. И это после всего...

– Ты и сам не очень-то щадил мои чувства, когда раз за разом затаскивал меня в свою машину у всех на виду. И потом, раз за разом сводил меня с ума в «Мечте», появляясь из ниоткуда и туда же проваливаясь, а ты тут, вроде, и не причём...

Он перебил меня, – А вот представь, какие чувства были у меня, когда мою изысканную находку, на которую я столько облизывался, выхватил у меня из-под носа какой-то старый колдун, или кто он там был? Но он ведь и не употребил тебя себе в наслаждение. У него не было голода и не было, условно говоря, зубов. Он просто усыпал тебя лепестками цветов, ещё больше украсив. Ты была нужна ему для украшения. Он всё оставил мне. Но я-то сожру. Ведь мой голод только усилился...

– Чего ты хочешь? Чтобы я стала заменой твоей утерянной танцовщицы – наложницы? Но я не умею танцевать, распутничать и дурачить мужчин, нанизывая их как кристаллы на ювелирную проволочку в неисчислимом количестве!

– Уходи!

Я встала, потрясённая такой развязкой.

Наблюдая выражение моего лица, вероятно, оно стало жалким, он сказал, – Продолжим в следующий раз.

– Я не приду! – я уже не контролировала свой гнев, – Никогда больше не приду, не подойду и близко! – я возмутилась настолько, что закашлялась от спазма в горле. – Я найду

способ, как уйти отсюда, чтобы не видеть тебя уже никогда!

– И как ты будешь жить в своей Паралее? Без своего старца Защитника? Или пойдёшь к тому, что со шрамом? Он тут же пропьёт все твои деньги и слиняет в поисках другого уже ресурса. И куда тогда? В притон к Чапосу, яйца ему массировать?

Я даже пошатнулась от такого немислимого оскорбления, – Ах ты! Да пусть будет кто угодно, пусть хуже, только не ты!

– Иди, шей свои птичьи наряды. Найду другую наложницу, как ты выразилась. Пусть и хуже, а не ты! Тут полно жаждущих милости. Только в отличие от тебя у них нет твоего негибавого «аристократического достоинства». Иди и спи со своим достоинством.

– Да провались ты!

– Некуда уже. Если только в раскалённое ядро планеты...

Передо мною раскрылась панель на выход. Я оторопела. Куда идти?

– Артур встретит тебя в конце тоннеля, – пояснил он, и я побежала прочь, не веря в происходящее.

Оказавшись за дверями «Зеркального Лабиринта», я не знала, что и думать, как разъяснить самой себе весь тот сумбур, которым он меня заполнил. Почему рассвирепел, и что послужило причиной такому повороту нежнейшей вначале встречи? Необходимо как-то собрать себя, чтобы привести в рабочее состояние. Но, когда я прибрела в «Мечту», всё

валилось у меня из рук. Я бродила как в полусне, в тумане, имеющем серебристый отлив того отсека, не могла есть и не могла уснуть ночью, продолжая ждать его и не веря, что он больше не придёт.

Невыносимая, незаменимая помощница

Эля оказалась редкой пронырой, тоже развилась, но уже несколько в другом смысле. Её зачислили в местную Академию, но как ей это удалось, и кто оплатил такое вот везение, оставалось только гадать. Не мог же Инар Цульф быть настолько уж и всемогущим, чтобы недоучку включить в число студенток? Или я недооценила её, или она действовала как-то и иначе, став активным ловцом местных богатеньких и влиятельных, пусть и в пределах здешней территории, против которых была вооружена не только внешней пригожестью, но и не забытой театральной выучкой? Возникла даже зависть, поскольку пробудилась память о том, как Рудольф когда-то обещал устроить меня в ту же самую Академию, вознося мой ум и способности...

И что? Устроил? Ну, вот, очутилась я здесь, а даже и разговора такого не возникло ни разу. Ничуть не манила уже эта Академия, упущено время, исчезло само стремление к неким интеллектуальным и заманчивым когда-то высотам, как и самой цели достичь недостижимого совершенства ума, видимо, не хватает, а всё же...

На второй день Эля подошла ко мне, когда я сидела в тени высоких цветущих кустарников у основания платформы, на которой и возвышался наш кристалл «Мечта». По моей просьбе дворник поставил тут скамью со спинкой из лёгкой ажурной древесины, а рядом такой же столик специально для тонкой и кропотливой ручной работы над особо дорогими изделиями. Я любила работать на улице под пение птиц, на свежем воздухе и на естественном свете. Иногда я там рисовала. Тут было замкнутое кустарником подобие павильона без крыши, куда вёл узкий проход, моё уединённое место для творчества. Никто не смел соваться, если я там находилась. Эля вломилась туда как-то особенно грубо, роняя листья, мелкий мусор и соцветия на платье, над отделкой которого я трудилась. При этом она поцарапала себе оголённую руку и вслух обругала безответный куст. Оторвавшись от сложного узора, я увидела её ярко розовеющее лицо и подумала вдруг, – её подруга-неприятельница Ноли права, уверяя меня в том, что Эля иногда приходит из местного «дома яств» в подпитии, что строго запрещалось днём на территории города. Ближе к ночи, понятно, местным любителям загулов дозволялось принять бодрящего напитка в тех же «домах яств», но так, чтобы ни на улице, ни уж тем более в светлое время суток они никак и ничем себя бы не проявляли. Если кого-то уличали в подпитии на рабочем месте, то штрафовали на крупную сумму денег, а при повторном нарушении порядка удаляли за пределы города немедленно и

навсегда. Все дома и жилые помещения принадлежали здесь не частным лицам, а самой структуре ЦЭССЭИ как некоей корпорации, а тех индивидуальных лиц, из которых она состояла, никто не знал лично из работающего тут технического, научного и прочего рядового персонала.

Меня Эля нисколько не боялась, а только я имела право выгнать её. Надо отдать ей должное, она ловко умела маскировать свои слабости. Работу же свою выполняла безупречно, внешне выглядела всегда блестяще, и даже училась вполне себе на сносном уровне. Вот только насколько хватит её феерической активности при подобной хищнической растрате собственного, пусть и завидного здоровья, сказать сложно. Я в отличие от всех прочих не считала, что позднее обучение ей ни к чему, а вот её излишества в самоулажнении, это являлось, пожалуй, и проблемой не только её личной. Я одна искренне за неё тревожилась. Если бы её отловили в хмельном состоянии где-нибудь в центре города люди из охраны общественного порядка, она вылетела бы отсюда немедленно, и я оказалась бы бессильна её вернуть. Она прекрасно это осознавала, поэтому редко покидала территорию вокруг наших владений.

– Я тут... знаешь, – она мямлила, решая, а стоит ли меня посвящать в свои тайны?

– Если ты думаешь, что твои тайны меня волнуют, то успокойся и лучше займись своими прямыми обязанностями.

– Обязанности и без того сжирают почти всю мою жизнь.

Я тут... с одним человеком сблизилась настолько, что уж и не знаю, давать ли ему согласие на посещение нам Храма Надмирного Света? Ведь тогда прощай свобода! А вдруг кого найду здесь?

– Инар Цульф? Разве ты сблизилась с ним здесь? Мне кажется, это произошло задолго до нашего вселения сюда. Да что мне до твоих знакомств!

Эля не подтвердила и не опровергла, – Может быть, и соглашусь. У него уже взрослые дети, а жена ушла от него сама. Вот представь себе, немолодые люди, а считают себя господами своей судьбы в отличие от тебя и меня. Мы, молодые и прекрасные особы, навесили на себя категорию «утиль», подчиняясь каким-то ветхим традициям, ничего себе не можем позволить, кроме работы. Ну вот, я и приняла его приглашение посидеть в шикарном заведении, обсудить, что и как. Довёз он меня после на своей машинке до «Мечты», дав наказ не высовываться из дома, пока я не просплюсь. Машинка-то паршивенькая у него, ты же видела, как и сам он весь из себя вялый и пыльно-сморщенный, хотя и умный. Запашок от него такой, как от слежавшегося прелого матраса. Не в буквальном, конечно, смысле так, а по восприятию если. Так-то он чистюля, и чувствуется, что привычен он ко всякой роскоши был, в том числе и женщин самых непростых имел когда-то, а вот чую я, что-то глубоко больное в нём угнездилось... Не удивительно поэтому, что жена в бегах. Откормленная им, – а он не бедняк, скажу тебе, не толь-

ко и занимает видный пост, а давно и прочно богат, – она, нашив себе кучу платьев в одном столичном салоне, подобном нашей «Мечте», отправилась искать свежую и стойкую опору. И найдёт, так как её почивший папаша оставил ей фабрику по наследству. А мне мой папаша оставит только свои останки с правом их погребения за мой счёт. Мне же так хочется сильного и страстного партнёра, хотя бы и на часок – другой, поскольку я полна такой жажды, Нэя, такой не сытости. Осуждаешь?

– Куда же делась его прежняя роскошная машина с вызолоченными стёклами? – поинтересовалась я. – Была же у него она... и совсем недавно.

– Была. Но он вынужден был её продать, чтобы вложить деньги в одно дело, как он мне сказал. Да к его услугам любая здешняя роскошная машина, пусть они и собственность корпорации. Ты тоже на корпоративной собственности катаешься. Но он такой человек, что ему все эти показушные игры в личную значимость безразличны. Поди и пойми этих мужчин, что им важно. То говорил, я ценю личную свободу всякого, то уже говорит, что я не оправдала его надежд, став местным пугалом из тех, кем мамыши пугают невинных дочек, указывая, во что превращается девушка, идущая на поводу низменных влечений. Я ему, и шёл бы ты к невинным! А он: «Тебя я люблю, хотя и доставляешь ты мне одни хлопоты и переживания. У меня же лимит на страдания давно истрачен в прошлом». А чтобы не возгордилась, тут же и до-

бавил: «И не потому я люблю тебя, что ты для меня лучше всякой, а потому что лучшие мне недоступны. Ты же моя в любое время и в любой позе, каковая меня и устраивает». Представь себе, через раз и способен дать женщине то, ради чего и принимаешь все эти раскоряченные позы, а туда же, как полноценный самец!

– Прекрати! – потребовала я. – Есть же предел и бесстыдству.

– А чего мне стыдиться? Стыд мужики же и выдумали. Он в их уме только и находится, а у женщин ум не в голове обитает.

– Где же? – не удержалась я от недостойной дискуссии.

– Как где? В чреве её. У женщин все её думы и переживания, да и сама жалость всеохватная, только там и обитают. Туда душу нам впихнула Мать Вода, а душа и ум у нас в неразрывной связи живут. И ничего стыдного в этом нет. Женщина и рождает из этого чрева всех этих умников. А они, если женщину обижают, то оскорбляют во всякой женщине собственную же мать природу. У них ум с природой не дружит, а женщина виновата...

– Философ, – ухмыльнулась я, – сама додумалась?

– А я мужчинами во всех смыслах пользуюсь, уж коли они назначили себя хозяевами жизни, всегда надо уметь этих хозяев приручить. А сама же знаешь, чем именно мы и привязываем их к себе.

– А ум в этом никакой роли не играет? Если женщина жи-

вотное в твоём понимании, как можно любить животное в человеческом смысле? Что-то я не наблюдала, чтобы малоумных кто-то любил...

– Ум, конечно, важен! Я же тебе и говорю, где наш ум сокрыт. В этом смысле женщины тоже одарены неравномерно. Да и всё в мире несправедливо, одним всё, а другим лысый шиш! Вот я говорю этому лысому шишу: «В таких местах ты жил, такую богатую жизнь познал, а женщину ублажить толком не можешь! А всё почему? Потому что твой же ум тело твоё иссушил!» «Я нормальный», говорит, «это ты вся истасканная, как растянутый носок с чужой ноги». И ведь продолжает лезть при этом! И так, и этак развернёт, всё тело мне истреплет, душу наизнанку вывернет... а ты не ценишь, что я претерпеваю ради нашего процветания. И ладно бы уж от красавчика какого, как твой же Каменный Красавчик...

– Мне твоих жертв, принесённых на тайный сексуальный алтарь почтенного бюрократа, не надо. Пошли его куда подальше!

– А зачем? Чтобы остаться ничейной? Ты не смотри, что он неприметный из себя, и вроде как покалеченный чем-то, о чём умалчивает, он иногда такую высоту способен предъявить, что лишь Чапосу и под силу...

– Да замолчи ты о своих негодных переживаниях! Сама-то себя услышь! То он такой, а то он сякой!

– Я тебе и говорю, замучил своими же крайностями. То он ни мёртвый, ни живой, то удержу нет, трахает прямо на

своём рабочем месте. То идём в Храм, а я – да! Идём! А он, нет! Ты не достойна! То сам же деньги суёт, а то треплет душу за каждый мизерный наш недочёт, что ему и предоставляет финансист из Администрации после проверки. Говорю же, терплю лишь ради нашего процветания здесь.

– Кто тебя и призвал-то проявлять тут мученическое терпение? И без этого не пошатнутся наши дела. Мне показалось, что Инар Цульф не тот, кто стал бы мстить женщине, если бы она его отвергла.

– Ага! Не тот! Сразу же нашёл бы повод меня отсюда турнуть. И кто бы стал тогда везти на себе всю эту непомерную тяжесть, во что впряжена тут я?

Я вздохнула, признав её правоту. Уж точно не я. – Инар всегда нашёл бы для меня нужного человека, – сказала я, чтобы не дать Эле в руки возможного преимущества, она и без того наглела, – Да та же Лата давно набивается ко мне в помощницы.

– Надеюсь, ты пошутила. Если ты допустишь её к себе, то весь твой изящный дом «Мечта» в скором времени станет жирным «Благом небес» имени Латы-Хонг. А обшиваться у неё будут все местные страхолюдины с непомерными формами – жёны-дочки тучных торгашей, облезлых бюрократов вместо тех утончённых женщин и девушек, – жён и дочерей высшего научного и управленческого здешнего сословия.

– Не будет такого никогда. Если мы отсюда уберёмся, наш кристалл отберут для нужд «Зеркального Лабиринта». Лате

уж точно ничего тут не светит.

– А тут, представь, прибыл и ответ на вечный запрос моей неудовлетворённой души. Как только мой нестабильный кандидат в мужа отбыл за горизонт, возьми и появишься некто, как из-под земли выскочил. Красавец такой, что у меня дыхание на миг-другой прекратилось, Нэя! Выше меня настолько, что я голову задрала, чтобы его рассмотреть, а я в этом смысле девушка не робкая. Могучий, ясный лицом как спутник Лаброн на пределе его максимального свечения. Глаза мерцают странно, но смотрит сурово. Оказалось, что он вроде посланца, передал мне пакет. «Я тут гуляю», – сказал, – «так что, попросили занести по возможности». И пошёл себе, свистя, как птица какая. Села я, открыла послание, сразу поняв, что вовсе не ему я потребовалась, а другому, кто его и попросил сюда прийти. Да так остро потребовалась, что... – и тут Эля протянула мне браслет с разноцветными кристаллами, – Смотри, – она сияла от гордости, – помнишь, ты спрашивала о Руде? Он хочет, чтобы я пришла к «Лабиринту», а он меня встретит. Только... страшно мне отчего-то. Боюсь я его ещё с тех самых времён, когда... ну, ты же помнишь, как он к Гелии относился. Потом эта история с Азирой...

– Что? – дёрнулась я, едва себя и обуздывая от прорыва собственных чувств наружу.

– Да ничего хорошего, как понимаешь, там произойти не могло. Подробности мне неизвестны, но вроде, как я слы-

шала, она уехала куда-то, чтобы родить ребёнка, а ребёнок там и сгинул. Никто, понятно, не знает, кто её осчастливил настолько, что пупок наружу вылез, как живот раздуло от наполнения таким вот счастьем. Мы в «Доме для лакомок» с нею столкнулись после её исцеления в дорожной клинике твоего бывшего мужа. Она фруктовые десерты уплетала.

«Ты болела, как я слышала»? – спрашиваю.

«Когда»? – и глазеет нагло так, как и обычно. – «Сплетням не верь. Я, наоборот, разбогатела. Заказывай, что угодно тебе», – и достаёт деньги, а денег полно у неё было.

«У меня муж небедный», – так отвечаю ей, – «Я и сама тебя угощу».

«Муж»? – спрашивает, а сама аж побелела от злости, – «Так тебе надо мужа-то стеречь, а не по домам яств бегать», – а как встала из-за столика, платьице на ней тонкое такое, живот огромный, а пупок как орех торчит через ткань. И что удивительно, лицом лучше стала, чем была. Черты утончились, а глаза ещё огромнее стали, сияют даже. И что-то такое в ней появилось, чего прежде не было. Вроде как, она и поумнела чрезмерно, а ведь беременные, если ты не в курсе, жутко тупеют. Веришь, на неё все оборачивались. Вот, думаю, дала Мать Вода красоту, а не повезло ей, как и нам с тобой с нашей уже красотой. Или ты думаешь, что я Чапоса хоть когда любила? Да деваться мне было некуда, вот что! Чапос как-то и пробурчал, что виновником её несчастья был муж Гелии...

Рассказ Эли поразил и погрузил меня настолько глубоко в ушедшее время, что я выронила из рук платье, которое расшивала кристаллами.

– И потом, гарантий долгоиграющих отношений мне не дали, а Инару о том сразу же и донесут! – голос Эли вернул меня в настоящую реальность. – Тогда уж точно Инар меня по голове саданёт своей костлявой ручкой так, что я, хорошо если присяду, а то и свалюсь под его стол.

– Он тебя бьёт?! – изумилась я.

– Какой мужик не бьёт женщину, если она моложе, да ещё во сто крат его краше, а другие её себе тоже хотят? – спросила Эля. – Конечно, кроме наветов, доказательств же у него нет. Но дерётся он больно. А ты вечно обольщаешься благостными ликами вокруг, что умильно на тебя и поглядывают. Я всегда тебе внушаю, мужик – это дикое тело, к которому привинчена разумная голова, которая очень часто предпочитает отключиться и дать волю своему внутреннему зверю.

– А у тебя тело мученицы, к которому привинчена голова философа, как у Ифисы. Чего только над тобою и не вытворяют, а ты всё терпишь, как та же Ифиса от своего Ал-Физа всю жизнь терпит...

– Что ты думаешь об этом?

– О чём?

– О том, что я тебе и рассказала? Почему Руд решил, что я приду? Кто-то распускает обо мне слухи... – она задумалась.

– Да кто и посмеет, – буркнула я и отвернулась, почув-

ствовав, что у меня что-то происходит с лицом, боясь, что внимательная Эля заметит моё неожиданное страдальческое волнение. – Тебе не привыкать. Помнится, была готова бежать в его машину ночью...

– Ну и что? Ты же тогда не захотела. А мужчина на то и мужчина, что когда он хочет, то проявляет себя открыто. У них и природа такая, всё откровенно и не спрячешь, как ни старайся. Это у нас всё запрятано в щёлочку...

Я содрогнулась от её непристойностей, но возразить было нечего. Меня и саму переполняли желания того же, о чём она и сквернословила.

– Ты же тогда застеснялась каких-то паршивых бюрократов, которые никак не влияют на твою жизнь, и ему отказала. Ну, увидели бы Лата и Инар ваши особые отношения и что? Ты свободная непростая женщина, он свободный непростой человек. Я же сразу поняла, как ты хотела к нему нырнуть в его машину. Думаешь, я не понимаю, что у женщин желания бывают весьма сильны?

Я уткнулась в платье для самой привередливой из клиенток, беспощадно ткнув иголкой себе в палец и вскрикнув.

– Осторожнее! – её вскрик относился к моей оплошности с иглой. – К чему ты пытаешься воспитывать меня как неразборчивую шлюху? Я, конечно, не девственница давно уж, но я женщина очень разборчивая, – Эля держала позу неприступной твердыни даже передо мной, даже после своих ночных путешествий и крадущихся возвратов под утро.

Она обладала какой-то реликтовой животной жизненной силой во всех смыслах, и днём вела себя бодро и деятельно. Никто не понимал, когда она спала? Правда, исподволь она уже позволяла себе занимать командные высоты наравне со мной, не считая, что её роль второстепенная.

– Инар оплатил твою учёбу в Академии, – выдавила я, – Кому ещё такое везение доступно...

– Он? Да ты дуручка, если допускаешь то, что мужчины способны проявлять такую вот щедрость и бескорыстие! Я сама себе всё и оплатила! Чапоса удалось ошкурить перед тем, как от него сбежала... Он же добру счёта не знает, хотя и алчный. Узнал бы, пришиб, а так-то и не догадался даже. Ты же не донесёшь? Мне учёба ума не прибавит, поскольку меня природа и так умом не обидела, а вот будущий статус лишним уж точно не будет.

Она стала ласкаться ко мне, – Ты веришь слухам? Это же Ноли их распускает. Нет у меня тут никого, ни единой близкой мужской души. И чтобы сильной в телесном своём воплощении... Инара я настоящим мужчиной, как ни тщусь, не воспринимаю! Он порой и добрый, порой и щедрый, но что-то такое, без чего я обойдусь легко! Ко мне же никто и ни разу близко не подошёл, кроме нашего охранника с его метлой. А наш охранник – нищий и тупой, да к тому семейный, – не тот приз, о котором я мечтаю.

– Инар Цульф не красавец, конечно, но он очень порядочный образованный человек. Огромная удача для тебя, – воз-

разила ей я. – И он не нищий и тупой дворник, а влиятельный чиновник в особом городе.

– Он влиятельный, но считать его мужчиной лишь потому, что он драчливый ревнивец, я не могу. Он, как бы тебе сказать, чтобы не оскорбить твою несомненную чистоту и прозрачность всех твоих представлений о жизни... слабосильный он! Через раз вялый, как прошлогодний корнеплод! Мне не хватает таких вот дозированных ласк. У меня и сроду не было секса, чтобы от души каждую ночь...

– Как же Чапос, о котором ходят легенды?

– О его могучей и неустанной эрекции? Уж договаривай. Если бы мне одной всё его телесное богатство доставалось, убежала бы я от него? Подумай-ка сама. Эта его неутолимая и мощная эрекция всегда мимо меня была устремлена! Рыжая и дикая кошка, бродячая акробатка в прошлом, и потребляла его силу! Раздалась от неё в три раза против прежнего своего объёма, а всё насытиться не могла! А теперь, как я слышала, он невинную девушку себе где-то раздобыл для того, чтобы вселить её на моё место. Да разве я сожалею? Об этой дурочке – да! Пусть теперь сливается с этим диким чудом природы, если окажется к тому способной...

– Замолчи! – потребовала я, поняв, куда она клонит. Я не собиралась обсуждать с нею такие вот подробности.

– Но ты понимаешь, я слышала о том, что приближаться к тем, кто работают в «Зеркальном Лабиринте», нам, простым девушкам, себе дороже...

– Вот и задумайся. Уж коли тебе дана на что-то твоя голова философа. Пусть она потрудится над обузданием твоего похотливого тела.

Как и все легкомысленные женщины, она быстро меняла тему беседы и с интересом спросила, – Ты помирилась с Каменным Красавчиком? Ждёшь его? – Чашечки стояли на своём месте, на столике у цветников, но Антон, которого Рудольф обзывал для чего-то Антуаном, стал у меня редким гостем. Да я и не всегда замечала его отсутствие. – Не знаю, как и быть, – продолжала Эля, забыв о своём вопросе, – Не хватало ещё получить открытый статус падшей.

О том, как Эля возомнила о себе

Вечером Эля сидела на террасе с девчонками и болтала с ними.

– Ну чего? – спросила я.

– А! – Эля махнула рукой, – Опять прибыл печальный посланец и как-то подозрительно радостно сообщил, что тот, кто назначил встречу, срочно куда-то отбыл. Издеваются, что ли, от скуки? Как думаешь? Да ещё мне скалится в лицо и говорит: «Может, согласна будешь на замену одного другим? Пойдём, погуляем? Погода отличная». Я поломалась для вида. Парень уж больно хорош, да молод совсем. «Я бы и прогулялась, для здоровья прогулки необходимы. Но работы у нас в «Мечте» много и вся срочная. Завтра приходи, если

по дороге на другую не наткнёшься и обо мне забудешь». Он посмотрел так серьёзно, а обиделся как маленький. Ну, я прогулялась с ним, покрутила задом, шествуя по дорожкам, а потом разошлись, поскольку я не такая женщина, чтобы с налёта для всякого становиться доступной... Если же честно, то он и не домогался. Не самой же мне его домогаться?

– Ты огорчена? – спросила я, ликуя про себя.

– Ещё чего! – фыркнула Эля, – можно подумать, мне хоть кто необходим. По-моему, как раз наоборот. – Эля потянула меня к себе, – Садись.

Но я продолжала стоять, решив держать дистанцию между служащей и собою. Она вырядилась в немыслимый и вульгарный наряд, который притащила с собой из столицы, из тех, что может напялить на себя лишь та, кто не дружит со вкусом и со своим возрастом, а также не понимает всех изъянов своей комплекции, а они есть практически у любой. Платье по фасону напоминало те изделия, что украшали «особых дев» из столицы. Через ткань просвечивало её нижнее платье, также полупрозрачное. Грудь, задранная корсетом, была невозможно открыта, а по бокам у платья имелись разрезы до бёдер, делающие женщину доступной и без его снятия. Спина также была приоткрыта. По сравнению с моей спина Эли вовсе не была идеальной, – она сидела, ссутулившись, и позвонки её некрасиво выпирали. А у меня по спине проходила ложбинка, и ни один позвонок не был заметен, но я никогда не позволяла себе подобной открытости.

– Ты бродишь в этой жути по городу? – изумилась я.

– И что? Твои модели лучше, что ли? – И это говорила моя помощница? Она прекрасно поняла, зачем её звали, и совсем не была против подставиться любому, даже не сообщая, какое мнение будут иметь те, кто в ней вдруг заимели низкую нужду, или просто случайные прохожие, увидевшие её.

– Сними этот женский позор с себя, – потребовала я, – и не смей в этом месте среди пристойной публики носить подобное. Откуда оно у тебя? – Я была разочарована в ней настолько из-за её готовности бежать на любой двусмысленный зов, что возникло желание вытолкать её за стены вон, где ей и место. Всё же годы так называемой семейной жизни с Чапосом как-то поспособствовали её деградации.

– Ты же мать двоих детей, ты зажигала небесный огонь в Храме...

– И что? Платье дорогое. Мне Азира подарила.

– О, да, Азира – эталон элегантности, особенно когда без всего.

– Чем твои-то лучше?

– Если нет понимания, может, пойдёшь работать в другое место?

– Да сейчас! Бегу! Не командуй! Я, между прочим, в Академии уже учусь. Разве ты тут начальница?

– А кто? Если не я?

– Администрация, наверное, – следующую фразу я доду-

мала за неё сама, но она именно так и думала; «А ты такая же обслуга, как и все мы»!

Она смотрела с нескрываемым чувством раздражения, и было понятно, готова сцепиться со мною и всерьёз. Подобное поведение поражало до отвращения к ней. Я решила пока что ничего не предпринимать. Конечно, она служила мне честно, но малейший намёк на соперничество из-за мужчин, и она явила почти крысиную готовность атаковать, как-то уловив женским чутьём, что Рудольф небезразличен мне.

– Неужели ты, если бы он захотел, пошла на отношения с ним?

– Кого имеешь в виду? Таковых немало.

Я запнулась, но с усилием произнесла, – Я о Руде...

– Почему нет? По крайней мере, в меня никто уже не посмел бы тыкать тут из числа всякой мелочи.

– Я что ли?

– Ты мелочью себя считаешь? – она играла на моём скрытом напряжении, умышленно желая моего взрыва у всех на виду.

– Я нет. Я выше вас всех тут и по происхождению, и по своему профессионализму. На мне всё держится. Весь проект. Все творческие разработки.

– Кто и спорит. – Эля, как ни в чём, уже мило улыбалась, решив сгладить свой неконтролируемый выпад. А я подумала о том, что не хотела бы иметь такую соперницу. Она не уступала в бесстыдстве и Азире. Ради мужчин, ради борьбы

за их внимание, пошла бы и на разрыв дружбы. Но кроме неё у меня не было ни единой близкой души.

– Зачем тебе эти камни? Ты не ценишь их. Продай мне, – и я назвала цену, не сопоставимую с ценой подлинной, но Эля не смыслила в камнях совершенно.

– Так дорог, что ли? – усмехнулась она, но протянула браслет мне. – Сама хотела туда попасть, ну в «Лабиринт»? Пошла бы опять? Ведь уже ходила.

– Никуда я не ходила. У меня была официальная встреча.

– С мужем Гелии? Вернее, вдовцом...

– Кроме него там нет других, что ли? Там множество людей работает. Один человек сделал заказ для своей жены, но она живёт в столице. Вернее, она его подруга, – я опускалась до лжи, но что я могла сказать ей? – Дал мне её размеры, буду шить, – я порывалась уйти, но льстивая Эля вмиг обняла меня и стала лизаться в шею, чтобы устранить последствия нашей размолвки. – Я дарю тебе браслетик. Ты же их любишь. Бери.

Но я гордо ответила, – Ещё чего! Я в состоянии заплатить, – и ушла первая, размышляя о том, не стоит ли её удалить отсюда немедленно? Просто пойти и повелительно потребовать у Инара её удаления отсюда. Но я уже не представляла, как останусь без неё тут наедине с Администрацией, с Инаром, с кучей непонятных бюрократических процедур, пока и будет найден кто-то подходящий. Ноли-Глэв? Но при мысли о приближении Ноли чуть ближе, у меня уже заранее

сводило внутренности от дискомфорта. Замены Эле не было.

После дерзкой стычки со мной Эля пряталась, посылая вместо себя одну из девушек по разным мелочам. Она не боялась последствий, она вообще меня не боялась, но обдумав, поняла, что неконтролируемое и развязное поведение вышло за допустимые рамки даже самой близкой дружбы. Она строила мне издали виноватую, страдающую и безмолвную рожицу, не приближаясь. Разумно ожидала, что я остыну и прощу её. Потом всё стало, как и было после того, как я с холодным видом потребовала у неё принести мне напитки на террасу, поскольку я буду там отдыхать. Она примчалась с подносом так быстро, так ловко всё расставила на столике и села напротив, сияя круглым и очастливленным лицом. Я молча придвинула к ней вторую чашечку, и она жизнерадостно затараторила, спеша поделиться накопленным запасом новостей.

– Пришла утром к Инару, а Лата уже там и смотрит так зловредно: «Не дела ли пришла сдавать»? «С чего бы это»? – спрашиваю. А она: «Мне сообщили, что ты проявила непочитительность к своей госпоже. И предупреждаю тебя, если ты хоть однажды приблизишься к «Зеркальному Лабиринту» в своих позорных одеяниях, тебя вышибут отсюда силы, на которые не сможет повлиять добросердечная и мягкая госпожа Нэя. Никто не сможет тебя защитить».

– Когда же она видела тебя у «Зеркального Лабиринта»? – спросила я, притворившись безразличной.

– Ну как же. Когда я заболталась с тем расчудесным парнем, мы вместе прошлись с ним туда, даже не заметив того. Он же там, как оказалось, работает. Простым работягой, как сказал, а всё же... Да и я, говорю, не госпожой здесь работаю... и мне показалось, что этому мальчику моё платье понравилось...

– Ты ему понравилась, а не тот позор, что на тебе болтался! Он в моде ничего не понимает, раз уж он простой работяга.

– Ты не сердись. Я это платье сразу же и выбросила, то есть девчонкам в цех отдала, чтобы взяли для своих нужд. Перешьют для себя. Ткань же дорогая... Как думаешь, кто ей донёс о нашей размолвке?

– Не знаю, – ответила я по-прежнему безразлично, сразу же догадавшись, что источником утечки информации для Латы служила Ноли, мечтающая скovyрнуть отсюда Элю. В моей «Мечте» у каждой имелись свои мечты...

– Зато я знаю! Этот наш «Утренний луч» работает тут осведомителем...

– Да не смейся! Он и говорить-то не умеет толком. Он к Администрации и близко не подойдёт, если только его туда силком втащат.

– А всё же, он следит за девчонками. Поэтому их и выгоняют отсюда с завидной регулярностью. Он их шантажирует: «Если не подставишь мне в укромном местечке ночью то самое, что здешним типам охотно открываешь в их шёлко-

вых постелях, я на тебя донесу!»! И доносит, парнокопытное чучело! Ты продолжаешь воспринимать его, будто он дерево без ушей и без глаз. А он всё видит и слышит... – Эля встала из-за столика и, взяв бумажную тарелочку из-под пирожных, швырнула её вниз в сторону спины рабочего их закрытой территории, усердно метущего площадку возле лестницы. – Кыш отсюда! Не пыли тут, пока госпожа наслаждается отдыхом, чучело садовое!

На этот окрик парень развернулся в нашу сторону и выпрямился в ожидающей позе, – Что желаете, госпожа?! – крикнул он снизу.

– Желая, чтобы тебя тут не было! – ответила Эля. – Другого времени не нашёл? Почему всегда рядом торчишь, когда мы тут гуляем?

– А вы мне не госпожа! – ответил он Эле, оскалившись во весь свой зубатый рот, будто ему очень весело. – У вас тут нет слуг!

– Ты всеобщий тут слуга, вот и служи! А не развешивай свои уши как на просушку у нас под ногами!

– Я-то и служу, а вот кому вы служите, госпоже Нэе-Ат или только себе, это пусть госпожа решает! – он руками поднял тарелочку, издевательским манером нацепил себе на голову как шапочку и удалился прочь.

– Выгони его немедленно! Отсюда и прочь! – закричала Эля, чтобы наглец её услышал.

Я махнула на неё рукой, и она смолкла.

– Что же жениху не пожалуешься на грубияна? – спросила я, развеселившись от их перебранки. – Кажется, весь подсобный персонал Инар Цульф и набирал для нашей «Мечты».

– Да заняться ему больше нечем, как охранников-дворников воспитывать! – огрызнулась Эля. – Он и в лицо-то его не знает. Администрация нагнала, кого придётся, и забыла об этом. Пусть уж этот, лучшего не дождёшься. Да плевать я на него хотела! Это девчонки на него жалуются Лате. А она им: «А вы сами не вступайте в сожитительство с теми, кто уж точно не поведёт ни одну из вас в Храм Надмирного Света». А намёк-то был брошен в нашу с тобою сторону. Я учуяла.

Она по-прежнему была для меня незаменима, опять пришла с утренним завтраком в мою жилую половину кристалла, а вечером сделала мне массаж ног, поскольку обладала не только мягкими и одновременно сильными руками, но и где-то приобретённым умением. Бегая весь день, я сильно уставала.

– Наша богиня Мать Вода наградила тебя своим совершенством, – приговаривала она. – Такие ножки бесподобные! Такая шёлковая кожа... Тот мужчина, кто станет твоим избранником, будет каждую ночь умирать от счастья, что такая женщина принадлежит ему... – и она гладила мои ноги с каким-то ненормальным сладострастием, приникала к ним, щекоча языком. От её опытных прикосновений я ощутила истому и резко отпихнула, едва не завезя ногой ей по лицу.

– Не лижи меня, как аристократическая комнатная собач-

ка!

– Если бы ты только захотела, – зашептала Эля, – я обу-чила бы тебя таким штучкам, что любой мужчина, едва при-коснувшись, стал твоим бы на любое удобное тебе время! Ты же томишься без мужчины...

– Мне и одной неплохо живётся! – ответила я. – По край-ней мере, я чиста. Я не собираюсь никого ублажать.

– Так не бывает. Ты же женщина, уж коли была замужем...

– У меня нет желаний, которые распирают тебя! Всякому желанию предшествует мысль и воображение. У меня таких мыслей нет!

– Так не бывает. Ты же живая, молодая, а одна...

– Уйди прочь!

Она никогда не обижалась, если я позволяла себе шпы-нять её, считая, что раз я госпожа тут всему, любое моё по-ведение естественно и оправданно. Но мне никогда не нра-вилось унижать людей, и я после своего срыва всегда стре-милась загладить свою грубость тем, что дарила ей какие-ни-будь милые мелочи, а также покупала игрушки её детям. Услужливость её сочеталась с искренней любовью ко мне. Одной только корыстью наши отношения не измерялись. У нас с нею был взаимно-необходимый симбиоз, что я и поня-ла, прожив на дистанции от неё три долгих дня.

Эликсир Ласкиры

Три долгих дня спустя у меня замерцал браслет связи. Озадаченная ранним часом, я всё же обрадовалась, не сомневаясь, что это призыв к примирению.

– Хорошо спала? – промурлыкал он. Видимо, настроивал меня на дальнейшую податливость. – Приходи к «Зеркальному Лабиринту». И раз уж я всё равно разбудил тебя, лучше в течение этого же часа. Артур будет ждать тебя.

– Зачем? – спросила я, решив больше не давать Рудольфу возможности загонять себя в тупиковую ситуацию.

– Я снял блокировку на твой выход из города. Так что можешь в любое время, как и прежде, выезжать за пределы ЦЭССЭИ по своим надобностям. Но не советую столь опрометчиво разрушать всё то, что досталось тебе немалыми трудами. Поэтому считай, что это официальное приглашение к разговору по поводу дальнейшего функционирования твоей «Мечты». К тому же в случае, если бы ты и покинула город, ты должна знать, что на твоё имя уже давно куплен дом в одном из столичных пригородов, документы на который оформлял Инар Цульф. Я удивляюсь, что он не ввёл тебя в курс дела. И если бы ты сбежала в тот раз, то подумай здраво, как ты стала бы жить, отказавшись от всего достигнутого? И настолько ли Цульф является твоим истинным другом, если он ничего не сообщил тебе о законно

приобретённом и обустроенном доме? Если готов был отпустить тебя в старую развалину, давно превращённую в склад или цех, лабораторию, – не уточнял, что именно там находится. Весь этот его лепет о том, что он просто растерялся, не вяжется с качествами его очень рассудочной и изворотливой натуры. Цульф не настолько уж и боится твоего бывшего мужа, зная, как мало того интересуется сугубо материальная сторона твоего существования и всё прочее, связанное с твоим благоустройством. Вспомни, с какой лёгкостью твой «защитник» выкинул тебя в бытовое неустройство. Даже если бы ты вернулась в лачугу на тот самый «Крутой Берег», для него это было несущественно. Для существа такого уровня, чья жизнь к тому же на данный момент и не связана с этой страной, как я понимаю, сама бытовая фактура твоей уже жизни есть несущественные мелочи в сравнении с его неведомой никому целью.

Я согласилась с его доводами, понимая, что Цульф обоснованно рассчитывал на то, что моё непродуманное поведение лично для него шанс обогатиться. А также присвоить мою «Мечту»! Возможно, он был и заинтересован именно в таком развороте,

– Твой лже-отец и лже-муж опять хочет забрать тебя к себе. Не исключено, что он и отпустил тебя со своего острова исключительно ради того, чтобы ты оценила то преимущество, когда жила у него за пазухой, как эмбрион в утробе матери, не заботясь о насущном и всегда тяжком выживании.

Тут он сделал паузу. Я молчала.

– Почему же не спрашиваешь, откуда я знаю, что твой ветшак хочет тебя забрать к себе?

Я молчала.

– Его видел в столице Инар Цульф. Старик потребовал у него, чтобы он привёз тебя в тот старый дом...

Я молчала.

– Однако, как удивительно совпали его желание вернуть тебя и твоё желание убежать...

Я молчала.

– Цульф ответил, что не в его силах вырвать тебя из города, где ты по-настоящему реализовала себя как художник, как мастер, обрела признание и вовсе не бедствуешь. У живущих тут людей большие возможности, ну и прочее. Тут он признался старому, что ты обрела в городе... – он помолчал, подыскивая определение, – Друга. И оторвать тебя от того, с кем ты счастлива, немислимая задача. Ты не считаешь, что он преувеличил?

Я молчала.

– Тогда старик потребовал всего лишь устроить вашу встречу, а он не собирается насильно утаскивать тебя к себе.

– Я сказала Цульфу, что не желаю встречи с Тон-Атом, – произнесла я, наконец. – И не из-за тебя так, а потому, что я обижена на Тон-Ата за бабушку, когда он выкинул нас в полное неустройство. Я так и сказала, что при очередной встрече пусть Инар скажет, я остаюсь в ЦЭССЭИ.

– Разумно, – одобрил он. – А где конкретно Инар с ним встречается? – он при каждом случае пытался выудить у меня сведения о Тон-Ате.

– Тебе-то зачем? У Инара нет с ним контактов. Тон-Ат сам возникает в некоем доме яств «Нелюдим», когда и считает нужным.

– Что за «Нелюдим»? Не та ли башня у берега реки, которой владеет Чапос? Кажется, там законспирированный бордель...

Слово оказалось непонятным, а он не пояснил. – Видимо, старые связи дороги твоему ветшаку. Иначе, чего бы ему там делать при отсутствии сугубо мужских потребностей.

– Разве женщины не употребляют ту же еду, что и мужчины, а питаются светом и водой как цветы?

– Чапос не пускает женщин в этот «Нелюдим», насколько мне известно. И зная его повадки, нетрудно предположить, что это за оранжерея. Ты считала своего старца добрым и всемогущим духом-охранителем, но твой реальный и персональный уже волшебник это я.

Я опять промолчала.

– Придёшь? – спросил он, и голос опять стал вкрадчивым. У меня позорно потеплело внизу живота, а решимость к противодействию столь же ощутимо угасала. И даже моя женская злопамятность на его тычки и унижительные обзывания меня, не способствовали моей стойкости.

– Да, – ответила я, отлично зная, что не козни Тон-Ата

и не корысть Инара его заботят. Он отлично понимал, что никуда я теперь не денусь, раз уж ему удалось сорвать мой спонтанный порыв к побегу. Он зверски скучает. Он хочет того, что называл «насыщенным сексом». И желая того же, я не желала подпадать под своё же собственное и ответное неодолимое влечение. Под необоримую власть Рудольфа надо мной. Потому что он контролировал свои чувства, а я нет.

Надо бы принарядиться, а тот безликий наряд я выбросила в кучу обрезков в швейном цеху, может, на что и сгодится. Его тут же кто-то стибрил, чему я нисколько не огорчилась. Я остановила выбор на своём счастливейшем платье, в котором появилась на той выставке в Творческом Центре в столице. Здесь ходить в нём некуда. Не по лесу же гулять? Продавать его я в мыслях не держала, считая своим судьбоносным платьем. Ткань оттеняла цвет моих глаз, и весь наряд неопишимо удачно подчёркивал все мои лучшие особенности. Не значит, конечно, что я идеальный образец, кое-какие недочёты, пожалуй, имелись, но откровенные недостатки отсутствовали. Но как уверяла моих клиенток Эля на ушко, помогая им примерять их обновки: «К чему распространяться вслух о недочётах собственной природы, если основная задача всякой женщины не только стремиться, но и казаться идеалом».

Я упрямо навела красоту, накрасив ресницы и загнув их. Кто мне тут равен? Эля что ли? Смешно. Я нацепила заколки с сапфирами, те, что выкупила у воровки. Они когда-то при-

надлежали Гелии. На руку, обнаженную у плеча, я нацепила тот самый браслет Эли. Чтобы досадить ему. Тут я его раскусила. Не нужна ему ни Эля, никто другая из тех, кто стоят в очереди в ожидании его милости, но это из его слов только. Лично я подобной очереди не увидела нигде, она существовала только в его вымысле, чтобы задеть меня. Ему нужна только я одна. И браслет был послан специально, чтобы меня завести. Он знал, что Эля всё расскажет, не выдержит.

Я сунула руку в один из своих потайных ящичков. Там хранился небольшой флакон из матового синего стекла, украшенный мелкой россыпью слёз Матери Воды. В нём с давних времён хранилось таинственное снадобье бабушки. Когда она передала его мне, она сказала; «Если возникнет у тебя такая ситуация в жизни, когда ты будешь сгорать от желаний, но пожелаешь отключить их, став бесчувственной, а при этом сохраняя ясное сознание, то выпей пару глотков. Только помни. В случае передозировки могут возникнуть и последствия».

Я сунула флакончик в свою сумочку на поясе. Когда Артур привёл меня к той же самой стене в подземном уровне загадочного города, он какое-то время топтался на месте и не нажимал свой браслет.

– Вы кто? – спросил он, наконец, с любопытством настолько забавным и мальчишеским, что я не могла ни развеселиться.

– А три дня назад вы меня о том не спросили.

– Вы из внешней его агентуры? – он улыбался мне в ответ, и было очевидно, тянул время, чтобы со мною поговорить просто так, из-за того, что я ему понравилась.

– Из какой агентуры? – удивилась я, не поняв его.

– Да тут... – он замялся, наморщил лоб, соображая, о чём и как говорить со мною, не понимая, зачем женщине из текстильного центра входить в такое секретное место. Он был настолько озадачен, что врал напрапалую. А может, и не врал. – Всякий влиятельный и просто ответственный за что-либо человек обязан иметь свою сеть из тех, кто даёт ему необходимые сведения о том, что его и интересует в силу профессии или статуса в закрытом городе. Тут же не парк развлечений, а закрытый научный объект. «Зеркальный Лабиринт» сердцевина всего города, у него уже несколько степеней защиты в сравнении с городом в целом.

– У Руда много агентов женского облика? – любопытствовала я.

– Наверное, всякие есть. Я не в курсе его дел особо-то. Мне сказано, прибудет агент. И всё.

– А у тебя есть агент? Женского облика? – не отставала я, намекая вовсе не на подлинных тайных осведомителей. Он смутился.

– Мне ни к чему. У меня своя зона ответственности и своя профессия, – затянувшийся разговор скрывал его явное нежелание расставаться со мною. Но было ли мне это в радость, не знаю. Всё равно, пожалуй. Я же не Эля, лова-

щая внимание любого, кем он ни будь, мужчиной или совсем юным мальчиком. – Он сегодня страшно злой, с самого утра, – сказал он тихо, будто кто мог и услышать в пустынных тоннелях, – Конечно, вы такая красивая. Но всё же, лучше будьте осторожнее с ним. Он за завтраком в столовом отсеке из-за того, что ему не понравилось какое-то блюдо, всё сшиб на пол и ушёл. Такое бывает редко, но лучше к нему на глаза в такие минуты не лезть. Давайте, я провожу вас обратно, скажу, что вы не пришли, а вы что-нибудь и придумаете потом, скажите, дела там. Мало ли. Недомогание. Или уехали. – Он стоял и перечислял возможности, чтобы мне уйти, – Он сказал, чтобы вы подождали его здесь. Он несколько вынужден задержаться. Но вы лучше не ждите. Не входите туда, пока он не пришёл...

Опять в гостях у подземного владыки. Новая игра

Он не договорил, стена бесшумно отъехала в сторону, и я увидела в проеме чёрную фигуру. На груди сверкал скорпион из прошлого, его зелёные голографические глаза переливались в неживом свете лабиринта. Лицо самого Рудольфа выражало смесь недовольства и величия. Артур даже не смог скрыть изумления.

– Чего ж сказал, что задержишься?

– Я и задержался, – он вопросительно поглядел на Арту-

ра, – где ты сам-то столько времени шлялся?

– Ждал, как и было приказано. Девушке очень понравились картины, она их рассматривала, спрашивала, кто их изготовил. Я сказал, что не знаю. Так-то принтер голографический распечатал, но чьё творчество изначально, того не знаю... Про принтер, конечно, она ничего не поняла, я дал маху...

– О каких картинах речь? – спросил Рудольф, – Почему ты не провёл её закрытым маршрутом, как я и велел?

– Но ведь... она же не должна знать, что есть закрытые маршруты и тайные входы сюда...

– Она уже отлично о том осведомлена. Или ты считаешь меня слабоумным? Ты зачем впёрся в таком виде в холл, открытый для троллей, если не напялил ряженку?!

– Так рано же... там ни души в такое время. Ведь рабочий день для всех начинается намного позже...

– Ну, а если бы кто-то вздумал туда прийти пораньше?

– Да как? Двери заблокированы точно до указанного часа...

– Не для всех, малоумный! А лишь для рядового персонала троллей! А в «Лабиринте» полно троллей высокопоставленных! Они имеют и ночной допуск в верхние уровни помещений! Ты где, собственно, находишься?! Очнись от своих детских грёз! – он так гремел, что у Нэи заложило уши.

– Да нигде! – крикнул вдруг мальчик Артур. Его глаза за сверкали от еле удерживаемых слёз досады. То ли на себя,

то ли на беспощадного ругателя. Развернувшись, он ушёл, не проявляя никакой почтительности к старшему и, по-видимому, главному здесь у них, в подземных лабиринтах.

– Прошу, – и он посторонился. – О чём вы так долго говорили?

– С кем? – я не отметила ни малейшего чувства по поводу своего, как мне казалось, потрясающего вида. – Он хвалил моё платье, – зачем-то соврала я, и тут же почувствовала, что он просёк мою ложь. Он оглядел меня всю так, как оглядывают манекен, не беря в расчёт чувства самого манекена, которых нет по определению.

– Ты полностью оправдываешь ту кличку, что я тебе дал.

– Я не домашнее животное, чтобы носить кличку вместо имени, которое у меня есть!

– Находчива, как и всегда. Твоя способность отражать недостойные выпады против себя просто блестящая. Без шуток. Коломбина весёлая и красивая марионетка, а не животное. И даже не марионетка, а театральная персонаж, в который все влюбляются. – Он стоял настолько близко ко мне, что возникло непреодолимое желание обнять его и прижаться. . . Мне стоило огромного усилия, чтобы такое желание подавить.

«Я тебе ещё отомщу за тот раз!» – самонадеянно подумала я, вовсе не торопясь прыгать в его объятия. Да он и не собирался их раскрывать. Хороша бы я была, разбежавшись и ткнувшись носом, если и не в гладкую стену тоннеля, так в

его ледяную насмешку. Игра там не игра, а унижений я во- все не хотела. Я хотела его извинений и нежных вкрадчивых подходов к достойной, но доброй красавице, кем себя мнила. Или стремилась мнить. Войдя, я уже привычно села в облачное по мягкости кресло. Он не садился, а стоял и смотрел на мою причёску. – Кристаллы от Гелии остались? Здесь же нет таких. Не может быть.

– В чём же их уникальность?

– В том, что они искусственные. Только не стекляшки, как здесь изготавливают местные умельцы, а полное подобие камней по своей структуре.

– Я купила их у одной воровки, – призналась я, – ведь дом Гелии был разграблен после её гибели. Ты это знал? Её вещи потом всплывали у перекупщиков, я покупала, если ви-дела то, что узнавала. Надеюсь, что её тайник в стене не об-наружили и не вскрыли. Вы могли бы обратиться в столич-ные инстанции для доступа к тому, что принадлежит вам по праву наследования...

– У меня нет никакого права, да и зачем оно мне? Она могла и открыть этот тайник в дни своего безумия перед те-ми, кого мнила своими друзьями. Ты и понятия не имеешь, во что она превратилась в последнее время. Даже наши вра-чи были уже не в состоянии привести её в прежнюю норму. Я хотел взять её на Землю, где её точно уж вылечили бы, но наступил тот ужасный день... – он замолчал.

– Зачем же ты хотел её взять с собою, когда сам же гово-

рил, что искал меня... – пробормотала я с такой горечью, что ею же и поперхнулась.

– Вначале – да, искал. А потом нет. Я любил Гелию – мать своего ребёнка. Тобою я лишь увлёкся, так теперь и думаю.

– Так и я увлеклась лишь по юной глупости, а любила и люблю лишь Тон-Ата...

– Волосы зачем красите в такие дикие цвета? – он опять перешёл на официальное «вы». – У вас же неподражаемый природный цвет.

Меня задела его бесцеремонность, и я молчала.

– У вас фантазия временами невероятная, дикая. Эти ваши шляпки с цветами, ягодами, когда вы гуляете в лесу. Или ваши шлейфы, мерцающие платьца, когда вы похожи на нездешнюю комету, упавшую на унылую эту планету.

– Чем же тут уныло? Тут, мне кажется, прекрасно.

– С непривычки и кажется, но новизна быстро облетит, и унылая суть заявит о себе и тут. Как же вы меня развлекаете, когда я вас вижу, проезжая мимо по шоссе. И я всегда при этом думаю, это же истинное украшение всего этого вымученно-прилично-официозно-унылого города. Вы меня замечали после того, как мы столь взаимно непостижимо разбежались после тех удивительно насыщенных часов, проведённых вместе в моей машине? Для того и гуляла ты каждое утро, выслеживая мою машину... Ну, согласитесь, даже такие стеснённые условия, какими были и ограничены наши встречи в машине, оказались ярче по своей насыщенно-

сти, чем комфортные сновидения в вашем кристалле. Почему, как вы думаете?

– Я не запоминаю снов. И не смотрю на чужие машины. Мало ли кто там проезжает. Я не приучена пялиться на то, что не имеет ко мне отношения.

– Это я-то не имею к тебе отношения? Я имею власть не только над твоей реальностью, но и над твоими снами.

– Мне неприятен ваш тон. Всё же, это официальное приглашение. Вы же вызвали, а сами издеваетесь...

– Официальное? Зачем ты мне, если официально? Какие у меня могут быть дела с тряпичных дел мастеровым? У меня свободное время, вот и всё. – Он сел, наконец, напротив. Никакого эффекта, столь ожидаемого, я не произвела. Приди я в платье Эли, в том ужасном, он и этого не отметил бы. Во что-то обряжена и ладно.

– Зря ты не ушла, – сказал он, – не послушалась Артура. Может быть, иногда и надо прислушиваться к чужим советам...

Я поразились тому, что он слышал наш с Артуром разговор, не понимая, что это не проблема при наличии связи. Артур же был слишком завышенного мнения об окружающих людях, думая, что они не позволяют себе того, чего не позволяет он сам.

– Нарядилась как на бал. Какого бала ты тут ожидаешь? Бабочка-фея. С чего ты взяла, что ты бабочка? Ты же глупая муха, нацепившая себе бирюзовые крылья. Вкусная и сочная

муха. Ты где-нибудь наблюдала, чтобы муха ловила паука? Ты же любишь природу, ты наблюдательна, как и все художники. Думаешь, раскусила меня? Я всё думал, вдруг у неё сработает чутье, и она не придёт? Ну, действительно, не мог же я притащить тебя насильно? Ты же свободный человек. Чтобы я тебе сделал? Я же не Чапос, или кто там ещё в столице кишит, как бациллы в заражённом водоёме. А ведь ты хотела туда сбежать, пренебрегая такой удачей как жизнь в полной безопасности и сытости.

Чёрный цвет делал его худее на вид, облегающая одежда открывала руки выше локтей, и его бицепсы, бронзовые, невероятно сильные, завораживали меня. Игра в неприязненность не обманывала, хотя и задевала. Я подняла на него глаза... И словно бы мои чувства, исходя из моих глаз, передавались ему и смывали с его лица сумрачность.

– Мне знакома твоя одежда, – произнесла я. – На ней изображён... скарпон? – я не без труда выговорила название иноземного насекомого.

– Умница! – похвалил он, – твоя память – блеск. Ты могла бы стать кем-то, кто больше, чем изобретатель оригинальных одеяний для троллей. Но название ты несколько исказила. Скорпион. Не боишься, что укусит?

Я уловила поток его мыслей, будто он был плотно-водяной, и обдал меня всю прошлым и даже пошатнул, как в прихожей у Гелии. К счастью, я сидела в кресле.

– Жалко, что нет машины времени, – сказал он.

– Машины чего?

– Да так. Образ того, чего нет ни у кого, но что может возвращать утраченное.

– Но ведь... когда мы с тобой... время не вернулось?

– Я оценил твою страстную отзывчивость, но тебе всегда чего-то не хватало для того, чтобы почувствовать себя счастливой. В машине тебя нервировала спешка, в твоём кристалле отсутствие разговоров по душам. Вот и будем говорить с тобой. Не спешить. Ты помнишь, как этот зверюга однажды едва не напал на тебя? – и он указал на изображение скорпиона, – Видишь, сохранил не только как память о тебе, но и как напоминание о собственном скотстве. Ты простила меня за то нападение? Ты же очень злопамятна...

– Если бы я была злопамятной, не произошло бы того, что и случилось девять лет назад. Что есть причина всему тому, что ты назвал «насыщенными часами», проведёнными в машине, а также не было бы наших совместных сновидений под крышей «Мечты».

– Ну да, – вздохнул он.

– У нас, согласись, странные отношения.

– Чего же тебе не хватало? – спросил он

– Мне не хватает прогулок с тобой, разговоров, как с Антоном.

– Прогулок? Ты же сама носилась от меня как от привидения!

– Нет! Я всего лишь хотела ввести тебя в определённые

рамки, поскольку на виду у местной публики нельзя вести себя так, как было возможно когда-то... когда мы гуляли вдоль берега реки до самых Дальних Песков... Зачем ты так себя ведёшь? Я ведь могу и разлюбить тебя...

– Зачем? Ты обворожительно-нежная по виду, но при соприкосновении ты можешь быть и колючей. Я хочу, чтобы ты стала атласной не по одному лишь виду. Не собираюсь быть твоим воспитателем, но хотелось бы проводить с тобой только отрадные мгновения. Если уж выбрал тебя местной женой...

– Выбрал? А у меня согласия спросил?

– Разве ты не дала своего согласия? Или же... тебя, действительно, привлекает Антон? И только лишь его невнятное поведение и делает тебя столь двойственной, когда ты не уверена в этом легковесном мальчишке-одуванчике, поэтому играешь со мной, чтобы не лишиться даже такой неполноценной связи, если в твоём понимании... Я груб для тебя? Чрезмерно продавливаю твою зефирную суть?

– Я не понимаю многих слов, которые ты употребляешь. Зе-фир?

– Лёгкую, нежную твою суть имею я в виду. И отплёвывать колючки, которые ты маскируешь своими лепестками, мне надоело. Они не есть твоя суть, а лишь подобранные на жизненной дороге осколки чужого опыта. Не твоего! Чего ты ими утыкалась вся? Или ты будешь моей безупречной девочкой, или... ступай и дальше бегать за сиюминутным рас-

положением Антона!

Мне и в голову не приходило, что он настолько серьёзно ревнует меня, и его постоянные упоминания Антона я считала за род его же игры. Так ласкаются иные коты, выпуская когти, как бы понарошку, но ощутимо вонзая их и доставляя боль. В его мнении это я царапала его, а он в отместку, оказывается, меня!

– Антон всего лишь мой собеседник... Все так и считают. Он ведь никогда не переходит правил приличия. После пробежки он приходит к нам с Элей выпить чашечку питательного напитка, и всё...

– Ты смогла бы ради Антона стать, как это тут считается, падшей?

Ему не давал покоя Антон. Он хотел, чтобы раз за разом я опровергала свою влюблённость в Антона, заговаривала его ревнивые подозрения.

– Да, – в каком-то смысле я проявила искренность, а в каком-то очень уж хотелось его задеть.

– А ради меня?

– Чего же отвечать, если у нас всё и состоялось...

– Что у нас и состоялось? Для меня это ничего не значит.

– Неправда! – я не верила его словам, веря себе. Хотелось подойти к нему, обнять сзади его крепкую и прекрасную шею. У меня пылали щеки, накрашенные ресницы, казалось, вот-вот потекут от жара, который я генерировала, не имея возможности себя отрегулировать до необходимого, пусть и

внешнего только лицедейского уровня спокойствия, не умея себе приказать – остынь! И он это прекрасно видел, но не желал идти навстречу, продолжая непонятную игру.

– Решила, что я буду удовлетворять твою потребность в изысканных играх? Ты забавная девочка. Ты не чувствуешь разницу между своим игрушечным и тряпичным мирком и той страшной реальностью, в которой живут другие, в том числе и я. Играть сюда пришла? Но здесь я придумываю свои игры, а ты можешь их изобретать только в своём душистом кристалле, и мне они надоели. Это примитив. Я тебя в другие игры научу играть.

– Я не понимаю тебя...

– Всё ты понимаешь. Остроты ощущений захотела? Решила взять меня в свой кружевной плен?

– Я лучше уйду...

– Сиди, раз пришла! Уйду – приду. Ты думаешь, у меня есть изнанка, на которой ты хочешь играть, а у тебя её нет? Ты вся фарфоровая и создана лишь для любования? До чего же ты на Гелию хочешь быть похожей. А не надо тебе быть похожей ни на кого! Ты думаешь, она страдала, живя в мире наизнанку? Да она тащилась от своих игр в фальшивое двуликое божество! Она же обожала всё низменное и только делала вид, что она вся такая воздушная и святая. Она же только и чувствовала, что эту изнанку, а нормальная любовь была ей чужда. Я не сразу понял, и когда я ей всё дал, она уже никуда не сбегала, ни к каким Нэилям. И ты того же хо-

чешь? Надоело розовый бульон хлебать на своей цветочной террасе?

– Я не сама к тебе пришла, ты сам...

– Да рассказывай! Ты устала от преснятины. Тебя муж этим перекормил. Не переживай. Я тот, кто тебе и нужен.

Я ничего не поняла из его пространного монолога. Чего он хотел? – Все предупреждали меня, что ты не тот, кем я тебя вообразила с самого начала... да так и не исцелилась от своих иллюзий о тебе... Азира, Чапос считали тебя оборотнем... выходит, они понимали, каков ты, но только не я... Тон-Ат тоже говорил, я не верила...

– Азира? Чапос? Разве они были твоими друзьями, что ты вела с ними столь душевные беседы?

– Нет, не друзья, но так уж пути наши иногда пересекались... Если я ошиблась в тебе, будь честен и отпусти меня насовсем. Так и скажи, что никогда не любил и не будешь...

– Разве тебе недостаточно того, что ты сама любишь меня? Разве я этому препятствую?

– Теперь уж я ни в чём не уверена. Мне необходима взаимность... Мой муж был тонкий и рафинированный человек, но он не был... как ты. Да, мне этого не хватало, – мужских ласк. Мне уже достаточно лет, и я не забавная девочка... Но я не хочу никакой изнанки и не понимаю, что это. Я хочу только любви... – боясь потечь ресницами, я стала промокать глаза подолом.

Неотвязные призраки прошлого

– Когда-нибудь, – сказал он, – я покажу тебе станцию «Ирис», как ты и просила, покажу звёзды. Если ты, конечно, с честью выдержишь мои тесты. Я не способен любить, кого попало. А Гелия видела звёзды... Но ты почему любила её? У вас же злой мир, её все ненавидели, завидовали. Моя малышка была так одинока здесь, но меня, единственного, кто её любил, отталкивала. Почему? Как думаешь? Твой брат. Ты не знаешь этого, но он был её игрушкой, и она умышленно реализовала сценарий того фильма, сделав его своей действительной жертвой. Она забавлялась, не имея подлинной человеческой души в себе, над твоим братом, надо мной...

– Я любила её, потому что её любил Нэиль. Я тоже любила всё прекрасное. Люблю. Я, как и Гелия, всем верю, даже понимая, что обманут. Но она была добрая, я не знаю, зачем она тебя мучила, не объяснила всего. И Нэйлю не давала ничего изменить, а он хотел всегда. Но она говорила, что ты убьёшь, и Нэйля убили. Гелия внушала, что это совершил ты. А я... Я ничего не знаю, чтобы обвинять тебя. Никто не видел, как всё произошло. Гелия не была такой жестокой, как ты говоришь, она боялась всего. Нищеты, подлости людей, интриг, которыми её оплетали те, кто притворялись её друзьями, откровенных врагов, а больше всех тебя... И я не люблю причинять людям не только страданий, но и тени оби-

ды. Я всегда умею их прощать за глупость и зло. Ведь зло не бывает от большого ума, а только от какой-то существенной недостачи в человеке.

– Жаль, что ты убежала тогда, – сказал он.

– Может, тебя иногда и задевают мои слова, но они всегда лишь ответ на твои же колкости. Тебе всегда кто-то мешает. Или Тон-Ат, или Антон, который всего лишь мой дружелюбный собеседник. Я не думаю о тебе плохо, и не могу, потому что... – я не смогла произнести «люблю тебя».

– Ты хочешь, чтобы я приблизил тебя?

– Приблизил? – я отметила, что он не сказал «полюбил», и порадовалась тому, что не сказала ему того же. – В каком же смысле так? Как в машине приближал? Или как в моей «Мечте»...

Он не ответил, и я ощутила себя смешной, ничтожной со своими мечтами о любви, со своими крашеными волосами и скрытой под краской ранней сединой, – Приближайте кого-нибудь ещё. У вас же очередь из желающих подобной близости. Можно я уйду?

– Уходи, – он спокойно нажал браслет. Стена отъехала, но там было пусто.

– Иди! – приказал он, – у конца тоннеля, где стоят машины, жди. Туда должен подойти Антон. Он возвращается на поверхность и тебя захватит. – И повторил уже грубо, – Спешу, пока не передумал, бабочка-летунья! И не забывай при убеге, что у почтенного главы Хоз. Управления в наличии

документы на твой собственный дом.

– Зачем... мне... твой дом? – мне не хватало воздуха через слово.

– Всё равно потратился. Так что забирай! Чтобы не пользовались всяческие пройдохи...

– Можешь подарить этот дом хоть... хоть Лате! Мне он без надобности!

– Не исключено, что последую твоему совету.

Я поспешно встала, убегая в пустоту тоннеля. Возможно, я и опишу как-нибудь потом, что последовало за этим. Но думаю, что не смогу никогда. Я не знаю для этого слов, поскольку не обладаю способностью к языку зазеркалья. Когда то, что можно обозначить как граница привычного мира, вдруг истончилось, и тёмное зазеркалье растворило меня в себе. А выплюнув, так и не дало мне способности отразить пережитое в словесной форме даже наедине с собою, на чистом экране планшета, когда уже много лет спустя я пыталась сделать это. И думаю, что такие вот главы жизни, коли уж кому посчастливилось в подобное не окунуться ни разу, лучше и не читать. Лучше пропустить, чтобы потом не обвинять меня в том, что я тайно порочная, а все несчастья мы получаем заслуженно. Может, и заслуженно. Может, и не всегда женщина не понимает, с каким огнём она играет порой, внушая себе, что приняла его за праздничный салют в честь своей неотразимости. Но коли уж что написано, то пусть и будет. На этом закрываю свой дневник.

Лабиринты подземного города

Инопланетный досуг космического десантника Олега

«Пусть и будет именно таким нелепое завершение того, что и сразу началось с аномалии», – так думала Нэя, несколько не считая себя безупречной ни теперь, ни в том прошлом, когда она бросилась в объятия не просто чужого мужа, а мужа собственной подруги. Конечно, конечно, подруга-то и сама без тормозов была, безнравственна, беспринципна и бестолкова, если не полубезумна, подведя под погибель Нэиля.

Без посторонней помощи найти выход из лабиринтов не казалось и возможным. Нэя осталась стоять одна в пустом длинном тоннеле, освещенном странными светильниками, спрятанными в стенах, поскольку стены неярко, но вполне себе достаточно светились. Она даже не смогла бы в такой изощрённой геометрии определить, где та стена, за которой остался Рудольф. И куда ей идти, она не понимала, продолжая топтаться на месте. Услышав шаги, вздрогнув от ужаса, поскольку забыла, о чём и говорил Рудольф, она обернулась. Но вместо ожидаемого демона подземелий, выдумки Чапоса, лёгкой и до боли знакомой походкой шёл Антон. Строй-

ный и высокий, он показался ей родным в непривычном пугающем месте. Она никогда не видела его в комбинезоне, и поразилась как впервые, – так хорош он был. Как всегда улыбаясь, он тем ни менее оторопело смотрел на Нэю.

– Ты? – спросил он, ничего не понимая. – Откуда? – и с восторгом оглядел её, как и Артур до этого. – Откуда вы здесь, небесное видение? – спросил он, шутя, и обнял её по-дружески и не совсем по-дружески, как и делал обычно их вечерними прогулками. Нэя, будто спасаясь от того, кто остался за стеной, прижалась к его шелковистому ярко-синему комбинезону.

– Как хорошо, Антон, ты здесь, – она посмотрела ему в лицо. Она не знала, как сейчас выглядит, но Антон смотрел удивлённо. Он достал откуда-то из бесчисленных карманов тонкую салфетку и нежно стал вытирать краску от размытых ресниц около её глаз. От его бережных прикосновений у Нэи полились слёзы.

– Что произошло? – Антон всё также ничего не понимал. Сзади, как всегда бесшумно, подобно призраку стоял Рудольф, наблюдая за всей сценой.

– Иди сюда! – произнёс он повелительно, и она покорно пошла ему навстречу. Перестав улыбаться, Антон смотрел ей вслед. Рудольф, взглянув на Антона дико блестящими в искусственном и приглушённом свете глазами, обнял Нэю жестом хозяина и повёл её вглубь лабиринта. Что было с Вендом не так? Он не мог объяснить, но поразило его не впер-

вые, а точно так же, как в тот вечер в лесопарке, когда они гуляли с Нэей. То есть, они шли с Нэей к нему, к Антону, а сам Антон был настроен на то...

Он тут же оборвал возникшее воспоминание о том вечере. О том, чего не случилось, сожаления не было.

Когда они исчезли за поворотом, Антон, уже всё поняв, растерянно обдумывал увиденное. Венд ревновал как мальчишка, как мог бы Олег, к примеру, или он сам, но так проявлять свои чувства человеку, бывшему тут ГОРом, бывшему давно уж зрелым человеком, было и дико, и странно. Нэя не была нужна Антону как возлюбленная, он мечтал о другой. Но Нэю было жаль. Она напомнила ту бабочку в сизой траве, сверкающей после ночного дождя, а Рудольф торжествующего и зловещего паука, утаскивающего её в свою паутину. Антон даже ощутил на миг, как больно, наверное, бывает бабочке, когда её хрупкую плоть прокусывает паук. Но помочь Нэе уже нельзя, яд паука в ней, и укушена она давно. Ведь её связывало с Вендом какое-то прошлое, неизвестное Антону. И обычно откровенная, Нэя никогда о том не рассказывала, хотя Антон и понимал, что её прошлое было неизлечимо больным для неё и, похоже, больным для Рудольфа. Хотя Рудольфа ему совершенно не было жаль.

Антон догнал Олег. У него была увольнительная на поверхность, хотя Олег как штрафник перемещаться по всей Паралее свободно не мог. Но Антон знал о не всегда и наказуемом своеволии Олега бродить там, где ему запрещалось

ГОРом Вендом. Например, по шумной и заманчиво-пёстрой, неустроенной и любопытной, контрастной столице, находя в её суе нечто для себя необходимое, что питало его потребность к наблюдениям и тягу к разнообразию впечатлений.

Олег успел заметить шефа, чья чёрная фигура увлекла за собой хрупкую фигурку в феерическом бирюзовом платье. Когда панель за ними закрылась, Олег долго стоял, удивлённый не меньше Антона. Он успел узнать незнакомку. Он видел и замечал её на поверхности в ЦЭССЭИ и даже ходил к этому сомнительной славы «кристаллу Венеры», как его дразнили ребята из подземного города. Он наблюдал со стороны, стараясь быть незамеченным, суеу обитателей, их трели, смех, а бывало и ругань между собой.

И однажды увидел, как милая девушка, хозяйка этой обители местной «Мечты», задрав свою пышную юбку, ополаскивала очень красивые ножки в водоёме, где застыли игрушечные земноводные, и цвели подлинные чудесные цветы на поверхности воды. И она сама, и вмещающий её в себя пейзаж напомнили какую-то феерическую картинку из мира фэнтези больше, чем из жизни реальной. Олег затаился как реальный дикарь в кустах, не умея приказать себе не смотреть вот так исподтишка. А она, обернувшись на подозрительный шелест, никого не увидела, успокоилась и скинула платье, оставшись в каком-то кисейном недоразумении типа ночной рубашки, через которую вся просвечивала на ярком

свету.

Юное по виду тело, подобное восточной амфоре по своим пропорциям, поразило Олега. В своих одеяниях девушка эта обычно не казалась ему столь уж юной. Да и личико её было слишком уж важничающим, холодным даже, чрезмерно серьёзным. Она с выраженным чувственным наслаждением захватывала в ладони воду и поливала себя, отчего намокшая рубашка совсем стала прозрачной, будто растворилась в воде. Обозначились соски-звёзды на впечатляющей, а однако, упруго задранной груди, тёмный треугольник узкого лобка... Олег почти перестал дышать, ожидая, когда она повернётся к нему спиной... и корчился от собственной низости гнусного созерцателя недолжного.

И она повернулась, будто уловила его жадный посыл. И там оказалось всё в порядке с наличными формами, даже с избытком они были округлы и пышны, плавно переходя в изгиб узкой и дивной спины. Рубашонку она, наконец, скинула, бросила на бережок, вошла в водоём по самую грудь. Тут уж Олег ломанулся прочь, ощущая себя потным и пропахшим насквозь звериным истечением, как какой-то лось во время гона, или кабан. Поскольку помчался уже как реальное копытное, стремительно и шумно. Она, по счастью, не могла услышать, поскольку отдалилась от берега, да и плескалась самозабвенно.

Вспоминать о таком настолько стыдно, что он предпочёл сразу же о собственном приключении забыть. Зачем он туда

приходил? От скуки, и такого увидеть вовсе не ожидал. Хотя девушка впечатлила сильно, она, как была, так и осталась вроде голографической картинки. Не сама по себе, конечно, а лично для него. Почему так, он не анализировал. Он чуял, она чья-то и уже давно. Она слишком хороша, чтобы быть свободной. А кем присвоена, ему-то что за дело?

– Эй, Актеон! – так сказал ему как-то Венд, приостановив его убегание, когда рядом не оказалось посторонних. – Ты чего в «Мечте» хрустальной ошиваешься?

– Обшиваешься? – пошутил Олег, сразу поняв, о чём речь. – Рад бы, да денег местных нет.

– Я не пёс богини Артемиды, – продолжал шеф, – но я точно ушибу твои яйца, если ты ещё раз займёшься сеансом самоудовлетворения там, где тебе делать нечего.

Олег задохнулся от острого стыда, будто дикий перец чили попал ему в горло. Он не мог взять в толк, откуда шеф узнал о его постыдном подглядывании за здешней русалкой. Неужели, и сам занимался тем же? Стыд усилился уже и за старшего коллегу. Он мог бы надерзить, а всего лишь сказал, – Там очень красиво, вот и зашёл цветочки понюхать, – прозвучало двусмысленно, и Олег, как маленький перед превосходящим многократно во всех смыслах взрослым, пояснил, оправдываясь, – Скучно. Вы же за пределы стен меня не выпускаете.

– Не забывайся, Олег. Тут же всюду камеры слежения. А за стены отпускать не буду. Довольно того, что ты уже на-

творил в прежней жизни. Можешь бродить, куда угодно. И девушками можешь не только любоваться, а и подружиться с ними. Только не с этой владелицей «Мечты». Она особенная. Тут вовсе не все женщины тебе по зубам. Уяснил? А кстати, с зубами проблем нет после той травмы?

– Да я и забыл о том, что у меня пара зубов вживлённая заново, – залепетал Олег, чья изначальная гордость, с которой он вошёл некогда в структуру ГРОЗ, была сломлена после той позорной истории на Земле, где ему повредил в драке зубы неконтролируемым ударом его же старший коллега. Олег в ответ едва не убил его, едва не пробив тому голову уже сознательно. Он ненавидел того врага уже пожизненно, а заодно и всех начальствующих над ним любить перестал. Ему предложили выбор, – или забыть о космических структурах навсегда, или принять заслуженное наказание, ограниченное небольшими временными рамками, если соотносить их с его юным возрастом и дальнейшей захватывающей перспективой. Олег мужественно принял приговор и высылку. Обнулить весь этап своего обучения в космическом городке с детства и потом уже в Академии, он не захотел.

Венда он тоже не любил, но подчиняться приходилось, выбора другой жизни у Олега уже не было.

Шеф космодесантного корпуса отечески потеревил Олега за плечо, улыбнулся широко, взглянул в глаза проникновенно, по отечески, – Не держи на меня злобу, Олег. У меня нет задачи опускать твоё человеческое достоинство. Гу-

ляй, где тебе нравится, на то и законные твои выходные. Вокруг же колоссальные горы, а сам ЦЭССЭИ с его окружающим лесом разве мал для насыщенного отдыха? Зачем тебе столица? Найди себе местную подружку и люби себе, если сможешь после слома прежней жизни. У тебя постоянная девушка была прежде?

– На фиг они мне здесь! – ответил Олег.

– Ну, так найди для заполнения временной душевной пустоты, – душевно отозвался Венд.

– Вот уж спасибо за разрешение! Только я не ваш крепостной, – заартачился вдруг Олег.

– Да ты хуже, – ответил шеф. – Ты не обычный штрафник, а земной преступник. И только моё безграничное снисхождение ко всем вам здесь, в чужом мире и в вынужденной конспирации, позволяет вам жить по-человечески и полноценно по возможности.

На том разговор по душам, что называется, и закончился. Олег стал избегать Венда, где мог, а где не мог, включал внутреннее экранирование от него, полностью становясь исполнителем роботом, но истуканом в проявлении эмоций. Венд платил ему тем же, с одним лишь отличием, что был его повелителем. Тут и не могло быть иначе. Все земные гуманные начальники и прочие милостивые, часто и добросердечные, старшие иерархи космических структур остались за далью безмерной, за мраком безмолвным, в мире всё равно, что потустороннем.

Он долго не подходил к этой дурацкой и переставшей быть заманчивой «Мечте». Но как-то ноги опять привели его туда, как на автопилоте, когда он задумался о чём-то, и маршрут для прогулок был не важен сам по себе. Вовсе не жажда повторно увидеть заманчивую купальщицу являлась тому причиной, а так вышло. Он озирался вокруг. Тёплый ласковый ветер шелестел в разноцветной листве, пленительные цветы казались придуманными, а композитное зверьё на берегу у декоративных камней живым и лишь замершим, наблюдающим за ним исподтишка. Он подошёл и даже попинал ногой чисто по-мальчишески одну такую изумрудную типа ящерицу. А потом сел на её спину, для чего она и была задумана, – для отдыха и созерцания окружающего рукотворного ландшафта, – и задумался.

«Хорошо живут! И чего им плохо-то жить? Ни войн у них сроду не было», – так он думал, не питая ни малейшего интереса к местной истории, – «Ни прочих враждебных им рас, ни катаклизмов, ни лютых холодов, ни изнуряющей жары. Рай, одним словом. Так что и я в раю».

У водоёма было пусто. И он пожалел, что так. Если бы увидел купальщицу, – будто она и создана лишь для того, чтобы тут купаться, – он бы уже не стал таиться. Он нагло и назло наглому шефу подошёл бы к ней и запросто полюбезничал. Чего бы тот сделал-то? Да и не следит же он постоянно за некими камерами. Тут не в камерах дело, а в том, что Венд следил из личного поисковика, тоже развлекался

от личной уже скуки. И не была та купальщица особенной. Такая же, как и все тут девушки. Венд нагло врал, желая её себе. Вот что понял Олег. А она, по-видимому, принадлежала кому-то другому. Иначе, такие вот отношения, будь они у неё с Вендом, сразу бы проявились для всех в подземном городе. Тут Олег позлорадствовал, что красотка с узенькой талией, но зато с впечатляющими полусферами впереди и сзади, тоскующему без женских ласк ГОРу тоже недоступна. Уж точно выбрала себе какого-нибудь влиятельного и не бедствующего тролля. Невольно, мысленно он прикоснулся кончиками пальцев к её груди, уже смелее провёл ладонью по упругим ягодицам... в стремлении исследовать то, что лично для него принадлежало к миру, всё равно, что потустороннему, и вздохнул. Богатырская его грудь заняла от задушенных желаний. Нежность кожи, надо думать, головокружительная, а прикоснуться по-настоящему плотно... хотя бы и разок, к такой притягательной лапочке, хватило бы для подпитки сладостных сновидений на долгое время...

Себе в утешение он подумал, что манящие соблазны могут быть прикрытием для плохих весьма качеств, ведь у девушек по внешности не поймёшь, что они за штучки. Было жарко, и Олег разулся, чтобы войти в воду просто так, ради ловли приятных ощущений прохлады. И тут... отзывчивое местное и неведомое божество, похоже, решило ответить на столь понятные в его возрасте устремления. Его застигла другая обитательница и, смеясь, сама стала тормозить его,

как русалка, требуя признания в негодных замыслах. Но их не было, и он тарасился на неё чисто и свято.

– Не смотри так, как будто я злое привидение, – потребовала озорная девушка. – Я живая и обладаю доброй душой.

Она выглядела ничего себе, но правда, очень уж размалёванная как кукла.

– Смотри лучше на меня как на женщину, чьей доброй душой пока что никто не завладел. Ты же понимаешь, что желающих присвоить такую красивую и умную женщину как я, вокруг очень много. Но я особенная, потому я ищу особенного мужчину. Ты же мужчина? Или ты пока что большой мальчик?

Олег засмеялся над ней и всей ситуацией в целом, – Будь я мальчиком, то был бы где-то настолько далеко отсюда, что ты уж точно меня не увидела бы перед собой.

– Значит, ты мужчина? Так я одариваю тебя разрешением меня завоевать, – сообщила она.

– А твою хозяйку кто завоевал? – брякнул вдруг Олег, зная, что та, другая и точёная девушка, и есть хозяйка этой «Мечты».

Озорная девушка обиделась, – Она аристократка. Ты же знаешь, сколько условностей существует в мире этих аристократов. Каков их гонор и претензии на что-то невозможно высокое. Ты-то точно ей не подходишь.

– Дык... мне она разве подходит? – стушевался Олег, – Просто так спросил

Девушка смягчилась, – Правильно всё понял. Пусть ищет себе аристократа, а мы, простолюдины, будем радоваться жизни друг с другом.

– Так разве не нашла? – спросил Олег, любопытничая не только от безделья, поскольку интерес к милой хозяйке не пропал и после унижительной взбучки шефа.

– Нашла, конечно. Такого же неприступного по виду, как и она сама. Он из вашего «Зеркального Лабиринта». А уж аристократ он или простолюдин зазнавшийся, того я не знаю. Она же вдова, так что может и до простолюдинов снизить.

– Такая юная и вдова? – поразился Олег, – Бывают же несчастья...

– Да какая юная! Мы с нею ровесницы.

– Разве? А по виду не скажешь... – тут Олег понял, что сказал что-то не то.

Она состроила как бы игривую, но явно рассерженную гримасу, – Ладно. Ступай отсюда! А как поумнеешь, то приходи. Может, и я, образованная простолюдинка, к тому времени тебя прощу за твою бестактность, красивый простолюдин.

Он ушёл, но стал задумываться об озорной девушке, явно давшей ему намёк, сообщившей о своей свободной душе. Перед сном его мысли уже принадлежали этой, настолько поземному рыженькой, а не её фантастической хозяйке. Но так и не сумел повторно побродить по их привлекательной и цветущей территории, – во всех смыслах цветущей, – и цветни-

ками, и кустарниками, и обитательницами. Пролом в ограде оперативно заделали, а у ворот стоял тролль-страшилище, ростом едва ли не с самого Олега, с кулачищами в синих жилах, напоминающими булыжники. Он явно и нешуточно тренировался, ибо все охранники здешние выбирались только из качественного мужского поголовья.

– Личный жетон ваш! – дико гаркнул он как глухой, не слышащий собственного ора.

– Какой ещё жетон? – удивился Олег. – Я, может, штаны себе новые хочу заказать.

– Только девушки без личного жетона могут сюда входить. Все мужчины лишь по предъявлению личного жетона. Данные я заносу в книгу регистрации посетителей. А вдруг вы бандит или вор? – громила с полусонным лицом, но со свирепо посверкивающими глазками злого сторожевого пса, сунул ему в нос маленькую книжицу с каляками, извлечённую оттуда, где обычно военные держат оружие. Было ли у него оружие, того Олег не знал. – Также и постоянные уже посетители проходят без регистрации. А вас я впервые вижу, господин. Мы уважаемым посетителям всегда рады.

– А если женщина разбойница или воровка? – спросил Олег.

– Женщина? – уставился на него тролль глазами реликтового бультерьера, – такие собаки когда-то существовали на Земле как домашняя живность в большом количестве, но стали редкостью из редкостей. Тут охранник надолго заду-

мался. Точнее, замер. Или уснул с открытыми глазками. Наконец он зевнул, до смешного напоминая сладким зевком именно что собаку, и опять уставился на Олега, – В «Лучшем городе континента» такое невозможно. Очень качественную проверку проходят те, кто сюда и попадают.

– Чего же тогда мужчин проверяешь?

– Мужчина в отличие от женщины существо в этом смысле всегда непредсказуемое», – ответил громила, держа широченную ладонь протянутой, как нищий у дороги. Олег пошарил в карманах и положил ему в лапищу завалявшуюся карамельку, после чего пошёл прочь...

– Он с девушкой, ты видел? – обратился Олег к Антону, – а нам нельзя.

– Что позволено Юпитеру, то не позволено быку, – отозвался Антон, обладая нестандартным образованием.

– Я не бык, – обиженно огрызнулся Олег. Он не понял отсылки к историческому мифу, которого не знал, – При чём же тут планета Юпитер? Я эту видел на поверхности. Она как райская птичка, но думаю, он её ошиплет.

– Мы не можем знать его жизни. Может, он любит...

– Как же! Любит... глаза видел его? Зловещие какие-то, как у скорпиона. Заметил его маскаррад? И она пошла как покорная жертва на заклятие...

– Да ты о чём? – удивился Антон.

– Так, – сказал Олег, – чувство какое-то возникло, странное, болезненное. – Живя долго в замкнутом пространстве,

они хорошо чувствовали и понимали друг друга. Не всегда, возможно, этого и желая.

– За то время, что я тут, – сказал Антон, – я впервые и обнаружил, что ничто человеческое ему не чуждо. Я вообще думал, что он тайный монах.

– Он? – Олег усмехнулся, – ты там на своей поверхности полностью заблудился в райских чащобах и в их изучении, ботаник. Ну, ты и «ксанфик» стопроцентный и ничем не разбавленный! Тебе просто необходимо уже окончательно войти в наш космодесантный корпус. Конечно, трудно так быстро, как тебе бы хотелось, но мы-то на что? Стряхнём с тебя цветочную пыльцу, а то у тебя, похоже, и зрение уже трансформировалось, стало фасеточным как у насекомых. Они же специально программируются только на мир растений. И людей, представь, в их мире нет. Они их не видят. Ты, например, знаешь, что у него родилась тут дочь? У нас на базе. Франк говорил. Да она и выросла уже.

– Да? – удивился Антон, – и где она?

– Никто не знает.

Вход в зазеркалье без возможности выхода

Рудольф привёл её и усадил в кресло.

– Успокоилась? – спросил он, глядя её волосы как любящий отец. – Чего расплакалась? Испугалась? Ты милая щбетунья, я просто с тобой играю. У меня тут игровая комна-

та. А у тебя такой чудесный голос, что мне иногда всё равно, что ты говоришь, лишь бы щебетала. – Нэя доверчиво прижалась к нему головой. Ей хотелось мира и любви.

– Меня никто и никогда не любил, если по-настоящему, и я поверила, что ты... Мне настолько одиноко тут, но если ты не любишь меня, то лучше отпусти...

– Тебе не нравятся мои игры?

– Я их не понимаю. Они мне не нравятся. Зачем так сложно? Почему нельзя просто любить?

Он опять сел напротив.

– Ты всю жизнь переползала из одной уютной коробочки в другую, пусть и менее уютную, но замкнутую. Ты плохо понимаешь мир, в котором живёшь. Вокруг в этом мире кишат монстры. Если бы такие, как я, прибыли сюда раньше, но мы ничего не знали о существовании этой, райской в прошлом, планеты. А что с нею сотворили теперь? И с вами здесь живущими? Порчу надо уничтожать. Иначе гибнет живое и цветущее, несущее в себе Будущее. Ваша планета утратила иммунитет, и в неё полезли из неведомых глубин какие-то непонятные монстры с непонятными целями, но уж точно не с целью вашего спасения, а чтобы присосаться к чужому жизненному ресурсу. Живые программы, галактические вирусы в виде человекообразных существ. В любом живом организме есть иммунная система, существуют антитела против паразитов, разрушителей. Так и у нас, в нашей структуре существует такая иммунная система. И эта работа

против тех, кто несёт уничтожение, разрушение. Она страшная, жестокая, необходимая, но она калечит, не может ни калечить. – И когда он произносил свой монолог, Нэе казалось, что в его глазах замерцали тени неведомых чудовищ. Она плохо понимала направление его беседы. Зачем ей это знать?

– Гелия и была таким галактическим деструктором. Но очень изошрённым. Она проросла в меня и сидела во мне, не любя и калеча. Она была тем самым инструментом, который поражает иммунную систему, внедряется в самое ядро клетки – носителя защиты организма, кем-то, вроде сложно устроенного вируса. Она и была монстр, но в чарующем женском обличье, суккуб вселенского зла.

– Какой монстр? Гелия – вселенское зло? Чего она разрушала, уничтожала? Она несла только красоту, доброту. Она не умела жить без любви, это да. Она питалась нежностью Нэиля, а ты ничего не мог ей дать. Она и в других будила жажду любви, стремление к чистой красоте, и сама могла жить только в атмосфере любви. А ты её мучил за то, что она не умела быть другой. И ей некуда было деться от тебя, а Нэиля ты убил! Не захотел стать только моим, а она всем всё отдавала, была бескорыстна, доверчива. Да ты сам этот деструктор! Тебе лишь твоя танцовщица и подходила, она твоя родственная душа...

– Заткнись! Сука! Убью! – заорал он так, что в отсеке, казалось, возникла вибрация. Нэя закрыла голову руками, словно ожидая удара. Его рот свела судорога бешенства, но

он быстро взял себя в руки.

– Убьёшь?! Меня? Как?

– Не смей тут вякать! Ты для меня так, беспозвоночное. Ракушка-жемчужница. Раздавлю, один хруст останется. И не пожалею, что там у тебя есть, какое там в тебе перламутровое зёрнышко.

Нэя ощутила спазм удушья, будто её схватили за горло. Захотелось оказаться в своём привычном душистом мирке, от него подальше, спрятаться, забыть всё. У неё внезапно полились слезы из синих испуганных глаз с загнутыми ресницами. Слёзы были крупные, как и впрямь жемчужины, но прозрачные. Он сразу остыл и смотрел с изумлением, будто кукла заплакала, оказалась живой.

– Хорош воин! С ракушками воевать. Не боюсь я тебя!

– Не тыкай! Кто позволил?

– И ты не тыкай!

– Думаешь, что ты тут что-то для меня значишь? Тот человек из будущего, который любил тебя в твоём прошлом, и тот, кто сейчас перед тобой – это разные люди. И если тот тебя любил, то для меня настоящего ты ничего уже не значишь.

– Ты никогда не любил! Ты и тогда играл, ты выпытал у меня всё о Нэиле, а сам хотел только осквернить меня и выбросить тому страшному подонку, который стоял в очереди за мною. Я знаю. Мне Тон-Ат всё рассказал. Мой муж, он всё знал...

– Кто? – он был искренне поражён, – Я хотел только любить тебя. А он так сказал, чтобы ты досталась ему! И всё. Он обманул тебя! И не убивал я твоего Нэиля, а защищался. Я хотел с ним поговорить, он же начал стрелять в упор. Если бы я не применил приём самозащиты, он бы убил меня первым. Это была трагедия. И виновата Гелия! Но она потом получила за всё сполна. Рисовала меня монстром, но сама им и была. Как я мог так поступить с тобой? Он же понимал, что он мне не соперник, тот дряхлый и похотливый моллюск из глубин Вселенной, принявший вид старца. Почему ты поверила ему, а не мне? Если любила, как говоришь? Кто он был? Ты хоть это понимала? Где он тебя держал в заточении столько лет?

Нэя опять затосковала о прошлом, которое невозможно уже исправить.

– Ты всегда была доверчива. Они обманули тебя. Гелия, потому что мстила мне, а твой Тон-Ат из ревности. Если бы ты тогда пришла ко мне, всё было бы иначе сейчас и с тобой, и со мной.

– Я не знаю, чему мне верить. Я не умею обманывать, и я не понимаю ничего.

– Успокойся. Всё равно ничего уже не вернёшь. Ты просто мыслила стереотипами своего мира. Ты думала, что я такой же, как и те, кто тебя окружал. Хотя сейчас я и не отличим от них, это правда.

– Ты стал другим, чем был?

– А ты сама не видишь?

– А как же...– и она продолжала отражать то, что услышала, не имея сил поверить очевидному, он её не любит! Он превратил её в аттракцион от собственной скуки. И только.

– Зачем ты пришёл? В тот салон художников? Я бы как-то жила, а теперь что? Как мне жить?

Он её и не слушал, так ей казалось. Он смотрел в свой шар-сферу, как древний маг в сферу из горного хрусталя, где улавливал свои, только ему понятные образы будущего.

– Ты всё рассказывала ему, своему старику, а я просто дурочил тебя, глупый маленький бутон будущей нимфеи... Играл. И вот доигрался. Он запугал тебя призраком страшного порочного злодея, каким я, конечно, не был. Чтобы заполнить тебя себе в усладу, потешить своё осязание и зрение, раз уж у него не функционировало всё прочее. Это он использовал тебя как декоративную безделушку, которой украсил свой старческий покой. И тут ещё история с Нэйлем... Пойми, девять лет прошли впустую, твоих лучших и моих тоже. У нас могли быть дети. А что есть у тебя теперь? Тебе самой-то не горько?

– Прекрати так себя вести! За что? За что?

– Перестань нервничать. С чего бы? Ведь играя роль придорожной бродяжки, когда ты с охотой прыгала в мою машину, ты же не разыгрывала из себя утончённую недотрогу, в которую решила поиграть теперь. Успокойся и принимай мир таким, каков он и есть. Я не изделие твоей мечты, каким

хотел казаться для тебя когда-то. Не имею в виду твою текстильную «Мечту», понятно...

Он придвинул ей шар-сферу, неожиданно лёгкую, а казалась она каменной глыбой, блестящей и играющей внутренним свечением. Нэя увидела в этой сфере своё отражение. На голубой поверхности расступились розовые и белые наплывы. Её отражение было голубоватым и скорбным. Казалось, что из глубины смотрит чужое лицо с размытыми вокруг глаз кругами от краски, и впрямь, похожее на маску неведомой Коломбины. Вполне себе глуповатая по виду фарфоровая куколка, испачканная горстью песка, брошенной злющей хулиганкой Азирой. Только бабушка уже не появится, чтобы умыть её в дворецовом бассейне, ругая почему-то не Азиру, а внучку-замарашку...

– Что это? – спросила она о мерцающей сфере и сунула руку в сумочку, нащупав флакончик с бабушкиным волшебным эликсиром, отключающим эмоции. Одно прикосновение к нему, к его шершавой поверхности, принесло сразу же облегчение. Эту несносную игру можно отключить в одно мгновение. Поэтому не надо переживать, а посмотреть, что будет дальше. Она вытащила мягкий лоскут ткани для лица и тщательно протёрла кожу вокруг глаз, пытаясь стереть косметическую краску. Но лишь размазала её, чем придала себе вид какого-то болезненного уныния. И тут же решила, чем хуже она будет выглядеть, тем лучше. Раз уж нет любви, всё прочее не имеет значения.

– Земля. Посмотри, – произнёс он.

Она увидела, как на поверхности выступили очертания, дымчатые вначале, но всё более явственные, выпукло многогранные, они были расположены на фоне синем и переливчатом, – А что это?

– Континенты, океаны.

– Красиво, – выступили горы с белыми вершинами. – А белое что?

– Снег, льды.

– Что это?

– Замёрзшая вода.

– Не понимаю.

– У вас всё иначе. Снег, лёд есть только в горах. А в центре континента только лето и осень с дождями, и опять лето. Всегда тепло.

– Где ваша Родина?

– У меня их две. Мать немка, отец русский, а я жил и там, и там, и у отца, и у матери.

– «Русский, немка» – что это? – и Нэя, обладая абсолютной слуховой памятью, воспроизвела его странные определения, почти не исказив их.

– Ну, так. Разный тип культуры, разный язык, а внешне различия и нет. Хотя у нас большое многообразие рас и племён. Мы различаемся между собой сильнее там, на Земле, чем здесь, где мы неотличимы от вас по антропологическому типу. Это загадка, но и её можно будет разрешить со вре-

менем. – Он развернул шар, и она увидела, как изображение стало увеличиваться. Появились горы, будто белые парики на чьих-то головах парили их вершины. А сами лики гор были бархатно-коричневые, в морщинах ущелий и разломов, как лицо Тон-Ата с белоснежной шевелюрой... Она вздохнула, испытав прилив грусти, желание вернуть ту безмятежную жизнь, что провела с ним вместе.

Долины были усыпаны бликами зелени и бисером цветущей растительности. А на зелёном чудесном плато стояло странное удивительное сооружение. Башни, шпили, ажурные перекрытия и рукотворные уступы. Все так похоже на вымыслы Нэиля. Здание сливалось со скалами, а те нависли над синей водой простирающегося озера. Окна сверкали, как драгоценные кристаллы Гелии, и высокие, тёмно-зелёные деревья с почти непроницаемой кроной, отражались в стоячем зеркале воды.

– Ваш дом?

– Нет. Тут музей, но в нём живёт моя мать. Иногда. Дом-мираж, и она почти мираж и живёт в миражах давно ушедшего.

Нэя не поняла его.

– Как красиво! Как жаль, что я умру и не увижу такой красоты, а мне так хочется походить возле дома, посмотреть в гладь воды, подышать ароматом ваших цветов и ощутить кожей тень зелёных деревьев. Ты скучаешь?

Он был спокоен, будто они и не цапались только что, – А

как ты думаешь? Почти двадцать лет здесь. Я и на Земле-то жил чуть больше, двадцать четыре года, а последующие годы тут. В Паралее. Оброс весь какими-то звериными комплексами, местными привычками, страшно становится. И женщин, которых я хочу, тут нет.

Нэя вздохнула. Он ясно ей всё сказал, она не относится к тем, кого он хотел.

Поиск выхода из зазеркалья

– Ты тоскуешь о Гелии?

– Тоскую ли я о Гелии? Если бы я знал, как всё будет, я бы удушил её ещё тогда, когда валялся с ней в постели, пропитанной насквозь моим вожделением к ней как к нереальному сокровищу, воображая, что нашёл своё неземное счастье. А эта сука присосалась своими присосками и проросла внутри меня. Но даже ещё тогда, когда я впервые увидел тебя, я мог бы вырвать её из себя, ты давала возможность, силу это сделать. Но ты сбежала, и я остался, опутанный ею как ядовитой грибницей. Сейчас, когда она сдохла, у меня внутри какая-то жуткая и незримая каверна, и её нельзя вылечить. Как? Чем? До сих пор загибаюсь тут, а ты одна могла бы и сейчас мне помочь, но ты же не видишь во мне человека, только какого-то низкого самца, годного только для твоей спальни.

– Нет, не так, я...

– Если бы не я, был бы Антон. Тебе было всё равно кто.

Лишь бы здоровый самец.

– Нет! Я сбежала лишь потому, что погиб Нэиль. Гелия уверяла, что виноват во всём был ты...

– Мне до сих пор жаль Нэйля. Он был талантливый человек. У меня и оружия не было. Я его просто позвал, назвал себя, мне хотелось всё выяснить, почему он, якобы любя Гелию, не поговорил со мной? Почему терпел её ложь? Я хотел всё развязать и уйти к тебе, а она могла идти на все четыре стороны. Но он неожиданно начал стрелять. Выпустил семь пуль, и три попали, две в руку, а одна ударилась о бронежилет и отскочила. Я никогда не ходил по улицам вашей столицы без защиты, всегда ожидал нечто подобное. И он сразу стал стрелять. За что? Потому что сука Гелия описывала ему монстра, не способного к пониманию. Я разве был таким? Она ненавидела меня за лучшие проявления моего существа, она не любила людей, понимаешь? Потому что не была человеком, и её тошнило от людей. А ты говоришь, что она всех любила. Не могла она никого любить. Какая-то инопланетная хрень в облике женщины. Будто из чёрной дыры вылезла. Она умела лишь изображать любовь на своей картонной сцене, но в жизни она не умела ничего чувствовать. Отвергала лучшие из человеческих живых чувств, но при этом висела на мне как пиявка. Пила мои соки. Я же через неё стал противен сам себе. Только ты дала мне тогда в её скверной ледяной спальне уже утраченные ощущения, что я могу быть кому-то желанен. Эта тварь боялась жизни и бедности,

на всё шла, лишь бы сохранить свою материальную основу для своего порхания и блеска.

– Ты же сам признавался, что любил только её одну... ты противоречишь себе через слово. Чего ты теперь-то так свирепо о ней говоришь?

Он не пожелал пояснить то, в чём и сам запутался, – Хорошо. Не будем о прошлом. Но тут, уже после всего, почему ты возжелала взаимности Антуана? Если я стал противен тебе после наших «сеансов насыщенного секса» в машине, зачем ты с покорностью приняла все те игры у себя в «Мечте»?

– Если бы так было, ты не ушёл бы от меня невредимым, когда залез в мою постель! – крикнула она, – у меня нож спрятан под подушкой от насильников. И меня бы оправдали. А ты жив и здоров...

– Да ну? Ты и понятия не имеешь, что такое вонзить нож в человека, дурёха! Если бы ты и решилась им размахивать, я обезоружил бы тебя мгновенно и, конечно, ушёл бы прочь. Но ты всё приняла с готовностью. Потому что тебе было всё равно кто, – я или другой. Твоё желание не было привязано ни к кому, оно было само по себе.

– Конечно, я же кошка, как ты и сказал мне ещё тогда, в лесу...

– Я как раз говорил обратное. Не выворачивай всё наизнанку. Я совсем не обличаю тебя ни в чём. Ты тоже устала от одиночества. А смогла бы открыто пойти на отношения со мной?

– Стать женой?

– Нет. Только иногда. Когда возникнет у тебя или у меня такая вот потребность в очередном «сеансе насыщенного секса», – и он сощурился, подчеркнув насмешливой интонацией слова о «насыщенном сексе».

– Я на это не пойду. Я не буду падшей. Как Эля. Она так с радостью. Обратитесь к ней, она жаждет любого, кто ей это предложит. – Нэя поправила свою причёску, глядя в сферу заплаканными и жалкими глазами, но придав своему лицу гордый вид, как умела. Охваченная обидой от его откровений, она не собиралась соглашаться на сомнительное предложение, способное сделать её мишенью для нападков посторонних и немилосердных совсем людей.

– «Падшей», – передразнил он, – как можешь ты ею быть, если ты чиста?

– Но так будут меня все называть. Будут обзывать, травить, перестанут шить у меня платья. Что я буду тогда тут делать?

– А те, которые не «падшие», они-то чем лучше?

– Они проходят ритуал в Храме Надмирного Света. Это так красиво, возвышенно, это даёт человеку покровительство не только закона, но и высших сил.

– Ну да. Ритуалов мне как раз и не хватает. И так стал дикарь дикарём. А теперь вот и ритуалы. Это же смешно! Ты же была счастлива и без ритуалов... У нас здесь свои законы, кто посмеет тебя тронуть? А ради Антуана готова была

пойти на нарушение своих традиций. Что же, тебе так важно мнение окружающих людей только тогда, когда дело касается меня?

– Дело не в одних ритуалах. Я всегда понимала их условность. Мне, конечно, важна только любовь. Но разве у тебя она есть ко мне?

Сейчас Рудольф был почти прежним, Лицо его размягчилось, и ей захотелось, чтобы он подошёл к ней, а она бы его обняла, прижалась крепко и искренне. Но он не подошёл.

– Что же ты не используешь свою внешность, как делают другие здесь? Невзирая на ваши, якобы суровые, законы? Как Эля? Ах, как же я забыл, твоя любовь стоит настолько дорого, что ни у кого из окружающих тебя здесь таких денег нет.

– Разве я у тебя что-то брала за любовь... – тут она едва не подавилась своими же словами, вспомнив о тех деньгах, что он ей давал после каждого «сеанса насыщенного секса».

– Я и так всё брал без спроса, – он, видимо, о тех деньгах искренне забыл. Или же в его представлении это была ничего не значащая мелочишка, – Захотел и взял. Хорошо тебе было со мною в твоих подушечках?

Она вспыхнула, приняв его откровения за очередное оскорбление.

– А что, – продолжал он, – ты уже старая по местным понятиям для замужества, но совсем молода для всего остального. Почему бы тебе не использовать свои природные дары?

Ведь здесь столько охотников на тебя. Вокруг твоего кристалла целый рой гудящих шмелей. Что же ты не используешь быстротекущее время? У вас рано стареют. Тебе ли бояться того, как тебя тут назовут. Твоя врождённая отзывчивость к мужчинам дала бы тебе многое, если бы ты умела это использовать, как тут и принято.

Она страдала от его издёвок и молчала.

– Согласилась бы дарить свою любовь, если бы была соразмерная оплата?

– Кому? Тебе?

– Я никогда и ничего у тебя покупать не буду. Я всё возьму и так, как и брал до этого.

– Я знаю, что ты издеваешься. Конечно, у меня никого нет. Меня некому защищать. Ты считаешь себя сильным, но так поступать нельзя! Надмирный Свет за такое отношение накажет...

Она заплакала. За осмеянные подушечки, за то, что называл её старой, за то, что считал продажной. И главное, как всё это разительно отличалось от той горячей и чистой страсти, которую она с ним испытывала в прошлом, и что уже невозможно ей вернуть. А то, что происходило недавно, и что она бережно хранила в сокровенной части души, как некую тайную и самую ценную шкатулочку у себя, всё было выпотрошено им и брошено на осмеяние.

– Выпусти меня отсюда и вообще... из этого города прочь... навсегда...

– Зачем же из города убегать? Живи и работай, люби Антона.

От её утренней красоты, тщательно наводимой, остались лишь размытые следы у глаз и опухшее от слёз лицо, что удручало её не меньше его насмешек. Он и не смотрел на неё. Чем любоваться?

– Иди, умойся! – пренебрежительно – повелительный тон не оставлял другого выхода, кроме как убраться восвояси. Однако, он пошёл следом за ней в санблок и зачем-то жадно наблюдал, как она умывается. А потом... так же жадно расцеловал её умытое лицо, слизывая воду с её губ, глядя спину вдоль позвоночника и лишая остатков воли. Лицо было мокрое, а полотенца не оказалось. И тогда он стащил с себя свою же майку со скорпионом и бережно, краем промокнул её кожу, проявляя то ли вопиющую неучтивость, как если бы вытирал нечто неодушевлённое, – то же лицо куклы, – то ли своё очевидное вожделение. Она почти бессознательно притронулась к его паху, и ощутила через довольно грубую ткань нижней экипировки его твёрдую готовность к тому, чего допустить невозможно после лавины оскорблений.

– Надеюсь, что рубашка у тебя свежая, – она заворожённо смотрела на его мощно развёрнутую и волосатую грудь, вдыхала настолько и неодолимо-влекущий, любимый! его запах, всегда смешанный с какой-то загадочной растительной составляющей, от него уже неотделимой.

Хотелось прижаться и забыть обо всём, – Если я и решусь

остаться в «Мечте», то уж никак не ради этой опостылевшей мне работы, а лишь ради дружбы с Антоном. Он очень одинок, а я... – как за спасение она схватилась за Антона, – я ему всё равно, что сестра...

– Прими уж и меня заодно в свою семью. На правах старшего брата. В следующий раз приготовь свой компот и на мою долю. Я тоже решил стать завсегдатаем твоего кафе для одиноких сердец. Вернее, назовём его «Трио чистых сердец». Ты, я, Антон. Будем беседовать о смысле Мироздания, как ты и любишь. Только никогда больше не мазюкайся, чудо ты вселенское, нежное и глупое... – после чего бесцеремонно отпихнул и натянул влажную майку на себя.

Бесстрастный как каменный идол, прикрыв глаза, вызванный Олег ждал её, едва открылась панель выхода из отсека. Но он не спал, а слушал нечто, что озвучивал наушник, прицепленный к мочке его уха. Может, земную музыку, запись голоса земной возлюбленной или некий научно-познавательный текст.

– Я теряю драгоценное время, шеф, – пробурчал он себе под нос, не поднимая глаз на Рудольфа, – стою тут с полчаса уже...

– И час стоял бы, где тебе и указано! – процедил Рудольф.

– Я не пёс Актеон, чтобы охранять вход в служебный отсек, уж коли он имеет и сам по себе защитный код доступа...

– Актеон был мальчишкой, вроде тебя, – уже миролюбиво и насмешливо сказал ему тот, кого Олег обозначил словом

«шеф». – Любителем подглядывать за процедурой купания богини, у которой, кстати, имелось и оружие, – говоря всё это, Рудольф крепко держал Нэю за руку и не отпускал, – Это же мифы, чушь несусветная для детей, Олег. Вот так проявляет себя моё, никому тут не нужное, литературное самообразование. Я тебя лишь развлёк по-отечески, а ты обиделся и запомнил...

– На память не жалеюсь, – Олег хмуро воззрился на Нэю, будто она и вела с ним разговор. Нэя вырвала свою руку из руки «шефа» и тронулась вглубь замерцавших тоннелей. Олег потопал следом, поражая гулким цоканьем по полу. Его ботинки были точно такие же, как и у Рудольфа, и у Антона, и у Артура. Но никто из обозначенных лиц не топал столь громко, не вызывал далёкого отзвука эха, прячущегося где-то там, во мраке, где отсутствие освещения не давало чёткого понимания, насколько длинны и запутанны эти сооружения звёздных внедренцев.

Он выглядел, пожалуй, и красивее, чем Артур, более мужественным, но его отчуждённость внушала неприязнь к нему, нежелание хоть что-то ему сказать. Да и он не проронил ни звука.

Зачем он приходил?

На следующий день, немного придя в себя после пережитого в подземном отсеке, чему немало поспособствова-

ла привычная рабочая суета, уже поздним вечером, она вышла из «Мечты». Многие служительницы ложились спать или же притворялись, что ушли в свои комнатки, а сами тайно и незаметно сбежали в условленные места к столь же неудержимым возлюбленным. А кто-то и к неплохо устроенным здешним мужчинам, выбранным по расчёту, зачастую не обоснованному ничем, кроме наивности представлений самих девушек. Их жизни и проделки вне пределов здания и вне ограды, замыкающей цветущую обширную и ухоженную территорию с обустроенным для уличного купания водоёмом, хозяйку всего этого великолепия не заботили, как это было вначале. Если случался скандал, девушек просто выгоняли прочь, и тут уж кого винить? Это был их личный выбор. Вне зависимости от личного отношения Нэи к произошедшему обнаружению чьей-то оплошности, её всё равно заглазно обвиняли, как сами девушки, – что не заступилась, позволила изгнать, – так и блюстители здешней безупречности, пусть и декоративной, но для всех значимой. И она научилась выстраивать внутреннюю защиту. Эти особы не являлись её семьёй, а лишь нанятыми служащими, для которых главное безупречная работа, а не личные делишки где-то там, где её нет и быть не может. И если её и саму обвиняли изначально и бездоказательно в подобной же тайной принадлежности кому-то из здешних статусных персон, что задевало поначалу очень больно, то теперь-то так и было! Накаркали, что называется.

Подышав усилившимся после полива ароматом цветников, она спустилась к калитке и направилась в непроглядную гущину лесопарка. Но далеко она и не собиралась отдаляться, приблизилась к тому самому заветному поваленному дереву, обработанному под лесную обширную скамью, и... столкнулась с Рудольфом.

И не понимала, каким образом оказалась прижатой к его груди? Он ли прижал, сама ли она к нему прижалась? Она не ощущала ничего, кроме гулкого сердцебиения, опять же не различая, чьё оно? Это было их общее сердцебиение. Она невольно протянула руки, обхватила его за шею и потрогала затылок ласкающим прикосновением. Короткие волосы были влажными.

– Почему у тебя мокрая голова? И рубашка тоже...

– Да... искупался тут. После горных разработок весь грязный был, как рудокоп. А очень спешил к тебе, боялся, что ты уже легла спать...

Она отметила, что он впервые упомянул о работе, да ещё в горах, что являлось знаком доверия.

– Вечером же холодно... – она ласкалась, даже не осознавая того.

– Вода наоборот тёплая. Купался и о тебе думал. Ты плавать не умела, а теперь как? – его руки ответно заелозили по её фигуре, вгоняя в такую привычную истому...

– Так и не научилась. Я отчего-то боюсь глубины...

– Завтра поучу тебя?

– У всех на виду? Как же это возможно? – искренне изумилась она, будто по-прежнему была той девочкой – обитательницей квартала «Крутой Берег».

– В горах, в озере. Там вокруг ни души... – он приник к её шее, елозя губами по её волосам, щекоча и увлекая в тот самый бездонный колодец, который раз открывшись, уже не пугал, хотя и увеличивал свою глубину раз за разом...

Наверное, она бы и не возражала, если бы он утянул её в чашу, безлюдную в столь поздний час. Но он не делал подобной попытки. Наоборот, через заметное усилие отстранил её от себя.

– Я был, кажется, неучтив по отношению к такой утончённой особе, наследственной аристократке, поэтому я пришёл пригласить тебя к себе на завтрак, или же обед. Что не суть. В своё имение, как ты выразилась. Ибо другого имения у меня тут нет. Вначале можем погулять по чудесным местам. Например, возле озера, прозрачность которого невозможно описать. Можно лишь увидеть и удивиться. Или восхититься. Искупаться тоже можем. При твоём желании, конечно...

– На завтрак ночью? – пролепетала она. Сам его примирительный тон уже сделал её податливой и без уговоров, без просьб о прощении.

– Я не имел в виду, что прямо сейчас. Гулять и купаться ночью... Но если хочешь...

– Нет! – воскликнула она. – Только не сейчас...

– Тогда завтра. Утром. Придёшь? Артур будет ждать в то

же время...

Она не сказала «нет». Потому что ощутила, это было бы окончательным разрывом. Повторной попытки к примирению уже не будет. Она отодвинулась от него, всё же ожидая, что он ухватит её за руку, притянет, приласкает. Но Рудольф так и остался стоять, не сокращая обозначенную дистанцию.

– Я пойду... – произнесла она нерешительно, – а то поздно...

– Я не буду провожать, – ответил он, – Тут же рядом, – продолжая стоять на том же месте. Даже во мраке она видела блеск его глазниц, и, пожалуй, не назвала бы это сиянием любви. Почему-то показалось, что он хмуро раздумывает, вглядываясь в неё, пытаясь отринуть обиду, граничащую с решимостью порвать эту странную связь навсегда. Иначе уж точно поцеловал бы...

И она остановилась, развернулась и произнесла, задрвав подбородок, чтобы придать себе аристократическую величавость, – Я приду при условии, что ты попросишь прощения за вчерашнюю проявленную грубость, граничащую с пошлостью, что тебе и вообще бывает порой свойственно. Иначе я... не соглашусь...

– Не согласишься на что? – спросил он, не делая и шага ей навстречу, хотя она успела отодвинуться на приличное уже расстояние.

– Не соглашусь принять твоё дружественное приглашение на совместный завтрак.

– Всё прочее уже и не подразумевается?

– «Всё прочее» это что? – тут она совершила грациозный разворот шеи в сторону от него, хотя по любому он не мог толком разглядеть выражение её лица.

– Какой знакомый жест! – произнёс он и добавил уже на языке, который она не понимала. Он настолько уже доверял ей, как своей, что часто переходил на родную речь, а она раздражалась, считая это за проявление пренебрежения. – Можно подумать, что ты занималась балетом, маленький белый лебедь...

– Что? – переспросила она. Судя по тону, он пробормотал нечто ласкающее. Требовался перевод, и она наострила свои тонкие ушки на улавливание очередного комплимента.

– Ты танцами занималась? – спросил он.

– Что?! – возмутилась она. – Я, аристократка, занималась танцами? Я никогда не готовилась к участи особой девы!

– Я лишь имел в виду, что ты грациозна... – пробормотал он, и она торжествующе отметила своё мнимое превосходство над его поведенческой неуклюжестью.

– Если ты решил сделать мне подарок вроде того браслетика, каким осчастливил мою помощницу, то такой вот знак твоей симпатии будет излишним. Довольно будет и лёгкого завтрака с примирительным общением...

– Я тебя понял, мой спесивый лягушонок. Рамки общения будут заданы тобой, и я их приму. Но заметь себе, я умею читать и скрытые мысли. Так что словесные кружева не вве-

дут меня в заблуждение...

– Не смей обзывать меня!

– Если бы ты умела вслушиваться в звучание голоса, ты бы не обижалась на то, что вовсе не обзывание... всего лишь ласковая игра. Помнишь, как когда-то ты называла меня волшебником, исполняющим желания? Обещаю тебе исполнить твои желания... Но и тебе придётся постараться уловить мои желания...

– При условии, что они не будут столь непристойны, как тогда в машине... или же столь же мистифицированы, как было у меня в «Мечте»... Я уже взрослая женщина, и... разве столь трудно быть всего лишь деликатным?

– Как Антон? – спросил он, явно потешаясь над ней. – Или как твой друг и защитник? Тот, кто изгнал тебя по причине, которую можешь и не озвучивать.

– Ты не можешь знать этой причины.

– Но я её знаю, – ухмыльнулся он, что тоже лишь угадывалось, а не просматривалось в лесном и почти кромешном мраке. – И вовсе не вижу в этом твоей вины, а лишь по человечески сочувствую твоему ветшаку. Хотя... вряд ли он нуждается в чём-то подобном. Так что считай моё сочувствие полностью обращённым к тебе.

– Оставь его при себе. И перестань грубить! Иначе... я не соглашусь. И ты вынужден будешь есть свой завтрак в одиночестве.

– Ладно уж. Иди к себе, а то реально поссоримся. Учти,

я приношу тебе в качестве дара свой редкий выходной день, чтобы насладиться совместным уже отдыхом... Приходи, как и обычно.

– Опять на рассвете?

– А тебе и не привыкать к ранним пробуждениям, моя труженица. Недосмотренные сны будем смотреть уже сообщая, – он включил свой самый ласковый, низкий и тихий, голосовой регистр, но так и не приблизился. Он не хотел ссориться, он желал её визита и... видимо, боялся приближения, чтобы не поддаться своему чувственному порыву. Её тоже не прельщал «насыщенный секс» на колючей лесной подстилке, кишашей микро жизнью, незримой в темноте. А уж он-то точно к подобному изготавился, стащив с себя свою верхнюю куртку...

Не хватало ещё оказаться прижатой к шершавому стволу дерева, как к единственной опоре в процессе совершаемого животнo-безудержного действия, – такое проделывал со своей безымянной для Нэи невестой бывший водитель Вильт. И ведь та выходила из чащи, след в след за ошалевшим женихом, всегда безупречно чистенькой, опрятной и деловито спешащей на покинутое рабочее место. Вильт внушал тогда нечто подобное брезгливости, но пожаловаться на него Инару Цульффу означало лишь одно, – его изгонят с работы, а Нэя была и стыдлива, и жалостлива поначалу. А потом уж и сама разделяла со столь же безудержным Рудольфом такие вот «насыщенные утехы». Тем ни менее, та падшая по общепри-

нятым традиционным воззрениям девушка стала законной женой очаровательного похотливого работяги. Прежде времени уступка девушки была вознаграждена, всё ж таки любящим, женихом совместным походом под стеклянный купол Храма Надмирного Света. Он и на платье для невесты не поскупился, заказав его не абы где, а в приравненном к лучшим текстильным заведениям континента, – в кристалле «Мечта»! Нэя этого платья не видела, другие мастерицы изготовили его, – всё-таки заказчица была из числа третьестепенных лиц, а встать выше общепринятых всеми вокруг кастовых по их сути установок, не приходило ей и в голову. Влияние Рудольфа и его земных усвоенных представлений не являлось настолько уж и глубоким на тот момент. Были ли супружеские радости Вильта столь же насыщенными в постели, как в лесной чаще, об этом уже не узнаешь...

– Душно очень, – пояснил Рудольф, уловив её смятение и объясняя свою манипуляцию с курткой.

Нэя поспешно направилась в сторону «Мечты», а обернувшись, уже не увидела его. Будто сквозь землю провалился. И точно ли он приходил? Её окатило вдруг сильным раздражением, сожалением, что не сказала ему «нет»! И стоит ли приходить ранним утром к «Зеркальному Лабиринту»? Чтобы «посвистеть сообща на рассвете», как выразился он однажды.

«С этим надо что-то срочно делать. Надо обрывать эту ненормальную связь», – но где взять силы на такое?

Неодолимое притяжение подземных лабиринтов

Утром её встретил Артур. На сей раз заспанный и хмурый. Он не проронил ни слова, как и Олег вчера, когда провожал её на выход. И самой Нэе не хотелось с ним общаться. О чём? Он шёл впереди, она за ним. И если бы она развернулась, ушла бы прочь, он бы так и шествовал, ничего не заметив, пока не очутился бы в том самом секретном лифте. Остановило лишь то, что она не имела кода, чтобы выйти наружу. И что в таком случае делать? Стоять и ждать возврата Артура? Но едва она приостановилась, как рослый и чуткий мальчик Артур тут же развернулся к ней.

– Что-то не так? – спросил он, глядя вопросительно и, как показалось ей, с сочувствием. – Если вы не хотите к нему, то ведь и не было приказа доставить вас без вашего желания...

– Почему ты решил, что мне не хочется его видеть? – включилась она в диалог.

– Я почувствовал. Вы сильно встревожены. Если вас настолько тяготит этот визит, почему бы вам не отказаться от деловых контактов с ним? Думаю, он без проблем найдёт себе другого агента. Даже уверен. Агентов у него более чем достаточно. Конечно, вы в таком случае понесёте некоторый урон в средствах...

– В каком смысле? – спросила она и вскинула свой подбо-

родок в позе высокомерия к мальчишке, посмевавшему судить о том, чего не знал, и знать не мог.

– Ну, как же... агентам же прилично платят. Да ведь у вас в городе собственное швейное предприятие, и без того, как я думаю, есть на что жить...

– Каким именно агентам? И за что платят?

– За разные сведения.

– Я не агент. И у нас с господином Рудом Ольфом деловая связь в том смысле, что здание моей «Мечты» его собственность, взятая в аренду...

– А-а, – протянул он, пялясь на неё своими полудетскими синими, как гладь реки по имени «Синий рукав Матери Воды», глазищами, потому что абсолютно чистыми и незамутнёнными никакой печалью житейской. И её покачнуло от воспоминания, что именно такой цвет имела река в день их первой прогулки с Рудольфом...

И она, пожалуй, впервые с такой остротой ощутила, – нет возврата к тем берегам, к тому её чистому доверию к загадочному пришельцу, того девичьего восхищения, трепета и ожидания чудес. Да и природа вокруг казалась принадлежностью другого уже мира, ибо тот, прежний, тоже неузнаваемо преобразился. Или само восприятие человеческое меняется со временем, или же действуют оба этих фактора одновременно. И сами мы меняемся, и мир вокруг нас меняется...

Наверное, это тоже был своего рода знак, указующий

перст Судьбы, повелевающий уйти на другую тропу, параллельную жизненной тропе этих чужеродных пришельцев...

Но она так не сделала. Лишь притронулась к той самой сумочке, прикрепленной к вызолоченному ремешку на платье, где притаился невесомый флакончик Ласкиры. Успокоительное тепло ощутили её пальцы и внутренний шёпот бывшей жрицы, её весьма своенравной старшей мамушки: «Я помогу тебе разлюбить его. Избавлю тебя от страданий»...

Появление Кристалла Хагора

Он даже не встал со своего круглого кресла, когда она вошла в тот же самый отсек, неприятно удивившись, что он так и не сменил места встречи. Артур на какое-то время застрял между открытой панелью и стеной и не уходил.

– Чего ждёшь? – спросил у него Рудольф. – Свободен.

– Мне показалось, что девушке нездоровится... – ответил Артур довольно смело. – Может, стоит её проводить назад, к выходу. А встречу и отменить можно...

– Я сам разберусь, – спокойно отозвался Рудольф, не подав и вида, что поведение Артура выходит за рамки. – Если ей потребуется помощь, то уж ясно, что не к тебе я и обращусь. Свободен! – повторил он уже с нажимом. Панель позади Нэи с еле уловимым движением воздуха сдвинулась.

Как и Артур при встрече, Рудольф тоже не поприветствовал её. Она тоже не произнесла ни слова. Села без приглаше-

ния в другое кресло, уже сожалея, что не послушалась собственной интуиции и не вернулась, как и хотела, даже без подсказки Артура.

Этот подземный оборотень-соблазнитель раз за разом навязывал ей свою волю, свои игры, и, похоже, их силы не были равны. Если это и любовь, то предпочтительнее прожить и без таковой. Он смотрел на Кристалл Хагора. Только что, как она вошла сюда, перстня не было, и вот он появился на его пальце. Нэя не заметила, как он его достал. Появление кольца пронзило её так остро, что боль возникла как физическая, словно один из лучей Кристалла подобно игле воткнулся в неё в области левой груди. Было ли это плохим знаком для неё? Она не знала, но не могла оторвать взгляда от граней камня, мерцающих непередаваемыми цветами и завораживающих своей переменчивостью. Кристалл переливался от глубоко-синего цвета до фиолетового, загорелся зелёной искрой, после чего полностью наполнился зелёным светом. И вдруг запылал всем спектром одновременно. Он совмещал в себе всю каменную симфонию цветов и оттенков.

Ты моя игрушка!

Оторвав взгляд от кольца, она неожиданно успокоилась. Рудольф сидел вполоборота к ней, и Нэя залюбовалась им, забыв о своих же умозаклечениях только что. Если бы он захотел, она научила бы его использовать его мужскую силу,

этот дар, в ещё большую радость и ему и себе. Она бы окончательно исцелила его от того обморожения, что оставила в нём Гелия. Разве может с ним быть плохо? Если бы она могла приручить его. И она мысленно ласкала его высокомерное лицо, прямой крупный нос с капризно вырезанными ноздрями, глаза, переменчивые, как и Кристалл Хагора, но не цветом, а их выражением, тёмные ресницы, чувственные, милые ей губы и уши, прижатые к голове, красивые, что редко и бывает у мужчин. Всё вызывало стремление прикоснуться, гладить... Она ощутила такое явственное желание, что даже облизала пересохшие губы и прошептала, – Милый, – но очень тихо. Он резко обернулся, хотя услышать не мог. Или мог? И тут скорпион будто зашевелился сам по себе на его рубашке-майке и издал еле заметное шипение, но это уж точно было иллюзией от перенапряжения психики. Голографическая тварь переливалась своими членистыми ногами, словно норвила соскочить. Нэя засмеялась как дурочка странной игре света, вызванной непонятно чем и оживившей членистоногое чудовище. Оголенные бицепсы Рудольфа отражали свет, а ниже локтей руки золотились от пушистых волос, и их тоже хотелось миловать.

– Руд... – она посмотрела прямо ему в глаза, – почему ты злишься? Я скучаю, я... Ты хотел моих признаний? – Нэя встала и подошла. Он потянул её к себе, и она плюхнулась к нему на колени и стала целовать ему руки, готовая на всё и понимая своё унижение. Долгая тоска и одиночество сослу-

жили ей плохую службу, она плохо контролировала свои импульсы, долго подавляемые в цветочном раю у Тон-Ата, потом в его пустом доме в полном одиночестве, в запутанной и пугающей столице, – в её бесполом девятилетнем существовании. Но он-то понимал её прекрасно и контролировал себя тоже великолепно.

– Надеюсь, теперь ты понимаешь, как это скучать по тому, кого хочешь? А сама столько лет просидела за пазухой у старика, погубившего твою юность. По сути, он её в тебе выжрал, но даже и не сумел вкусить, нечем ему было.

– Почему ты всё сводишь лишь к животному какому-то хотению? Как можно хотеть, не любя? Я не понимаю. И не пора ли забыть о прошлом? В том, как оно сложилось, твоя вина тоже не являлась ничтожной. Тон-Ат любил меня. Он так многому научил меня в постижении законов мира, он никогда не обижал меня, не смеялся надо мною, заботился... – у неё задрожали губы.

– Любила его?

– Да. По-другому, чем тебя. Но без него я очнулась в такой безотрадности, а без бабушки я провалилась ещё глубже в такую уже беспросветность. Я отчего-то оказалась какой-то дефективной, не умея устроиться как прочие, или я была такой изначально. Я чувствовала себя никому не нужной, ничего не понимающей... Если бы не возник Инар Цульф с его проектом такого вот бизнеса...

– Ну! Я тебе не отец-утешитель! Садись на своё место.

Мне неинтересны твои стенания о чешуйчатом оборотне.

– Кто чешуйчатый? – поразились она. – Тон-Ат разве оборотень? И если ты пригласил меня ради продолжения сеансов исцеления от скуки...

– Какая может быть скука, когда рядом возникаешь ты? – ответил он, держа её за подол платья, едва она сделала попытку встать. – Нарядилась, нимфея, всё это твоё возбуждающее бельишко шлюхи мне без надобности.

– Разве я шлюха? – у неё затряслись губы от попытки подавить плач, – Или надо было заявиться нагишом, чтобы выглядеть безупречной для тебя?

– Я бы и не возражал, да ведь мы с тобой не являемся единично-эксклюзивными изделиями Творца. А так, да, нагишом ты именно что безупречна. Реальное совершенство, в том самом смысле, когда сносит голову. Так что и оценивать подобное совершенство, вроде как, уже нечем...

– Выпусти меня! Ты... какой же ты плохой! Я никогда не полюблю тебя опять. Я не открою тебе своего особого искусства любви. И ко мне больше не подходи! Ты грубый самец, ты не умеешь любить, имей своих шлюх, а я не животное, чтобы терпеть твои пинки! Ты не умеешь ничего! У тебя только грубая сила самца, поэтому Гелия и возненавидела тебя!

– Я тебе ещё покажу, как имеют шлюх! Ты всё это испытываешь на себе.

– Не буду я ничего от тебя испытывать!

– Фея-искусница, я и сам всё у тебя возьму.

– Теперь я понимаю Гелию...

– Гелия, – как эхо отозвался он, – хотела сделать из меня домашнее и ручное животное. Но я дал ей совсем другое животное. Не то, какое хотела она. И это животное приходило к ней, когда хотело, делало с ней, что хотело и, пнув её копытом, уходило, когда хотело. И что она получила? Разве она того хотела? Но у этого скота появился собственный алгоритм существования. Она сама потом безумно его боялась, этого скота, но он находил её везде...

– Какой скот?

– Да тебе и не понять, фея-искусница! И прав был твой Тонат, не хотел я тебя любить, а хотел сломать забавную куклу, умеющую говорить. И если бы нашёл, то давно бы уже и сломал. Я всегда ломал своих женщин. Это моё родовое проклятие. Моё несчастье. За что мне и была послана Гелия. Не исключено, что Свыше...

– Я не Гелия. Я бы тебе не далась! Я бы сама оседлала этого скота, и он повёз бы меня, куда я хочу! А если бы не слушался, я отстегала бы его кнутом!

Он сказал, – Хм! – и весело на неё уставился. – А я тебе ещё дам шанс попробовать, но потом. Почему не спрашиваешь, зачем мы тут?

– Зачем?

– Мне смертельно скучно тут жить, в чужеродных недрах мира, кубарем катящегося в свою инволюцию. И я не явля-

уюсь только отрегулированным безупречным автоматом-роботом. Возможно, это и спасало вначале, а сейчас нет, и в моей блестящей скорлупе давно трещины, куда и сунул свои щупальца иноземный монстр – эгрегор неродного мира, вовлекая и меня в окружающий распад. Ты же моя игрушка...

– Человек не может быть игрушкой.

– Может. Он и есть самая интересная игрушка. Мы только и делаем, что всю жизнь играем друг в друга, друг с другом. То милуем, то наряжаем, то уничтожаем. То сажаем друг друга в красный угол и молимся на себя с уморительной серьезностью как на икону Всевышнего, говоря, что мы его подобие, а то бросаем человека на свалку как худший мусор Вселенной. Как самую негодную вещь. Да мы вещи ценим больше людей, трепещем над ними, благоговеем над каким-нибудь искусственным убогим интеллектом, запаянным в какую-нибудь очередную флэш-горошину, и такую же примитивную. Такие мы люди! И даже в голову не приходит, чтобы создать даже искривлённую негодную копию человеческого разума нам не хватит даже такого времени, какое существует зримая Вселенная. А чего проще создать человека через любовь? Чем и занимались наши праотцы. Не хочешь этим заняться?

– С тобой? Нет. Я не игрушка. За такие игры Надмирный Свет лишает душу радости.

– Всё-то ты знаешь, птичка моя, щебетунья. Но ведь кот очень хитёр. Он всегда обманет птичку и сдерёт её легкие

нарядные пёрышки. А тело у птички такое мягкое, и что оно против его когтей?

– То есть ты кот, а я птичка?

– Разве нет? Тебе нравится такая игра? Давай с тобой так играть?

– Но если птичка улетит?

– Куда? Она же в клетке. А у кота такая когтистая и ловкая лапа. – Он просто заходился от веселья. Но Нэе не нравилась такая игра.

Прошлое это изнанка настоящего времени

– Ты думаешь, что Гелия была такой доступной, как у вас там болтали? Даже ты верила в её фантастические загулы, думая, что она просто всё скрывает от тебя. Но она всегда была только моей. Моей вещью. Я вытирал о неё ноги, но даже ненужную вещь я никому не отдаю. А твой Нэиль был единственный, кто её тронул, за что и поплатился.

– Ты же говорил совсем другое?

– Но и это правда. Правда порой имеет множество граней. А вот что я тебе расскажу. Не знаю, насколько это правда, а насколько бред. Когда я был ранен, возникло ощущение потери времени. Я будто бы вернулся назад после нашей стычки с Нэйлем. Боли я и не чувствовал, только тошноту и слабость. А он, Нэиль, пил воду, нагнувшись над тем зверем из камня, и обернулся ко мне, глядя со страхом и явно ожидая

продолжения драки. Пожалуй, он был даже рад тому, что я жив. Он выбрал роль беспощадного солдата, а сам был раздвоенным в своей душе человеком, ничуть не изжив из себя прежнего утончённого, можно сказать, изнеженного мальчика, выросшего в аристократических оранжереях, но попавшего в пору своего взросления в убогий квартал простонародья. Школа искусств была лишь временным прибежищем. Стать военным это был шанс для него вновь войти в то сословие, откуда его и изгнали. Могу представить, чего ему стоили те стрельбища по живым мишеням, к коим их приучали военные иерархи Паралеи, заставляя убивать людей, изгнанных в пустынные места. Уверяю тебя, твой брат всегда балансировал на грани того, чтобы окончательно стать душевнобольным от нервных перегрузок. И это отлично понимал ваш общий отчим, решив забрать его к себе на острова. Да затянул несколько с реализацией такого вот плана. Из-за Гелии, наверное. Не хотел, чтобы она стала окончательной избранницей любимого пасынка. Надеялся на то, что Нэиль обретёт, наконец, необходимое здравомыслие и забудет о ней. Должен же был он рано или поздно насытиться такой вот любовью с женой двух мужей. Ведь красоток вокруг было много, да и на островах они имелись. Вот Тон-Ат и выжидал неизбежного остывания страсти Нэиля...

Рудольф замолчал и уставился в мерцающую грань Кристалла.

– Что произошло потом? – спросила она тихо.

– Потом? Я же сказал, он струсил. Потому что играть роль храброго воина, убивая беззащитных изгоев и выдержать поединок с тем, кто фиглярю уже не является, это разное. Решил, что я вернулся его убивать в отместку.

– Ты действительно решил его убить? – спросила она немеющими губами.

– Возможно, что так, а возможно и не совсем. Я хотел лишь отрезать ему часть одной ноги своим супероружием, немного укоротить ему для назидания, чтобы он охромел и утратил свою актёрскую прыть. Думаю, что девушки не стали бы любить его меньше вследствие этого. Ты же и сама теперь знаешь, за что именно девушки любят мужчин...

– Рассказывай без пошлых отвлечений! – потребовала она.

– Он нерешительно двинулся ко мне, но я так и не сумел вытащить своё оружие из специального кармана на собственном защитном бронежилете, понимая, что теряю сознание.

– Ты же говорил перед этим, что оружия у тебя не было! – воскликнула она, уловив его на лжи.

– То оружие, о котором я тебе говорю, не предназначено для уличных разборок с полупомешанным полу актёром – полу военным. Не обижайся, но это уже диагноз. Твой прекрасный брат был невротиком. Я же видел его и запомнил отлично. Подобный тип лица, его чрезвычайно выразительная мимика, его глубокие и втайне тоскующие глаза это знаки очень подвижной и уязвимой психики... Пережить

столь сильный стресс в подростковом переходном возрасте и остаться душевно уравновешенным, это редко кому под силу. Когда его лишили любимого отца, всех благ житейских, вытолкали из таких привилегированных мест в убогое существование. Ты-то была ещё мала, а он почти взрослый. Этот надлом требует времени для своего заживления, вот он и ушёл в своё внутреннее отшельничество, став закрытой системой, не любя никого, тайно презирая тех, среди кого жил...

– Это твои домыслы. Ты не можешь знать, каким он был. О себе, наверное, рассказываешь. Уж не знаю, за что тебя выкинули из того мира, о котором ты уж точно тоскуешь, живя тут, – она нахохлилась, глядя с неприкрытой ненавистью на него. За то, что он посмел рассуждать о Нэиле, – Не плети чушь о том, в чём не разбираешься! Тоже мне, душевед нашёлся! Да такого подлинного аристократа, каким был мой брат, и в среде самих аристократов почти не осталось! Зачем же ты врал про отсутствие оружия у тебя?

– То оружие, какое я упомянул, не используют для уличных разборок, – он пялился на неё, в изумлении ширия глаза и не веря в то, что его можно вдруг возненавидеть. Ему явно не хотелось лишать себя обожания с её стороны. Поэтому он и разошёлся вдруг в своих откровениях, – Оно лишь для подстраховки, на особо опасный случай. Им можно целый полк таких вояк уложить. Я его для своры уголовников, кого уничтожить уже благо для народа, только и таскал. Прихо-

дилось нашим напарываться на такое, когда их убивали, после чего и приняли решение, брать такое оружие во время погружения в промоины здешнего социума. Для прогулок по тонкому льду, так сказать, – эту фразу он неконтролируемо произнёс на своём родном языке и облизнул губы, пересохшие от внезапного волнения. – Будешь пить сок?

Она сделала отрицательный жест, отпихивая поданный бокал, который он тут же выпил залпом, после чего устоялся на неё, отслеживая, не сменила ли она гнев на прежнее податливое размокание. Нэя лишь выпятила губы в презрительной гримасе и сузила глаза. Давай, мол, ври дальше.

– И я искренне об этом оружии забыл, надеясь на человеческий разговор. Но передо мною оказался реальный зомбированный тролль. А когда я по-настоящему уже разозлился, то моё сознание уже куда-то уплывало из-под моего же контроля. Я даже инъекцию сделать себе был не в состоянии для встряски всех наличных сил, да и времени не было на это. Упади я у его ног, он довершил бы начатое, добил бы! Поскольку не бить лежачего, такой установки тут нет! А сам бы удрал, и пусть потом разбираются те, кого называют хупы – ваши хранители уличного порядка, – весь город бесновался, охваченный народным разгулом, и убитых всюду было полно, даже на центральных улицах, не говоря уж о глухих местах. Никто не стал бы разбираться. Никто не стал бы выяснять, почему неизвестный простолюдин, то есть я, валяется тут бездыханным в закрытом дворике. Убили, значит, пер-

вым напал на военного. Утащили бы и бросили в труповозку, вывезли бы в ямину за город и закопали, как оно и происходило после каждого праздника.

– Как же в таком случае твой необыкновенный жилет, твоё супероружие?

– Так кому пришло бы в голову раздевать убитого бродягу? Всё это было скрыто у меня под рубашкой. Не древний же раздутый бронежилет я носил, заодно с пусковой установкой размером с телегу. Бронежилет не толще нательной майки, а оружие с ладонь величиной...

Но эти его исторические подробности ни о чём ей не говорили. На Паралее не существовало ни бронежилетов любой модификации, ни артиллерийских пусковых установок.

– Расследовали же только те происшествия, где убивали аристократов, крупных чиновников или самих уже военных. Он отлично знал о собственной безнаказанности. Он дал мне уйти сразу, но раз уж я вернулся, он решил добить, опасаясь возможной мести. Я волевым усилием ухватил своё уплывающее сознание в условный кулак и быстро повернул на выход, к машине. Я даже подумал о том, что если он будет палить мне в спину, то и пусть, у меня же был бронежилет под местной рубахой, лишь бы в голову не попал.

– Он стрелял? – еле прошелестела она.

– Да, – ответил он безразлично, будто речь шла вовсе не о нём. – Я получил два удара под свои лопатки. Но там же как раз и была защита. Я пошатнулся основательно и лишь

чудом не свалился на землю. Я всё же вытянул своё оружие и направил в его сторону, да руку повело. Если ты когда-нибудь вернёшься к тому дому, то обрати внимание на то, что верхний ряд камней того бассейна сбит начисто. Пока твой брат ошалело смотрел на то, как на его глазах испаряются камни, я успел уйти. А то он точно стал пулять бы мне в голову уже.

– Я видела, что часть верхнего уровня облицовки бассейна была разрушена и имела на себе какие-то подтёки, похожие на пролитый и застывший чёрный лак. Но в то время, когда я и заметила это, мне был глубоко безразличен и сам дом, и всё то, что с ним было связано... Неужели, Нэиль мог быть таким подлым...

– Почему подлым, если он считал меня своим соперником? Он забыл о благородном аристократизме, когда в нём разыгрались инстинкты самца.

– Он не мог убивать беспомощных людей... Скажи, что ты всё придумал, – её голос стал умоляющим.

– Кто в данном случае беспомощный? Я? Не был я беспомощным даже тогда. Или те изгои, которых он шлёпал, не скажу, что без сострадания или содрогания, поскольку того не знаю. Среди них нечисти полно, не одни там безвинные страдают. Твой брат был всего лишь образцовым местным воякой точно в той же мере, в какой он был и образцовым лицедеем прежде. Человек – профессионал, за что он ни возьмись. Но добить меня он не сумел отчего-то. Наверное, нуж-

ному сосредоточению помешали мысли о Гелии, к которой он и стремился с тем съестным багажом, что и волок из ближайшего дома яств для утоления её голода. Не забывай, что он утянул её прямо с праздничного пира, не дав откусать изысканных лакомств.

– Она сама удрала от своих же дорогих гостей с радостью. Он-то как раз не хотел, он сомневался. Он же был занят патрулированием городских улиц. Было народное гуляние, а он был обязан следить за порядком...

– Надо было тебе строго прикрикнуть на своего брата, заставив его выполнять данное начальством задание.

– Я и хотела, только... Зачем там была Ифиса? Она тебя ждала? Ведь она же поссорилась с Гелией, а зачем-то подлизалась и точно кого-то ждала. Она с такой сумасшедшей радостью выскочила навстречу мне и Нэлию, опережая Гелию... Помнишь, ты решил тогда расстаться со мной? Но ведь кто-то же был тебе нужен для того... – Нэя, вновь переживая давнюю ревность, замолчала, вздрагивая губами.

– Стоит лишь удивиться твоей памяти на такие вот детали давно ушедшего времени. Не помню, чтобы я нуждался в этой «сливочной бомбочке» – сладком десерте одного из властных обжор Паралеи. Я не способен подъедать чужие пиршественные объёдки. Ну, а поскольку твой старец из известной породы бесполох чудодеев, ты тут и сидишь, приглашённая за мой уже стол.

– А потом, когда Нэиль так и не смог убить тебя, как ты

оказался в одной машине с Чапосом?

– Так я бодро, хотя и пошатываясь несколько, добрался до своей машины, а уж там и отключился. Не знаю, сколько прошло времени, оно же не ощущалось в том состоянии. А очнувшись, я увидел странную чёрную тень, вылезшую из арки входа. Она напоминала горного крылана, который боком и, сжавшись, зигзагами стремительно уходил прочь в глубину предрассветных узких ущелий, то есть городских трущоб в данном случае. Я не раз видел, как бегают по земле крыланы на своих тонких ногах и, словно бы, завернутые в обширные крылья, – очень похожее было зрелище. И я всё ждал, когда он взлетит. Для крылана он был несколько великоват, но очень похож. Как думаешь, был это сон или явь? И кто бы это мог быть? Даже если я догадался, кому легче, если твоего брата не вернуть.

– Кто это был? – похолодев, она поверила ему сразу же, как будто всегда знала, Рудольф не мог быть убийцей Нэиля.

– Он напоминал твоего старца-отчима-мужа, если со спины, – он явно играл на её напряжении, приплетя Тон-Ата.

– Зачем Тон-Ату убивать любимого мальчика? Он лелеял его с детства. У тебя точно помутилось сознание тогда...

– Любимый мальчик, говоришь? Так для него не существует такого понятия как любовь в принципе, ни родственная, ни уж тем более любовь другого рода...

– Ты заблуждаешься!

– А-а! Ну... так тебе виднее, если уж ты провела с ним

столько времени. Темнота скрадывала очертания его фигуры, то существо напоминало больше тень и могло быть любого роста.

– Ты забыл о той стычке с Хагором в саду возле дома Гелии? Так вот, Нэиль тоже в тот вечер столкнулся с ним...

– Возле дома Гелии? Я толком и не понял, кто там был...

– Тон-Ат высок и статен, а Хагор сторблен...

– Но Хагор умеет и распрямляться, становясь намного внушительнее по виду, если ему зачем-то оно и необходимо. Он умеет трансформироваться во что угодно, нечисть поганая! Мог и мокрицей плюгавой прикинуться, так что и не заметишь его. А мог и скалой неподвижной встать, мимо проскочишь и не увидишь. Всё зависит от его спонтанного вдохновения. Думаю, и у твоего отца-покровителя такие возможности имелись. Ведь лица я рассмотреть не мог. Он спрятал его в капюшон, в который трансформировался его воротник. Весь вопрос в том, кто из них был больший ревнивец. Твой Тонат питал к Гелии, скорее, презрение, насколько я могу судить. Возможно, только ты как дочь своей матери и была для него исключением... У него всегда имелись свои планы на будущее и никогда не имелось того, что называется жалостью хоть к кому. Хотя по видимости он и был целителем недужных и покровителем вашего семейства. Он ненавидел Хагора и мог не простить твоего брата за предательство той цели, в которую его и посвятил. Хагор же считывал Гелию всю целиком, и ни единая её мысль, образы и чувства, даже

загнанные в подсознание, не были для него тайной. Но тут уж только мои догадки. А догадки на то и догадки, что часто скользят мимо истины. У Хагора и у Тон-Ата была такая распря, такой накал вражды, но причины вряд ли могут быть нам понятны. А мог быть и любой ночной бродяга, вор и убийца, застигнутый Нэилем там, где тот не желал обнаружения. Всё могло быть. Среди изгоев полно бывших военных, обладающих особыми приёмами умерщвления. Вполне возможно, это был лишь мой личный уже бред, пока я ждал Чапоса- спасителя, как ни парадоксально звучит, но он меня спас. Я мог видеть нечто вроде болезненного бреда, в котором моя собственная смерть даже не взглянула на меня, а только показала мне свою спину. «Знай, я всегда рядом. Я всегда могу повернуться и лицом!» А знала бы ты, какие личины порой выбирает себе смерть... И далеко не всегда устрашающие. К тому же все протоколы вскрытия Нэиля некто украл из Департамента внутренней безопасности. Производить собственное расследование? К чему оно было? Кому я его предоставляю? А если бы и оно подтвердило, что он погиб от моего удара? Тебя уже не было рядом. А Гелия не нуждалась ни в каких моих оправданиях. Другого же суда надо мной здесь не было. Только ты одна. Но ты вынесла мне приговор и исчезла. Ты и сейчас несёшь в себе это осуждение. Это-то и отравляет твоё чувство, в котором лично я-то не сомневаюсь, имея к тебе приблизительно точно такое же. Но оно, это чувство, и твоё, и моё, далеко не то же самое, что

было у нас в том времени. А именно что приблизительно такое же. Тебя одолела нищета и бесправие в столице, а также и одиночество совсем молоденькой женщины, в которой никто не нуждался. И ты наступила своей чудесной ножкой на свою гордость аристократки, да и просто человеческую гордость. Пошла на сближение с убийцей своего брата, как ты меня считаешь.

– Я не пошла ни на какое сближение! Работу в ЦЭССЭИ мне предложил совсем не ты, а Инар Цульф!

– Тем зданием, где ты работаешь и живёшь, владею я. Это моя личная собственность, если по законам здешнего места. Ты ничего не платишь за эксплуатацию здания, за его обеспечение энергией, водой, и даже не следишь за функционированием всех его систем.

– Разве это не обязанность Администрации...

– За свои обязанности, как ты говоришь, они сдирали бы с тебя три шкуры, отбирали бы всю прибыль якобы в виде налогов, а ты при том оставалась бы вечным должником. Никакой Цульф не сумел бы устроить здесь столь привлекательного заведения для удовлетворения запросов здешних небедных обитателей, не предоставь я ему такой возможности.

– Всё равно, здание без нужных вложений и умелой организации модельного бизнеса, без хозяйственного и административного опыта самого Инара было бы лишь пустой и затейливой коробкой! И не я прильнула к тебе, а ты сам насильно овладел мною в машине! Ты причинил мне боль! И

потом раз за разом ты тискал меня в своей машине...

Он явно опешил от её обвинений, – Ты же... и сама хотела. Ну, если вначале я немного переусердствовал, то потом-то...

– А потом ты как преступный дух проник и в мою постель!

– Ты отдалась бы любому, кто бы там ни пришёл. Хоть оборотню лысому, хоть Чапосу корявому. Тебя распирала естественная жажда сексуальных утех. А ты наделена настолько ярким темпераментом, красотой телесной. И никто в этом не нуждался в течение стольких лет, самых твоих лучших. В ту первую ночь ты обрушила на меня такую мощную волну, что я едва не расстался со своей душой. Даже днём я ходил и шатался, настолько ты меня переполнила собою, своей нерастраченной страстью. Это же невозможно, столько лет держать свое тело на цепи! А как тебе хотелось, чтобы к твоему источнику хоть кто-нибудь прильнул. Такие пла-тьица себе изобретала, с ума можно было сойти. Все вокруг исходили обильной слюной, а иные просто кончали в свои штаны, сидя под кустами и обнюхивая твои следы, обмирая от вида твоих прелестей сквозь полупрозрачные тряпочки. Ты играла тут в опасные игры, моя нимфея-дурочка. Если бы не мои люди, которые были твоей тайной охраной, тебя давно бы изваляли где-нибудь в лесу, как проделывают периодически с твоей помощницей местные скоты.

– Опять эта сублимация твоего же влечения в непристойные разговоры! Я от тебя устала!

– То тебе не хватает разговоров, то они тебе надоели. Я ведь обещал тебе прогулку к горному озеру. Можем там заняться воспроизведением того, что происходило на Дальних Песках, только на ином уже уровне развития наших отношений...

– Прогулки с утра пораньше меня не прельщают. Меня знобит от недосыпа!

– Как же Антон? С ним же гуляла? А уж после прогулки я организую тебе знатное гостеприимство, не хуже того, какое ты устраивала для Антона.

– Антон не позволял себе ничего, кроме деликатной дружеской беседы. Я не горю желанием уподобляться невесте Вильта – моего бывшего водителя, чтобы на природе, в зарослях, заниматься тем, что ты именуешь «насыщенным сексом». Из-за тебя мне приходилось терпеть этого мужлана, пропахшего излитым семенем, и ехать с ним в столицу в одной машине лишь потому, что и сама я занималась с тобой тем же самым. А он о том отлично соображал! И позволял себе фамильярность по отношению ко мне, будто я и в самом деле ровня его неотёсанной шлюхе! Правда, теперь она стала женой Вильта, и уже этим превосходит меня. Ты уже не заставишь меня играть роль придорожной бродяжки!

– Так я же пригласил тебя в гости, как ты и желала. Немного развлечёмся...

– Немного развлечёмся перед очередным броском в пучину насыщенного секса?

– А ты желаешь сразу же приступить?

– Ты и есть оборотень лысый! Чапос нисколько не хуже тебя!

– В том смысле, что такой же скот, хочешь сказать? Говори, я не обижусь. Гелия так и считала. Иногда я позволял местным скотам видеть её. Просто потому, что уставал её контролировать, да и знал её ледяную сущность. Дарил на погляд. А она-то как заходила от чужого обожания, когда бродила в столичные притоны, где и развлекала себя тем, что будила в них жажду любви, но утоляли её их собственные девки, а она утоляла только мою жажду. На её же ощущения я научился плевать. Она была моим источником. Иногда я из него пил, иногда мыл в нём ноги. Или ты думаешь, что я после скотов смог бы к ней прикоснуться? Да я бы её живьем закопал. И она не смела ничего. Она была моей заводной куклой.

Нэя заткнула уши, чтобы не слушать его, – Ты больной! Тебя надо лечить! Почему тебя не лечат? Мой муж сумел бы вылечить, но он не захотел. Он сразу сказал, что ты больной. А я бы сумела тебя вылечить. Но не буду.

– Может, попробуешь? Лечи, я не против. Только если ты хочешь меня любить. А ты ведь хочешь этого, не притворяйся! Ты должна утолять во мне всё, и любовь к звёздам и того скота, который во мне есть. Хочешь любви скота?

– Нет.

– А если он есть? Куда его деть? И он тоже хочет, чтобы

его любили? Извечный наш земной вопрос. Но и у вас он в силе.

– Нет. Я не хочу скота. И ты никакой не скот.

– А вдруг тебе понравится? Хочешь попробовать? Ты же хотела отфигачить его кнутом? – И он ужасно развеселился. – А теперь я исполняю твоё прошлое пожелание, – мы будем с тобой вкушать разнообразные вкусы перед тем, как ты и войдёшь в мою спальню, как ты в тот раз выразилась. Одевать тебя по своему вкусу я не буду. Тут ты меня превосходишь в своём умении. А уж после я и допущу тебя в своё жизненное пространство, в «своё имение» по твоему определению.

Запоздалый завтрак, не имеющий вкуса

У Нэи от его пыток пропал аппетит, хотя она и без того никогда не ела по утрам. Только пила горячие напитки со сладкой булочкой. Он нажал затейливый значок в стене, и там открылась панель. Включился сам собой мягкий свет, и он достал оттуда прозрачный поднос, уставленный тарелками и бокалами. Всё это он поставил на кристаллический стол. Настроение его было превосходное. Ей впервые пришлось в голову, что всё, что он изображал, было игрой, и он не скрывал, говоря, что играет. Так почему же она рыдала навзрыд в прошлые встречи, веря всему? И теперь успела уже пролить не одну слезинку. Ей стало обидно за свою, частично размытую,

красоту. Как жаль, что утрачена связь с Ифисой, и негде уже добыть несмываемую краску для ресничек. А то, что продавалось здесь, и повсюду в той же столице, размывалось от влаги. Только Ифиса имела доступ к особой и стойкой косметике для аристократок. И врождённая деликатность Нэи никогда не позволяла ей кланяться у своих клиенток-аристократок при посещении столичных выставок-распродаж сугубо сословную косметику. Она была слишком горда для этого. Она ощущала себя истинной дочерью простого народа, кем не являлась по своему рождению, но была таковой по своей сопричастности к их жизни. В сущности же, она была повсюду чужой. Чужой для аристократов, не своей и для тех, кого обзывали простонародьем. Своей она оказалась, как ни странно, пришельцам из звёздного колодца, – и Тон-Ату, и Антону, и Рудольфу...

– Не переживай, – сказал он весело, извлекая её из невесёлых раздумий, – Без косметики ты милее и краше, уж поверь, – он заметил её взгляды на себя в зеркальную сферу и решил утешить, – Не крась свои очаровательные глазки, а то ты становишься похожей на куклу. Зачем тебе это, если ты природный шедевр...

– Сам же и говорил, что я кукла.

– Я же шутил, – он принялся за еду, не обращая на неё внимания, будто сидел один, как человек не обращает внимания на кошку, сидящую рядом. И Нэе стало ещё обиднее, и с тоской, щемящей сердце, она вспомнила их семейные ве-

вчера с друзьями Тон-Ата. То, как Тон-Ат ухаживал за ней. Какие прекрасные были у него манеры, как красивы руки человека, всё на свете умеющего и понимающего других. Было бы ужасно, если бы в её жизни не было Тон-Ата. Она же тосковала рядом с ним, не ценя ничего.

Она наполнилась решимостью разлюбить Рудольфа, уйти от него... только вот кем его заменить? Реги-Моном? Антон не годился уже в силу своей подчинённости Рудольфу, да и кроме невнятной симпатии он ничего не предлагал. Да и уходить куда? В некий необжитой дом, который для неё уже куплен? Чтобы заняться там разведением фруктов и цветов? И тем самым утвердить свой статус отщепенки уже окончательно. Она ничего не умела, ни в чём не соображала, кроме своего текстильного творчества. Ах! Как же не ценила она то время, когда жила на прекрасном острове, окружённая оберегающей любовью и ненавязчивой заботой Тон-Ата...

Вернуться к Тон-Ату?

Уйдя в свои прошлые, но оставшиеся в ней измерения времени, Нэя обрела тонкость черт, и лицо стало вдохновенным. Там, в глубине, которой вроде и нет, но она есть, мерцали светильники за их семейным столом. Тон-Ат перебирал её пальцы, родное умное лицо светилось добротой и пониманием в ней всего. Он смотрел в самое дно души, и что ей было за дело до его морщин, до его сутулых плеч. Он был родным, сильным человеком, дающим защиту, веру в себя, думающим о ней. Он объяснял ей людей, мир, не только тот,

что зрим людьми, но и тот, что скрыт от глаз и чувств человека, но там-то и скрыты пружины и тайны мироздания. Он открыл все её таланты, а до этого они спали или еле шевелились. Тон-Ат не был и сравним с этим красивым, но таким ущербным землянином. Тон-Ат умел всё. Она действительно сидела у него за пазухой, как сказал Рудольф. И ведь Тон-Ат позвал её, чтобы опять она забралась туда же...

Её глаза наполнились жгучими слезами, поскольку она удерживала их в себе. Она присматривалась наполненными влагой глазами к бокалам с красным прозрачным напитком, чей аромат не был ей знаком. Как трудно ей жилось без Тон-Ата в первое время, а когда она вроде и научилась, пришёл этот. И всё нарушил. Покачнул её зыбкое равновесие, но не дал ей никакой опоры.

Рудольф уже не ел, задумчиво смотрел и изучал её, будто увидел впервые. Он словно понял направление её мыслей и молчал.

– Почему не ешь? – спросил он с ласковой заботливостью. Поглощение еды вернуло ему человеческую приятность. Но Нэя не могла открыть и рта. Даже то, что тарелки были горячими, хотя он извлёк их из закрытой ниши в стене, не вызвало удивления. Хотелось лишь нырнуть в свою постель у себя в «Мечте» и отрешиться, уйдя в сладкое забвение несносной яви.

– У вас умеют не только искусно любить, но и так же искусно готовить. Такой еды нет у нас. Тонкость и острота од-

новременно. После этой еды я уже редко ем земную. Так, иногда. Приходится с коллегами в столовом отсеке быть как все. А так, я привык к вашей еде.

Он ел очень быстро и красиво, аккуратно, и Нэя залюбовалась на его движения.

– Я тебе нравлюсь? – спросил он.

– Да, – призналась она, – временами. Вот сейчас, ты выглядишь очень человечным.

– А так, бесчеловечен?

Она не ответила. И говорить она устала.

– Ты считаешь меня красивым? Ты ведь эстетка.

– Да, – сказала Нэя, – считаю. Но это не главное в человеке.

– А что главное? – он воззрился на неё так, как если бы кошка заговорила.

– Душа, конечно, её красота, доброта и понимание других как себя.

– Твой муж был таким?

– Да.

– А я урод?

– Нет. Ты очень сложный.

– Думаешь, меня можно вылечить этим твоим искусством? Может, полечишь? Пока я добрый и всё тебе позволю...

На перламутровой тарелке лежали фаршированные в душистых и пряных травах оранжевые круглые овощи. От их

дразнящего острого аромата рот Нэи наполнился слюной. Рядом почти дышали от свежести круглые булочки, припудренные белейшей сладкой мукой. Нэя тронула хрустящую корочку, но она не поддавалась её робкому защипу, и она смущённо отложила булочку в сторону, видя, как внимательно следит Рудольф за её движениями. Особенность оранжевых маринованных овощей была такой, что их невозможно было кусать, а только высасывать их сладко-острое очень вкусное содержимое, после чего шкурка отбрасывалась, и Нэя стыдилась этого в присутствии Рудольфа, боясь показаться вульгарной или неряшливой. Сок вполне мог брызнуть во все стороны.

– Ешь, – Рудольф придвинул тарелку к ней, – не стесняйся, я дам тебе салфетку, – и он бережно придвинул к тарелке белый лоскут, сложенный треугольником, – ты стала ещё стеснительнее, чем прежде. Можешь испачкаться, я с удовольствием поцелую твою милую щёку, даже испачканную соком. Если честно, мне хочется тебя облизать.

Восприняв это как очередную издевательскую игру над собой, Нэя уткнулась в бокал, приюхиваясь к незнакомому аромату напитка и не желая обсуждать с хозяином отсека то, над чем он пытался насмешничать.

– Лакомство простонародья, и я его не люблю. В приличных заведениях никогда не готовят такие блюда. У нас подобные овощи едят только рабочие и ремесленники. Они не стесняются чавкать, пачкать свои руки и брызгать во все сто-

роны густым соком. А я давно отвыкла от нравов и привычек рабочих окраин. Я, даже живя там в детстве и юности, никогда не ела такого кошмара.

Это было ложью, Нэя обожала фаршированные овощи, и ей нестерпимо хотелось вонзить свои зубы в манящую мякоть, – Моя бабушка умела готовить аристократические блюда. У Тон-Ата же был уникальный повар – художник своего дела, я даже не скажу, что ремесла, потому что это было подлинное, хотя и кулинарное искусство. Я привыкла, живя с мужем, к волшебным яствам, которые, я уверена, никогда не пробовал ты. Их не может быть даже в столичных «домах яств», уж не говоря о таком месте, как это... – она замолчала, когда Рудольф засмеялся, прекрасно раскусив её актёрскую игру в утонченную забалованную аристократку.

– Я подлинная аристократка, – продолжила она запальчиво, ярко розовея тонкой кожей лица, – в отличие от разбогатевших или зазнавшихся выскочек, которыми наполнен этот городок, да и в столице они кишат повсюду, как склизкие и юркие личинки земноводных после сезонных дождей в грязных водоёмах. Я же... Мой отец, моя мама, они были подлинные аристократы духа... Это не совсем то, что богатство материальное, совсем даже не то. Но чистота давно покинула наш отравленный мир. Чего ты веселишься? Не подавись своим смехом. Неприлично смеяться с набитым ртом!

– Ах, какие милые и спесивые напевы. Но я же простолюдин! Мне можно и смеяться в процессе поглощения еды.

Главное, это удовольствие от вкусовых ощущений, а не ваш этикет, которому меня никто не обучал. Может, ты и этому меня обучишь?

Если бы он вышел, отлучился хоть на время, Нэя набросилась бы тотчас же на то великолепие, что тут благоухало у неё под носом. Она сглотнула голодную слюну, но не могла себя заставить открыть рот не для болтовни, а для принятия в себя еды.

Если это и есть семейный завтрак, то лучше жить одной

– Ты избалованная женщина – цветок, а природному шедевру к чему иметь развитый ум? Да ведь и я не научными исследованиями собрался тут с тобой заниматься. Ты привыкла жить только своим и посторонним любованием, перебиранием своих драгоценных переживаний, наверное, изысканных и тончайших. Я был готов стать восхищённым твоим созерцателем тогда, девять лет назад, а сейчас я изменился. А ты нисколько. Если бы ты, милая жемчужинка, высунулась из своей ракушки, ты смогла бы уже, и не раз, всё поправить в нашей запутанной ситуации. Но тебе нет ни малейшего дела до окружающего и до окружающих тебя.

– Невротический перенос. Как раз тебе нет никакого дела до окружающих. Что ты и продемонстрировал, когда истязал меня своими «сеансами насыщенного секса» едва ли не на

виду у посторонних людей. Ведь вокруг же люди бродили! Вильт и тот догадался, какими возвышенными делами ты занимался со мной в своей машине.

– Разве это происходило без всякого желания с твоей стороны? Конечно, всякий раз я боялся, что от остроты происходящего у меня случится разрыв сердца, но противостоять чарам внучки бывшей жрицы Матери Воды это оказалось непосильной задачей даже для твоего мужа-мага, насколько я понимаю. Куда же мне-то было с ним тягаться?

– Давай, издевайся и дальше, пока я не огрела тебя сосудом с соком по макушке! Как того же Рэда – Лока его жена за измены огрела по голове графином из полудрагоценного камня. Рэд потом ходил с синяками под глазами. Они появились у него от удара по голове...

– Ему стоило. Но я же тебе не изменял. Мне-то за что? Я храню тебе верность. Да и вообще, с того самого дня, как погибла Гелия, я живу реальным монахом в своём подземном монастыре. Правда, не молитвенником...

И опять она не поняла, что он сказал, поскольку он иногда переходил на свой чужеземный певучий язык.

– А откуда ты знаешь Рэда? И того же Инара Цульфа? – спросила она.

– В ЦЭССЭИ никто, ни единый человек не может работать и жить без ведома определённой группы людей, в которую вхожу и я. Здесь нет и не может быть случайных людей.

– Но ведь их тут так много.

– Но нет никого, кого б я не знал. Если, конечно, они занимают значимые должности, а не спят по ночам в кустах, как твой охранник возле «Мечты».

– Знать в лицо несколько влиятельных бюрократов...

– Несколько? Да их тут целый легион! Бесов и то меньше, чем этих местных значимых лиц!

– Не стоит постоянно переходить на язык, который я не понимаю. Иначе, каков смысл такой беседы?

– Ну, хорошо. Ангелов небесных в поселениях твоего мирового отца меньше, чем тех, кто тут живёт и трудится на благо Паралеи. Ты же будто спишь на ходу, не видишь ничего вокруг себя. Это же колоссальный город вокруг, с огромным количеством научных центров, лабораторий, исследовательских площадок, экспериментальных цехов, учебных заведений. Ты по городу прогулялась бы хоть иногда...

– Зачем? Для прогулок достаточно и лесопарковой зоны. Мне казалось, что тут не так уж и многолюдно.

– Будь так, откуда бы взялись полчища твоих состоятельных заказчиков?

– И ты знаешь всех влиятельных здешних персон?

– Да.

– Это реально?

– Для тебя нет. Для меня да. А ты считаешь меня примитивным? Ну, сознайся, моя утончённая девочка. Я не обижусь. Не хочешь? А ведь я давно, давно тебя нашёл, как только ты вернулась на континент с тех загадочных островов. Но

всё решал, стоит или нет возвращать то, что было утрачено. Как ни переворачивай ту ситуацию, а по твоему выбору всё тогда и произошло. И вот я подумал, да не буду я этого делать, к чему оно? И пошёл я как-то в Дом творчества просто от скуки, давно уже не нуждаясь ни в чём таком творчески-возвышенном. Посмеяться больше над местным творчеством, а я ведь жутко неотёсанный в смысле аристократических изысков, ты же сама мне об этом говоришь открытым текстом. И что за чудо! Ты там не только бегаешь, но и красотульки свои выставила – картинки свои. Я их все берегу у себя. Ты бы удивилась, но у меня сохранились твои полудетские наброски, что ты рисовала Гелии. Но она не ценила, всюду швыряла.

«Кто рисует?» – спрашиваю.

«Швея одна, шьёт мне, вот и чертит что-то». Что-то. Это же талантливо. Но ей-то дело лишь до себя. У неё отсутствовала настройка оценки окружающих.

«А платья кто шьёт, покажи её».

«Да девочка-студентка, она совсем простая, тебя не впечатлит». Ведь догадывалась, что ты ей опасна. А ты думала, что она меня не ревновала? Это она себе всё разрешала, а я должен был, как пёс у её ножек лежать, лизать, служить. И когда она увидела, что её кто-то затмить может, она сделала всё, чтобы внушить тебе обо мне ложное мнение. И прибегла к помощи твоего мудреца. Что их связывало с учётом того, что она была из клана его врагов? Я не знаю до сих пор. Это

я потом понял, что он был в Паралее резидентом Паука, а дура Гелия его агентом, снабжающим его ценными сведениями о нас. Но я отвлёкся. В твоих линиях, в твоих образах мерцал талант, но, когда я увидел тебя, я не поверил, что это ты рисовала. Ты была чудесная, слов нет, но твоё лицо, понимаешь, оно было такое милое и глуповатое лицо куколки. Но есть и другая крайность. Сколько людей обладая значительными лицами, являются круглыми дураками по наполнению.

– А глаза? – спросила Нэя, – глаза же не спрячешь, они всё выдают.

– Но у тебя и глаза наивные.

– Глупые?

– Нет, конечно. Зачем ты мне была бы и нужна, будь ты глупой? Но ты очень доверчива, наивна. И живя в закрытой скорлупе, ты так и осталась, к сожалению, птенцом, хотя и красочным. Ешь.

Но она только выпила странный сок из фрукта, который он назвал «гранат».

– Неужели, я так действую, что отшиб твой аппетит? – На столе стояла прозрачная коробка. В ней лежали разноцветные дольки. От них шёл приятный аромат.

– Это что?

– Мармелад.

Нэя попробовала. Очень вкусно, очень сладко. Она стала есть.

– Красиво и вкусно, – похвалила она. Он следил за её губами, когда она ела, словно был голоден сам.

– Хочешь? – спросила она, протягивая ему. Но он взял у неё тот, что она держала у губ и уже наполовину надкусила. Прикоснулся к нему губами, но есть не стал.

– Я не люблю сладкое, – пояснил он, – а это изготавливают у нас по рецептуре тайного сладкоежки старого врача.

Нэя придвинула мармелад к себе и принялась поедать разноцветные дольки, выбирая из них те, что имели вкус и аромат чего-то, ей неведомого. Красненькие, терпкие и кисло-сладкие. Ей стало вдруг спокойно и хорошо, напряжение её оставило, слёзы высохли. Он следил за тем, как она поглощает мармелад, и ни о чём не рассуждал. Наверное, тоже устал.

Выход там же, где и вход

– Рудольф, – Нэя встала и доверчиво подошла, обняв его сзади за шею, как любила делать с мужем. Только у Тон-Ата шея была морщинистая, плечи временами сутулые от усталости. Он много работал и не терпел безделья. Она с женской страстью прижалась к плечам Рудольфа, целуя его шею и трогая губами бритую макушку, – Ты тоже седой?

– Тоже? – спросил он, не отвергая её ласки, – Кто ещё?

– Да так. Муж мой был.

Он крутанул кресло, и она оказалась пред ним, и он мгно-

венно зажал её между своих ног.

– Твоё тайное любовное искусство, оно какое? Как у особых дев?

– Нет, конечно. Совсем другое.

– Почему я его не испробовал на себе?

– Его можно дарить только возлюбленному.

– А я кто?

– Ты? – она смотрела в его глаза, – Я не знаю, кто ты. Вернее, кем ты считаешь меня. А я хотела бы, чтобы ты стал моим мужем, хотя ты не хочешь. Я могла бы тебе солгать и сказать, ну и ладно. Я тоже не хочу тебя по-настоящему. А то, что было, только кратковременная близость ради взаимной утехи, ничего не значащей для души. Но я не умею лгать в главном, Ты уже вошёл в мою душу, ты там живёшь.

– Ты была счастлива со мной?

– Ты не знаешь этого?

– Кто вернёт нам утраченное время?

– Но мы встретились. Надо быть благодарным Надмирному Свету...

– Какому Свету! Причём тут твой Свет. Почему ты, поняв, что вышла за бесполое существо, не вернулась? Не слышала зов моей души? Вот бабочки, они слышат зов своего самца за десятки километров и летят к нему.

– Я слышала. Я хотела. Однажды ночью я видела как наяву, ты вошёл ко мне и... – она ощутила сильное волнение, даже голос пропал, – Всё произошло как тогда, в первый раз.

Мне было настолько хорошо, пока я не очнулась. Тон-Ат сидел рядом на моей постели и так страшно смотрел на меня. По его лицу текла какая-то слизь. Я закричала, решив, что сошла с ума. А потом... я просто отключилась. Потом я опять очнулась, вскочила и стала собираться. Я не знала, куда мне бежать, я билась и умоляла Тон-Ата отпустить. Но Тон-Ат не пустил, а я не знала куда бежать. Он стал говорить, что ты изменился. Что ты забыл обо мне, а Чапос не забыл и будет первым, кто и схватит меня... а потом я пропаду... – она закрыла лицо руками.

Он оторопело слушал её сумбурные откровения, а потом невесело проговорил, – Что за чушь! Он знал, как тебя запугать, святая ты простота. И куда только я затесался тогда в своих поисках приключений – в какую-то детскую сказку, и превратил её в театр вовсе не детского абсурда.

– Тон-Ат говорил, что ты раздавишь, поскольку у нас разные и плохо совместимые полевые структуры, а телесная похожесть обманка во многом. Я верила и сильно страдала, считая, что ты виноват в гибели Нэиля...

– Представь, что могли бы мы испытать тогда, если бы ты не попала под гипноз своего чародея. Ты ведь хотела детей? И я хотел. Твоих. Я остался на Троле только ради дочери, я не могу её покинуть. Иначе мы бы и не встретились. Так что, благодаря ей, ты меня и встретила.

– Она какая?

– Сложно описать. Красивая, умная, но никогда не быва-

ет весёлой, как полагалось бы, исходя из её возраста и того обожания, которым она окружена с детства. Она не ведала нужды или обид, если только матери ей не хватало. Про отца умолчу, поскольку не раз слышал от самих же женщин, что в детстве многие из них никогда не страдали от отсутствия отца, а вот от чрезмерного давления или деспотизма со стороны отцов страдали как раз многие. Но Хагор был ей и за любящую мать, и за самого мягкосердечного из отцов. И хотя я не люблю Хагора, признаю его превосходные качества родителя и воспитателя. Он неплохо развил кругозор моей дочери. Человек-гений в своём роде, этот Хагор...

– Я тоже рожу себе сына. Я не старая. И дочь тоже. Мои дети будут весёлые.

– Самое главное, найти того, кто станет им добрым и заботливым отцом, – ответил он с усмешкой, никак не подходящей к самой теме о детях. – То, что ты будешь образцовой матерью, ничуть не сомневаюсь. Но сколько лет ты уже утратила впустую... – он замолчал. Молчали долго.

– Если бы Антон захотел, я точно родила бы ему ребёнка, – зачем Нэя так сказала, она и сама не знала. Очень уж хотелось досадить ему, – Антон точно пошёл бы со мною в Храм Надмирного Света...

– Так и предложи, кто мешает? – опять усмехнулся он.

– Разве не ты?

– Я? Напротив! Я бы благословил его как собственного сына. Любого из своих парней благословил бы, пожелай кто

из них создать тут семью.

– Антон говорил, что это не так, – она опять разозлилась на него.

– Разве сам Антон не посещал Храма здешнего Отца? Другое дело, что его жену убили...

– У Антона другой начальник. Не ты, – заметила она, презрительно сморщив носик, оглядывая стол, давая ему понять, насколько её не устраивает его обед, когда даже выбрать нечего. Абсолютно незнакомые блюда, а то, что вкусно, невозможно есть, чтобы не испачкаться по самые уши. Нарочно, что ли, выбрал такой ассортимент? А ведь ей хотелось продемонстрировать ему все свои утончённые манеры во время поглощения еды. Она невольно следила за тем, как он ел, но придраться было не к чему. Он даже не испачкал губ, не чавкал, не брызгал маринованными овощами во все стороны. Как только ему такое удавалось? Он был совершенство во всём, и раздражение не отменяло её восхищения.

– Над Антоном нет начальников, и я никому тут не начальник.

– Что же сам ты не пошёл в Храм Надмирного Света с девушкой Иви, как хотел?

– Не помню такого, – он облизнул губы, явно дразня её, – Очень вкусно. Присоединяйся.

– Не помнишь дочку Латы-Хонг?

– Я и саму Лату, если встречу, не сразу и узнаю.

– Ты же подвозил её как-то домой ночью...

– Кого? Лату или дочку? – и он с азартом принялся поглощать какой-то ароматный бульон. Может, ей стоит тоже попробовать? Она придвинула к себе глубокую плошку, но та оказалась настолько горячей, что обожгло пальцы. Она отпихнула плошку, и бульон пролился через края на поверхность стола. Прикасаться к испачканной плошке уже не казалось возможным.

– Лату.

– Не помню, когда же я подвозил домой Лату? А если и подвозил, это не повод, чтобы я женился на её дочери.

– А ещё хвалишься мощью своей памяти...

– Я не храню мусорной или никчемной информации. А также той, которая является вирусной и разрушительной по своему воздействию. Самоочищение памяти происходит и без сознательного участия человека, но есть и наработанные техники уже сознательного воздействия на активную память, повышающие её функционал, то, чему обучают.

– Если бы ты захотел, то смог бы меня забыть?

– Забыть, – нет, а обесценить легко.

– Почему же не обесценил?

– Слишком скучно было бы жить в таком случае, – ответил он, перестав есть, поскольку насытился, в отличие от неё. – Когда нет ничего ценного, жизнь обесмысливается. Страдания же очень часто выгрызают такой огромный личностный ресурс, что по своему весу становятся дороже радостей.

– Да и вообще, без страданий человек и на свет не может появиться, – сказала она, перебирая дольки странного прозрачного и разноцветного десерта, желая только одного, уйти отсюда. Спрятаться у себя и всё обдумать, всё решить. Обдумать горькую открывшуюся правду о его настоящем отношении к ней и решиться на то, чтобы покинуть этот «Лучший город континента», не ставший для неё таковым, навсегда. Она опять вспомнила Реги-Мона как того, к кому можно прислониться после такого вот унижительного и внезапного финала её новых и кратковременных, как выяснилось, жизненных глав. Да ведь жизнь не закончена, и глав впереди столько!

– Ну, вот, журавль пригласил цаплю на обед. Но, похоже, она не оценила его гостеприимство, – фраза прозвучала как бессмыслица, ибо она не знала, кто такие «журавль» и «цапля». – Не тот фасон посуды или же не устраивает сам сервис?

Бесполезное стремление выйти из навязанной игры

Она промолчала, злясь на собственную же игру, желая сбросить с себя напыленную маску изысканной аристократической особы и утолить, наконец, голод. Но так вышло, что она никогда не сидела с ним за одним столом, не ела вместе с ним, а заданные условия встречи лишали её уверенности в себе. Рудольф заговорил первым, – Ты хочешь любви?

Но не тех жалких утех, что были у нас с тобой недавно и по вполне понятной причине не устраивали ни тебя, ни меня. Теперь я могу признаться, что умышленно хотел занижить сам уровень наших отношений, чтобы иметь свободу от тебя. И ты права, говоря, что я не заслужил твоего тайного, сокровенного искусства. Потому-то я и тёрся носом о тебя как об атласный тайничок, запертый от несанкционированного взлома. Все ощущения казались неполными, ты всегда нечто обещала, а не давала прикоснуться к чему-то очень важному. Ты ни разу так и не проснулась по-настоящему, приняла навязанную игру в непристойные сновидения. Но не думай, что я этого не понимаю.

– Зачем ты так поступал со мной? Из мести? Это же... качество низких людей.

– Не особенно исследовал качества тех, кого ты называешь низкими, ибо не люблю зоологию в принципе. Для меня животный мир слишком примитивен, чтобы верить неким умникам, наделяющим его неким разумом, едва ли не превосходящим носителей уже реального разума. И месть мне противна, если начистоту. Но вот что я тебе скажу. Всякое слюнявое благодущие и всепрощение приводят лишь к неизбежной деградации отношений. Отношения надо либо рвать без сожаления, либо наказывать того, кто дорог и кого не хочется утратить. Только через боль человек способен понять, что за всё приходится платить, за свои ошибки, вольные или невольные подлости, и даже незначительные про-

ступки. Осознание, разворот сознания всегда сопровождается болью. Я не только не хочу потерять тебя, как в своё время терял тех, кого великодушно прощал без воздаяния за их проступки, но хочу, чтобы уже никогда ты не смогла разлюбить меня.

– Ну, а если я уже разлюбила тебя? Тебя и Гелия разлюбила за то, что ты её постоянно учил, учил...

– Ничему я её не учил. Была нужда учить эту порченную раскрашенную болванку – лицедейку. И тебя я, кажется, ничему не учил и не собираюсь. Я всего лишь ценю тебя, твою уникальность, которую ты излучаешь настолько ярко, что мне твоих слов и не требуется. И я не хочу развращать тебя своим всепрощением. Если так будет, ты обязательно повторíš свои прежние, пусть и импульсивные, необдуманые зигзаги в сторону от меня. Это просто закрепится в тебе, вроде условно-приобретённого рефлекса, что можно всё. А необходимо, чтобы негодный опыт был отсечён и выброшен. Даже не в подсознание, откуда он всегда может всплыть. А вовне, прочь! Если ты любишь, простишь всё. А нет, как уверяешь, так уйдёшь, куда тебя и увлечёт очередной мираж. Давно уже доказано, что самки животных, которым обезболивали процесс рождения детёнышей, не питали к ним никакой привязанности. И у людей это так. Не претерпев сильную боль при рождении ребёнка, женщина его недостаточно ценит. Как и мужчину, впрочем, если он у неё не первый, не тот, кто сделал её женщиной через боль.

– Странная у тебя теория, – она раздумывала, не опасный ли он псих, как и уверяла её когда-то Гелия. – Наверное, мне всё же лучше уйти от тебя...

– Так и уходи, наконец! – и он нажал пульт, открыв панель выхода. Пугающий холод запутанных тоннелей замерцал вдруг вспыхнувшим светом светло-серых и металлизированных стен. Свет включался лишь тогда, когда в том возникала необходимость. Без присутствия живых существ в тоннелях воцарялась тьма. Приборы слежения в стенах фиксировали всё и без наличия освещения.

Она молчала, замерев и не двигаясь с места. Какое-то время он возился со своим браслетом на запястье, а потом сказал кому-то, – Глеб...

Имя она сумела отделить от остального, что он и произнёс следом на языке, который не был ей доступен. Глеб – такое имя называл и Антон. Это был тот парень, кто дружил с ним и с Олегом.

Рудольф встал и достал из стеной ниши какую-то блестящую штучку.

– К сожалению, моя нимфея, мне придётся лишить тебя памяти о тех событиях, которые и связаны с твоим приходом сюда. Глубину стирания я позволяю тебе избрать самой. Это ничуть не больно. Ты не почувствуешь ничего. С какого именно момента времени тебе желательно вычеркнуть меня из своей наличной памяти? Думаю, пусть это будет тот самый день, когда ты не согласилась поехать со мной в столи-

цу, а уехала с Вильтом, чтобы мне досадить. Ты будешь думать, что мы наглухо поссорились, а в остальном для тебя ничего не изменится. Будешь шить свои стрекозиные пла- тыца и прочую экипировку для рафинированных троллей, а Инар Цульф так и будет отслеживать и изничтожать на под- ступе все грозящие тебе опасности. Врагов и завистников, да и просто воров всех уровней, к сожалению, отменить не властны ни я, ни он. И даже твой Тон-Ат. Когда ты накопишь себе необходимое благосостояние, когда заскучаешь тут, по- кинешь это место навсегда. Найдешь себе того, кто и пойдёт с тобой в Храм Света. При уходе отсюда Инар Цульф пере- даст тебе документы на домик в милом около столичном по- сёлке, где ты и будешь жить. Этот дом твой и теперь. Уйти можешь хоть завтра.

В проёме возник высоченный и слишком светловолосый парень с такими же обесцвеченными бровями и ресницами. Мелкие, рыжеватые, но заметные крапинки портили кожу его лица. Он поразил Нэю своей некрасивостью при наличии отменной фигуры. Он молчал и ждал, уставившись на Нэю глазами весёлыми и любопытными, что говорило о том, что он непосредственный в проявлении своих чувств парень. Рот он сжимал намеренно и сурово, но искрящийся смех, каза- лось, так и брызжет из его глаз.

– Выправка где?! – гаркнул Рудольф так, что Нэя невольно ухватилась за него, чтобы не утратить равновесия. – Вечно приходите ко мне со спущенными штанами! Форму в чём

залапал?

Глеб оглядел свою одежду. Пятна, похожие на сок, украшали его серо-стальную, как стены, верхнюю одежду. – Так это... Ягоды доктора дегустировали с ребятами! – звонко и опять же весело гаркнул он в ответ своему подземному владыке.

– В таком случае, не мешало бы обзавестись слюнявчиком, – уже насмешливо сказал Рудольф. – Иди и жди мою гостью возле подземки, чтобы проводить её на поверхность. Всё ясно?

– Так точно.

Тот, кто был Глебом, молниеносно исчез. Панель бесшумно и быстро закрылась. Она представила, что очутится в холодном тоннеле с давящим на психику освещением, подойдёт к этому дылде, чтобы с ним сесть в подземную машину, а потом окажется с ним в лифте, довольно тесном. И она ощутила вдруг его оставленный здесь запах. Это был то ли запах ягод, которыми он объедался, то ли просто чужеродный и не поддающийся расшифровке. Какая-то смесь разнородных запахов, вовсе не являющихся противными, но её вдруг затошнило. Она помчалась в санузел. Где её и стошнило соком, поскольку она ничего так и не съела. Рудольф то ли услышал, то ли догадался. Он встал и достал какую-то штучку из ниши в стене. Приложил её к предплечью Нэи, и она ощутила лёгкий укол, – Не пугайся. Всасывание в кровь произойдёт за мгновения, и тебе станет легче.

Действительно, сразу же стало легко, но мысль о том, что совсем скоро она очутится за дверями «Зеркального Лабиринта», чтобы никогда уже сюда не вернуться, показалась настолько страшной, непереносимой, – Я не хочу уходить. Если пришла, то знала, зачем...

– Зачем же?

– Если бы ты любил меня, ты бы так себя не вёл.

– Если бы не любил, тебя бы в этом городе не было. Никогда не думал, что ты настолько нервное существо. У тебя была истерическая рвота.

Причина внезапной тошноты, о которой он даже не догадывался, даже в голове ничего такого не держал, вдруг впервые пронзила своей необратимостью и невозможностью повернуть время вспять, чтобы такого не случилось. Когда произошло? Да в любую из встреч. Мечты мечтами, а реальность пугала настолько, что она долго не желала признавать очевидное. Даже Инар Цульф о том догадался, а этот нет!

– Скажи пятнистому дылде, я остаюсь. Пусть он уходит доедать свои ягоды. Что у него с лицом?

– Он конопатый. Ты таких не видела?

– Откуда же?

– Будь он на Земле, свёл бы их за несколько дней, но тут, видишь ли, ему всё равно, как он выглядит. Девушек в подземном городе по любому нет, а он штрафник первого года службы и ему пока что нет выхода даже в ЦЭССЭИ. Лишь в горах и гуляет.

Она видела, нескрываемое торжество озарило его лицо, едва он понял, что никуда она уже не уйдёт. Только он не понял настоящей причины её пассивности. Она вдруг представила Элю, которая и будет с ним спать в её жилье, едва она покинет «Лучший город континента».

И ведь серьёзно собралась уйти, но он, связанный с нею той самой мысленной и внепространственной связью, учуял это и перекрыл ей все выходы для бегства, а потом уже позвал в своё подземное убежище. Проницательный, а самого главного так и не узрел, не догадался.

Она успела выяснить, что не Инар Цульф первым прибежал к нему, чтобы выдать замыслы о побеге. Сам Рудольф вызвал Инара в наземный «Зеркальный Лабиринт», а уж там тот и выдал всё. Когда Нэя потребовала от Цульфа объяснить своё поведение, он уверил, что не собирался ни о чём господина Руда-Ольфа уведомлять, поскольку она для Инара Цульфа в приоритете перед всеми остальными. И причину этого госпожа Нэя знает. Но, видимо, госпожа Лата-Хонг, весьма часто по своим служебным делам и навещающая «Зеркальный Лабиринт», сообщила господину Руду при встрече, возможно, и случайной, что видела взволнованную госпожу Нэю-Ат в приёмной Главы Хоз. Управления в Администрации «Лучшего города континента», чем и была обеспокоена. Ибо только экстренные события и могли стать причиной для посещения владелицей «Мечты» апартаментов Инара-Цульфа. Кому же неизвестно, что для подобного

контакта существует целый штат служащих госпожи Нэи? И личное её появление в Администрации есть свидетельство некоей экстренной ситуации. Факт же осведомлённости Латы о наличии взаимосвязи «Мечты» и некоторых влиятельных особ из «Зеркального Лабиринта», не на совести Инара Цульфа. Это лишь свидетельство автономной деятельности влиятельной особы Латы-Хонг, у которой свои задачи в «Лучшем городе континента».

Наверное, и о последней встрече раздосадованной Нэи с Главой Хоз. Управления Лата тоже донесла в «Зеркальный Лабиринт»? Для Нэи даже самые мистические стороны бытия требовали своего объяснения конкретно существующими реалиями. Лата слишком хорошо и даже роскошно на показ жила, чтобы не быть при этом многоцелевым агентом многих структур в «Лучшем городе континента», проще говоря, доносительницей. И если бы не Инар-Цульф, а также сама Нэя, Эля ни дня не удержалась бы в пределах стен закрытого мира благополучия и научных тайн. Что будет делать Эля без неё в огромном здании «Мечты», на это воображения Нэи уже не хватило. Иви была отброшена из-за своего непоправимого легкомыслия. Не Лата же, в самом деле, станет её заместительницей?

Когда свободный выбор приводит к неволе

– Я останусь, – повторила она и сжала лепестки своих губ

в наигранное высокомерие, а уж как вышло, она не видела себя со стороны. – Лишь затем, что я очень любопытная. И смелая. Поэтому я тебя не боюсь нисколько. Но я всё равно решусь в скором времени покинуть «Лучший город континента». Мне надоело шить и украшать своим творчеством других. Создавать наряды для походов в Храм Надмирного Света другим счастливым. Мне необходимо заняться тщательной подготовкой к акту создания уже собственного семейного союза. А здесь мне не дадут этого сделать...

Она смолкла, поймав себя на том, что стиль речи Инара Цульфа и Латы-Хонг как-то странно успел повлиять и на её собственную манеру общения. Бюрократическая напыщенность и обтекаемость фраз встраивались в её речь почти бессознательно. Ведь все окружающие её люди, живущие в «Лучшем городе континента», так и общались меж собой. Это был особый язык, отличный от затейливости аристократического сословия, но и мало похожий на задушевенную или грубую простоту обычных людей. Как говорил когда-то Тон-Ат: «Имитатогенность всякого человека есть природный факт, но не отменяемый и для всех уровней социальности».

Рудольф не дал ей договорить, – Зачем покидать? Зачем разорять столь дорого тебе доставшуюся «Мечту»? Я не трону твою текстильную мастерскую – твою «Мечту», даже если ты создашь с другим человеком то, что обозначила как семейный союз. Ты так и будешь тут жить и работать. Я не

буду возражать.

Она усмехнулась, – Не будешь возражать? Чего ж тогда столько сил приложил к моему вселению сюда?

Он ничего не ответил. И она отлично знала, что они оба с каким-то извращённым самоистязанием врут друг другу. Он никого уже не потерпит рядом с ней, а ей никто не заменит его.

– В этом случае я пойду в Храм Надмирного Света с тем же Чапосом, почему же и нет? Ты возьмёшь себе Элю. Милый получится обмен жёнами и мужьями, не правда ли?

– Мне всё равно кто. У функции могут быть разные лица, но я говорю тебе о любви. Любить я смогу только тебя. Пока я здесь, конечно. Но я не стану тебя удерживать против твоего желания. Повторение того обоюдного садомазохизма, как было с Гелией, уже невысказано. У тебя есть пара минут на обдумывание. Глеб всё ещё ждёт тебя у скоростной подземной машины. Но когда он уйдёт, я не буду звать его повторно.

Как реально когтистая лапа, Нюю раздирало непереносимое противоречие, любовь и ужас от её окончательной потери. Уйти это означает лишь одно, – оставить «Мечту», но кому? Эле – выскочке и полной неумехе?

Надменная статная Лата, откровенно влюблённая в Рудольфа, тут же повторно вклинилась в её мысленный поток, будто предлагая себя в качестве замены. Но Эля моложе, легче и по своей натуре, и по своей фигуре, куда как соблаз-

нительнее и доступнее в этом смысле. Поэтому с лёгкостью выпихнула Лату из взбаламученных мыслей Нэи. Конечно, Эля найдёт себе штатного модельера, так ли уж оно и трудно? Для Эли, давно уже вошедшей во все тонкости подобной сферы деятельности, ничуть. Останется только имя «Мечта», останется само здание и все её воплощённые затеи с её же огромными затратами. Без неё всё сползёт в банальное ремесло. Не сразу так случится, – когда ещё Элю раскусят рафинированные клиентки, а уходить самой Нэе придётся. За стенами будет легче свыкнуться с тем, что его нет, и не будет уже в её жизни...

Из гордо вызывающих, лепестки её губ бесформенно расползлись, как и бывает у плачущих женщин, теряющих контроль над собой. Он привлёк её к себе, жадно целуя губы и опровергая собственную ледяную жестокость.

– Смотри, какую роскошь я тебе заказал. В местном, как ты говоришь, «доме яств», дорогом, но вкусном. Не хочешь? Конечно, столица избаловала тебя своим изобилием, а тут нет тех простонародных рынков, где ты покупала себе рыбку на обед.

Ласка тотчас же была обесценена насмешкой над прошлой её неустроенностью в столице, – Прошу, не упоминай про рыбу! Тошнит при одном только представлении о ней...

Он застыл, обдумывая её странное признание, – А вот попробуй мороженое. Десерт от Франка, нашего кулинара по вдохновению. Я тоже буду.

Она едва притронулась к тому, что он назвал мороженым, поскольку от непонятного лакомства заныли зубы. К тому же нарастающее беспокойство наполняло её как едкими клубами дыма и мешало не только насладиться едой, а просто и вкуса лишало.

– Скисшие сливки? Почему они сладкие? И жутко холодные...

Кристалл на его безымянном пальце казался почти чёрным, и только редкие искры играли в его гранях. То лиловые, то красные.

– Сними его. Я не люблю, когда мужчина украшает себя драгоценностью...

– А это и не драгоценность. Как же ты забыла старого и шипастого приятеля? Это, если ты в состоянии понять, мой соглядатай, а также незванный соучастник во всяком моём пиршестве. Иногда я не против его присутствия, чтобы тот, кто через его посредство соучаствует в недоступных ему удовольствиях, корчился от их неполноценности для него лично. Поняла хоть что из того, что я сказал?

– Я тебя поняла. Хо-хо! Отлично!

– Не говори так! Где ты увидела это хо-хо? Чего отлично? Я тебе ещё покажу, как бывает хо-хо отлично! А ещё аристократизмом своим важничаешь. Обороты речевые как у... шлюхи!

Нэя оторопела от его гневной вспышки, – Что же делать, если я поневоле впитала в себя все изыски квартала «Крутой

Берег», где и выросла. А там у нас все так говорили...

– Ты уже давно не там, а здесь.

– Так и ты не особенно склонен к изыскам. Не уважаешь меня настолько, что унижаешь через слово... – Вкус к лакомству пропал окончательно.

– Достаточно того, что я тебя хочу, для чего уважение не обязательно.

Поняв, что обольщаться уже нечем, она набралась решимости, соскользнула с его коленей и направилась к выходу. – Открой! Я не хочу твоих ледяных угощений и тебя тоже не хочу! Играй со своим Кристаллом наедине! Без меня.

– Выходи, если сумеешь, – ответил он. Но панель выхода была монолитна со стеной, и как её отворить, она и понятия не имела.

– Выпусти меня!

– Не торопись, а то уже на выходе из «Зеркального Лабиринта» будешь жалеть об этом. Только я в отличие от тебя о твоём уходе не пожалею никогда! Другого шанса я тебе уже не предоставлю.

Между чем и чем был выбор? С одной стороны – «Мечта» и тот, к кому она стремилась столько лет. С другой стороны – такая масштабная утрата лишает смысла саму её жизнь. Куда уходить? К Реги-Мону? Не к Чапосу же в самом деле...

Эликсир Ласкиры это ключ во владения Чёрного Владыки

Он открыл третью стену, и за ней она увидела помещение, в котором находилась обширная и странная по виду постель, а также зеленовато-зеркальная душевая кабина. Больше в помещении не было ничего.

– Прогулку и купание в озере отложим на потом. Я и так слишком долго терпел твои игры...

Внезапно открывшийся отсек озарял яркий свет, от которого стало резко глазам, привыкшим к мягкому освещению того места, где они сидели только что. Она хотела попросить его сменить освещение, но он сказал, – Иди же, прими душ...

– Я утром искупалась, – ответила она.

– Я хочу, чтобы ты была чиста, как та девочка – надводный цветок, которую я и увидел впервые в реке. Раз уж ты не захотела искупаться в горном озере, куда я тебя приглашал, соверши это символическое очищение от всего прошлого и неисправимого.

– Я чиста, – сказала она, – и пусть все твои подозрения при тебе и останутся, если уж ты настолько неисправимый. Но я с охотой искупаюсь лишь ради своего удовольствия...

Нэя уединилась в небольшой душевой кабине. Внутри стены оказались матовыми, непрозрачными и бледно-синими. Глядя на них, она вдруг вспомнила о бабушкином фла-

кончике. Смыв остатки краски с ресниц, тщательно ополоснув рот, она поспешно достала из сумочки то, о чём так и не вспомнила в течение всего их затяжного общения, Стоило ли так терзаться, когда снадобье от любых переживаний покоилось возле её бедра? Открыв пробочку, опрокинула содержимое флакончика в рот, тут же поперхнувшись и вспомнив, что бабушка говорила лишь о паре глотков. Но ощущение было как от простой воды. Никакого ощущения. Она потрясла флакончик и поняла, что он опустел. Сколько же глотков она опрокинула в себя, если пила залпом?

Непонятная сила вдруг пихнула её в сторону, так что она едва не стукнулась лицом о стену, и сердитый бабушкин голос произнёс у самого уха, – Замарашка! Ты лицо-то отмой, как следует! И сколько раз я говорила тебе, не разрисовывай себя как бездарная дешёвая кукла! Вот и инструкцию мою забыла! Два глотка! А ты хлебнула залпом как усталый рудокоп после работы! Но и тот пьёт воду, а ты... – Нюю опять кто-то шлёпнул, будто строгая старшая мамушка стояла рядом. Но Ласкира не могла прийти из Надмирных селений. В душевой кабинке Нэя находилась одна. У неё едва не отключилось сознание от нереальности происходящего. Она покорно умыла лицо. Было чувство, что все мысли вытряхнуты из неё. Мысли отсутствовали.

– Вся мойся, вся липкая и сладкая. Чего ты так потеешь как от предсмертного ужаса!

Почему она была липкая и сладкая вся? Нэя торопливо

подчинилась невидимке, стаскивая платье и боясь, что Ласкира дёрнет за рукав и порвёт его. Даже в такую минуту ей было жаль своего лучшего платья. Она стащила с руки браслет, отданный Элей, и для чего-то выкинула его прочь за пределы душевой комнаты. Выйдя оттуда, она скользила по полу, как если бы повсюду была разлита вода. Однако, сознание работало чётко и ясно. Она увидела, как Рудольф поднял браслет с пола и сдавил его, расплющив в кулаке.

Она стояла перед ним в своем любовно подобранном белье. Он оглядел её, чувственно оскалив рот и сузив глаза, как происходило лишь в машине во время «сеанса насыщенного секса». Что касается тех же самых сеансов, происходящих в её «Мечте», там царил ночной полумрак, – Снимай!

Нэя подчинилась, и он отбросил кружева на пол, как тряпку.

Её сковал ледяной холод, но при этом его поведение не вызвало в ней ни малейшей оценочной эмоции. Она безразлично наблюдала, как он стащил через голову майку со скорпионом, и скорпион вдруг опять зашевелился как живой, изгибая свой хвост. Наблюдая её дрожь, Рудольф вытер с неё остатки воды этой майкой, после чего молниеносным движением освободился от всего остального. Нэя увидела его атлетическую совершенную красоту при свете и полностью. Прижав её к себе, он сказал, – Покажи, как ты скучала, моя девочка, мой надводный цветок...

Но, даже видя всю неприкрытую яростную похоть и вели-

колепную статью своего возлюбленного, – или же только партнёра для предстоящего «сеанса насыщенного секса»? – она безучастно смотрела в его глаза.

То, что вызывало прилив радостного возбуждения в тесной машине, в его ласкающих объятиях, то, что было счастьем и наполнением в её приглашенном кристалле, сейчас не вызывало ровным счётом ничего. Ни ответного влечения, ни неприятия. Было ли это от яркого и в то же время мертвенного света отсека, но она отстранённо подумала обо всём происходящем как о непристойности и животной неприкрытой сути всего того, что и есть любовь полов.

Как же прежде могла она видеть в устремлении к себе того, пугающе огромного, чему умела давать только ласкающие обозначения, неуместные сейчас, нечто красивое и желанное? Не было никакой любви к тому, что и было к ней прижато и пульсировало где-то у самой её груди, сливаясь с пульсацией, словно падающего вниз, сердца.

– Что с тобой? – прозвучал его тревожный голос у самого её уха. Он прижал губы к её губам и резко отпрянул, – Что это... что за дрянь ты пила? Мать Воду?! Но откуда ...

– Ласкира дала, – пролепетала она, отворачиваясь. Это существо и тот человек из машины и последующих снов – не снов, они были разными.

– Пусти, я уйду, я лучше забуду тебя! – Нэя упиралась руками в его грудь, не допуская опасного приближения. – Мне уже не нужна твоя пирамида из хрусталя! – но сзади

была странная постель, и она села.

– Что случилось, лягушонок? – спросил он, вглядываясь в её расширяющиеся зрачки. Синие глаза стали почти чёрными, – Ты благоухаешь, как надводный цветок... у меня даже голова туманится...

– Сам же хотел, чтобы я и стала надводным цветком...

– Но ведь... Мне известно, что из его вытяжки некие умельцы готовят некий эликсир, добавляют его в состав напитка Мать Вода, маскируя какими-то фруктовыми добавками. Где ты умудрилась нахлебаться этой дряни?! Ты решила усилить феерическую разрядку? Но ведь она и без того превышает все пределы допустимых ощущений... – он погладил её грудь.

«Со своей умопомрачительной грудью и с такой ярко выраженной и пахучей сутью самки, а при этом обладая личиком фарфорового безупречного ангела, ты способна любого превратить в своего раба... Никуда я тебя уже не отпущу. Набегалась, хватит, пора платить по счетам», – кто произнёс эти слова? Рудольф в это время молчал.

– Ну, чего ты опять задёргала своими лапками, лягушонок? – замурлыкал он. – Опять хочешь меня ударить? За что же теперь, если я обеспечил тебе, пусть и не аристократический комфорт, но желанное удобство? Разве эта постель не роскошь? И мы тут совсем одни...

– Мне не нужна твоя постель, – холодно ответила Нэя. – И все твои представления об аристократической роскоши есть

нелепость и пошлость простолюдина!

– Решила усилить любовные переживания? – спросил он. – Но они с лёгкостью могут перетечь в подлинное уже сумасшествие. Надеюсь, ты не припрятала где-нибудь нож? Тот самый, который держала у себя под подушкой в «Мечте»? – после этих слов он удалился в душевую кабинку, где и перетряхнул её платье. Из сумочки выпал флакончик Ласкиры. Он поднёс его к носу, потом полизал остатки содержимого, – Что это? По вкусу похоже на минеральную водичку...

– Это эликсир жрицы Матери Воды, – ответила она равнодушно. – Не стоило бы тебе прикасаться к нему. Даже капли достаточно, чтобы очутиться в мирах Мать Воды...

– Откуда он у тебя?

– Из прошлых лет, которых уже нет, но вот вещи остаются...

– Хорошо хоть, что ты пришла не затем, чтобы меня убить, – сказал он.

– А я похожа на убийцу?

– Вопрос неправильный, потому что ответ очевиден.

– Зато ты похож.

– Почему же? Разве ты видела убийц, чтобы лицом к лицу?

– Как же Чапос? Влюблённый мутант. Или Нэиль, который тоже убивал.

– Твой старик тоже убивал людей. Тебя любят душегубы.

– Отчего так?

– Хотя припасть к твоей чистоте и исцелиться, поскольку ты Звёздный ангел, наделённый к тому же светоносной плотью. И не верь мне, когда я это отрицаю. Полечишь меня? Я отдам тебе всю ту черноту, которой накачала меня Паралея от пяток до самой макушки, а ты только дашь мне необходимое облегчение, а сама останешься такой же светлой, как и была, как есть... – он прижал её к себе.

– Я хочу к себе, в «Мечту». Не трогай меня... где тот человек, проходящий ко мне ночами? А тебя я не хочу видеть... – из потемневших расширенных глаз опять безудержно полились слёзы. Он наблюдал её слезотечение, будто она была куклой с механизмом плача и выделением влаги. Он слизнул её слезы языком, пробуя на вкус. – У тебя даже слёзы сладкие, – только и сказал он.

Слёзы снимали напряжение, ей стало окончательно безразлично, что произойдёт.

– Мне настолько безрадостно тут жить, – признался он с такой неподдельной безысходностью в голосе, что она уловила в себе некую тень жалости к нему.

– Но влечение к тебе вовсе не есть следствие этой скуки инопланетной, – продолжал он, – Я искал тебе уже на Земле. Но видимо, за все мои прошлые земные проделки Всевышний не счёл меня достойным такой вот девушки... Когда я попал сюда, ты пришла ко мне однажды, моя грёза, и я впустил тебя в свою душу уже тогда. Здесь другие Боги и я решил, что несмотря ни на что, они благоволят к пришельцам.

Ты будешь моим исцелением, мой надводный цветок...

Она уже с безразличием подумала, как ей не хватало прежде таких вот признаний. А теперь она слушала его, как могла бы слушать шелест дождя, плеск речных струй, шёпот листвы, перебираемой ветром. Отстранённо и без наделения этих звуков даже малейшей одушевлённостью...

Он прикоснулся к её губам, в его пальцах было что-то, похожее на крошечный ледяной кристалл, и он тут же растаял в её рту, а губы стали как замороженные.

– Но если тебе важны слова, то я люблю тебя... Ты ведь столько ждала этих слов.

– Любишь? А я уже нет.

– Ты не успеешь и пару раз моргнуть своими бесподобными глазками, как эта дрянь, что проникла в твою кровь, будет нейтрализована.

– Неужто, ты волшебник, в самом деле? И даже сама Мать Вода ничто перед твоим заклинанием?

– Я не подданный твоей Матери Воды, и все её ухищрения ничто перед могуществом земной науки.

– При чём тут твоя земная наука? Даже такой маг как Тон-Ат был не всемогущ над законами нашего мира.

– Он и в своих манипуляциях над твоим сознанием оказался бессилён. Ведь ты так и не забыла меня, как ни старался он усыпить твою память обо мне.

– Значит, не того и добивался, – Нэя погладила его мускулы и ничего не ощутила. Точно также она могла бы погла-

дить какую-нибудь уродину из Парка Скульптур.

– Мы будем с тобой нежничать, любоваться друг другом,... – прошептал он ей в уши. – Нам будет хо-хо отлично! Ты же согласилась прийти ко мне. Убедишься, этот сеанс насыщенного секса и будет таким вот «хо-хо отлично»!

– Что ты прицепился к этому детскому выражению? «Хо-хо – отлично»! – так мы играли в детстве. Что творится в твоей голове или душе? Ты точно не душевнобольной?

– Ещё какой здоровый! Здравомыслие давно уж трансформировалось в вашу всепланетную расчётливость и подлую корысть. За всё надо платить. У вас же нет ничего бесплатного.

– Ни за какие деньги не купить любви, – она коснулась его губ, и ей захотелось стереть его улыбку вместе с его же лицом, – Отпусти! Я тебя разлюбила. Меня не привлекает любовь, превращённая в товар...

«Твоя без проблем и сытая жизнь, которой ты не ведала в столице, это что? Это и есть то, чем он оплатил свой личный досуг. Ему было нелегко продавить свою волю среди жадных, хитрых и своекорыстных насельников как бы Лучшего города континента. Каким образом ты смогла бы попасть сюда без его на то желания? Тут так называемый элитный мир, куда пропускают лишь умнейших и самых нестандартно одарённых людей Паралеи. Ему пришлось защищать тебя от их посягательств, от их неутихающего желания тебя выкинуть за стены как нечто тут инородное. Сами жрецы Надмирного

Света не смогли пролезть сюда и завладеть тем зданием, где ты развела свой соблазнительный и звонкоголосый питомник. Они даже обратились с жалобой в самую Коллегию Управителей. И что? А ничего. Тут власть несколько другой уже Коллегии. Тут собран совокупный интеллект мира Паралеи. А ты со своей «Мечтой» мнишь себя тут значимой? Для них твой чудесный балаганчик с показом изысканных прелестей настолько ничтожное, хотя и чарующее баловство, что они мирятся с ним лишь ради скудоумия своих любимых жён и дочерей. А вот сугубо тайный и закрытый его отсек исключительно важен ему. Ради личного интима он всю эту декорацию и соорудил. Но изысканный интим с кружевной феёй того стоит...», – слова, не являющиеся словами в прямом смысле, напоминали течение реки, подвижная поверхность которой держала её на себе как стекло.

– Если бы я знала....

«Ты всё знала. Ты уже не прежняя девочка из квартала «Крутой Берег....»».

– Оцени, как мне было важно дать тебе настоящую радость творчества и наполнение твоей жизни значимостью, – произнёс Рудольф. Внезапно Нэя сделала попытку куснуть его, едва он прикоснулся к ней губами.

– Ах ты, кусачий лягушонок! – возмутился он и сжал её руки в зажиме своих ручищ. – Я разрешил тебе быть только певчей птичкой. Если позволишь такое ещё раз, я...

– Вышвырнешь наружу? Но ведь именно этого я и хочу.

– Всему своё время. Я не наигрался...

«Твой звёздный моллюск был прав. Этот пришелец расист, он презирает тех, кого считает низшим сортом людей. То время, когда ты была для него исключением, ушло. Ты такая же, как и те особые девы, что здесь побывали. Знаешь, сколько их тут было? Никто счёт им не вёл, не считал, их имён и лиц не запоминал. Но если ты подумала, что речь о нём, то это не так. Тут же общая приёмная для общих женщин. Ты просто очередная из них, но выбранная им для его изысканного досуга».

Нэя вглядывалась в пустые углы отсека, пытаясь понять, где тот, кто это нашёптывает? Рудольф точно таких вот странных текстов не произносил.

– Так ты после волшебной Гелии общался со шлюхами?! – Нэя изобразила самую возможную для себя презрительную гримасу.

– Ты же хотела сказать «после волшебной меня», а Гелию ты давно уж вычеркнула из памяти. И правильно. Я тоже к тому стремлюсь.

«Я же тебе сказал, а я говорю всегда внятно в отличие от тебя, что тут всеобщий павильончик для сексуальных утех. Я же не о нём говорю, а о нравах этого тайного и чистого воинства. Ты же их тут видела? Чистые мужчины с чистой кожей и с чистыми мыслями. А он над младшим составом старший, следовательно, для всех сияющий образец, поскольку стремится соответствовать вшитому в него кодексу поведения.

Поэтому после «волшебной тебя» он и не мог пользоваться шлюхами».

– Кто ты? – спросила она почти беззвучно, еле шевеля губами, как-то сообразив, что тот, чей шёпот она слышит, ей ответит.

«Чёрный Владыка, мой надводный цветок, хотя и сорванный не мною. Но пока что ты свежа и бела, а твой диковинный аромат не утрачен, ты вполне сгодишься как выкуп за несчастную и предавшую меня Ласкиру, не забытую мною. Их было очень много, моих белейших и одушевлённых надводных цветов, но всякий рачительный хозяин всегда помнит в лицо свою драгоценность. Пусть посторонним и кажется, что их не перечесть».

– Кто я? Придётся тебе о том напомнить, – Рудольф опрокинул её на обширную поверхность постели. Она раскинула руки и... ощутила лишь желание уснуть.

...Очнувшись, она не могла понять, сколько времени прошло, несколько мгновений или же день давно сменил утро? Во всём теле ощущалась поразительная лёгкость, но притупленное восприятие окружающего так и осталось. Она опять увидела Кристалл Хагора на его руке. Он бережно гладил её грудь.

– Так я не умерла? Уже хорошо. Плохо лишь то, что ты рядом. Жаль, что Ласкира не отдала меня в жрицы Матери Воды. Как было бы хорошо не знать тебя никогда. Почему она не дала мне этот эликсир в те дни моей юности, когда

я была настолько влюблена в тебя? Нэйль остался бы в живых...

– Я нашёл бы тебя повсюду, где бы ты ни оказалась.

– И что? Ты нашёл бы ещё одну Гелию. Жрицы Матери Воды не способны испытывать любовь к мужчине. Если такое происходит, их ожидают бедствия и страдания, а потомство подпадает под проклятие Матери Воды. Если, конечно, оно родится. Редко какой из жриц удаётся выносить нормальное потомство. Они так и остаются возлюбленными Чёрного Владыки, а он не терпит соперников...

– Ты не жрица. Никакой владыка, чёрный он, белый или крапчатый, тебе угрожать не может.

Так и не дождавшись её отклика на ласки, он перевернул её на живот и навалился сзади, будто массивной плитой придавил.

– Ты мне за всё заплатишь, маленькая сука! Я тебя проучу за твоё кривляние...

И она уже не поднимала головы, будто шея вдруг переломилась. Реальность опрокинулась в кошмар, где место Рудольфа окончательно занял Чёрный Владыка, пришедший из глубин Паралеи.

– Ласкира, – позвала Нэя, держа реальность за ускользающий край. – Ты подсунула мне эликсир безумия? Помоги же мне избавиться от этого кошмара...

Но могла ли её старая мамушка услышать и прийти ей на помощь из недостижимых Надмирный селений? К тому же

она сама нарушила инструкцию и опустошила весь флакончик в судорожной спешке. Она прижала лицо в шелковистую постель, ставшую «Синим рукавом Матери Воды», но без ощущения заливающейся в рот воды... Она плавно падала на самое дно реки, на мерцающие там пески... поверх её головы проплывали надводные цветы и застывали как изображения на стекле. Она даже ощущала щекочущее прикосновение отрывающихся лепестков к своей коже, не понимая, что это его поцелуи...

Он приподнял её голову от постели, может, проверяя её состояние, жива ли она? И Нэя увидела Кристалл, налившийся красным цветом как кровью, похожий на чей-то налитый чудовищной яростью глаз с холодным и страшным своей одушевлённостью зрачком – сгустком в глубине его. Камень пульсировал и ужасал больше того, что происходило с ней, он словно втягивал в себя её душу, её дыхание...

«Я умираю», – подумала она с покорной обречённостью. – «Вот как это бывает». Мозг не умел принять происходящего, и сознание стало покидать её, отказываясь служить, как и уже отключившиеся чувства. Но, застыв в этом состоянии уходящего сознания, она всё сознавала, плавая в красной плазме, будто вылившейся из Кристалла, натыкаясь на его раскалённые зловещие грани. Сколько так продолжалось? Она не знала.

– Тебе понравилось? – спросил он и полизал её ушную раковину, – Надеюсь, ты оценила моё старание, – развернул

к себе лицом, глядя в глаза и пытаясь уловить в себя её ощущения.

– Ты действительно оборотень. Чапос был прав...

– Опять с нами Чапос!

«Ну что, жрица? Тебе было хо-хо отлично»? – Чёрный Владыка мягко прикоснулся к её сосцам даже не губами, а дуновением, опять заместив собою Рудольфа. Описать его лицо не казалось возможным, словно бы над нею нагнулся некто в маске из полудрагоценного камня. Когда-то она видела точно такую же маску в далёком детстве в библиотеке отца...

...Бледно зеленоватая, с мерцающими прожилками в структуре камня, с прочерком пары морщинок, вроде выщерблин, на белейшем высоком лбу, маска смотрела на неё из хрустальной витрины. Крупные губы сверху были украшены накладками, выточенными уже из пластин алого камня. Вместо глаз длинные прорези. И едва она приблизилась, движимая детским любопытством, как нечто льдисто замерцало ей навстречу из этих тёмных провалов. Она, насколько помнилось, заплакала от страха. Отец открыл створки витрины и положил маску ликом вниз, бесформенной изнанкой наружу, чтобы доказать ребёнку, что это всего лишь искусная безделица, неживая. А саму Нюю прижал к себе, утешая...

Слова казались бессмыслицей, бредовым шумовым фоном. Чёрный Владыка растянулся рядом, и они уже вместе покачивались на водной глади той самой реки «Синий ру-

кав», но течение обтекало их и не уносило за пределы этого помещения. Вместо золотисто-розоватых песков пляжа реку окаймляли отчётливо зримые стены отсека. Ясная мысль озарила её отгадкой; все жрицы Матери Воды использовали особый эликсир, дающий им завидную энергию и избавляющий от избыточных и затратных эмоций. Выходит, и старшая мамушка Ласкира этим себя подпитывала? Чем и объяснялась её невероятная активность в тех условиях низинной и тяжёлой жизни, куда они и свалились со своих бывших блаженных высот, её заметная отстранённость от печалей и переживаний. Потому и не любила она никого, чтобы заметно выражено. Потому и выделяла Азиру как ту, кого хотела отдать Чёрному Владыке в услужение вместо самой Нэи. Да припозднилась со своим выкупом, и девочку – нищую хулиганку, но наделённую редкой притягательной внешностью и природной сообразительностью, не приняли в той общине, куда и возила её Ласкира. Отбраковали из-за того, что у той произошла ранняя менструация. Ласкира осталась должником перед Чёрным Владыкой, и ей сообщили, что её внучка так и останется лишённой женского счастья в пределах владений Матери Воды, то есть на планете Паралея.

– Я никого не хотел любить в этой абсурдной Паралее, раскрашенной вашим чокнутым абстракционистом Надмирным Светом, пока не возникла ты... И что значит этот глупец Антон, если я простил тебя даже за то, что ты отдавалась высушенному чешуйчатому перцу. Потому что я, а не

они, первым вдыхал твой девственный аромат. Всё прочее уже не имеет значения. Ты как была, так и осталась моей... – Рудольф как-то сумел оттеснить Чёрного Владыку, заняв его место рядом с ней.

– Замолчи же!

– Представь, эти прошедшие девять лет – полдень жизни и у тебя, и у меня, но ты забила как лягушонок в затхлый погреб колдуна, где и проторчала самый светоносный период своей молодости. Как же я был на тебя обижен!

«Совсем как капризный местный аристократ, у которого вырвали из рук чудесную игрушку, за которую тот заплатил огромную цену – свою собственную душу вынул перед тобою, протянул её тебе, а ты – хлоп! и пропала!» – прошептал ей то ли в ухо, то ли в самую душу Чёрный Владыка. – «И хорошо сделала! Он же вполне мог отдать тебя этому скоту, что вселился в надежде отведать лучшие и тончайшие из человеческих радостей, в коих ему отказано почему-то, но всегда получающего только удар по носу. А потом подумал, а вдруг после этого и прикоснуться к тебе уже не захочет? Но ему хотелось твоей ароматной любви, твоей не затисканной телесности. Поэтому он и влезал к тебе, как ночной тать, внушал твоей кукольной голове, что тебе снится. Ты ему верила?»

– Я тоже всего лишь забавлялась ради избавления от безотрадности... – ответила она, невольно проникаясь любопытством к таким вот странным откровениям.

– Мне хорошо с тобой. Не хо-хо отлично, а по-настояще-

му хорошо. А будет ещё лучше. Вот увидишь. Ты не забавлялась, ты влюбилась до умопомрачения после наших первых сеансов насыщенного секса... Легко ли всю свою молодость загонять желания в подсознание, строя из себя какую-то непорочную жрицу... Но те хотя бы получали отдачу в виде взаимных ласк и материальных благ от тех, на ком и упражнялись в своём искусстве, а ты проделывала подобное лишь с собственными грёзами, уж не знаю, чьим обликом ты их наделяла... Сознайся, что моим?

– Нет! Меня отвращали мужчины! И ты стал таким же...

– Я скучал все эти ночи, что провёл без тебя... – и он сжимал её грудь, елозил губами по её животу, не доставляя ей никакой радости. – Насытиться тобою невозможно!

– Не Чапос, а ты выползень из своих запредельных пустынь!

– И не мечтай о Чапосе. Я уже никому тебя не отдам. Ты будешь любить только меня.

– Нет!

– Будешь.

От пережитого и не вмещаемого, от его мурлыканья, но главное, от передозировки эликсиром жрицы Матери Воды, Нэю несло куда-то в забытьё.

– Ты опять спишь? – спросил он, вытаскивая её из потока -забытья, – но я же только начал...

Во второй раз он опять овладел ею, не встретив ни малейшего себе приветствия, желания открыться ему как прежде.

Она лишь стиснула зубы от своего бессилия перед тем, кто стал непереносим, как и сам процесс того, что он иронично называл «сеансом насыщенного секса». Ничего подобного прежней страсти не возникло от слияния как самих тел, так и обоюдно мутных чувств. Это был именно что провал в некое сумрачное зазеркалье, где всё шиворот навыворот, и сила, затаскивающая её туда, ощущалась как некая третья, не поддающаяся пониманию, как и всякий абсурд...

Однажды случилось с ней в Архипелаге, когда внезапно очнувшись, она увидела над собой в ночном полумраке склонённого старого мужа, чьи чеканные и резкие черты проступали сквозь лицо желанного, а на самом деле отсутствующего рядом Рудольфа. Лицо же самого Рудольфа словно бы отслаивалось и стекало как тающее желе... Чтобы опять не увидеть чего-то жуткого, она зажмурилась.

Казалось, что у Чёрного Владыки, опять заместившего Рудольфа, никогда не закончится завод. Не было забытья, но не было и реальности в привычном её восприятии, будто душа провалилась в какую-то щель между двумя состояниями, не желая соучаствовать уже ни в чём. Наконец она услышала его животное рычание, но вряд ли он испытывал то, что можно было назвать любовным апогеем, невозможного без взаимности. Его грудь великана вздымалась, как от адской работы. Он отвалился от неё, но она не испытала облегчения, раздавленная тем, что произошло. На какое-то мгновение ей показалось, что эластичная поверхность прозрачной

постели повторно стала рекой, и опять без ощущения заливаемой рот воды. Уставшая и скомканная душа решила уйти из этого места, оставив её не только без чувствований, но и без зрительных образов.

«Когда же я очнусь»? – думалось ей. Мысль без физического самоощущения висела где-то над головой, в одной точке серого пространства. И если бы не искусственный свет, то всё вполне сошло бы за то, как и бывает в предутренних кошмарах, когда делаешь усилие очнуться, и уже наполовину удаётся, хотя взбаламученное подсознание и тянет в тёмную пучину к своим шевелящимся в нём монстрам. Она вдруг заметила, что стены помещения временами заметно вибрировали. Где-то работали колоссальные механизмы – искусственные органы колоссального живого города. Если бы эти стены ещё и истончились как подлинное сновидение, стало бы легче.

Ещё один персонаж Зазеркалья

– Что с моей головой? Всё плывёт и мерцает... Утешь хотя бы тем, что я сплю, и мы видим совместные сны...

– У нас совместный экстаз на троих, – ответил он, суя к её глазам Кристалл Хагора. Оттуда смотрели на неё чьи-то синие и пронзительно-печальные глаза. Одним ухом она уловила чьё-то прикосновение, словно домашняя кошка еле заметно прилегла рядом. Ня судорожно отодвинулась в сто-

рону. И хотя Кристалл не был таким уж огромным, сама геометрия окружающего пространства вокруг не соотносилась ни с чем привычным.

«Ты просто не въехала в экстремальное наслаждение», – произнёс Чёрный Владыка ласкающим голосом Рудольфа, будто перед этим они предавались нежнейшим играм, а не тому ужасу, объяснить который она не могла. – «От того тебе так непривычно».

– Если честно, я уже отвык так играть со своим всегда незванным и всегда неожиданным партнёром. Да и он, звёздный хамелеон, похоже, уже не стремится вкушать то, к чему у него нет никаких приспособлений. Он же Гелию любил, а к тебе не привык ещё...

– Ненормальный!

– Да, есть немного. Что же ты и хочешь, если в «Созвездии Рай» давно не имеется репродуктивной функции у мужского поголовья. Всё отсохло. Такова им плата за вечность.

– Ты ненормальный. Ты!

– А я думал, ты о плохом мальчике Хагоре.

– Хагор? Я не вижу тут Хагора.

– А его и не надо тебе видеть. Достаточно того, что он тебя видит. Тебе приятно, что я сказал? Вначале и я ужасался подобному экстремальному зависанию в том, чему пока так и не нашёл определения. Но все болезненные ощущения я уже давно научился сбрасывать тому, кто и присасывается ко мне время от времени. Мне максимально возможное уси-

ление всех ощущений, а ему удар в его жалкую черепашку. – Рудольф со смехом подбросил Кристалл высоко вверх и ловко поймал. – Эта штука может усилить все мои возможности многократно, но в качестве платы требует иногда эротического действия ради созерцания больше, как я думаю.цени, что именно тебе я открыл свою зловещую тайну. Никто ничего не знает об этом. Да и не поверил бы никто.

– Предатель! Ты превратил нашу любовь в непотребное зрелище для какого-то чудища из чужого мира, а ещё радуешься...

– Чего же я предал? Разве я отдал ему тебя? Нет. Ты как принадлежала, так и принадлежишь только мне. А он заперт в своём Кристалле без шанса проникнуть по-настоящему в твою сокровенную и бесподобную глубину. Если только кое-что и кое-как почувствовать, да и то... Убогое удовольствие, я думаю.

– Зачем тебе это?

– Всё равно, что спросить, зачем тебе болезнь? Для меня Гелия всегда была такой вот болезнью, разновидностью насилия. Я её не хотел, но она стала частью меня. Она тоже не хотела меня любить, но не отпускала, разрушала изнутри. Так и я теперь стал частью тебя. И если ты будешь любить меня, невзирая ни на что, мы исцелимся с тобой уже совместно.

– Ненормальный!

– И ты, и я, мы с тобой попали в игровое пространство

сумасшедших с нашей точки зрения пришельцев. Они погубили твою семью, ухватили своим щупальцем меня... Нам с тобой, как спасательная шлюпка, дана кем-то свыше взаимная любовь. Так что не будем от неё отказываться, пусть она и долбанула нас по лбу, всё же это шанс не утонуть. Надо лишь постараться в неё вскарабкаться. Хотя и не исключено, что тот берег спасения, куда мы и стремимся, та же самая игровая затея той же самой непознаваемой силы. Я не могу обещать тебе счастливого конца, поскольку не я сочинитель всей этой истории...

– Пить хочу, – попросила она, рот пересох. Он встал. Она слышала, как он принимал душ по звуку льющей воды, но глаз она не открывала, прижав лицо в странную поверхность постели. Потом он вернулся, поставив высокий бокал на пол. Мягко и заботливо протер её интимные места чем-то колюще-ледяным. Она дёрнулась от холода, и он, взяв бокал, протянул ей. Она увидела, что это тот самый сок «гранат» и через усилие выпила, кривясь. Не допив, стукнула его по руке, все ещё продолжающей держать бокал. Бокал упал, залив ей грудь и живот тем, что в нём ещё оставалось. Рудольф стал слизывать сок с её кожи. Поняв, что ласки продолжаются, Нэя лягнула его ногой, чтобы он не вздумал продолжить и всё прочее. Нога была схвачена со специфической игривостью и смехом. Он ещё и смеялся!

– Только попробуй! – зашипела она, – Я тебе точно перекушу горло!

– Не сумеешь. В тебе нет хищности, и зубки у тебя маленькие, нежные...

«Должна же ты и понять», – произнесла ей на ухо Ласкира, невидимая, но возникшая как зримый образ для Нэи, – «Что за моё отступничество это и не кара, а так, лёгкая выволочка. Чёрный Владыки оценил тебя по твоему достоинству. Ты теперь стала его любимицей. Он позволит тебе познать то, чего не познает ни одна из живущих тут женщин».

– От этих странных даров я бы предпочла отказаться. Не ощущать его прикосновений уже благо!

«Разве его страстное устремление к тебе не благо? Есть женщины, готовые отдать полжизни, чтобы испытать хотя бы часть того, что он столь щедро отдал тебе».

– Он это тот, кто отсутствует в этой постели, если по видимости?

– Не о себе же я говорю в третьем лице, – отозвался Рудольф.

Вернулась относительная ясность понимания, где она и с кем, – О чём твоя речь?

«О Чёрном Владыке», – шепнула Мать Вода голосом отверженной жрицы Ласкиры.

– О Хагоре, – ответил Рудольф.

– Ну, вот, ты уже не прячешься за чужими лицами, и это уже благо, – ответила Нэя, обращаясь к Мать Воде, игнорируя Рудольфа.

«Разве лицо твоей старшей мамушки чужое для тебя? Я

заменила тебе мать, я отдавала тебе всю свою возможную любовь, заботу и работала на износ ради тебя. Всякая очередная жрица есть лишь очередное моё воплощение, и в каждой из них я проживаю свою жизнь. Я как была, так и осталась твоей Матерью, а душа всякой жрицы принадлежит моему мужу Чёрному Владыке, как и сама я принадлежу ему. Но ты всегда была непослушной. Вот и теперь ты выпила залпом весь флакончик, а винишь опять же меня в том, что тебе плохо. И лишь ради того, чтобы ты не умерла, дурёха, я и отправилась к Чёрному Владыке, чтобы он не допустил твоей душе попасть туда, куда ты её едва не ввергла»!

– В отличие от твоего колдуна, я всегда тот, кто я и есть, – здраво рассудил Рудольф, поскольку не наблюдал рядом с собой никого другого, кроме Нэи, – Не твой ли лжеотец – защитник и подарил тебе ёмкость с таким вот бодрящим напитком? Я от тебя такого не ожидал...

– Если тебя любят душевно сдвинутые особы, то ты точно им по душе родственник.

– Ты всего лишь сглупила, не переживай. Ты в полном здравии. И в самом расцвете своей женской и неземной красоты. Да и какая тут может быть другая красота? Только неземная.

– Я половину твоего бормотания не понимаю. Но и не жалею о том.

– Нет, Хагор уж точно не соучастник, скорее бессильный созерцатель, а вот сам Кристалл каким-то образом усиливает

в разы сексуальные переживания. Жаль, что отдача потом ударит с неизбежностью. Точно так же, как если бы кто со всего размаху по лицу вдарил, когда не ожидаешь. И тут же накрывает опустошённость и омерзительная тоска. И в этом смысле тебе будет потом намного легче, чем мне.

– Как мне хочется самой тебе вдарить!

– И не пытайся, – он поднёс к её глазам Кристалл. Тот был на диво прозрачен, ясен, и вся прежняя его чернота куда-то делась. – Пока на мне этот скол чужого бога, я неуязвим. Когда скину его, тогда и нападай. Иначе такую отдачу получишь даже без моего на то желания, что опять плакать будешь. Ручку свою искусную отшибёшь, а тебе своими ручками чудесными дорожить надо. Ты же труженица, не только красота неземная.

– Не устал ещё обзывать? – спросила она, не понимая значения слова «неземная», произнесённого на чужом языке. Ясно, что-то издевательское. Да вся его речь была разбавлена непонятными сочетаниями звуков. – Какая же отвратительная у тебя манера ругаться так, чтобы я ничего не поняла. Вроде, и лицо сохранил и обругал при этом.

– Обругать тебя невозможно никому, поскольку тобой можно только любоваться, – он снял со своей руки кольцо с Кристаллом и положил его для чего-то между собою и Нэей.

«Если бы ты, действительно, обронила тончайшие лепестки своего цветения, ты и не оказалась бы тут. А так, радуйся, это есть лишь оценка тебя как экзотического цветка – по-

рождения душевной и замусоренной оранжереи по имени Паралея. Я ещё поставлю тебя в твой, соответствующий тебе сосуд – украшение. А ведь многие в твои годы превращаются здесь в хлам. Но ты чудо, моя услада, за что я и оценил тебя», – прошептал ей Чёрный Владыка, и показалось, что маска на его лице дрогнула в улыбке. А поскольку происходящее не поддавалась разумному объяснению, но воспринималось как нечто реальное, то Нэя засмеялась.

Рудольф, обрадовавшись тому, что посчитал за проявление её ответного чувства, стал слизывать остатки сока с её кожи. Но ласка не вызвала вообще никаких ощущений. Ни приятных, ни раздражающих. Поэтому и драться с ним не имело никакого смысла.

В Кристалле снова возник чей-то синий глаз, ничуть не бывший игрой воображения, а настоящий и одушевлённый. Он был словно орошён мерцающей слезинкой и пялился из своего чуждого измерения как бы и с осуждением всего того, что и наблюдал.

Рудольф взял его и поднёс к своему лицу, – Ну что? – обратился он к Кристаллу, – опять плачешь от своей вселенской тоски? Так кто же кем управляет? Мне всё же кажется, что не ты.

Он долго вглядывался в Кристалл, после чего сказал, – Странно, но у него появился заметный скол, а ведь только что не было, – после чего он опять положил его на то же место, а сам наклонился над Нэей, нежно оглаживая её.

– Твой Кристалл укушен Чёрным Владыкой. За то, что он влез в его священное таинство соединения со своей избранницей. Хотя избранница его и не выбирала. Но чувства живой женщины ему не очень-то и важны, важен ритуал, как некий древний алгоритм для его подпитки, как я думаю...

– Опиши, по крайней мере, как он выглядит, – попросил Рудольф. – Чтобы я по возможности задвинул и этого соперника.

– Он не твой жалкий Хагор. Или ты думаешь, что Хагор всемогущ перед Владыкой планетарного ядра? Наверное, Чёрный Владыка мог и расплавить этот Кристалл, но почему-то не захотел. Всего лишь дал ему ощутить своё непредставимое превосходство.

– А жаль, что он его не расплавил, – заметил Рудольф, включаясь в новую игру, чем он и посчитал поведение Нэи.

И тут она, сделав вид, что идёт навстречу объятию, вонзилась в его спину ногтями и со всей возможной силой продрала ему кожу. Спина содрогнулась, и он откинул её от себя, ощерился, но позволил ей эту месть. От постели, от Рудольфа и от самой Нэи разило гранатовым соком. Запах и вкус граната впоследствии так и остался непереносимым, – Ногти у меня уж точно не хрупкие!

– Должна же и ты получить своё заслуженное удовольствие, – ответил он. – Но всё же не увлекайся и не развивай в себе наклонностей к садизму. Ты, как я заметил, очень любишь драться. И как правило тогда, когда хочешь запретить

себе получить удовольствие из ложно понимаемого аристократического достоинства в ситуации непреодолимого ответного желания. Бабушкины уроки оказались действенными. Только ведь твоя бабушка – жрица, предавшая свою богиню, не являлась аристократкой. Она родилась простолюдинкой.

– Не трогай мою бабушку! – потребовала Нэя. – Она, если потребуется, отомстит тебе, даже находясь в Надмирных селениях!

– Ей, когда-то тайной служительнице местного Эроса, не за что мне мстить, уж если я люблю тебя, её внучку. По возможности забочусь о тебе как отец родной.

– Не знаю я никакого эроса. Такого ложного божка тут не знает никто. Она была служительницей Матери Воды.

– В чём и разница? Суть та же самая, – оплодотворение, деторождение и всё тому сопутствующее.

– Мать Вода никогда бы не благословила ни одну женщину зачать ребёнка в таком месте!

Он с готовностью согласился, что место для любви не самое подходящее, – Сам не ожидал, что буду с тобой нежен даже здесь.

«Это же постель для блудных девок, для кобелиной радости здешних затворников» – прошептал ей Чёрный Владыка. – «У мужской природы есть очень существенный дефект, восполняя который мужчины и деформируют столь часто природу женщины. Так что в этом смысле ты, да и он, встали

с ними в один разряд», – Чёрный Владыка обнял её. – «И если я настолько плох, тогда признай, что и ты всего лишь недолговечная утеха из тех, о которых быстро забывают многие из мужчин, чтобы сохранить в себе человеческую значимость, не исключено что мнимую».

Она отвернулась от него.

– Признайся, что ты только притворилась злокой, лягушонок. Ведь тебе было хорошо? Скажи: да! – Рудольф, уже и привычно сменил Чёрного Владыку.

– Нет!

– А я всё равно признаюсь, что ты для меня лучшая во всей этой Паралее. Ведь не просто же так я тосковал о тебе столько лет. А если я признаюсь тебе, что в те ночи, когда ты видела меня как бы в своих снах, живя у своего колдуна-пришельца, я тоже обладал тобою, погружаясь в точно такие же транс уровневые сны? Кто их устраивал для нас с тобой? Как думаешь? Не твой ли Тон-Ат?

– Зачем ему?

«Ему было важно не дать вам забыть друг друга», – дал своё пояснение Чёрный Владыка. – «Ему необходимо твоё потомство от земных пришельцев. Он вычислил, что тот, кого ты и родишь, ему идеально подойдёт для его будущей цели. Как тебе такая версия»?

– Зря ты не выбрал тогда Ифису, – обратилась она к Рудольфу. Приди, Ифиса, забери его себе!

«Она отчего-то не подходит для целей твоего... как же его

обозначить? Отчим или муж? Друг и защитник, как ты сама говорила. Твой друг и защитник жаждет перезапустить сам процесс развития Паралеи. Ему необходимы именно земляне. А ты наполовину земная. Ты вобрала в себя всё изысканное, что есть у женщин Паралеи, и всё лучшее, что есть в земных женщинах. Так что, тебе не остаётся ничего другого, как заняться изготовлением совместных с ним детей».

– Я не собираюсь рожать ребёнка, чтобы отдать его Тон-Ату, – обратилась Нэя вовсе не к Рудольфу.

– Твоему бывшему защитнику и другу придётся горько разочароваться. Своих детей я ему не отдам! – ответил Рудольф.

– Нельзя отдать то, чего нет!

– Зато ты у меня есть.

– Я уйду от тебя. Сразу же, как ты меня отсюда выпустишь, я уйду из этого города навсегда! Ты выгрыз мою душу как оборотень из преданий Чапоса и выплюнул. Получается, он говорил мне правду... Зря я не поверила ему, – Нэя произнесла всё равнодушным голосом.

– Кто оборотень? Я? Да ты шутишь, я и не причинил тебе вреда. Потому что люблю тебя. Зачем ты вспомнила Чапоса? Он жуткий фантаст.

– Кажется, это тебе он не даёт покоя. То отдал бы, то не отдам никогда. Меня нельзя отдать, я не вещь.

– Он так стремился стать твоим женихом. Он действительно считает меня оборотнем. Сказал, что будет тебя ждать

всегда, чтобы исцелить тебя от недолжной любви ко мне, а также выправить свою монструозную природу, заполучив от тебя пригожее потомство, – Рудольф засмеялся. – Твой отчим не лишён своеобразного юмора, когда развлекался над ним, обещая отдать тебя ему. Отлично зная, что никакого потомства у носительницы земной крови от местного мутанта быть не может. Гибрид ангела с мутантом? Мутангел, – наконец он замолчал и не мурлыкал своих несносных открытий.

– Ты дала мне колоссальную разрядку, – сказал он вполне обычным голосом, – мне был необходим сброс напряжения.

Мечь Матери Воды, переданная по наследству?

Нэя даже и не делала попытки пошевелиться. Он опять напялил кольцо с Кристаллом, видимо, боясь её нападения. Вдруг в глаза уже кинется, как настоящая кошка? Его рука с Кристаллом легла ей на грудь, но в руке этой не было уже энергии желания. Она казалась тяжёлой, и Нэя не шевелилась под её гнетом. Вся память о ночах среди её осмеянных подушечек, как и девять лет ожидания провалились в ту самую щель, к Чёрному Владыке, что и открылась под воздействием эликсира Ласкиры. Не было прошлого, будущего, а только мутное настоящее под давящим ярким светом подземного отсека. Кристалл казался зеркальным. Он отражал в себе серый отсек и Нэю, безразличную ко всему. Призрач-

ная река тоже отступала, как во время половодья, обнажая безрадостную картину нанесённого ущерба.

– Выключи свет! – просила она, – Ай-ай! Зачем я сюда пришла? Зачем вообще подошла в тот день в Творческом Центре? Надо было забыть тебя. А ещё лучше не знать тебя никогда!

Он прижался к её губам, ловя её возгласы, но не счастья, как в сиреновом кристалле, а муки.

– Зачем надо было отдавать мне этот флакон? – обратилась она к несуществующей уже Ласкире. – Тебе Азира была намного милее, чем я.

– Кто? – переспросил Рудольф, – Никто и никогда, здесь уж точно, не может быть милее тебя.

– Не у тебя я и спрашиваю. Она же не хотела, чтобы я родилась, чтобы я выросла, потом стала женщиной и вообще, чтоб у меня был ребёнок!

– Почему? – спросил он, не понимая, о ком она говорит.

– Потому что она не умела любить! Как не умеет того всякая жрица Матери Воды. Они принадлежат только Чёрному Владыке. Она благоволила лишь к тем, кому было хуже, чем ей. Она умышленно передала мне этот флакон, чтобы заклятие Матери Воды уничтожило мою любовь к тебе. Она считала, что это обречённая любовь, и к чему мне страдать? Она тоже пила этот эликсир, чтобы не питать любви к мужчинам. Но она не поняла того, что от времени, а возможно, от воздействия Тон-Ата на все её чары, этот эликсир утратил свою

силу. Тон-Ат вовсе не зря не любил её...

Он вслушивался в её бормотание, а что понимал, что нет, не переспрашивал.

– Однажды она ему сказала, я слышала: «Она поседела, совсем как я. Она выдохлась, сидя в твоих удушающих плантациях! Не только тот, кого ты для неё наметил, но и любой приглядный мужчина не захочет стать её избранником, а сама она, – привереда и капризная эстетка, – никогда уже не позволит приблизиться к себе никому, кто будет хуже, чем тот пришелец. Поэтому она не сможет родить тебе твоего наследника!»! Ух, как же разозлился Тон-Ат. Он потемнел лицом и крикнул; «Прочь отсюда, колдунья! Видеть тебя – нет моих сил!»! После этого нас и вывели через тайные тоннели в его усадьбу и там бросили. У меня даже денег не осталось, когда бабушка ушла в Надмирные селения. И тогда Инар Цульф, смотритель за усадьбой, дал мне довольно много денег. Теперь я понимаю, зачем. Он влюбился в меня! Не хотел, чтобы я терпела лишения. Но и Тон-Ат жалел меня. Однажды пришёл ко мне, притворившись сновидением, совсем как ты, и дал надежду на встречу с тобой. Дал понять, что заклятие Ласкиры после её смерти уже не действует, и наше сближение неминуемо. Ты даже не представляешь, какой старой я стала! Кожа обесцветилась, глаза выцвели. Я носила повязки на волосах. Только такой как Инар, сморщенный прежде старости, претерпевший в своё время жуткие пытки в подземельях Департамента Безопасности, и

мог посчитать мою внешность сносной. А Тон-Ат в ту самую ночь прикоснулся к моему лицу своим Кристаллом, и я ощутила, как загорелась моя кожа, будто я прижалась к нагретому камню. Утром я посмотрела в зеркало и не узнала себя. На меня смотрела из зазеркалья юная девушка! Только волосы так и не вернули себе цвет юности...

Нэя прижалась лицом в шёлковую поверхность кошмарной постели. Чёрный Владыка встал и повернулся к ней спиной. Даже в состоянии полубреда – полуяви она вдруг поразилась красоте его развитого и совершенного тела. Не человек, а изваяние, лишённое зримых дефектов. Он обернулся, и она увидела, что это Рудольф.

– Ты сама к этому стремилась.

Чёрный Владыка исчез, утащив за собой и Ласкиру с её несносным шёпотом. Вернее, не милую старшую мамушку он уволок за собой, а свою возлюбленную Мать Воду. А Ласкира как была, так и осталась в Надмирных селениях. Никто оттуда не приходит. И не Ласкира виновница её прошлого обесцвечивания, а тоска, обесцветившая и всю ту роскошную жизнь, которую пытался создать для неё Тон-Ат в своих владениях...

– К чему я стремилась?

– Познать тайну Кристалла Хагора. Ты же украла его, помнишь?

– Как же ты о том узнал?

– Да так и узнал, он послал мне сообщение, – и он со-

щурился, так что понять, где правда, где продолжение игры, было нельзя. – Единственное существо, которое сумело бы обуздать этого монстра, – усыпить, пригасить или уничтожить его, был твой отчим-муж. Но вся задача в том и состояла, чтобы передать Кристалл в его руки. А ты не сумела.

– Тебе самому этого хотелось?

– И да, и нет.

– Почему же нет?

– А я уже и притерпелся с ним сосуществовать. Он даёт мне возможность заглянуть в душу других. Это такое увлекательное занятие, а ведь тут скука предсмертная. Тут работа адская и однообразная, и вот мне подарена такая игрушка...

– Заглянуть в душу других? Да ведь Чёрный Владыка полностью нейтрализовал действие твоего Кристалла. Он сильнее твоего Хагора и всех его полу немощных уже Кристаллов. Она планетарный Бог, пусть и оттеснённый от власти над Паралеей Надмирным Отцом, но лишь отчасти. А Хагор всего лишь пришелец, мало чем отличимый от прочих человеческих существ, пусть и наделён своими Кристаллами-помощниками. Поэтому он тут и приобщился к тому разбавленному суррогату, который и готовят на основе экзотических фруктов и настоящего уже эликсира по имени Мать Вода. И когда ты думал, что я в твоём обладании, моя душа провалилась во владения и объятия Чёрного Владыки! А ты трахал всего лишь полузадушенную куклу!

– Когда ты придёшь в норму, восстановишься, я дам тебе совсем другие ощущения, – сказал он, приблизившись к ней.

– Я ничего от тебя не возьму, – ответила она.

– Всё равно я тебе нравлюсь. И ты меня простишь. Ты добрая девочка. А я позволю тебе ласкать себя так, как умешь только ты. Я ещё дам тебе возможность показать мне своё искусство. Я тебя простил за прошлое, и в отличие от тебя я знаю твоё будущее. Ты никуда от меня не денешься.

– Не дам я тебе никакого искусства.

– Да куда ты денешься! – засмеялся Рудольф. – Протри мне спину вот этим, – он протягивая ей маленькую салфетку, чем-то пропитанную. – У тебя когти металлические, что ли? Больно же! – и развернулся к ней разодранной спиной. Нэя невольно ужаснулась тому, что сумела столь свирепо разодрать ему кожу, но она и не подумала к нему прикоснуться.

– Когда я переживала состояние высшего взлёта, какой лишь и возможен, я не могла контролировать себя, – ответила она со злорадством.

– Будем считать это ничтожной издержкой той большой страсти, какую мы с тобой и пережили только что, – ответил он. – Рад, что сумел тебя настолько удовлетворить.

– Да, на всю остальную жизнь мне этого хватит, – отозвалась она, – в другой раз ищи себе другую любительницу полётов, чтобы завлечь её в свою хрустальную пирамиду...

– Для всякой другой, как ты говоришь, моя хрустальная пирамида не сможет стать стартовой площадкой для полё-

тов. Она недоступна ни для кого, поскольку только твоя. Ты можешь хоть завтра там поселиться. Я отдам тебе пластинку с кодом от той квартиры. Сам я редко там бываю, так что живи, чтобы на всех свысока поглядывать, как ты того и заслуживаешь. Ты же госпожа и аристократка и лучше жить тебе отдельно от своего трудового коллектива. Дистанция даст тебе необходимую свободу от них, защиту от всех. А для меня, напротив, очень удобное приближение... Ну, а твоя «Мечта» так и будет твоей игровой и творческой площадкой, а также коробкой для обитания твоих слуг и кукол. Принесу тебе код допуска? А завтра пришлю того же Артура и ещё кого-нибудь, чтобы помогли тебе перебраться на новое место личного уже обитания.

– Век бы не видеть твой дурацкий чердак! Сам там живи! И не смеешь ты уже выгнать меня из моей «Мечты», я за всё уже тебе заплатила! Ты же человек слова? Об этом знают все, что те, кто и работают в «Зеркальном Лабиринте», никогда никого не обманули и не подвели. Не станешь же ты нарушать безупречную репутацию своей корпорации?

– Услышь, что я тебе предлагаю. Я всего лишь отдаю тебе в личное пользование то жильё, в каком тебе будет удобнее жить. А себя предлагать как сожителя... выбор за тобой.

– Не буду я там жить! Ни одна, ни с тобой! Ты, не иначе, занимаешься там колдовством, чтобы придать себе облик, способный настолько и обольщать... И чем ты лучше Тон-Ата? Тот хотя бы не скрывал своей страхолюдности и своего

древнего возраста... иногда лишь и заигрывался...

– Мне нечего скрывать! Мне столько лет, насколько я и выгляжу. И трансформироваться во что-то другое я не умею. А чешуйчатый дедушка умел принимать иной облик? Когда же? Когда с тобой трахался?

– Уж как ты на это способен, куда ему...

– Ты ни разу не выпытала у него, как же у него такое получалось?

– Попробуй, выпытай хоть что у того, кто умеет запирать чужие рты от ненужных ему вопросов. Если бы я знала, как он это проделывает, я сделала бы тебя немым на всю оставшуюся жизнь. А также и наслала на тебя неисцелимое половое бессилие!

– Ну... – замялся он, – потом сама стала бы жалеть, как повторно захотела бы... Вот увидишь, совсем уже скоро ты опять захочешь меня.

– Никогда! Как же мне пусто стало! Как я теперь жить буду? Ради чего?

– Как же ради чего? Ради того, чтобы быть моей здешней радостью. А я буду твоим, но уже нездешним счастьем.

– Нездешним счастьем? Нет уж... – она подняла свою туфлю с пола и бросила в него. Но поскольку туфелька была мягкая, лёгкая, ущерба ему не могло быть ни малейшего.

– Я заметил, что здешние женщины, швыряя в мужчин свою обувь, выражают таким образом свою любовь. А сами мужчины занимаются коллекционированием женской обу-

ви. Иные собирают неплохие коллекции. Правда, все туфли непарные.

Он поднял туфельку, повертел её в руках, – Отдам назад, когда ты попросишь у меня прощения за плохое поведение, – после чего ушёл в соседний отсек, вход в который открылся внезапно. Оказалось, что таких отсеков тут вовсе не два, а есть и другие, но скрытые. Голубое платье валялось на полу. Натягивая его на голое тело, она не пожелала прикоснуться к брошенному на пол белью. Она так сильно рвала платье за рукава, что чуть не оторвала их. Платье было осквернено навсегда.

Вернулся он одетым в светлую одежду, а чёрная майка со скорпионом осталась валяться на полу. Он смахнул её в сторону вместе с бельем Нэи. Видимо, скорпион уже сослужил свою службу и был ему не нужен.

– Причешись, – и протянул ей массажную щетку как фокусник, извлекая её непонятно откуда. Нэя швырнула щётку на пол, разлохмаченные волосы ничуть уже не беспокоили. Повертев в руке оставшуюся голубую туфельку, он отбросил её прочь. Во время этой увлекательной неприязненной игры она вдруг отметила, что испытывает раздражение, а это уже не являлось пережитым недавно полным бесчувствием.

Он собрал её заколки и сложил в сумочку, висящую на поясе платья, – Ну, вот, Золушка всё-таки посетила интимные покои принца после столь затяжного своего бегства, растянувшегося на несколько серий.

Чужой язык был воспринят как бессмысленное, хотя и ласковое уже бормотание подземного оборотня.

– Отдай браслет, – сказала она зло, – я отдала за него свои деньги. Мне ты не дарил драгоценности.

– Я подарю тебе другой. Тебе не к лицу носить украшение шлюхи.

– Чего же теперь, если ты и сам зачислил меня в разряд шлюхи.

– А ты больше слушай, когда кот мурлычет свои песни, притворяясь хищником. Кот всего лишь домашний зверёк, одичавший только по несчастью. Не хочешь приручить его по-настоящему? Гладить по шёрстке, спать с ним в одной чистой постельке? А то я до жути устал жить в диких и сырых тростниках, – мило балагурия, он слегка подтолкнул её к выходу в тот отсек, где они и сидели в начале.

– Сядь! – он извлёк откуда-то прозрачный малюсенький шарик и сунул его ей в губы. Тот не имел никакого вкуса и мгновенно растаял, едва соприкоснулся со слизистой оболочкой рта.

– Это нейтрализатор для той гадости, которую ты влила себе в рот. Ещё не хватало, чтобы ты отдала тут душу своему Надмирному Свету.

– Мог бы и сразу дать мне это, а то я едва не сошла с ума...

– Так я и дал тебе. Просто ты не ощутила, как я впихнул его тебе в губы. А этот всего лишь для подстраховки.

– Мог бы, кажется, и не трогать меня...

– Я и не трогал поначалу. Ты же спала какое-то время, прежде чем... я даже искупаться в озере успел. Потом вернулся и... не удержался.

Она выслушала его с безмерным удивлением, но не было похоже на то, что он её разыгрывает.

– Так вот почему у тебя были мокрые волосы. А я думала, что ты тоже искупался в той же самой реке. Там, у «Крутого Берега»... Значит, Чёрный Владыка был здесь?!

– О каком ещё владыке ты бормочешь, лягушонок? Никто не мог сюда ни войти, ни выйти.

Спустя мгновения, стало тепло и спокойно. Будто её тело завернули в тёплый убаюкивающий кокон, но внутри кокона забила вдруг душа, вернувшаяся из владений Чёрного Владыки. От такого раздвоения охватило некое отупение. Реальность стала опять полусном.

Он изучал свой Кристалл. Камень наливался и сиял фиолетовым пламенем с переливом в зелёный цвет, и вдруг ослепил вспышкой, переходящей в тонкий луч, а тот уже рассыпался в мельчайшие искры. Видя Рудольфа в белой одежде, ещё больше оттеняющей золотисто-загорелые мускулы рук, она притихла, подумала о его красоте как о чём-то, к ней уже не имеющей отношения. Вспомнила, что вот таким же он был тогда в их последнюю встречу, предшествующую страшным событиям. Как многое он ей обещал... Где всё это? И несовместимые чувства в ней, любовь и ненависть, пытались прорвать кокон, что спеленал её тело, не давая страданию

вырваться наружу. На неё накатывал бред. Возможно, это действовали данные им препараты.

– Не убивай Нэиля. И я не буду слушаться Тон-Ата. Пусть мало дней будешь любить. Пусть. Я согласна, я не поеду с ним в те плантации...

Бредовая словесная конструкция не помешала ему понять сказанное ею. – Я не убивал твоего брата. Гелию мог выследить один из её тайных сумасшедших воздыхателей. А такие тоже имелись в наличии, поскольку слишком уж много было воздыхателей. Чем не версия? Чем больше версий, тем дальше от истины. Я не убивал! Я сам лишь чудом остался живым.

Он протянул ей бокал с чистой водой, она жадно выпила, и болезненная вибрация внутри утихла. Тёмная медуза мук, колышущаяся как ком во внутреннем аквариуме-душе, распалась на мельчайшие частички, становящиеся прозрачными пузырьками.

Плач Хагора

– Милый, – сказала она тому, кто остался в прошлом.

«Видишь, что со мною произошло», – сказал человек из сновидения, не этот, кто сидел напротив, а тот – из прошлого. Настоящий молчал, а в ней опять активизировалась та самая способность, когда звучал его внутренний голос, вроде того, если только и это не было её бредом.

«Во мне только горький пепел. Я чёрен, как этот кристалл. А тогда я сгорал от страсти к тебе. Гелия, бледная звёздочка, она направила свои лучи другому, а в моих руках гасла, но думала, что обманывает очень ловко. Я всё понимал, поэтому и выбрал тебя. Всего немного времени не хватило, чтобы я забыл и о ней, и о твоём Нэиле. Зачем ты всё рассказала? И как легко всё свалить на самого беззащитного, в данном случае на тебя. Ты поседела от того, что страдала от гибели брата? Я ведь и тогда подумал, какая хрупкая, нежная девушка, как надо её беречь. Кого-то льют как чугунные болванки, а кого-то, как тебя, в привилегированных мастерских вытачивают как ювелирное изделие, которое как раз и легче лёгкого потерять или безнадежно испортить...

– Не плачь, – произнёс он уже вслух, – Если я тебя нашёл, я тебя и починю.

– Зачем ты ушёл тогда от меня? Он бы не погиб, если бы ты остался со мной. Не ходи. Не надо... – у Нэи слипались глаза. Вероятно, он дал ей чрезмерную дозу каких-то препаратов. И вместо успокоения они погружали её в сон.

– Ты не сможешь сейчас уйти, – сказал он, но слов его Нэя не поняла, уплывая душой отсюда. Стенки её аквариума, наконец, истончились и стали водой. Она плыла в ней, став прохладной и чистой...

Рудольф опустил её на прозрачную постель. Отсек погрузился в спасительную полутьму. Режущее глаза освещение отключилось, а включённое кондиционирование вместе

с прохладой рассеивало в воздухе аромат цветущих высокогорных тундр. Там, в далёкой стране, за плантациями Тон-Ата простирались тоже горы с вершинами, спящими в ледовых панцирях, которым было столько времени, сколько не живут люди. В робких травах на высокогорных лугах тоже цвели цветы с похожим ароматом. И Нэя только строила из себя дурочку, будто она никогда не видела ледников и снега. Просто ей не хотелось рассказывать ему о владениях Тон-Ата. К чему утомительные расспросы?

Рудольф накрыл Нэю белым пледом и лёг рядом, не раздеваясь сам.

– Видишь, – сказала Нэя, прижимаясь к нему, – а ты говорил, что ничего не исправишь. Но мы вернулись туда. И всё будет иначе. Ты возьмёшь меня в горы, и я не сбегу. Надмирный Свет может иногда возвращать время вспять... – и её унесло в прозрачном потоке в сон.

Нэя видела себя в спальне у Гелии.

– Видишь, какой он, – обратилась она к Гелии, – кого я любила столько лет? Ласкира была права, когда хотела исцелить меня от этой неправильной любви.

«Не сможешь ты его разлюбить, потому и простишь. Ты добрая, а я такой не была. Вот Азира. Она ведь тоже не была доброй, а так, – он хотел полюбить даже и её. Тебя не нашёл, а было ему очень одиноко на чужой планете. Но Азира была не способной к любви, была жадной и лживой, злой и испорченной».

И Нэе показалось, что невыносимая Азира выплывает из полупрозрачной постели, как изображение на экране, только объёмное, жуткое. Нэя отпихивала её от себя, не нуждаясь в её порнографических откровениях, а по-другому Азира общаться не умела. Женщина-функция, у которой всё было на продажу и всё напоказ, у которой душа обреталась у самого дна жизни, плоская и расплюснутая толщиной порока. Нэя видела её длинные ноги и тонкие руки танцовки. Немыслимые украшения, которыми она была увита настолько плотно, что сними она свою тунику, то и не сразу сообразишь, что она голая. И видя в своём лекарственном сне Азире, Нэя не могла понять, зачем Азира показывает свою вечно подростковую грудь и что хочет сказать деревянно-застывшими губами, которые ей не подчинялись, – в углах этих губ пузырилась непонятная пена.

– Уйди! – брезгливо сказала ей Нэя, пихая Азире от себя, и спряталась от жуткой прилипалы в объятия белоснежной Гелии.

– Почему у тебя мужские руки? – удивилась Нэя и, подняв глаза, не увидела Гелию, а лицо неизвестного человека со свежим шрамом на очень высоком лбу. Чем-то он был похож на Тон-Ата. Белые, как нетронутый снег в горах, волосы, коричневая кожа, какой она бывает у тех, кто работает на знойных полях, а также у тех людей, которые встречались ей в Архипелаге. Тон-Ат объяснял ей, что поскольку они живут в высокогорных районах, то у этих людей хронически воз-

никает глетчерный ожог кожи лица от ярких, отражённых от ледников и снега лучей Ихэ-Олы. От этого кожа грубеет и темнеет уже навсегда.

Синие и блестящие глаза старика не соответствовали его возрасту. Он положил совсем не старую руку с чёрным Кристаллом на грудь Нэи, жалея её глазами. – Что ему твои слёзы? Если он и слёзы своей любимой не замечал. Да он ими, слезами-то, и тешится, плачь – не плачь. Простишь всё. Стелиться перед ним будешь. Куда тебе деваться от своего одиночества? Высосал владыка гор твою юность зазря!

– Откуда ты знаешь, что Тон-Ат был владыкой той горной страны? А! Да это не ты, а я сама знаю.

– Прости меня, – прошептало седое привидение, – я вовсе не хотел тебе боли. Но моя собственная, безмерная и непрерывная боль перетекает в любого, с кем я вынужденно соприкасаюсь. А я такой же невольник всей ситуации, как и ты.

– Кто ты? – спросила она изумлённо, не понимая, куда пропала Гелия, – И кто же тебя так поцарапал?

– Владыка планетарного ядра, – ответил неизвестный.

Сделав попытку освободиться, она почувствовала собственное бессилие разжать крепкие объятия вовсе не старческих, а мускулистых и молодых рук, абсолютно таких же, какими были руки Рудольфа. Подобная безумная трансформация одного образа в другой, свойственная сну, тем не менее, происходила вовсе не во сне. Как-то иначе. Выпукло, ярко, телесно – осязаемо, как бывает только в реальности.

И рука с Кристаллом принадлежала уже Рудольфу. Поднять глаза и рассмотреть повторно лицо лежащего рядом она не успела. Кристалл прояснялся у неё на глазах, становясь из непроглядно чёрного синим и прозрачным. Или он возрос неимоверно, или это она сама уменьшилась, но Нэя уже входила под его своды, как будто он стал пещерой, наполненной ослепительно – голубым светом, живым и тёплым. Он дышал и ласкал её кожу непонятной струящейся вибрацией, от которой по всему телу Нэи побежали мурашки удовольствия. Она засмеялась, не испытывая ни малейшего страха или удивления.

– Ты вошла в мою память о родном Кристалле. В нём я некогда жил, там я был счастлив, – прошептал старик. Нэя опять увидела его лицо. Оно искривилось от судорожного плача. – Он умер, мой родной Кристалл! Он никогда больше не прикоснётся ко мне своим сиянием, не отзовется на мой зов, не подарит свою ласку. Он безвозвратно угас! И теперь он только снится мне. Я делюсь с тобою своим сном... – он задохнулся от рыданий.

Нэе стало жалко бедного старика, и она протянула руку, чтобы утешить его, и даже смогла ощутить пальцами шелковистую ткань его чёрной одежды. Но тотчас же некто перехватил её руку, и привидение, если это было привидение, исчезло. Опять вынырнула откуда-то хищно-оскаленная Азира, пытаясь столкнуть Нэю прочь с постели и занять её место. И тут ярко-синий Кристалл, вовсе не исчезнувший со стари-

ком, а оказавшийся зажатый в ладони Нэи, властно потянул её руку в сторону Азиры и, стукнув ту по лбу, куда-то откатился прочь за пределы прозрачной постели, увлекая за собою ненавистную танцовку. Раздался грохот, какой бывает, когда роняют на пол поднос с посудой. Хагор обнял Нэю. Его рука вдруг напомнила руку Тон-Ата, давая укрытие и ласку.

– Что было у Азиры с Рудольфом? Как он мог с такой?

– Азира расшиблась, столкнувшись с Рудольфом, как жадный счастливец из сказки, решивший взвалить на свою птицу везения слишком тяжёлый мешок из сказочной пещеры и грохнувшийся в пропасть.

– Как любил меня Тон-Ат...

– Он не способен никого любить. Он охранял тебя как ту, кто станет вынашивать его наследника.

– Пусть не любил, но он ни разу не задел меня неприветливым словом, а его друзья едва прикасались к моим пальцам, считая за счастье подобное прикосновение к моей руке. Даже грубияны – работяги из столицы никогда не смели меня ничем задевать. За мной все пытались ухаживать. А этот? Сразу стал пользоваться мною, когда хотел, не уважал никогда. За что? – Нэя прижалась к Хагору, удивившись тому, какая широкая у него грудь и как гулко бьётся его сердце. Хагор прикасался к её лбу губами отца, губами Тон-Ата. Он раздваивался и уже не вызывая никакого удивления, уплывающая куда-то вслед за снами, оставляя Нэю на берегу реальности. Рядом с Рудольфом.

Выход из Зазеркалья наружу

Очнувшись, Нэя легла на спину. Раскинула руки, представляя, что плывёт она, подобная отражению облака на воде, невесомая, по реке своего детства. Белые надводные цветы, атласные и прохладные, наполняют её своей чистотой. И прочь, прочь уходят из неё все тяжёлые ощущения, куда-то в бездонную пучину и уносятся течением навсегда, без остатка...

– Ты спала всю ночь, – сказал он.

– Ночь? – но удивления не возникло. – А где был ты?

– Тоже спал. Не мог же я оставить тебя одну. Потом я пошёл в столовый отсек и принёс тебе свежий завтрак.

– Я думать о еде не могу. Сам и ешь свой завтрак.

– Так я уже поел.

– Умереть от голода тебе не грозит даже при таких экстремальных нагрузках...

– Пока ты спала, я сделал тебе диагностику, у тебя всё в норме, давление, метаболизм...

– Что такое ты сделал?

– Просто приложил к твоему плечу особую штучку, и считал все показания, что та и выдала.

– Как могло произойти такое, что я не ощутила течения времени? – в его ответе она не нуждалась, как и в его присутствии рядом.

– О, мой космический Творец, до чего хороша эта игрушка! – произнёс Рудольф на языке, которого она не знала, – Нет! Я не буду в тебя играть, буду любить тебя как земную женщину, а ты меня, и только меня одного...

И всё повторилось. И даже возникло ощущение некоего глубинного всплеска, отклика... нечто такое, что происходило между ними в сиреневом кристалле... Но она быстро подавила ответный импульс, идущий ему навстречу из покорно открывшегося лона, и только страдальчески ширила глаза, заставляя себя не стонать и проклиная собственную животную суть. А вскрикнув, также не понимала, было ли ей хорошо? или невыносимо. Или и то, и другое одновременно.

– Не сдерживайся, – шептал он, – дай себе волю, если тебе хорошо...

И она закричала, теряя понимание уже окончательно, где они, – у неё в кристалле «Мечта» или всё ещё в подземном логове Чёрного Владыки, завладевшего обликом возлюбленного? Ну, конечно, они в спальне у Гелии. Только там он настолько сильно любил её, и она тоже любила даже через боль...

Вынырнув из состояния погружения в бездонный и сладко-густой омут, в отрезвляющее, но по-прежнему чужое пространство, она выскользнула из-под него, быстро отстранилась, стараясь не видеть лица. Если сон рассеялся, то пусть исчезнут и его порождения. Он лежал рядом, каждый его выдох был настолько затяжным, что казался последним, пред-

смертным.

– Никогда в жизни не испытывал я таких ощущений... Чтобы настолько хорошо... умереть же можно... И не видел никогда столь нежного и волшебного тела... Разве ты женщина? Ты неземной неопиcуемый соблазн, посланный... знать бы за что? Как награда или как наказание?

– Я не соблазн, а человек с душой, – отозвалась она, пытаясь осмыслить, хвалит он её или опять же унижает? – Это ты наказание для меня. Знать бы за что?

– Я как раз дар тебе с небес, и это буквально так.

– Как же с небес, – ухмыльнулась она, – Если мы с тобой в подземелье, да ещё в таком месте, где твои подземные кобели развлекаются с особыми девами.

– Разве я об этом говорил? Откуда же такая информация?

– Не ты один обладаешь проницательностью. Не забывай, у кого столько времени я жила. Я не просто так называла его своим учителем...

– Теперь твоим учителем буду я. Когда-то я удивлялся тому, что Чапос способен предаваться любви каждую ночь несчётное количество раз, – во всяком случае, он так хвастался, – но с тобой я точно так и буду делать.

– Неужто, мужчины такие низкие идиоты, что хвастаются подобным?

– Ещё как хвастаются, но не все, конечно. Но я смогу любить тебя каждую ночь, до того самого мгновения, как станет светло. Впрочем, ты же должна и отдыхать, да и меня

от работы уже никто тут не освободит. А вот так и остался бы рядом с тобой все оставшиеся мне тут годы, предаваясь любви без устали, отвлекаясь лишь на то, чтобы напиться, ну и прочее там... Смотри, а я опять хочу тебя, будто мы и не начинали ещё... Понять бы, из чего ты сделана, что мне настолько хорошо...

– Не трогай! Не трогай же...

Она закинула руки, обвила ими голову, ища более удобной позы. Собственная голова казалась пустой и гулкой, будто ей и не принадлежащей. Замерев, она не препятствовала ему целовать свои подмышечные впадинки, чуть заметно опущенные мягкими волосками, млея от прикосновений его губ и одновременно не желая подчиняться вовлечению в прежнее, взаимно желаемое единение...

По-прежнему уже не будет! В Паралее никому и в голову не приходило подбривать волосы там, где они росли соответственно природному замыслу. У большинства местных мужчин ни борода, ни усы не росли, исключая тех, кого считали мутантами, а также редких представителей почти исчезнувшей расы гребнеголовых и рыжеволосых, как Чапос. То, что Чапос родился полукровкой, несколько сглаживало его отличительные расовые признаки. Его считали уродом, но он таковым точно не был, тщательно подделывая свой внешний облик под всеобщие стандарты.

И она не понимала, как относиться к такой вот патологии, что у пришельца иногда появляются колючки на подбород-

ке? Но вовсе не испытывая неприятия к такой странной аномалии. Поскольку в их первую ночь в доме у Гелии он тоже был колючим... и теперь вот тоже...

Она прикоснулась к его подбородку, неосознанно лаская его, но тут же резко отдернула руку, придя в себя, – Мне такой дар небес уж точно не нужен!

– Кому ты врѣшь? Ты и сама не сможешь без меня жить. Ведь не я, а ты разжигаешь всю эту невообразимую страсть, вовлекая меня в то, без чего я до появления тебя прекрасно обходился. Но если тебе хочется представить дело так, что виновник я, то и это приму с готовностью. Конечно, это я вовлекаю тебя в ураган страстей, а ты, стиснув зубы, всего лишь терпишь. Но кто же только что кричал от наслаждения?

– Я кричала от ненависти.

– Ну да, а сама так цепко ухватила меня своими бесподобными ножками, и во всё прочее впилась, как присосками... душу чуть не вытянула...

– Меня не возбуждают твои бесстыдные откровения...

– А меня ещё как...

– Распутник!

– Было когда-то, да и то по молодой неукротимости если. А здесь-то с кем и где? Но я всех своих женщин помню с благодарностью за те минуты мужского счастья, что они мне и дарили. К тому же те женщины с местными несравнимы уже в силу совсем другой эстетики, а также этики, их сформировавшей. И здесь мы все невольные монахи.

– Как же тогда Гелия?

– Гелия... Ледяная сосулька, осиянная алмазной морозной пылью... А ты гибкая и подвижная как белочка, греющая руки и сердце, хотя и кусачая, как и положено неприрученному зверьку. Но ведь в силу одиночества человек часто привязывается ко всякому одушевлённому существу, способному на отзывчивость к ласке, а порой и к такой ответной привязанности, что и человеку не всегда свойственно.

– Ты сам зверь инопланетный, как и твои, подчинённые тебе, кобели лизучие! Постоянно у моей «Мечты» они отираются, глядя на моих служащих девушек как бродячие псы на еду. И ничуть от местных кобелей не отличаются. И что-то не замечала я, что вы сформированы какой-то нездешней этикой и эстетикой.

– Так приходится адаптироваться к местным условиям.

– Я человек, а не зверёк...

– Конечно, ты человек. Ты плохо понимаешь язык метафор.

– У тебя вообще речь зачастую невнятная.

– А сам я как? Отлично же тебе внятен?

– Я не понимаю, что происходило? Куда я провалилась?

– И не надо тебе того понимать. Просто забудь.

– Заодно и тебя...

– Меня не получится забыть. Я просто не предоставляю тебе такой возможности. Тебе придётся любить меня, и таким тоже.

– Как я могу любить тебя? Кого собственно? Того прекрасного человека, встреченного когда-то у реки? Или блистательного акробата, хотя и обманщика? Или этого, кто вылез из планетарного ядра... Откуда взялось твоё второе лицо? Эта метаморфоза оказалась куда как страшнее, чем тогда, в спальне у Тон-Ата... а твой Хагор всего лишь несчастный пришелец, которого ты замучил своими экспериментами...

– Если бы ты могла понять, как тоскую я по своему оставленному позади будущему...

Нелепая фраза не поддавалась расшифровке, и она продолжила своё с ним общение, забыв, что дала слово не разговаривать с ним вообще, – Как можно тосковать о будущем, которого нет, пока человек жив? Или ты хочешь сказать, что желаешь смерти?

– Никто не желает смерти, всё это одна болтовня. Я же имею в виду, что прежде жил в будущем, но никогда не ценил... Так вышло, что вместо устремления в будущее моя жизнь оказалась в архаичном и злом прошлом... И время будто кончилось, здесь же ничего не меняется...

– Достаточно того, что сам ты способен меняться с непостижимой быстротой. И любить того, у кого есть в запасе ещё одно, чудовищное! лицо, я не смогу...

– А кого сможешь? Кого из тех, кто рыщут вокруг твоей хризолитовой шкатулки с глупым названием «Мечта»?

– Никого. Я уйду из этого города, населённого высокомер-

ными простолюдинами, мнящими себя аристократами.

– Они и есть аристократы, если по своему уму и развитию. Да и куда ты уйдёшь? К Чапосу?

– Дался он тебе! Он единственный, что ли, мужчина континента?

– Единственный твой мужчина это я. А Чапос один из бесчисленного и ненужного тебе множества.

Очень сильно мешало платье, так и не снятое перед тем, как она уснула. Освободив себя от него, она ощутила такое блаженство, будто заново родилась. Легла на живот, чтобы не видеть его. Он стал гладить её шею сзади, переходя на позвоночник, вызывая истому во всём теле, которой она пыталась противостоять, – Не трогай, не трогай же... – а сама шла ему навстречу, будто ничего и не произошло перед этим...

Может, она продолжает спать? Окружающие стены пустынного помещения мерцали, как и стены её жилой шкатулки в «Мечте», поскольку возникло ощущение продолжения того, что столь резко оборвалось там. Она сдерживала свои стоны, боясь, что тонкая дверь не удержит звуков, а кто-то из девчонок или служащих «Мечты» услышит... Поймёт, чем занимается хозяйка, постоянно воспитывающая их и уличающая в недолжном поведении... и тут же очнулась, поняв, что она вовсе не у себя...

Противостоять ни себе, ни ему сил не было, и страстная отдача, идущая ему навстречу, сотрясала её тело. Будто все эти годы, проведённые в цветочных плантациях, годы депри-

вазии, лишения женских и столь всем доступных радостей, как сжатая пружина разжались с неконтролируемой силой, лишили адекватности полностью, отключили ум и перестали существовать, вернув её в ту самую ночь в доме Гелии...

Придя в себя, она всё ещё прислушивалась, не галдят ли за стенами гости Гелии? Хотя уже и отдавала себе отчёт, где она. Ясность сознания возвращалась, дымка прошлого рассеивалась, вызывая сожаление, что те годы длительной разлуки всё-таки существовали. Распластавшись на широкой поверхности постели, она уже не препятствовала тому, что решивший поласкаться Рудольф целовал её живот. Она погрузилась в воспоминания о том игривом пришельце, к которому этот не имел никакого отношения. Но завладел его лицом, как и её неисцелимой любовью к тому, кого конфисковало время. Она гладила его стриженный затылок и жалела о том, что эти проклятые годы жизни у Тон-Ата всё-таки были, поглотив впустую её лучшие юные дни. И ночи тоже. Она сама, своими же руками, преподнесла того бесподобного пришельца в дар поганке Азире...

Паралея вытряхнула из него всё то, что и оставалось в нём от его родного блистательного мира, и полностью перезагрузила его. Погасила тот отсвет необычного, за что она и полюбила его. Он тролль, играющий роль Чёрного Владыки. Иногда и роль её прошлого возлюбленного. Несносный, скучающий, пустой лицедей! Мучил вопрос, – уйти ли ей сразу же из ЦЭССЭИ в необозримые дали континента или же... тоже

включиться в навязанную роль возлюбленной пришельца с Земли? И как недоучившейся, но талантливой актрисе проявить себя во всём своём блеске. Для чего? Для того, что эта роль будет щедро оплачиваться. Набить тайники ценностями по мере возможности, потом и убежать. А уйти нищей – радости мало. А у этого, в отличие от Тон-Ата, маска с лица уже не сползёт.

Любить нельзя ненавидеть

Освещение в помещении уже отсутствовало, свет проникал из соседнего отсека. Панель входа, ведущего туда, была открыта полностью. Рудольф лежал поверх пледа, будто на чём-то белом и изломанном гигантском крыле. Он протянул к ней руку, пытаясь задержать, – Останься! Отдохни тут какое-то время. Я же серьёзно предлагаю тебе перебраться жить в «Зеркальный Лабиринт». Наплюй ты на свои тряпки, манекены, отдай всё это той же Ифисе. Инар Цульф, как только эта сливочная бомбочка прибудет сюда, выгонит твою лукавую помощницу-воришку. А ты будешь всем этим владеть, получать свой доход, если уж тебе так нравится быть госпожой. Но не тратить своё время и силы на всю эту баракхолку. Всё твоё время и силы нужны мне...

Она с жадностью слушала его, делая вид, что ей безразличны его слова. Те самые слова, которых она ожидала столько времени. А дождавшись, не ощутила ни малейшей

радости. Он произнёс имя Ифисы? Он хочет, чтобы она отдала свою «Мечту» со всеми своими нереальными затратами Ифисе?

– Забыть её услуг не можешь? – спросила она с ревностью, которую пыталась скрыть. – Готов сделать ей непомерно щедрый дар за мой счёт? А сколько раз ты её трахал? И почему ты, всё же, поменял её на танцорку? Или же ты решил создать ту самую аристократическую семью, о которой когда-то мечтал? Ифиса – жена трудовая, а я – жена для ложа, для ублажения. Пусть уж и Эля останется, как жена для вспомогательных работ...

– Я просто тащусь от того, что ты меня ревнуешь. Но кто ж сравнится с тобой, глупышка ты моя неземная.

Нэя встала и опять напялила платье, показавшееся ей тяжёлым и шершавым как мешок для овощей. Она даже содрогнулась, ощутив его всей кожей, только что обласканной любимыми губами, не желающей прикосновений измятой за целый день тряпки, но... разве любовь вернулась?

Она продолжала раздваиваться в своих чувствах. Платье будто повторно втянуло её в ту реальность, где прежнему акробату и волшебнику, всё-таки, не было места. И ей самой, прежней, тоже...

– Ты учти, я буду очень дорогой наложницей. За бесплатно пусть тебя та любит, которую ты в Храм Надмирного Света поведёшь...

– Все мои сокровища в твоём распоряжении! – засмеялся

он. – Надеюсь, ты подарить мне своё тончайшее любовное искусство.

– Но не душу.

– Твоя душа уже в моём обладании, дурочка...

Она едва не наступила босой ногой на Кристалл, валяющийся на полу возле её одинокой туфельки. Раздумывая о том, стоит ли потребовать у него другую туфлю, она успела заметить, что цвет камня на перстне, действительно, светло-синий. Он невинно мерцал в полутьме, изображая из себя неживую безделушку. Пнув его ногой, она направилась в другой и освещённый отсек. Кристалл покорно откатился и жалобно звякнул ей вслед, хотя стукнуться так звучно он не мог. Пол в спальном отсеке был мягкий и пружинистый в отличие от твёрдого пола того помещения, где стоял стол со сферой на нём. В ушах возник невнятный шёпот старика-страдальца из сна, и Нэя уже со страхом прижала к ним руки. Не с ума ли она сходит? Или продолжает спать на ходу?

Она тряхнула головой. Дышалось легко, но сильно хотелось пить. Только не отвратного сока, а чистой холодной воды. Рудольф успел всё убрать. Стол, за которым они обедали, был чист, но на полу валялись осколки от разбитого стакана. Другой целый стакан закатился под круглое сидение, вылив из себя остатки всё того же невыносимого сока. Нэя вспомнила свой сон, тотчас же связав грохот поверженной Кристаллом и падающей куда-то Азиры с тем реальным фактом, что Рудольф опрокинул поднос на пол, а звук от его па-

дения трансформировался в её нелепое, страшное, а всё же смешное сновидение. Она усмехнулась от злорадного удовольствия, пусть и во сне, а Азира получила по лбу.

Она вернулась в спальный отсек, прошла мимо валяющегося Рудольфа, стараясь на него не смотреть, и долго плескалась в душевой кабинке, набирала воду полными ладонями, не чувствуя ни малейшего её вкуса и утоления жажды, как будто пила воздух.

– Не пей! Тут вода из подземных скважин и предназначена только для мытья! – крикнул он, следя за нею, но не вставая с постели, – Она плохо очищена.

– Мне сойдёт. Тут моя родная планета, и вода мне родная, а ты пей свою очищенную. Очищайся себе.

Уже в соседнем отсеке, подойдя к шару, стоящему на столе, она увидела своё отражение. Оно было ужасным. Лицо бледное и какое-то заострённое, мокрые волосы спутались. Платье, словно напивавшись её внутренней тяжестью, обвисло на ней, утратило воздушность. Она определила себя как бесформенное чучело, которому лучше всего куда-нибудь спрятаться, но некуда. Не оставалось ничего другого, как тарачиться в сферу. В лазурной оболочке плавали пушистые и белые образования, меняя свои очертания. Она смотрела, заворожённая красотой другого мира. Возник волшебный пейзаж. Необычные деревья, уходящие вдаль, подобно сводам смыкались ветвями, дорожки пестрели красивыми узорами, по шершавым стволам кто-то бегал, рыжий и маленький, с

пушистым хвостом. Нэя засмеялась, так мил был этот зверёк! Она достала заколки из сумочки и стала убирать волосы, чей цвет был точно такой же, как шубка юркового голографического создания из сферы. А ландшафт, зелёный и ярко освещённый золотым, играющим и подвижным, будто одушевлённым светом, уводил глаза, а за ними и душу в глубину неведомого мира...

– Никакого возврата к прошлому времени нет! Я не желаю любить этого пришельца! Его не существует! Есть лишь потребитель моих дорогих услуг...

Он стоял позади, появившись бесшумно. Нэя не обернулась и ничего ему не сказала. Он, вроде бы, перестал для неё существовать, но ей не хотелось, чтобы он её такой видел. Уйти бы самой поскорее, но как?

– Хочешь уйти? – спросил он, – может, останешься?

Она молчала. Остаться? Такой страшной, мятой и взбалмученной? Только уединение, по возможности длительное, от всех закрыться, а от него... спрятаться поскорее!

– Мне требуется отдых и время для того, чтобы привести себя в тот внешний вид, который и будет соответствовать заявленной цене...

– Прекрати!

– Надо ли понимать так, что ты передумал и решил подыскать себе менее затратный вариант? Ещё одну безотказную танцовщицу или ту же незабытую Ифису? Вообще шик! Она будет любить тебя бесплатно, а уж что она включит в это по-

нятие «бесплатно», тут уж боюсь и предположить...

– Рот закрой! Ты заигралась.

– Разве не ты?

– Если такая жажда двигать челюстями, займись завтраком. Я достану? – но сам даже не сделал попытки открыть ту самую камеру в стене, где и хранилась еда.

– Накормил, более чем... – ответила она, избегая смотреть ему в лицо. Он протянул ей ещё один прозрачный шарик. Нэя стукнула его по руке, и крошечный шарик куда-то скатился.

– Ешь их сам! – ответила она, глядя на сферу, и передёрнулась спиной. Попытавшись сыграть гордое презрение, наблюдая, как он изучает её лицо сбоку, она отвергла свою попытку как жалкую, – фасад этой роли не соответствовал. Она и сама не понимала, любит она его или ненавидит? Но преобладающим было чувство растерянности, куда же пропала её утренняя красота, которой она любовалась, пребывая у себя в «Мечте»? Что за измятое чучело взирало на неё из глубин зеркальной сферы? И чем именно он любовался только что, называя её волшебным даром себе? Кто тут ненормальный? Он или она?

– Выпусти меня отсюда! Мне нечем тут дышать... – она дёргала за платье, но застёжка не поддавалась. – Видеть тебя не хочу! Не могу... чтоб ты провалился к настоящему Чёрному владыке... – увидев, что под ногами валяется туфелька, она подняла её и бросила в его сторону, как-то несоответ-

ственно моменту трезво жалея, что потеряла чудесную новую обувь. Вторую же туфлю он уволок.

– Немедленно верни мою обувь!

Он протянул ей туфельку, которую она и бросила только что.

– Другую!

– А где она? – спросил он с идиотской улыбкой, но, похоже, искренне не помнил о том, что сам же её и утащил куда-то. Он точно так же, как и она, выплывал откуда-то, из только что пережитого абсурда, и производил впечатление не до конца очнувшегося, как бывает в процессе похмельного синдрома.

– Там... – она указала в сторону другого отсека. Он ушёл и долго рыскал по углам, но так и не нашёл.

– Куда ж ты её засунула? – спросил он, заметно пребывая в рассредоточенном состоянии.

– Если ты сыграл тут роль Чёрного Владыки, то ты исполнил ту месть, которой грозила моей бабушке «Мать Вода». Кроме этой мести моей бабушке нечего было передать мне по наследству. Теперь отпусти меня!

Он посмотрел на неё тем же смятенным взглядом, что и она на него, – как на помешанную, – но нажал свой браслет.

– Возьми, – он пихал ей закрытый контейнер с каким-то лакомством.

– Я не нищенка, которой отдают недоеденные десерты со столов, разгромленных обжорами!

– Я принёс свежий завтрак...

Нэя не взяла из его рук ничего. Подойдя сзади, он неожиданно сунул ей в рот другой прозрачный шарик, и тот мгновенно растворился.

– Чтобы хорошо спала, – пояснил он, – и добавил, сюсюкая, как с маленькой и неполноценной, – в своих атласных подушечках.

Не давали ему эти подушечки покоя.

Артур – сын Рудольфа

Стена бесшумно отъехала в сторону, и возник красивый юноша Артур. Казалось, с его появлением в отсек хлынула свежая волна воздуха. Одет он был иначе, чем вчерашним уже утром. В рубашке без рукавов, и поэтому Нэя не могла ни отметить редкой красоты его сложения, хотя Артур не обладал из-за возраста ярко выраженной мощью, как большинство землян. Но обещал развиться в мужчину – красавца. Сейчас же лицо его обладало настолько детски лучезарным выражением, что он казался очень крупным подростком, а не взрослым парнем.

– Артур, проводи госпожу Нэю на поверхность, – сказал ему Рудольф на языке Паралеи, не переходя на тот, на котором они общались между собой здесь в своём подземном мире. Его ничуть не озаботило, что гостя стоит босиком.

Артур, видимо, прочувствовал нестандартность ситуа-

ции. Он внимательно смотрел на Нэю. Затем исподлобья глянул на Рудольфа. – Что тут произошло? – спросил он тоже на языке Паралеи. Нэя поняла, что они не переходят на свой язык при наличии рядом местных людей никогда. Артур не знал о её осведомленности ничего.

– А что не так? – Рудольф был строг с Артуром, являя тому свою личную безупречность.

– Что вы тут делали? – спросил вдруг Артур дерзко. Нэю поразил его тон. Она никогда не слышала, чтобы с Рудольфом кто-нибудь так разговаривал. Даже Антон, который говорил, что Рудольф не является пока его шефом окончательно, а скорее больше учителем. Чему он его учил, Нэя не уточняла. Зачем, если он всё равно не говорил больше того, что хотел или мог. Но она замечала, что у них царит чёткая дисциплина и не явно выраженная, но ощущаемая субординация в отношениях.

– Мы? – переспросил Рудольф, – в своё личное время я делаю, что хочу. Разве я у тебя спрашиваю, что делаешь ты, когда свободен? Иди! – приказал он металлическим голосом. – Как себя ведёшь? Ты где находишься? У бабушки за пазухой, что ли? – И перешёл на язык, неизвестный Нэе, и это было нарушение их правил, но, видимо, Рудольф сорвался. Артур вытянулся, и лицо его лишилось эмоций, как и у Олега, когда тот провожал Нэю на выход три дня тому назад.

Они вышли, и Нэя взяла Артура за руку, поскольку казалось, пол под ногами обладает наклоном и медленным тече-

нием как плотная вода, и её точно куда-то унесёт повторно. Артур не выдернул руки, и она, привалившись к нему, почувствовала спасительную устойчивость.

– Почему вы без обуви? – спросил он.

– Я её потеряла, – ответила Нэя.

– Может, вернуться и поискать? – предложил он, делая попытку вернуться.

Она передёрнулась и ответила, – Обойдусь! Я не нищенка, у меня полно обуви.

– А волосы почему мокрые? – не отставал он.

– Я купалась в подземном источнике, то есть в том корыте, куда и бьёт вода из подземных источников. В том помещении было душно, и уж очень хотелось искупаться. Он сказал, что эту воду пить нельзя, а я пила. Теперь что? Отравлена?

– Вода из подземного источника? – уточнил он. – У нас нет отравленных вод. Они все чистые, а некоторые даже минерализованные. Правда, есть жёсткая вода, не очень хорошая для питья, а есть мягкая... – он запнулся. – Почему же вы не искупались в озере на поверхности? Там так много озёр... Было бы разумнее прогуляться по поверхности, а тут... – и опять он запнулся, а потом спросил сурово, – Он продержал вас там со вчерашнего дня?

– Мы с ним путешествовали, но во времени, а как известно, в иных ситуациях время превращается в фикцию... Моя бабушка тоже была когда-то в юности в гостях у подземного владыки. Но вот где же именно она была, того я не

знаю. Здешние подземные владыки кому-то очень приглянулись для цели, как я теперь поняла, получения потомства от них... Только в данной ситуации уж как-нибудь без меня пусть обойдётся тот, от кого я точно рожать не буду...

Артур отпрянул, посчитав её речи бредом. Сажая её в прозрачную подземную машину, он поддерживал её. Понимал её неважное состояние, хотя она и пыталась скрыть, стыдясь этого. У него было совсем юное лицо, и он не скрывал мальчишеского любопытства. Несмотря на внешне безупречное поведение всех в этом городе, Нэя чувствовала, что их отношения сложны и не просты, как и всегда в мире людей. И отношение мальчика, подчинённого, к своему суровому шефу поразило её. В лифте она взглянула в его вопрошающие о чём-то глаза, смотрящие с тревогой и, не удержавшись, опять размокла от слёз.

– Вам плохо? – спросил он. – Давайте вернёмся к нашему врачу? Что с вами? – Он участливо тронул её за плечо.

– Мне хо-хо, отлично! – ответила она ему с вызовом. Хотя его-то вины в произошедшем не было, – Мы так славно развлеклись! А ты выполнил свою миссию посланца и проводил меня к своему подземному владыке. Только он не настоящий подземный владыка. Есть подлинный, Чёрный владыка...

Артур вопрошающе-встревоженно тарачил синие глаза в пушистых и юных ресницах и ничего не понимал. Нэя засмеялась и положила руки ему на плечи, но зачем, она того не понимала. Он замер.

– Как думаешь, почему меня любят лишь старики и мальчишки? – спросила она.

– Разве он старик? И уж, кажется, давно вышел из мальчикового возраста, – Артур облизнул пересохшие от волнения губы, не зная, что ему делать, что отвечать.

– В том-то и дело, что Чёрный Владыка меня как раз не любит. Чёрный Владыка, как и говорила бабушка, умеет только повелительно брать от женщины то, в чём и нуждается, а испытывает ли его избранница ответное чувство, ему всё равно. Да ведь он и знает, что всякая женщина, им избираемая, любит его...

– Кто такой чёрный владыка? Здесь нет никаких владык... какой-то местечковый феодал, так и не сумевший произойти от звериной заготовки в человека, обидел вас когда-то? Мне жаль... если бы я знал, кто он и где живёт, я отшлифовал бы ему его звериную морду... и шеф... Рудольф тоже поступил бы также. Вы только скажите ему, кто и когда вас обидел? У него здесь разветвлённая агентура, и он отомстил бы за ваше былое унижение... я и сам бы мог...

– Былое? Вроде как, я ровесница своей бабушки? Для меня былое это эпоха моей бабушки. Ты воспринимаешь меня как взрослую тётю? Разве я не выгляжу твоей ровесницей? – ведя свою игривую беседу с ним, она отлично понимала своё несоответствие избранной роли опытной чаровницы, потешающейся над наивным юношей.

«Пугало мятое, с закрашенной сединой, с зарёванным ли-

цом стареющей девочки для «кобелиной радости», – она ненавидела себя. Жаль, что пол под ногами и в самом деле не был водой, – бездонной тёмной водой, нырнув в которую, желательно исчезнуть...

– Я хотел сказать... – он в который уже раз растерянно запнулся.

– Ты сказал, «отшлифовать морду»? Морду нельзя уже переделать, на то она и морда, а человеческое лицо трогать нельзя! – тут Нэя засмеялась, войдя вдруг во вкус игры с этим дуралеем и забыв, какая она в данный момент неприбранная, босая и простоволосая, не понимая того, что Артур воспринимает её состояние как ненормальное. Она встала на цыпочки и поцеловала его в шею, поскольку он так и стоял, не препятствуя ей обнимать себя, – Ты же знаешь, где я живу? Вот и приходи ко мне, когда тебе и захочется... А что? Другим можно, а нам с тобой нет? – она ощущала биение его явно человеческого сердца, взволнованность девственного тела, – этот мальчик был чист, не затронут пока даже в собственных мыслях этой, похоже, вселенской порчей, тем, что Рудольф обозначил Эросом, не покусан им, не опробован. А как будет потом?

– Вы не подумайте ничего такого... – пролепетал он. – Я же понимаю вашу подневольность закону этого несправедливого мира, в котором вам не повезло родиться. Я вовсе не считаю местных людей за низко развитых, как иные, но я... Вовсе не испытываю к вам презрения. Вы здесь самая краси-

вая, и глаза у вас почему-то земные, бирюзовые как земное небо... Не плачьте, этот болезненный спазм от воздействия того лекарства... и завтра же вы всё забудете... В какое место он сделал вам укол? – и подземный мальчик пытался задрать рукав платья чуть выше, впрочем, бережным и деликатным движением, чтобы увидеть точку укола в предплечье, но ничего там не обнаружил, – Может, он сделал что-то не так?

– Какой укол? – удивилась она, всё же воспринимая его речь вполне отчётливо. – Ах, укол... Укол был сделан в самое сердце, и оно у меня будто ооченело. Ты не слышишь, как оно бьётся? – Нэя прижала его руку к своей груди, – Нет! Оно точно перестало биться и завтра я умру, так что и забывать будет нечего и некому...

Его рука покорно замерла и не сдвинулась с места. Он боялся вызвать каким-нибудь нечаянным жестом ещё более неадекватную реакцию Нэи, временно сдвинутой. С его точки зрения. А на самом деле она фиксировала происходящее чётким сознанием. Раздвоение ощущений вызывала некая внешняя сила, закрутившая её в себя в том отсеке, а теперь продолжающая тащиться за ней как обрывистая капель за купальщицей, только что вылезшей из воды. Так что ей хотелось встряхнуться и тщательно вытереть всю себя сухой и мягкой тканью...

Она сбросила с себя руку Артура, внезапно перенеся на него ту же ненависть, какую не до конца излила на Рудольфа, мешавшего сделать это своими ласками, которых она столь

долго алкала, зачем и заявила сюда с утра пораньше, а получив, уже не имела сил их принять. Руки Артура повисли вдоль тела, – он и не видел в ней женщину, а лишь несчастное существо, кому не знал, как помочь.

Перед ней стоял ангел и, несмотря на потерянный вид, он обладал без преувеличения нездешним великолепием. И всё же в его внешности уже замечалось преобладание мужественных черт над подростковыми и, возможно, с подспудно начинающейся борьбой между мужественностью и ангельской гармонией. Но пока что ангельская белоснежная скорлупа не имела на себе ни малейшей трещинки, а глубинное, всегда мучительное, шевеление вызревающей мужской самости зримо не проявляло себя ничем. Он воспринимал её речь, как болезненную и бессвязную, а не как нескромное зазывание к неким отношениям. Да ведь так и было в действительности!

Благословенен тот отдалённый мир, где возможно произрастание таких вот мальчиков. Наверное, Рудольф был таким же когда-то... Если бы она встретила его в таком же возрасте, в такой же безупречной целостности, не повреждённой всей его последующей жизнью. И сама была бы тою, какой он увидел её в первый день их встречи... но где бы могло такое произойти, каким образом? Появившись в разных мирах, но встретившись, они несколько разминулись во временах...

Её световое отражение в бирюзовом купальном платье

унесла бирюзовая река за недостижимые пределы горизонта...

Мальчик был удивительно пригож, он сочетал в себе пока ещё не изжитую полудетскую расплывчатость черт и проблиски будущей победоносной мужской красоты. Его подбородок, обещающий также будущую сильную волю, высокий чистый лоб, в меру крупный и в меру утончённый ровный нос, идеальный овал лица, припухлые губы всё это напомнило юного Нэиля, да так нестерпимо остро, что она произнесла, как вчера в холле, – Нэиль! Брат мой... – и уткнулась ему в грудь совсем уж некрасивым после пролитых слёз и последующего болезненного сна лицом. Артур растерянно и участливо обнял её, не понимая, что ему делать. Он стал нажимать свой браслет и от волнения перешёл на неизвестную певучую речь. Инструкция Рудольфа в ответ, который Нэя не услышала, так как воспринимающее устройство было где-то спрятано в ушной раковине землянина, была, видимо, предельно ему понятна.

Выход из «Зеркального Лабиринта»

Артур подвел её к выходу. Прозрачная панель отъехала в сторону, и Нэя очутилась снаружи «Зеркального Лабиринта» одна.

Разгорающийся день обещал быть настолько чудесным, что всё вокруг светилось и будто бы готовилось к праздни-

ку. Подъезжали машины, люди выходили также из внутригородского общественного транспорта, а те, кто жили поблизости, пешком спешили на свои рабочие места. Она впервые очутилась здесь в такое время, когда народ заполнил едва ли не всю площадь, раскинувшуюся перед комплексом зданий «Зеркального Лабиринта». Укрыться от любопытных взглядов не представлялось возможным.

Нэя, странная, непривычная, как зыбкий призрак той, кто была здесь олицетворением столичного блеска, вкуса и безупречных поведенческих манер, шлёпала босая, почти неузнаваемая, – а её тут знали и замечали практически все. Пошатываясь от лекарств, пережитого, голодная, в надетом наизнанку платье она побрела вдоль дороги в сторону своей «Мечты», попутно даже размышляя, какое же дурацкое название придумала она своему предприятию по пошиву одежды. Сменить? И как назвать? «Разочарование»? Или «Очарование для дураков»? Или, чтобы не было никому обидно, «Очарование для...». Многоточие будет давать всякому простор для личного уже творчества. Она же будет знать, что «для дур кромешных». И уже не будет уподобляться одушевлённой ходячей витрине. Только скромные, неброские костюмы, хотя из дорогой ткани, строгое, почти суровое достоинство облика, дежурная улыбка для значимых заказчиков...

Поток сознания стремился унести её как можно дальше от того, что произошло, а ноги как на автопилоте несли её

в сторону дома, ставшего из лучшего худшим, но оставшегося единственным. Рудольф почему-то не поправил её платье и ничуть не озаботился её видом, явно болезненным и скандальным для аккуратной всегда красотки Нэи. На неё не просто обращали внимание, а кое-кто даже останавливался, пропуская её и глядя вслед. Это был скандал, вызов их местному упорядоченному быту, их идеальному внешнему порядку. Они решили, что она пьяна! А что ещё могло прийти им в голову? И хотя встречные люди молчали, голова Нэи наполнилась гулом, как будто она сунула её в осиное гнездо, и воображаемый яростный рой жалил её и без того травмированную психику.

– Тварь со звёзд! – ругалась вслух Нэя, всё понимая ясным уже рассудком. Но не могла идти ровно, её заносило куда-то вбок. От собственной неадекватности, что ли, он дал ей избыточную дозу лекарств для того, чтобы нейтрализовать воздействие эликсира Ласкиры. «Опозорил, как последнюю падшую, что теперь все будут говорить обо мне? Как я его прощу? Ненавижу»!

Остановилась встречная машина и из неё вышел Рэд-Лок. Какое-то время он раздумывал, подвезти или же проводить? Но большая часть пути уже пройдена, и среди деревьев мерцал на холме зелёный с отливом в лиловый, – или же лиловый с переходом в зелёный, – кристалл здания «Мечта». Он бережно взял её под руку, чтобы проводить до «Мечты», не говоря при этом ни слова. Не затаскивать же её в машину на

виду у спешащей или же праздно шатающейся, – и чем одно отличается от другого? – публики. Она даже не придала значения, кто идёт рядом, но была благодарна и такой поддержке. Лица провожатого она не видела. Рэд-Лок был сосредоточен и хмур, стараясь не глядеть на неё. У ступеней, ведущих к входу в кристалл, Нэю взял под руку уже охранник Ихэ-Эл, «Утренний Луч», и сопроводил в само здание. А уж там, потребовав у озадаченного Ихэ-Эла оставить её одну, она и сама доплелась до собственной двери, удивляясь при этом, что сознание по-прежнему было ясным в отличие от заплетающихся ног. Внутри живота будто дикие кошки дрались друг с другом, заодно царапая и её.

– Вы-то как туда попали? – спросила она вполне себе здраво, согнувшись пополам. И подумала, что хорошо бы умереть тихо и незаметно для всех...

Рудольф вернулся в отсек и завалился на ложе, ставшее сценой для спектакля с одним единственным зрителем, что пребывал заточенным в инопланетном Кристалле.

Она ушла, будто волоча на своей спине незримые помятые крылья, на которые наступил тяжелый башмак...

Мысли одновременно требовали осмысления произошедшего и отключения от всякой рефлексии. Осмысливать было тяжело, отключиться не получалось. Об укушенной собственным же смертоносным жалом Азире, думать было невозможно, и он не думал. Та пришла как враг, как наёмная убийца, и он ещё разберётся с тёмным всегда, но определённо

недалёким Чапосом. Если это Чапос. Но мог быть и другой заказчик. Он хватался за любые другие размышления, чтобы не думать о Нэе, но они оттеснялись её обликом за край сознания. Внутри застрял мерзкий сваленный ком впечатлений вчерашнего дня, заставив забыть экстраординарное происшествие с танцовкой с её ядовитым остриём.

Надо было её удержать, дождаться вечера, чтобы проводить самому, но он будто налился свинцовой старческой тяжестью. Странная лень не позволяла не то, чтобы куда-то вылезти, а и пошевелиться. Что там теперь на поверхности? От этой мысли становилось ещё хуже. То, что не волновало его, не могло быть безразлично ей. Местные тролли, если что прознают, не упустят возможности устроить себе бесплатное развлечение, было бы над кем поглумиться. Чем и займутся после окончания рабочего дня, когда выйдут подышать, вяло посплетничать, ловя себе поживы. Скучно. Ничего не происходит такого, чтобы взбодриться им дружно. Да кто ж подарит вам потеху над женщиной, которой вовек не завоюет никто из вас! Такого не будет никогда, пока он охраняет её. Её непохожесть ни на кого, её нездешний облик и личная независимость от местной администрации, первое время вызвали шквал их недовольства, их претензий и жалоб. Они хотели её изгнать из своего «Лучшего города континента». Нэя стала потрясением основ их серого скучного мирка без всяких происшествий и яркости. Но исподтишка ею любовались все. И никому не досталась. Его ждала. И дождалась.

Вернулся Артур. Зло, исподлобья глядя, сказал, – Она дошла. Я проследил по внешнему наблюдению. Какой-то парень помог ей дойти...

– Какой ещё парень... В каком смысле помог дойти?! – потрясённый его заявлением Рудольф приподнялся с постели, – Разве ты не довёз её на машине до самого дома?!

– Нет, – опешил Артур, – ты же сказал до выхода...

– Придурок! А после выхода на машине! Там же стоит моя машина! У тебя же универсальный ключ при себе! Как ты мог отпустить её одну?!

Артур пожал плечами, пропуская сквозь себя гнев шефа как воду сквозь сито. – Надо было давать чёткие инструкции, а ты сказал, до выхода! Что с ней произошло? Последствия инъекции для частичной амнезии? Почему ты сам практикуешь такие серьёзные процедуры, если доктор Франк предупреждал об опасности самостоятельности? Ведь он по любому в курсе здешних сомнительных игр с девушками, и всегда хранит все подземные тайны, хотя они ни для кого уже не тайны. Почему ты отпустил, если ей стало плохо? Если бы тот парень ей не помог и не проводил, она бы упала!

– Ты же увидел, ей плохо! Почему ты сам-то не вернул её?

– Так она не призналась, что ей плохо, стремилась поскорее уйти... я спросил, почему вы босая... Что тут произошло?!

– Ведёшь себя как биоробот! Даже не сообразил, что надо довезти девушку на машине, а если надо, то и внести её

на руках туда, где она и живёт, жалостливый ты тугодум! Не нуждается она в услугах Франка! – Рудольф корчился от собственной вины и стыда перед мальчишкой, – Если догадался, что возникли побочные действия, потеря адекватности, чего не вернулся? А если бы она упала? Придурок!

– Так это я во всём виноват? Если бы упала, то я... то я был бы вынужден нарушить инструкцию, и опять же получил бы дисциплинарное взыскание и опять же оказался виноват. А пояснее нельзя было изложить свою просьбу...

– Приказ! Тебе был дан приказ! Но соображалку почему не включил? Проводить и означает доставить до дома, олух! Ну откуда мне шлют таких вот олухов царя небесного!

– Хватит оскорблять меня! Пусть я и олух, но не царя небесного, а владыки подземного, как тебя тут обозвали. Ты сам почему не привёл в порядок её внешний вид? Чего она шла-то как после пыток из подземной тюрьмы троллей? Это хорошо ещё, что никто из наших не увидел. Но там такая массовка местная с утра пораньше бродит, по всему городу...

– Да плевать мне на них!

– Я заметил, что тебе на всех тут наплевать. Но замечу, что снизу плевать туда, наверх, несподручно как-то...

– У тебя какое образование? Ты будто и не покидал школьного городка младшего цикла обучения...

Видя смятение Рудольфа, Артур вдруг заговорил с ответным напором, – Я был одет не для выхода на поверхность.

Есть же строжайшая инструкция, запрещающая выходить без «маскарада»! Я вывел её наружу по закрытому для местных маршруту, как ты и велел. Я не имел права выходить наружу без ряженки! Ты сам же не предупредил меня о том, что надлежит проводить девушку до двери её дома! – он смотрел гневно и испытующе. Вопросил глазами, не веря объяснениям Рудольфа, и ничего не мог понять...

– Она кто? – Артур с упорством вёл свой допрос. – Она из твоей агентурной сети или же... А все говорили, что ты не такой! Что ты запрещаешь увлекаться местными девушками и задолбил всех дисциплинарными оплеухами. Если вследствие воздействия на мозговые структуры возникла такая реакция как расстройство психики, пусть и кратковременное, необходимо было отправить её к Франку для немедленного осмотра! А если это опасно для жизни? – Артур продолжал думать, что Нэю подвергли воздействию для того, чтобы она забыла о своём посещении подземного города. – Олег так и говорил, что Франк давно замечает, как некоторые сами выступают в роли врачей, не будучи ими. Добывают препараты и сами делают девушкам инъекции, чтобы они всё забыли. А доктор предупреждал, это опасные и зловещие игры, что мозг живого человека не компьютерная игра, взял и удалил информацию, будто всё так просто...

– Прекрати читать мне нравоучения! Ты тут малыш в ясельной фазе своего существования. Пошёл прочь отсюда!

– Не думал, что и ты вовлечён в творящийся тут произ-

вол! – напирал Артур. – Чем же в таком случае ты лучше того местного, так и не сумевшего превратиться из обезьяны в человека...

– О какой обезьяне твоя речь?! – Рудольф уже давно отметил, что образцовый мальчик-сын косноязычен и не всегда умеет ясно выражать свои мысли.

– Да о том феодале, который также обидел её когда-то... – выдумав для себя некоего «местного феодала-обидчика», Артур уже искренне поверил в его реальное существование, пребывая в точно такой же растерянности, как и его отец-шеф.

– Кто посмел обидеть её? – опешил Рудольф, – О чём ты?

– О том, что тут весьма часто происходят подобные эксцессы, которые и приводят к человеческим трагедиям. Обижать женщин, попирать их достоинство тут обычная практика!

– Её никто и никогда не попирали! А если бы посмел кто, его бы уже в живых не было!

– Она же не на Земле появилась на свет. И откуда бы ты узнал всю её прошлую жизнь...

– А ты узнал!

– Она сама мне рассказала.

– Да о ком? Кто конкретно?

– Я не приучен передавать содержание разговоров, которые очень личные. Если ты об этом не знаешь, то она и не захотела тебе ничего рассказать.

– Так у тебя с ней уже завязался личный контакт? – навалившаяся лень помешала тому, чтобы встать и потряхнуть этого малолетку за шкуру. Чтобы вёл себя подобающим образом.

– Если тебе она понравилась, мог бы и погулять с нею вдоль озера, – бормотал Артур. – Там настолько красиво, а то... она для чего-то искупалась в каком-то корыте. Я ничего не понял. О каком подземном источнике она говорила? Почему была такая... ненормальная же!

– Уходи! – заорал Рудольф, свирепея. – Тебе не объяснишь. Ты не знаешь этот мир. Он другой, чем наш. Понятно? Иди! Проваливай! Или хочешь на штрафное дежурство в отдалённый пункт слежения отбиваться от тучи крыланов и вычищать их дерьмо, когда они нагадят тебе за шиворот и на голову?

Артур ушёл, так злобно и демонстративно грохнув ногой в панель входа, что показалось, будто в отсеке затряслись и другие стены. Артур позволял себе тут многое в отношении него, потому что был сыном Лоры. Ни вслух, ни про себя Рудольф никогда не произносил «мой сын», только «сын Лоры». Почему? Он не знал. Он не чувствовал в мальчике ничего родного, ничего близкого себе. Чужой красивый мальчик, отчасти похожий на свою мать, но ни единой своей черты он в сыне не замечал. При взгляде на его прямой и широкий разворот плеч, тонкий стан, длинные ноги, даже восхищаясь неволью, что он и ростом уже превзошёл его, Ру-

дольф, зная, что Артур ему родной по крови, не ощущал к нему отцовской любви. Почему? Это уже невозможно было изменить, как и полюбить в своё время его мать. Навязавшую себя девушку с мнимо глубокими глазами праведницы. Но перепрыгнувшей из постели Александра Ивановича, влюблённого в неё философа, этакого Диогена в чисто условной бочке, давшего обещание ради неё отречься от своего условно-бочкового отшельничества, в объятия едва знакомого курсанта Академии ГРОЗ. Без всякого сколь-нибудь пристойного временного отрезка, – буквально тотчас же, как только будущий космодезантик дал ей намёк, что не против развлечья.

То, чему с его стороны названия дано не было ни тогда, ни теперь, она объявила взаимной любовью до конца их жизненного и обязательно совместного пути, скрепив союз рождением сына. И сын, которого отец не воспитывал, взросления которого не видел, в отцовской любви уже и не нуждался. Артура он вызвал к себе на стажировку сам. Артур всегда смотрел исподлобья на него, а на всех прочих открыто и чисто. У Артура было сложное к нему отношение. Не простил нелюбимого и нелюбящего отца, втайне страдая и ожидая отчего-то всеохватной отцовской любви.

Забывать нельзя помнить

Нэя пришла в свою жилую часть кристалла, стащила опо-

стылевшее платье и свалилась на постель, в те самые подушечки, где была так счастлива. Ведь Чёрный Владыка обо всём знал, смеялся над её подушечками, издевался над теми ночами...

Была неясна граница между душой и физикой тела, и где одно перетекало в другое? Но болело всё, везде, и даже за пределами тела разливалась тягучая мука. Бабушкин эликсир оказался, действительно, опасной штучкой, и передозировка из-за нервической спешки давала о себе знать. Прикосновение к любому предмету сейчас было непереносимо для кожи, для рук, для глаз.

С чего начинать завтрашний день? От загадочных препаратов, данных уже Рудольфом, она проваливалась в сон.

Рудольф, увлечённый игрой с Кристаллом, даже не подозревал о том, что его живая игрушка подвела себя к тому, что могло привести и к гибели – к остановке сердца. А вот мальчик Артур как-то понял именно это. Решая, стоит ли самому пойти к Франку, он, давя свою стыдливость, рассказал обо всём только Олегу. И попросил его пойти в сиреневый кристалл, чтобы разведать саму ситуацию, а в случае осложнений срочно обратиться к доктору Франку. Олег иногда и бродил прогуляться по цветущим зарослям, а также издали поглазеть на девчонок из «Мечты».

Олег угрюмо промолчал, но покорно пошёл на вылазку. Он без труда нашёл Элю, ту самую привлекательную озорницу, далеко не юную девушку, но ладную и души-

стую, как бы и обещающую невнятными уловками и жестами некий нехитрый сюрприз, что безошибочно чувствует всякий, кто устремлён к тому же. Он сунул в руки Эли туфельки хозяйки, переданные Артуром. – Ваша красавица забыла тут... – произнёс он не без смущения.

– Где? У тебя что ли? – развлекалась над ним Эля, отлично зная, откуда именно вернулась Нэя.

– Почему у меня? – искренне и чисто удивился он. – Где-то потеряла вот, а Артур нашёл. Туфельки-то что? Главное, голову не потерять...

– Ей такое не грозит, – ответила Эля. – Воспитание аристократическое, знаешь ли, штука такая. Их с детства обучают держать под контролем все свои эмоции. Хотя она бывшая аристократка, а я учёной дамой стану лишь в будущем, в настоящем-то мы обе равнозначные ничто.

– Как это ничто? – не понял Олег, глядя на Элю неприязненно.

– Пока некто не придаст мне или ей некую приставку к имени, что и произойдёт после посещения Храма Надмирного Света, мы в глазах всего общества – ничто. Рабочие единицы без зримых перспектив на возведение в более значимую степень. Надежда, конечно, есть всегда... – тут Эля взяла его за руку, – О! Какая у вас могучая рука, любезный юноша! Для понимающей женщины такая рука говорит о многом... Это не рука простого работяги. Но и не рука изнеженного аристократа или презирающего грубые физические уси-

лия бюрократа. Вы точно интеллеktуал, но какого-то особого свойства, что ли... Сознайтесь, кем вы работаете в «Зеркальном Лабиринте»?

– Я там не работаю, – честно ответил Олег. – Я лишь иногда там бываю... по всяким разным делам.

– А где вы живёте?

– Где-то тут, – ответил Олег.

– Понятно. Думаете, я напрашиваюсь к вам в гости? Нет. В гости, как правило, зазывают меня, а уж я решаю, стоит ли оно, хождение по гостям, тех последствий, которые могут и возникнуть вдруг...

– Намёк-то на что? – грубо спросил Олег.

– Вы военный? – спросила Эля.

– С чего бы? – он вперился в её лицо с каким-то мальчишеским удивлением.

– Ну... Выправка ваша, осанка особая, да и сильный вы не по годам. Тут много переодетых в обычную одежду военных. Много тех, кто о себе ничего не желают рассказывать. Особый город. Я слышала, тут существуют и подземные лаборатории, и цеха, и ещё какие-то экспериментальные площадки. Да это и не тайна, не считая того, что доступ туда не всякому открыт. А поскольку вы простой парень, да и я женщина простая, чего же нам и не поболтать на досуге, двум простым людям.

– На простую ты не похожа, – брякнул Олег.

– Догадливый, – обворожительно улыбнулась Эля. – Я не

простая, угадал. Если только по происхождению своему, а так-то жизнь у меня была уж точно непростой.

– Какая такая длительная жизнь могла и быть у тебя, если ты выглядишь как та, кто ещё вчера играла в игрушки.

– Игрушки тоже разными бывают, догадливый юноша. Вроде тех, в которые ты до сих пор играешь.

– Чего-о? – протянул он.

– Имею в виду оружие. Чего непонятно? Людей убивал?

– Нет! – ответил он резко.

– Не бывает таких военных, чтобы они не убивали.

– Кто тебе сказал, что я здешний военный? Это твои домыслы.

– Домыслы? Если ты здесь живёшь, то значит здешний. Хотя... у военных глаза жестокие, даже когда они смеются. И руки чёрствые. А ты такой... не смеёшься, а глубинно-нежный, хотя и грустный. А вот руки... – она опять схватилась за его руку, – необыкновенные у тебя руки! Меня такие руки никогда не обнимали... У тебя есть избранница?

– К чему она мне? – Олег мягко освободил свою руку из хватки ладошки этой заманчивой, но ненужной ему женщины. Она лишь вносила чисто визуальное развлечение в его праздный час наряду с прочими безымянными девушками. Потому его поведение также было не совсем внятным для Эли. Но он преодолел собственную неловкость и почти властно допросил её о хозяйке. Что с тою случилось? Как она себя чувствует? Но соблюдая предельный такт и дистанцию

между собой и Элей, которую близко не знал.

Эля была и удивлена, и растеряна. Она рассказала всё, что было возможно в тех границах, чтобы ей самой не влипнуть в неприятность. Хозяйка пришла, перебравшая чего-то не совсем тут дозволенного на каком-то банкете, а теперь спит. Где и с кем, о том Эле знать не положено, себе дороже. Но тут уж всякий волен выбирать себе друзей, а у аристократов запросы особые. Кто того не знает? Олег мало что понял из бормотни Эли, но сказал, что придёт и завтра, чтобы уяснить, всё ли в порядке с владелицей «Мечты» будет следующим утром. А то всякое может быть.

– Ваш «Зеркальный Лабиринт» давно прославился подобными скандалами, в коих бывают замешаны даже аристократические особы, – сказала Эля. – Чего стоит история аристократки Олы – Физ, из-за которой перевернули вверх дном весь «Лучший город континента». Ну, не всюду ищеек и пустили, конечно, но скандал-то был такого масштаба, что если все предыдущие сложить, то и тогда это мизер в сравнении с тем, что и произошёл. Ох, и рыскали! По личным территориям и секретным, по лесу и дну озёр, до мордобития доходило в иных случаях. А девушку-то так и не нашли. Может, у вас там скрыты и другие секретные уровни, где и прячут свои тайны местные влиятельные и весьма образованные мужи? – вот что она сказала. Эля, как и привыкла, гнала словесную пургу, а Олег остолбенел и даже испугался. Он принял её болтовню за её прозрения! Он долго решал, где и что

она могла вызнать по чисто-женской своей пронырливости и её очевидного приближения к тем небедным троллям, которые вряд ли могли отказаться от такой вот женщины для недешёвого местного досуга.

– Но я-то знаю, что Ола-Физ жива и здорова, – продолжила Эля, – и пребывает в таком роскошном особняке, о котором стоило бы помечтать всякой девушке. Хотя, конечно, Ола была аристократка, и только безумная любовь могла толкнуть её на такой вот выбор.

Пояснять Эля не стала ничего. Чапос обрисовал ей ситуацию лишь в общих чертах. А где и с кем жила Ола-Физ, Эля не знала, и знать о том было для неё небезопасно. – Так что нечего там и делать всякой разумной девушке, в вашем «Лабиринте», если ей не хватило ума для того, чтобы пройти конкурс для работы среди столь образованных людей. Я лично там не была, и близко не подхожу!

Олег понял её на свой лад. Он искренне не желал помнить о том, что приносил Эле послание от шефа для совместных дел, о которых сразу сообразил. Он не стал Эле ни о чём напоминать, поняв, что «совместные дела» у шефа возникли с главной персоной «Мечты». Не понимал он только одного, что именно больной на всю голову Венд отчудил с очаровательной троллихой? В тот день Олег так и ушёл, уповая на счастливое окончание мало счастливой истории. – Вот же психопат! – ругался Олег, – Вот же учитель этики и эстетики, а также и эзотерики для нас всех. Вот же маг-баловник!

Нэя спала почти целые сутки. Во сне к ней приполз тот самый серебряный скорпион. Он пытался проникнуть туда, где всё было ужасно. От него разило ледяным холодом, от его прикосновений всё немело, и пропадала чувствительность. Возникли необыкновенные глаза, прекрасное мужское тело, созданное, казалось, с одной лишь целью. Чтобы дарить радость и любовь. Но всем этим завладел Чёрный Владыка с неживым неподвижным лицом. Именно он шептал о том, как сладостно ему давить в ней женщину, чтобы уничтожить её влечение к тем, кто посмеет её любви возжелать. И не было от него спасения. Пустота засасывала её, освобождая от Чёрного Владыки, безвоздушного ужаса, стонов...

Она не проснулась и утром, когда необходимо начинать новый рабочий день. Она забыла заблокировать свою дверь, и Эля вошла к ней не как посланница странного парня из «Зеркального Лабиринта», а как служащая к своей госпоже. Если один день хозяйка могла и не выходить к своему коллективу, хотя бы ради распоряжений, то на второй день оно было и подозрительно. Не поверив беспокойству Олега, да и не поняв толком, чего он хотел, Эля вдруг встревожилась по-настоящему. Долго и с любопытством, смешанным со страхом, она рассматривала спящую поперёк постели Нэю. Сделав собственное умозаключение по поводу увиденного, Эля прикрыла её сверху простынёй и вышла, закрыв дверь. Она ничего и никому не рассказала, а Нэя к обеду и сама выползла из своих привилегированных комнат, чуточку бледнень-

кая, но вполне нормальная и даже деятельная потом.

Олег, придя, как и обещал, сам увидел уже издали, как Нэя снуёт по территории вокруг кристалла, выглядит вполне себе нарядно, как и обычно. Он ушёл, отчего-то не желая уже видеть Элю.

По ЦЭССЭИ поползли слухи о странном, но закономерном происшествии с модельером-дизайнером Нэей из вечно скандального дома моды под названием «Мечта». Да уж! Мечтательница учудила! Как она шла пьяная, и это в месте, где пить категорически запрещалось! «Ничего не соображала, натываясь на людей, на мужчин, которые из сострадания поддерживали её на ногах, чтобы она не свалилась в траву, и свалилась бы, но люди её довели».

– Какая же наглая ложь! – восклицала Эля, собирающая все эти слухи в свою информационную корзиночку как лакомые ягодки, – Нэя пришла сама. У неё всюду друзья. И отчего бы ей не пойти в гости к своим друзьям? И не натыкалась она ни на кого!

– Они все в этом доме мечты такие!

– Мечтательницы о том, чтобы вползти в чужие семейные спальни и занять чужое место!

– Как она сюда попала?

– Как вообще они из-за стен сюда попадают? В наш закрытый город. Лучший город континента.

– Вы не знаете, как и зачем? – и знатоки кивали на «Зеркальный Лабиринт», самый закрытый объект. Таким обра-

зом, уже во второй раз после истории Арсения и Олы, земляне стали причиной утраты авторитета научно-исследовательского объекта, тогда как учёные тролли к тому не были причастны никак.

Вернувшись на территорию «Мечты», Эля, глубоко задумавшись, мысленно выбросила все собранные «ягодки» в цветники, после чего отряхнула свои трудовые ладошки. Незачем Нэе об этом знать, а в лицо никто не посмеет ей бросить ни единого упрёка. За нею стояла мощная защита, какой бы неоднозначной эта мощь ни была, а сунуться к ним уже не посмеет никто. Если хозяйка заплатила за поддержку личным позором, значит, это необходимость ради их дальнейшего процветания здесь.

Выйдя наружу по необходимости, для неотменяемой работы, Нэя мечтала только об одном. Она жаждала затаиться, как моллюск в перламутровой раковине. Действительно, как и уповал на то Олег, некрасивая и тёмная история имела тихое и мирное завершение. Если Нэя и пребывала в некоей остаточной заторможенности, то рядом всегда была Эля. А прочие лишние вопросы не задавали в силу общепринятого бесправия служащих перед работодателем. Их разделяла нешуточная дистанция.

Препараты сотворили чудеса, исцелив нанесённые в подземелье травмы. Тело и душа Нэи пребывали в полусне, или правильнее в некоем отупении, а память словно вывернулась наизнанку, и из неё всё посыпалось, всё перепуталось, а мно-

гое и совсем закатилось неведомо куда. Встал из растревоженной и опрокинутой памяти Нэиль. Его застывшие и уже угасшие синие глаза, какими были в их дворе, у самого входа на дикую ту, наружную лестницу... Нэю привёз туда Тон-Ат на положенное по закону опознание. Закинутая голова, белеющая, казавшаяся такой крепкой, юношеская шея, раскинутые руки и ноги в военных ботинках. Никаких видимых травм, а вскрытие, проведённое позже, обнаружило смертельное повреждение в области шейных позвонков – они были даже и не сломаны, а будто перепилены, но без повреждения мышц и кожных покровов! Как бы внутренняя травма, но абсолютно противоестественная. Кто бы такое ни сотворил, но Рудольф не должен был там быть. Некое чувство всегда подсказывало Нэе, что не будь его там, ничего бы и не произошло. Значит, он нёс вину за тот непоправимый выверт, как в её, так и в своей жизни.

Что осталось сейчас? Один хруст и остался, как от раздавленной ракушки, вместе с осколками, вонзившимися в её, утратившую чувствительность, искусственно анестезированную сердцевину, будто от неё отделившуюся. Вот этим она себя и ощущала, не ведая, как себя собрать воедино и опять стать целостным существом.

Да ведь надо было включаться в работу. А это полёты фантазии, которую губят низшие стихии, и надо как-то преодолеть паралич крыльев, чтобы улететь туда, где она и собирала образы своих будущих коллекций. Куда иначе ей деваться?

В столице нет ничего, никого. Всё, что осталось от прошлых сокровищ, ушло на реализацию её затей. Те деньги, что скопились, как и подачки Рудольфа, неприкосновенный запас! Он необходим как ограда, защита от того пугающего провала, чем представлялось будущее. Да и хотелось ли ей всё тут оставить? Рассудок единственный бодрствовал в ней – ну, уж нет! Она за всё расплатилась! А гордость аристократки, бабушкины заповеди, да как их и пристегнуть к такой-то жизни! Только-только привыкнув к яркому благополучному миру, удобной жизни, уходить в абсолютную непредсказуемость? Забыв всеобщее восхищение, свои наряды, саму их возможность даже утратить?

У столицы было чётко выраженное лицо, вернее, лица. Это жаба, выползшая из отвратительной прошлой грязи, в чьём салоне она шила, не разгибаясь, и которая воровала её идеи и творческие образы, её труд. Это Чапос, опасный и тающий в глубоких глазищах, в мерцании пристальных зрачков, свои непонятные замыслы в отношении неё. Это – наглая Азира, грациозно порхающая по «домам яств» и роскошным лавкам, обманывая не сведущих, откуда она, какие чавкающие пороком притоны были её золотиносными жилами. О том, что Азиры уже не существует, Нэя не знала.

Конечно, там осталась добрая, но ненадёжная и бестолковая Ифиса. Живёт и нищий, чуточку подпорченный, но, несомненно, о ней не забывший Реги-Мон, мечтательный, как и все творческие люди, но и одновременно любитель по-

живиться за счёт состоятельных женщин. Ей пришлось признать, столица была кошмаром, который не мог вернуться в её жизнь. И как забыть утренние посиделки с Антоном? Под трепыханием красивого тента, среди цветников, над которыми радугой мерцает прохладная россыпь брызг из ближайшего фонтана-бассейна. На ажурном столике драгоценные дорогие чашечки из маминой ещё коллекции, из старой их жизни, в них горячим и прозрачным золотом волшебные напитки из цветов, сохраненных и бабушкой, а теперь и ею. Они, высушенные, хранились в плотных особых мешочках, которые были украшены вышивкой, созданной бабушкиными руками. Они хранили не только свой вкус и силу, но и бабушкины заговоры на счастье, в своей долгоживущей растительной ароматной памяти – энергии светила, так учила её Ласкира.

Вспомнился и запах Антона, от которого у неё тогда кружилась голова. Но так было лишь до того момента, когда сладкие воды колдовского колодца, затащили в себя уже окончательно. Теперь-то уж и не всплыть, вольного воздуха не глотнуть – метаболизм души, что называется, изменился необратимо. Нэю сжал всеохватный стыд за себя, за свои мечты, с которыми она направилась в подземный город, где вместе с любовью к Рудольфу Чёрный Владыка конфисковал и её расположенность к Антону. То, что Чёрный Владыка никогда не явился бы сам по себе, если бы не эликсир из флакончика Ласкиры, то есть её собственная оплошность,

она не думала совсем. Виновником был назначен Рудольф. И точка. За всё. За прошлое, за вчерашнее, а в будущее и вовсе заглядывать не хотелось.

Эля приносила ей еду и молчаливо уносила подносы с посудой. Ни о чём не спрашивала. Сочувствовала, но, может быть, и радовалась тому, что подобная участь миновала её. Нэя пока не находила сил в себе, чтобы обедать вместе со всеми, как и было заведено.

Счастливый билет Азиры в мир невзгод

– Только что вернулась из столицы, – сказала Эля в один из дней, – Встретила Чапоса.

Потеря такой работницы, как ловкая и неутомимая Эля в провинциальной усадьбе несла для него убытки. Приходилось платить наёмной работнице для работы в доме чуть больше за двойную нагрузку. А трат у него в связи с аппетитами Азиры всегда немало. Всё, что зарабатывала танцорка, она же и проживала, прихватывая и его ресурсы. Но всё это он поведал Эле не как главное. Главное таилось в том, от чего он заметно потемнел своим лицом. Пропала сама Азира. И судя по опрокинутому виду бывшего мужа, что-то там было неладно-загадочным самой Эле. Либо лгал он, что Азира его разоряет, а на самом деле она также один из источников его доходов, пусть и не существенный. Но Чапос ничем не брезговал, всё, до чего дотягивался, тянул в свои бездонные

тайники. Либо он чего-то боится. Любить такой человек не способен в принципе, считала Эля, по природе своей. У Эли имелась целая теория, выстраданная на собственном опыте, что природа ставит свои особые клейма, как на качественную продукцию, так и на свой брак. Женщине важно лишь этот тайный стигмат увидеть особым мистическим зрением, женской своей интуицией.

– Что есть этот твой стигмат? Какое-то специфическое уродство? Изъян?

– Не обязательно. Интуиция это мгновенное схватывание сути, возникшего перед тобой мужчины. Или ты считаешь, что внешнее совершенство есть показатель полного набора всех превосходных качеств в мужчине?

– В отличие от тебя, я не имею столь богатого опыта в познании мужской природы, – Нэя хваталась за любые посторонние ей сведения, чтобы уйти как можно дальше во всё внешнее и сугубо реальное от своей внутренней кошмарной бездны. От того, чем стала прежняя, аккуратная маленькая и похожая на ухоженную клумбу её личная гармония, которую она мнила вселенской. Но развеянная в ничто не уродом каким с клеймом зримого брака, а именно что образцом мужского совершенства по виду. Упоминание Азиры затронуло Нэю резко и сильно в связи с её появлением в болезненном бреду в отсеке Рудольфа. Дрогнул и вскрикнул некий обнажённый нерв, вырванный из всеобщей анестезии чувств.

Азира вытащила у судьбы счастливый билет, когда пре-

следовала маленькую, всю в бантиках и вышивках румянолицую Нэю своей детской завистью замарашки из затхлого барака. Она считала Нэю жительницей белых облаков, спустившейся в их общий дворик, где играли дети двух не совсем и тождественных, но одинаково бедных мирков. Тогда-то и обратила на неё внимание бабушка Нэи, заметив изящное сложение и красоту лица хулиганки. Она и пристроила Азиру в школу танцев к своей бывшей подруге юности. А какая юность была у бабушки, Нэя не знала и уже не узнает никогда. Никто не сможет ей рассказать. Школа была закрытая и с перспективой на устройство талантливых и не очень, но красивых девочек. Кому как повезёт, кто чем уцепится за зубрины колеса фортуны. Где-то Азира познакомилась и с Гелией. Это произошло уже после бегства Нэи вместе с Тон-Атом. Но счастливый билет Азиры оказался фальшивым. И бабушкиной вины в этом не было, как и самой бабушки уже не было в то время в столице – она жила вместе с Нэей и её старым мужем в загадочной стране за океаном. Но это теперь Нэя догадывалась, что была та, похожая на опал по переливам своих цветов, горная страна заокеанской. И то, как очутилась она там, Нэя не имела в своей памяти сведений, – память заколдовал Тон-Ат.

Редкая внешность Азиры и стала её приговором. Гелия познакомила их с умыслом, давно наметив Азиру на исполнение того, чем не терпела заниматься сама. Но подвела недалёкую танцорку к этому очень тонко, постоянно наме-

кая, какие возможности открывает любой девушке сближение с Рудольфом, капризным и своенравным, но щедрым и сильным. И у Азиры загорелись глаза, и сумочка, пристроенная к позолоченному пояску, расшитая мерцающими бусинами, вдруг отяжелела в её мысленном представлении от денег, которые наполнят вечно пустующий объём. А как дорога и необходима станет она Чапосу, возлюбленному по неординарному характеру, а не по лицу, как это бывает у дурочек. Но Азира не смогла удержать Рудольфа надолго, как ни привлекла его вначале, охватив ласковым профессиональным кокетством, а также природным, сквозившим во всех движениях темпераментом, когда они ужинали в «Ночной лиане». В тёплом мерцании огоньков, рассыпанных в ветвях лиан, сияя глазами, она не казалась тусклой даже в сравнении с Гелией, уже больной и бледной тогда. Она оказалась вторым исключением из правил его устоявшейся жизни в Паралее, кому он позволил войти в хрустальную башню. Ей удалось погрузить его в забытый туман сексуальных полётов. Любви к ней так и не возникло, но влечение было сильным. Она не сразу начала отвращать его грубой жадностью, — она и не была жадна, наглена по наущению Чапоса, жестоко её шантажирующего, заставляющего клянчить за всё деньги. Именно Чапос и был злым демоном в жизни Азиры. Он накачивал её растительным наркотическим дурманом для полной утраты стыда, ради приобретения сверхъестественной бодрости. Не только для Рудольфа, но и прочих желающих.

Желающих было много, но одурманенная Азира была активна как вечный двигатель. Чапос же набивал и набивал, без усталости тоже, свои тайники. Это можно было и снести, если кратковременно. Но ум, в котором и так был недостаток здравого смысла, но тело, имеющее свой предел даже в юности, уже не выдерживали нагрузок. Её неадекватность мало волновала Рудольфа, как и её неприятные личные черты, главным было её искусство давать забвение и телесную радость.

Всё прекратилось, когда Азира попала на изменах, вынуждаемая на них Чапосом, обещающим ей посещение Храма Надмирного Света, чтобы зажечь там зелёный огонь на семейном алтаре. Башня – надстройка над жилым отсеком – сакральный храм любви была осквернена проституткой. Рудольф забросил пирамиду, вытолкав оттуда Азиру и перестав появляться там сам. Пирамида зарастала пылью. В подземном же отсеке Азира оказалась лишь по той самой неожиданной для обеих сторон ситуации, когда забеременела. Тогда же и проявились у неё симптомы расстройства психики. Кто тому поспособствовал, – спящие до времени мутации организма или кто-то из пользователей грубо пихнул её, и она ударилась головой, в которой и повредилась хрупкая взаимосвязь её нейронов, возник роковой разрыв или путаница в этой загадочной живой и разумной сети, узнать о том никто и не стремился. Доктор Франк? Он отмахнулся, сказав, что не может взвалить на себя такую нагрузку, отняв время у

своих подопечных из подземного города. А с душевным разладом в подземном городе находиться было невозможно, и доктор порой не спал-не ел, что называется, исцеляя тех, кто и был ему поручен, в случае возникающих порой неполадок, особыми структурами Земли.

– У меня тут не дурдом! – заорал он в лицо Рудольфу, ненавидя его самой свирепой из возможных для него степеней ненависти. Может быть, а скорее всего обязательно, он потом принялся бы за лечение свихнувшейся троллихи, но Гелия быстренько нашла уникального психиатра. Тогда Рудольф и понятия не имел, что утончённый человек с пронзительным взглядом ярких не по-стариковски глаз был Тон-Ат – муж Нэи. Тон-Ат стал лечить Азиру. Она оказалась ко всему прочему беременной. Генетический анализ, сделанный по просьбе Рудольфа доктором Франком в подземном городе, показал, что Азира носила плод от их совместных с Рудольфом утех, поэтому он и проявил заботу о её зашибленной голове. Зашибленной, как считал сам Рудольф, не им, а этим миром. И задолго до появления Рудольфа в жизни Азиры это случилось.

Азира жаловалась Тон-Ату, что человек, которого она полюбила, оказался демоном, утащил её в подземелье, где она потеряла ум, – она была временами и с прояснённым сознанием, – и не выпускал из страшной преисподней сутками. Иногда демон был добрым по-прежнему. Угощал вкусной едой и плакал на её груди, жалуясь, как больно ему тут жить.

Как хочет он куда-то, где есть синее небо и чистая девушка, умеющая любить. Но был он отринут синим загадочным небом и утратил девушку, глаза которой и отражали это самое небо. Любовь демона становилась человеческой, когда слёзы размягчали его металлическую оболочку. Он становился мягким и простым. Снимал эту оболочку, превращаясь в бесподобного золотистого красавца. И Азира в такие минуты прощала его, ласкала, как он хотел, жалела и просила Надмирный Свет простить его и выпустить из бесконечных запутанных лабиринтов, отпустить к его синему небу, где бы оно ни находилось. Если это выдумка, пусть слоняется себе в выдуманном мире. За проявляемое сочувствие демон её щедро награждал, отдавая кучу денег, обычно отдаваемых Гелии. Но вот беда, Азира не помнила, где находились её собственные тайники. Может, великий маг-врачеватель поможет вспомнить и это? Маг и помог, только тайники были уже опустошены ко времени её выздоровления. Кем? Кто ж знает... Выпуская её из своей клиники врачеватель дал ей много денег, сказав, что они переданы Гелией. Азира не поверила. Гелия, корыстная и высокомерная, никогда никому не дарила подарков.

Азира была хитра, завистлива, пронырлива, но недалёкая в своих прогнозах на дальнейшее. Это и повлияло на её легкое согласие сотрудничать с Чапосом, когда он обольстил её обещаниями. Ведь она понимала до своего срыва в безумие, что Рудольф не может быть тем, с кем она сможет прожить

всю жизнь. Что он какой-то редкий и временный дар, который ей необходимо по максимуму использовать. Ей хотелось не только богатства, но хотелось также и вылезти из надоевших, склизких для души притонов, где она устала жить, держась на искусственных стимуляторах. Попытка использовать для этого странного обитателя города ЦЭССЭИ оказалась неудачной...

Вернув ей здравомыслие, врачеватель с неизбежностью вернул и часть мучительной памяти. На её глазах подземный владыка страшным белым лучом, тонким и беззвучным, прожигал насквозь неизвестных людей. Причём, крови не было никогда. Азира не знала, что это за люди. В этом же страшном месте он держал её, а убитых утаскивали страшные и неведомые чудовища со странными руками-лапами и мерцающим панцирем.

Страшные фантомы ещё долго терзали её психику. То, что они не являлись разумными существами, а только машинами, до неё не доходило. Они, жужжа и скрипя, не только проникали в раздвигающиеся сами собой стены серебряных пещер, но и реагировали на присутствие самой Азиры, издавая некую речь, обращаясь к ней и призывая тех из служителей подземного владыки, которые почти и не отличались по своему виду от людей.

Не исключалось, что никто специально не стремился её ужасать. Она всего лишь по своей невероятной пронырливости и жажде познать тёмные тайны других, как-то спрята-

лась и подсмотрела то, что для её глаз не предназначалось. Она пнула панцирное чудовище ногой, и получила удар такой силы, что упала, а очнулась в светлом и красивом помещении, где обитал старый целитель. Мрак, накрывший её голову на момент болезни, спутал впоследствии все причины и следствия во вневременном и внепространственном абсурде. Она рассказывала Тон-Ату, как спала на постели похожей на воду, в которой нельзя было утонуть. Иногда подземный владыка был в сине-серебряном одеянии, а иногда и в чёрном. Иногда бритоголовым, а иногда и с волосами. Было и так, что она видела рядом с собой несколько подземных оборотней, но у всех были одинаковые лица, как ей казалось.

Когда же оборотень жалел её, то укрывал белым и пушистым крылом, гладил ей спину, скользя по коже очень приятно, и просил простить за всё. И те же самые руки, что казались железными, становились мягкими и человеческими, а её от этих поглаживаний охватывал приятный озноб, и она засыпала. Но ощущение бесповоротности того, что уже не вернётся к ней человек из верхнего мира, двойник подземного владыки, вызывало у Азиры отчаяние. Она жаловалась Тон-Ату, что белый луч, исходящий от страшных панцирных существ подземного мира отрезал от неё её прошлую жизнь вместе с её душой навсегда, сделав её калеккой. Очень долго Азира была уверена, что побывала на том свете у служителей настоящего Чёрного Владыки, но самого его не встречала. У главного оборотня были в его подземельях другие су-

щества-помощники, гуляющие в его бесконечных лабиринтах. Она видела, когда попыталась однажды сбежать. И эти существа не спасли её, а привели к своему владыке назад. Подземный владыка не оставил её и в снах, пугая и выедавая остатки души.

Не только невозможные в реальности подземного города мучения, но и панцирные чудовища являли для Нэи загадку. Азира блуждала в собственных кошмарах? Мрачные сновидения заменили собою пережитые некогда реальные события, а в памяти Азиры болезнь свалила в беспорядке какие-то фрагменты реальности, перемешав их с бредом?

Тон-Ат помог Азире, но девушке пришлось покинуть мир искусства, – карьера оказалась сломана. Она не затерялась, вернувшись из провинции, где у неё родился ребёнок. Она, благодаря другу Чапосу, перешла на вольницу, завися теперь только от него, и считала себя в определённом смысле избранной и лучшей в среде себе подобных. Уточнять, что же такое этот «определённый смысл», не возникало и желания. Азира не простила Гелию, преследуя ту до самого трагического конца её жизни, грозя страшными карами. Она считала, что Гелия подставила её оборотню, а тот и утащил её в свою серебряную нору...

Впоследствии Азира с Чапосом заселились в опустевшую квартиру Гелии, завладев её имуществом. Отчего-то никто, ни родственники Гелии, ни сам Рудольф, якобы муж Гелии, не проявили ни малейшего интереса к наследству совсем не

бедной столичной актрисы. Их не интересовали ни её вещи, ни её пропавшие драгоценности. Нэя же знала, как мало значения придавал Рудольф местной роскоши, даже совсем не придавал ни малейшего значения. И если бы некому было украсть богатство Гелии, то оно бы, возможно, так и валялось в пустой квартире, не востребованное наследниками.

Азира – охотница, ставшая добычей

Уже оставшись одна без бабушки, покинув старый дом Тон-Ата, Нэя встретила Азиру в сутолоке столицы. Она узнала Азиру сразу, но была уверена, что Азира утратила память о прошлом после своего исцеления. Оказалось иначе. Азира тоже узнала её и обрадовалась встрече. Предложила отдохнуть вместе за чашечкой с горячим фруктовым напитком и сладкой булочкой в ягодной глазури. Она ни о чём не расспрашивала Нэю, но из дальнейшего разговора выяснилось, что перемены в её личной судьбе Азире известны. И то, что обрывки прошлого оказались странно перепутанными и увязанными между собой причудливым образом в существо Азиры, упрощало общение. Это был только акт вежливости с её стороны на приглашение Азиры пойти им вместе в кондитерскую, любимую с юности. Неожиданно это навязанное общение увлекло. К тому времени былая ревность-ненависть Нэи к Азире не то, чтобы угасла, но перестала быть актуальной. Ведь сам объект их женской распри уже ни одной из

них не принадлежал. Да и Азира не питала уже былой зависти – к чему? Ни заискивания, – ведь сама Азира ощущала себя на взлёте по сравнению с полунищим существованием Нэи, – ни спеси, которую она проявляла направо и налево ко всем прочим. Осталось то, что существовало всегда, но в чём не нуждалась Нэя, – стремление к дружбе... Только тогда за столиком кондитерской Нэя с многолетним запозданием и уловила то, что её удивило, но что присутствовало всегда в отношении Азиры к ней. То, что вырастало из детства, – восхищение, подспудная любовь к ней со стороны взбалмошной бывшей уличной хулиганки... Она неожиданно предложила Нэе выкупить у неё ребёнка, редкую по красоте светловолосую девочку. Ведь у Нэи нет теперь мужа.

– Кому ж теперь ты и нужна, подурневшая и постаревшая, – Азира не удержалась и воткнула одну из запаса своих иголок в тонко-чувствительную собеседницу. Слова той, кто всегда мнила Нэю своей соперницей по красоте, не соответствовали правде. Нэя выглядела всё также необычно и, став вполне сложившейся женщиной, только выигрывала в сравнении с наивной своей юностью.

– Но ведь деньги-то остались? Не могли не остаться от такого богача? – взгляд Азиры стал точно таким же, как в детстве, когда она хотела пирожных и начинала косить глазами от неодолимого вожделения к чужому лакомству. Покупателей на ребёнка много, но Азира желает уступить ребёнка вдове своего врачевателя. Азире не безразлично, кто

будет воспитывать ребёнка, станет ему матерью, – Ты добрая, утончённая, ты дашь ей совсем другую судьбу, чем была моя. И бедность твоя временная, я почему-то уверена в твоей скорой удаче. Тебе на роду с детства уготована необычная судьба, и она ещё не сказала своего окончательного слова по отношению к тебе. Отец ребёнка был чудовищем. О, нет, внешнею он был одарён, как никто, но по характеру... Впрочем, нечего о нём и вспоминать. Но девочка – чудо красоты.

– Кто же был отец? – спросила Нэя, играя в неосведомлённость. Но то, что начала говорить Азира напоминало многослойный бред и вызывало сомнение в том, что Тон-Ат её вылечил до конца.

– Ты не знаешь ничего, но Гелия только притворилась погибшей, потому что по ночам она приходит в свою прежнюю квартиру, (ты же в курсе, что я там теперь живу?) и ложится рядом, толкая меня. Говорит: «Ты зачем улеглась на моё место? И где мои драгоценности, которые были здесь»? «Какие ещё и драгоценности»? – так спрашиваю...

Нэя смотрела на руки Азиры, украшенные браслетами Гелии и её перстнями. Азира перехватывала взгляд, – Мне дарят мои поклонники, что ценят моё искусство. Я беру. Красиво же! Многие немолодые мужчины сознавались мне потом, что я на время, конечно, оживляю их чувства в отношении их же жён. А уж где кто приобретал подобные блестящие и дорогущие штучки, мне-то что? Мало ли шастает ворья в

столице? Ну так вот. «Отдай всё дочери», – говорит мне Гелия. «Чьей? Твоей или моей?» – спрашиваю.

– Тебе не было страшно? – удивлялась Нэя, не зная, как и относиться к жуткому повествованию Азиры.

– Было, и ещё как! Волосы на голове шевелились, руки и ноги отнимались. Она мне потом: «Отдай их лучше в Храм Надмирного Света, как плату за ритуал для бедных девушек». Разбежалась! Отдам я. Я их заработала таким потом, и не только телесным, но и душевным потом, и отдай! Кто мне чего отдал?

Нэя тут же замечала её непоследовательность. То дарили, то заработала. Но замечаний Азире не делала, чтобы не раздражать. Азира продолжала, – Она мне потом: «Дочь свою Нэе отдай. Она даст ей другую судьбу, чем та, на какую обрела её ты». Ну, я подумала, почему и нет. Ты будешь ей прекрасная мать, лучше и не найти мне.

От вполне разумной речи, если не считать пересказ беседы с призраком, Азира перешла к своему прошлому. Гелия, говорила она, с лицом дочери Надмирного Света, доставила её оборотню в хрустальный чертог, где тот прокусил её душу своим ядовитым жалом, навсегда отравив её. У него была одежда, на которой и жил кусачий монстр, зверь с хвостом, который и кусал её в преисподней планеты. А хрустальный и волшебный дом был ловушкой, чтобы обмануть и спустить оттуда в страшный лабиринт, из которого нет выхода...

Нэя слушала её, замирая от холодящего душу ужаса, по-

нимая, о ком рассказывает Азира. А та продолжала. Чёрный Владыка на самом деле живёт в глубинах Паралеи, охраняемый множеством своих служителей-оборотней. Люди думают, там ничего и никого нет, но это не так. Там целый мир, запутанный и непохожий на мир верхний. На поверхности оборотни принимают облик красивых мужчин с ласковыми небесно-светлыми глазами, обольщающими девушек. Лично она, Азира, после тех страшных времен, проведённых в запредельных подземельях, утратила вкус на мужчин, потому что оборотни, а их там много, выгрызли из неё женщину навсегда. И то, что она такая сейчас, Гелия и виновата.

Азира кидала заносчивые взгляды на окружающих людей вокруг, но Нэя, сидя рядом, видела, как ей страшны даже воспоминания о прошлом, которое перепуталось у неё с болезненными измышлениями повреждённого сознания.

Пока они обсуждали свою сделку, сидя в уличной пристройке «Дома лакомок», перейдя на меркантильные темы, Азира вмиг обрела адекватность и проявила свою привычную жадность. Она была вульгарно накрашена, развязна, и дорогая одежда выглядела на ней убого из-за отсутствия внутреннего достоинства и внешнего вкуса.

– Ты ужасно подурнела, – опять говорила она Нэе, – исхудала вся! Вон ручки какие тонкие стали вместе с ножками – палочками. А прежде ты была как «сливочная бомбочка», пышная и ароматная. От тебя всегда пахло чем-то вкусным. Впрочем, и теперь тоже, – Азира принохивалась к платью

Нэя, едва не сунув ткань себе в ноздри. Нэя нервно дёрнулась от её дикой выходки с обнюхиванием платья, но любопытство мешало ей уйти от полупомешанной, но, не исключено, вполне искренней в данный момент танцорки.

– Ребёнок для тебя шанс не остаться одной на старости лет. Тебе будет непросто здесь без твоего мужа, баловавшего тебя сказочной жизнью. У тебя же нет качеств, нужных для того, чтобы заставить себя полюбить, если иметь в виду достойных мужчин, а не оборвышей и нищих прихлебателей. А твои картины? Смешно! Кому эта чушь принесла процветание? Вот я. Скоро выхожу замуж за не последнего тут человека.

– Что же не бросаешь своё негодное ремесло? – спросила Нэя.

– Денег не бывает много, – Азира смотрела свысока, – Надо пользоваться, пока есть спрос, – и она сверкала кольцами и браслетами Гелии. Нэя выклянчила у неё заколки Гелии с тёмно-голубыми сапфирами. Азира не понимала подлинной стоимости камней. Жадность же к деньгам была столь велика, что предложи ей Нэя деньги за платье, она бы и сняла его тут же и пошла бы домой в нижнем белье. Мнение окружающих волновало её мало. Нэя не испытывала в ту встречу к ней даже неприязни. Азира выживала, как умела. Её, как и Нэю, некому было защищать, и все её рассказы о могучих покровителях являлись бахвальством.

– Хочешь, я найду и тебе покровителя? У меня есть

один. – и Азира достала из душистой глубины сумочки жуткую личину Чапоса на твёрдой пластине. – «Шикарный мужик! Найдёт тебе любого богача, да и сам умеет любить как божество.

– Все-то у тебя то божество, то оборотень», – невесело усмехнулась Нэя, – «а где нормальные люди?

– Был один. Сама знаешь, кто... – глаза её затуманились влажной облачностью.

– Значит, оборотень тебя так и не полюбил?

– Встреть я нормального парня после гибели Нэиля, уж точно полюбил бы. Но нормальных мужчин на всех женщин не хватает.

– Так ведь и женщины не все нормальные.

– На меня, что ли, намёк? Я полностью уже здорова.

– Где же ты жила с этим... оборотнем?

– Не жила я с ним! Иногда лишь привозил меня в красивый город... Мы ночевали в хрустальной прозрачной спальне. А снаружи тот дом не выглядела прозрачным. Там было сказочно. Потом уж выяснилось, что он оборотень, и за приближение к нему я заплатила здоровьем и карьерой. А так? Где бы я сейчас и находилась... – её губы тряслись, но глаза были сухими и злыми

– В какой роскоши могла бы я обитать, – она прижала ароматный лоскуток для лица к своим глазам. – Самые бездарные из танцевальной школы прекрасно устроились. Одна я выпала в самый низ...

Но умела ли она плакать? Нэя не видела того даже в её детстве, – За что же тебе так досталось? – спросила Нэя, жалея её.

– Ну... я же говорю. Оборотень. Чёрный Владыка, принявший вид красавца. И Гелия такая же была. Оборотень. Злая, двуличная, она только притворялась белолицым воплощением самой Матери Воды. Чего она и вытворяла на тайных сборищах аристократов! Ты не знала? Вот они на парочку со своим демоном и бродили в поисках доверчивых душ, чтобы их пожирать. Они же не были людьми. Люди и не бывают такими красивыми и богатыми, не живут в хрустальных домах. А камни у него везде там валялись, в его пещерах. И в прозрачной, и в подземной. Он их и не считал ни за что. Говорил, что сам умеет их делать из ничего, при посредстве своего волшебства.

– Как тебе было с ним? Ну... в этом прозрачном доме»? – спросила Нэя, страдая.

– Забыла я всё! Чувства все утрачены вместе с памятью.

– Но ведь своего первого ты любила бескорыстно. Или его тоже забыла»??

– Я забыла, когда и с кем было впервые... Я вообще не помню своих мужчин, кроме нескольких штук, – она назвала своих мужчин «штуками», а правильнее было бы измерять десятками. Один десяток, два десятка и так далее... – Я ведь сама напросилась, хотела разбогатеть как Гелия.

– Не любила его?

Азира презрительно сказала, – Хо-хо! Отлично! – и сооронила гримасу точно такую же, как в детстве, когда дразнилась. – Мне такое словечко ни о чём не говорит! Ты, что ли, любила старика своего? А ведь жила. И правильно. Захочешь выжить и не на то пойдёшь. А тот поначалу-то... шикарным он был... да и деньги он никогда не жалел, если они у него были. Если Гелия меня не опережала и всё, что у него было, утаскивала! Что толку в богаче, если его богатство не про тебя? Щедрых надо искать, а не богатых. Нет! Опять не то. Если счастья нет, красота женщине только обременение! Ты-то сморчку, надеюсь, не девушкой досталась? И не представишь себе, как без любви-то оно и возможно в первый раз...

Тут уж и Нэя разоткровенничалась, – У меня тоже возлюбленный был до него.

– Бедный был? – сочувственно спросила Азира, – У меня тоже так было... – она помотала головой, будто хотела таким вот образом привести свои наличные мысли в стройный порядок. – Зачем помнить о том, в чём нет пользы, но есть печаль? Не помню я никого! Не хочу. Только оборотни и застряли в памяти. Рада бы не помнить, да как забудешь? Хотя всё как сон помню, в пелене будто, расплывчато. Как бред. У меня же и был психоз от той травы, что я пила ради восстановления сил. Тон-Ат так и говорил. Выдумка сознания, искаженное восприятие реальности, сдвиг, одним словом. Волшебник был твой Тон-Ат. Да хранит Надмирный

Свет его душу!

Не будет тебе прощения. Никогда!

В тот день Нэя носилась в спешке. Здешние показы были ей мало интересны, но они являлись как бы репетицией к тому основному, что проходил в столице, где и распродавались её платья в своём большинстве рафинированной публике, всем пресыщенной. Её ждали, выделяли и покупали её коллекции все целиком. В Лучшем городе континента любителей экзотики оказалось немало, но в количестве несопоставимом в сравнении с прочими обитателями континента, стекающимися в столицу. Да и деньги после безденежья в столице, когда последние средства были отданы за ребёнка, которого она так и не увидела, Нэя сберегала, пряча в свои подушечки. Азира же просчитала её доверчивость и воспользовалась им, вовсе не заботясь исполнением обещания. Решила повторно продать своё несчастное дитя другим желающим.

Слишком неустойчивым казался Нэе мир внезапного благополучия даже в его тихие дни. Так оно и вышло. Он готов был, оказывается, рухнуть в любую минуту. Любовь, на которой она мечтала выстроить свой сказочный мир будущего счастья, как в наивной песенке оказался миром – иллюзией из пыли. Душа сжималась в больной комок при мысли о такой вот любви, что расплющила её в подземельях.

К ней подошла Эля. Она растерянно, но с затаённым знанием того, что так стыдно было Нэе и обнаружить, подала маленькую коробочку из голубоватого пластика. Нэя взяла странный предмет дрожащими руками, почуяв недоброе. Даже не почуяв, а всё поняв.

– Из «Зеркального Лабиринта» приходил прекрасный мальчик с ресницами, как у девочки, стройный и бесподобный. Тебе велел передать от Руда.

За прозрачной стеной на террасе, сидя на ступенях, смеялся Артур, одетый в местную одежду – в узкие штаны и просторную рубашку. Озорная девчонка дергала его за хвостик волос сзади, забавляющий её. Он хватал её за руку, – это была игра, и не спешил уходить. «Посиди в таком возрасте в подземных лабиринтах без девичьего общества», – как-то вскользь думала Нэя, завидуя девчонке и их чистой игре, их весёлой беспечности. Она вскрыла упаковку и увидела синюю коробочку поменьше. Открыв коробочку-футляр, обнаружила там кольцо сказочной красоты. Камень назывался «слеза Матери Воды». У Гелии их было много. Но такой необычной голубой «каменной воды» чистейшего блеска Нэя не видела нигде. Он ярко сиял под верхним светом прозрачного потолка. И вместо радости Нэе показалось, будто из футляра выскочила незримая сила и толкнула её в грудь. Стало больно, и она... заплакала!

В присутствии Рэда-Лока, его жены, а также Эли. Они, ничего не понимая, смотрели на неё. Жена Рэда вовсе не

была по виду свирепой. Она имела изящную фигуру, точёную голову на стройной шее и не соответствующее возрасту полудетское лицо. Казалось невероятным, что она мать троих детей. Наверное, Рэд пошёл с нею в Храм Надмирного Света, когда она была подростком. Такое происходило часто, если девушка обладала заметной привлекательностью и уже созрела физически для супружеской близости. В отличие от земных пришельцев здешние мужчины никаких запретов, связанных с ранним возрастом девушек, не имели. С Элей эта молоденькая дама вела себя как со служанкой, лично для неё не опасной, ласково и внутренне неуважительно. На Нюю же всегда смотрела напряжённо-оценивающе, понимая, что дать низкую оценку не получится, а высокую – сомнение не позволяло. Эта женщина не замечала, как выразительно Эля косит глазами на её мужа из-под полуприкрытых век с загнутыми ресницами, на кончиках которых играют яркие озорные блики, – ресницы Эли тоже были красноватые на свету. А Рэд с наигранным равнодушием смотрел в прозрачный потолок. Его, действительно, не интересовала Эля на данный момент, – Эля же всегда в доступе, лишь дай полунамёк. Будоражила только хозяйка дорогушей и в этом смысле ненавистной ему «Мечты». Он мирился с тратами, поскольку всегда был виноват перед своей женой. Не только из-за Эли. Много ещё из-за кого. А жена вымогала у него эти подарки, думая, что он не может отказать по причине её личной неотразимости.

Меньше всего на свете Нэя хотела бы в присутствии этой пары заливаться слезами, а продолжала беззвучно и неудержимо плакать, как на похоронах. Это и впрямь были похороны её прежней и безмятежной жизни здесь, за которую пришла расплата. Паук дёргал за паутину, и она дёргалась, не имея сил освободиться из его паутины, чувствуя себя укушенной мухой, как он её обозвал. Яд был внутри, и хотя сок жизни не был выпит пауком, она знала, что он её не отпустит, хотя и обещал свободный выход в любую минуту. Да и куда ей было уходить? На какой выход она могла смотреть? В ту сторону, в столицу? Она была такой же непредставимой, как и пепельная пустыня. Нэя не понимала, что плачет у всех на виду.

– Что с вами, что случилось, госпожа Нэя? – верещала жена Рэда, округляя надменные, а всё равно полудетские, неумные глаза, не замечая, как муж дёргал её за рукав, призывая не лезть не в своё дело. Забыв о клиентах, Нэя побрела прочь. Эля пожала плечами, понимая её срыв на виду у посторонних и жалея её.

Чтобы заретушировать странности хозяйки, она засуетилась, рассыпаясь в извинениях, изучив все тонкости обхождения с местной привередливой публикой, всегда готовая заменить Нэю всюду, где могла и где не могла. А всё равно уверенно изображала из себя даже более властную, чем Нэя, более сведущую во всём. Не раз было и такое, что Эля обманывала клиентов, завышая заранее оговорённую цену, приду-

мывая обоснования для этого. То пуговицы да кружева пришлось приобрести дорогущие, то нити уникально прочные, то камушки заказывались у редчайших мастеров. А камушки-то были стекляшками. Так что за Нэей, благодаря Эле, тянулся шлейф мелкой обманщицы и лукавой халтурщицы, хотя и очень талантливой в своём ремесле украшательства. Неподражаемой, незаменимой для многих, входящих в её храм текстильной красоты, но не без изъянов...

Эля уже набросилась на свою неожиданную и возможную поживу, с ходу прикидывая, на чём можно хотя бы и чуть-чуть зависить цену.

Нэя была уже за пределами холла для посетителей. Она плюхнулась в креслице в пустынном зале показов, теребя коробочку в немеющих пальцах. От лихорадочного притока крови ломило капилляры на лице, а ноги и руки стыли от холода.

Чего он хочет опять? Роль дорогой наложницы, очаровательной актрисы – притворщицы, изображающей из себя особую деву – всё то, чем она бравировала у него в подземном отсеке, вдруг перестала ей нравиться. Она и не была к тому способна! Мастера искусства лицедейства забраковали её Школе Искусств не зря! У неё замерцал браслет связи. Она нажала включение, и голос, который она не могла ни узнать, но непривычно мягкий, ей сказал, – Не бойся. Повторения того раза уже не будет. Надень что-нибудь своё любимое. Сегодня ты забудешь обо всём плохом. Я тебя вылечу.

Тот раз был тебе уроком. Ты же поняла это? Будет всё иначе. Ты и сама хочешь прийти. Придёшь?

Нэя ничего не отвечала. От этого голоса она чувствовала мучительное, но томление! Как девственница, испытав муку, опять хочет любви, так и она хотела повторения ушедшей юности. Но обида была сильнее. Незримая паутина дёргала за какой-то болевой центр, кем бы она ни была, мухой или запутавшейся в тягостно-мистической паутине бабочкой. И возможен ли он для неё опять, этот полёт бабочки?

Ещё одна фея Паралеи

Фея – бабочка

Предвесеннее небо казалось обесцвеченным, с наплывами серых туч и с прожилками зеленоватого перламутра, обещающего скорую и пригожую погоду. И в этой пустоте, подобной гигантской опрокинутой чаше, возникли вначале две тёмные крапины, по мере увеличения приобретающие очертания крылатых существ. Но птицами они не были, становясь всё больше и больше по мере приближения к неровной и вздыбленной поверхности горного массива. Одна фигурка была женская в сером балахоне, а вторая мужская, худая, похожая на фантастического богомола. Их крылья мерцали бликами, то зелёными, то розоватыми, когда они спускались на выступ горы, похожий на массивную ступень, выточенную великаном, повисшую в пустоте над провалом, уходящим куда-то вниз. Дальше открывалась живописная и причудливая панорама бесконечной горной страны.

Старик нашёл панель, искусно замаскированную под камень, и нажал на неё. Открылся вход внутрь, куда и вошли эти двое, старик и девушка. Пещера была небольшой, даже уютной. В ней было несколько ниш, разных по размеру и глу-

бине. Само помещение залил неяркий свет, едва дверь закрылась, вернее кусок скалы, маскирующий вход. Свет был похож на дневной, но такой, какой бывает в пасмурную погоду. Девушка и старик сбросили крылья, и девушка радостно забегала по пещере, выдавая своими юркими движениями свою юность, пограничную ещё с детством. Она ловко и привычно вытянула из одной ниши сплетённый из гибких прутьев короб. Открыла крышку и высыпала содержимое на пол пещеры. Цветное тряпье, какие-то камушки и ювелирные изделия, пара тифлек. Она принялась перебирать их, радуясь их великолепию.

– Вот же ты, упрямая, почему бабка не сожгла всё это? – говоря так, старик поднял ожерелье из кристаллов неведомого ему мира. Они были белые, полупрозрачные, с голубоватыми переливами, Он долго и задумчиво смотрел на них.

– Дедушка, смотри, – и девушка с восхищением вынула платье, подобное кристаллам по цвету, нежнейшее, воздушное. Сбросив свою серую тунику, она накинула проворным движением это платье на себя и утонула в нём, как в облаке.

– Дедушка, ты замечаешь, как я похудела? Оно становится мне велико. Но я не помню того, что мама была толстая.

– Она была старше, поэтому и солиднее, чем ты, и как бы тебе сказать, с более пышными формами.

– Почему я другая?

– Но и она в юности была как стебелёк. Брось ты это старье! Это платье блудницы.

– А кто это?

– Тебе и не надо знать. В таких платьях ходят те, кто играют всю жизнь в свои непристойные игры, развращая других. Лицедейки. В своих раскрашенных под жизнь домах, называемых «театром».

– Что они там делают?

– Они? Кошунствуют над самым святым, что есть во Вселенной, над любовью. А бывают и те, кто совсем падшие. Они уже занимаются этой любовью за деньги и тем самым кошунствуют над таинством, из которого рождаются дети. Это страшный грех. Надмирный Свет лишает их за это счастья. И не только их самих, но и их детей.

– Я оставлю, – упрямо решила девушка и затянула золотым пояском талию, собрав платье в пышные складки. Старик смотрел на грудь и плечи внучки. Грудь девушки почти не была скрыта глубоким вырезом. В своём чистом и детском бесстыдстве девушка не придавала этому значения. Вполне развитая, она была подобна этим кристаллам полупрозрачной белизной, в которой мерцали голубые нежные прожилки кровеносных сосудов. Его сердце жгалось. Чьи руки будут прикасаться к этой чистоте, – нежные и любящие или жестокие и похотливые, для своей потребности скота?

– Прикрой грудь! – сказал он с горечью от своих мыслей и добавил строго, -подтяни повыше и закрепи брошью. Видишь, бабочка из камней? Это сапфиры, тоже нездешние. Заколи.

Девушка послушно всё исполнила, – Отец маме подарил? Камушки?

– А кто же?

Золочёные туфельки, украшенные бабочками, в переплетениях ремешков тоже были усыпаны камушками. У мамы размер ноги был такой же. Чуть побольше.

– Слегка велики, но я затяну ремешки. Дедушка, как хорошо, что бабушка всё сохранила. А то и это бы пропало. А сколько было-то всего. Где же всё? Целый дом богатств, так бабушка говорила. Но где всё?

– Воры всё украли. Даже пыли не оставили, до того всё чисто подмели. Такой уж народ. Бедность, милая, порождает много пороков, и не сама по себе, конечно, а из-за стремления подражать богачам. Люди, что с них и спросишь. Природа такая, имитативность у них очень развита. Подражание друг другу, если проще. У одних есть, надо и мне. А зачем и надо? Не знают. Богатые чванятся, бедные имитируют их вид, их поведение. Всё равно, что птицы. Одна неправильно руладу выведет, другие тут же и подхватят. Одна гнёздышко скособочит на другую сторону, и все, кто рядом ей подражают. А зачем? Они знают это? Или рыбы, к примеру. Одна выскочит из воды, чтобы мошку поймать, а другие без всякого смысла следом тоже выпрыгивают. Целым косяком. А мнят о себе, высоколобые мы! Порождения Надмирного Отца мы. Но видишь, подчиняются тем же законам, что склизкие рыбы, что безмозглые птицы.

– Дедушка, ты не любишь людей? Или только блудниц и воров?

– Не дай Творец войти греху в столь чистый и непорочный сосуд, – сказал он вслух, вертя девушку и оставшись ею доволен.

«И всё-таки», – думал он, – «у матери-блудницы был отменный вкус. Она умела сводить с ума. Она понимала красоту, которой здесь и отродясь не водилось».

– Ладно. Здесь же горы. Кто тут увидит? Поиграй, моя милая. Пока есть веселье в душе, потешься. Недолго тебе придётся. Тут... – и он умолк, подняв крылья. Стал закреплять их на её спине, нажимая невидимые и известные лишь ему контактные выключатели. После чего дал ей в руку маленький кристалл. – Выйдешь на улицу, потри вот эту грань, зелёную. Тогда взлетишь, захочешь опуститься, то розовую. Говорю каждый раз, а ты всё путаешь. О чём думаешь-то? Повтори!

– Зелёный – верх, розовый – вниз.

– Не вздумай летать над теми безобразниками! Они непременно тебе под подол будут глядеть! Ну-ка! – дед сердито поднял подол внучки, изучая её детские панталоны в оборочках до коленей. – Ладно. Если уж стыда нет, то ничего они там и разглядят...

– Дедушка! Как ты низко обо всех думаешь! Почему ты такой же бесстыдный на язык, как те пьяницы, что толкуются в распивочных, ведь ты же умный!

– Какой уж я умный, раз ум свой пропил заодно с соб-

ственным стыдом.

Девушка вышла из пещеры на ступень-площадку у входа. Каменная дверь-скала закрылась за ней. Дед остался внутри. Ему нездоровилось, хотелось полежать. Всё чаще и чаще накатывают приступы слабости и апатии. Его Кристаллы – концентраторы, Кристаллы –стабилизаторы и накопители энергии слабели, уменьшались, тускнели. Его время иссякало. Слишком много ошибок, трат, и чтобы исправить ошибки – опять траты, и вот ему и самому уже трудно таскать свое немощное временное пристанище здесь, ставшее иссохшим и слабым, жалким и гнетущим его, как смрадная ветошь, некогда прекрасное совершенное, созданное по их тут подобию, тело. Как радовался он ему первое время, ловя на себе восхищённые взгляды женщин, поражённые и завистливые – мужчин... А! Да что и думать о непотребном. Старик по виду, кем он был? В их мире не было таких категорий, как юность, зрелость и старость. Они были вечные. И об этом думать было тягостно. Он устроился в одну из самых больших ниш в стене пещеры. Это не был обычный камень. Он был мягким и тёплым, он грел, баюкал почти, вроде перины из пуха, но в него нельзя было провалиться как во что-то пуховое.

Он взял в руки один из Кристаллов и стал смотреть в него. Внутри засветилось маленькое изображение того, что было снаружи. Там было всё спокойно, тихо. И тут он ощутил ожог от большого чёрного Кристалла, вставленного в белый ме-

талл. Что был за сплав, он и не интересовался. Всё равно было. Он вставил Кристалл в дешёвую поделку, купленную у уличного ремесленника. Главным был его собственный Кристалл, что он прикрепил вместо выброшенного куска цветной смолы. Он снял кольцо и посмотрел в его глубину, ставшую объёмной. Массивный Кристалл краснел на глазах, как чей-то кровавый глаз.

– Ох! – простонал старик, вглядываясь в него, – опять зверь вышел на охоту. Когда и насытится своим бесчинством? – Хотел отбросить в сторону, но не удержался от любопытства и потёр грань Кристалла. Послышался голос того, кого он ненавидел больше, чем кого-либо в этом падшем мире.

– Ты мне за всё заплатишь, маленькая сука! Я тебя проучу, кривляка!

Старик сбросил Кристалл и наступил на него ногой. Звук исчез. Старик же лёг на прежнее место, на каменное ложе, прижав ладонь к груди.

– И всё же она попалась! От кого этот старый мерзавец её и прятал? Столько лет. Не дал ей полюбить. Всё могло бы быть иначе. Он мог стать лучше, а стал ещё хуже. Теперь он достался ей в наследство от Гелии, и как бы ей не сломаться от такого наследства.

Старик взял другой Кристалл, через который следил за внучкой.

– За что тебе это? Такой отец? Как могла твоя несчаст-

ная мать выбрать тебе такого отца? – Спросил он внучку, чьё изображение смотрело на него, не видя его и не слыша, из маленького Кристалла. – И где же их земное всевидящее око? Что следит якобы за ними денно и ночью? Да никто там ни за кем не следит!

Девушка стояла на уступе, и крылья отражали перламутровый блеск неба. Они были в развороте до полутора метров, и трепетали как крылья гигантских насекомых, лёгкость их была невероятной. Казалось, ветер гор снесёт их и саму девушку, как и впрямь бабочку, занесённую сюда на уступ горы. Но это было обманчивое впечатление. Девушка взмыла вверх.

– Летай, моя душа ангельская, – умилился старик, – порадуйся, пока есть у тебя время. – Вспомнив о чёрном Кристалле, он посмотрел туда, где он валялся.

– Что ему твои слёзы? – спросил он, обращаясь к Кристаллу. – Если он и слёзы любимой своей не замечал. Да он ими, слезами-то, и тешится, плачь не плачь. Надо было совета у своего любящего сердце спрашивать, а не у тех, у кого была своя корысть. Могла бы узду на него любовную накинуть, а теперь сама будешь в такой узде ходить. Простишь всё, и стелиться перед ним будешь. Куда тебе деваться от своего одиночества? Высосал владыка далёких гор твою юность зря, замуровал тебя в цветочную неволю и покинул, ни к чему не пристроенную. Всё не так! Всё здесь идет не так! А уж на кого Паук сеть накинул, тому трудно счастье найти,

а жизнь потерять легко. Вот, к примеру, мать твоя, сколько лет уж прошло? Зачем и в лабиринт полезла? Её специально подставили, чтобы была она отвлекающим маневром. Её, ничего не понимающую, схватили, а те, кому надо, в горы проникли, пока мать твоя жизнь свою выкупала у того, у кого ты и плачешь сейчас. Только ничего она себе не выкупила, и смерть всё равно догнала её на хлебном поле. Счастье тебе, что не узнаешь ты об этом никогда. От кого теперь? Будешь распутника этого любить и ублажать всю свою короткую жизнь. Детей рожать ему. Дети, конечно, искупают всё. Они ваше будущее, а будущее должно быть лучше прошлого. Должно – не значит, что бывает. Кто теперь-то может знать, как события заплетутся, какой узор из мыслей и поступков людей сложится. И что всех нас ждёт в этом будущем? Если бы я мог вмешаться в нелепые петли и узлы, что вы тут вяжете, но не могу я ничего. Как ушла моя возлюбленная, звезда моя упавшая, так и ушла с нею моя сила и моя твёрдость кристаллическая. Рассыпался я в крошево, в немощь тусклую. Только и могу, что наливку пить, да слёзы лить. Всё не так. Всё не так!

Икри поднялась выше над самой горной грядой. Пронзительный ветер дул в лицо. Стылая ткань холодила тело, и девушка пошла на снижение. Ветер внизу был другой, он был тёплый и будто живой играл с нею, задирая платье, и она визжала, хотя кто и видел её? Затянутые маминой заколкой волосы не мешали ей как в прошлый раз. Она взглянула вниз

и обрадовано увидела две уже знакомые фигуры в долине. Они опять были на поверхности, гуляли в горах после своей скучной и непонятной работы. Среди непонятных сооружений. Вчера она побоялась приблизиться к ним. Дедушка не разрешил ей нарядиться в мамино платье, а её туника была полудетской, некрасивой. Икри знала, что это другие люди, не те, что живут на планете всюду. Эти люди были особенные, их было мало. Они жили внизу в подземном городе. У них было много машин, блестящих и быстрых. Они сновали внизу, занимаясь неведомой ей деятельностью. Дедушка объяснял, что они прилетели из небесной глубины. Там, за перламутровой пеной облаков живут и переливаются, как драгоценные мамины камни, бесчисленные миры. Она и сама видела, как они не похожи на людей, живущих у них в городке, да и в столице, куда иногда брал её с собой дедушка. Они ехали на гремучем железном поезде. Дедушка давал ей деньги, и она покупала себе то, что ей нравилось в бесчисленных лавчонках и магазинчиках с прозрачными витринами. Но таких людей и в столице она не видела, хотя народу там самого разнообразного столько, что и не верилось, что это возможно, если сравнить с их полупустынной провинцией, с вялыми и недовольными людьми, да и тех немного.

Эти люди были другие. Чем? Они хохотали, сверкая зубами. Стройные и высокие, в сине-серебристых костюмах. У одного парня волосы были короткие, почти как у её отца. Он казался лысым, но не был им. Икри это не понравилось, за-

чем он так стригся? Лицо его было точёное, молодое, хотя и строгое слишком по-взрослому. Но всё равно доброе. Он казался сосредоточенным и хмурым, когда переставал улыбаться. Второй был совсем мальчишка, это чувствовалось. Очень тёмные, почти чёрные волосы были повязаны смешной повязкой на манер платка, как делали у них в провинции люди, работая на полях. Но его повязка была столь изящна и столь ему шла, что Икри не имела ничего против неё.

Они увидели её, узнали и радостно замахали руками. Их добрые лица сияли, будто они знали её давно. Они кричали на неизвестном певучем языке, но она их понимала.

– Фея, летающая фея! Спустись ко мне, крошка! – вот что кричал тот, что в повязке. Она спустилась ниже, хохоча так же громко, как и они. Посмела бы она так вопить у себя в городе, или на своей улице, как бы на неё зашикали все. Но здесь было можно. Её же никто не видел из тех, кто жили рядом. Горы были немыслимо далеки и от столицы, и от их провинции, и от всего того мира, где жили другие люди Паралеи.

Но Икри знала, что она тоже другая, и ей не вечно бродить по серым от пыли дорогам, по скучным улицам мимо унылых и бесконечных в своём единообразии оград и низких, скрывающихся за ними домов. У неё уже был Избранник. И она знала, что он скоро появится. Придёт за нею. Так говорил дедушка. Она ему верила, он никогда не обманывал её.

Она подлетела ближе и спустилась ещё ниже. Они были

так милы, эти парни. Но Избранник был лучше, чем они. Ресницы Избранника золотились, словно опущенные золотой пылью, глаза тёмные и сияющие, и волосы тоже золотились, в том овале они были освещены их звездой Солнцем. И кожа была будто золотистая. Она с любопытством изучала парней, сравнивая их со своим Избранником. Мама тогда сказала, что глаза избранника похожи на золотой топаз. «А у моего папы на какой камень похожи»? Мама долго молчала, не желая сравнивать глаза отца с драгоценным камнем. «На изумруд», – ответила она нехотя. – «Они дети Солнца». «Что это Солнце?» – «Это далёкая звезда»

– Дедушка, – спросила в прошлый раз Икри, – они дети Солнца? Те, в горах?

– Все они оттуда. Город им принадлежит. Тот, что под поверхностью спрятан.

– Почему у них глаза такие яркие? Почему сияют?

– От счастливой жизни. И от здоровья хорошего, моя милая. Они не знают болезней, старения.

– Они не умирают?

– Нет, они умирают.

– Всё равно я хочу жить в мире этих людей!

– Тот мир, где ты будешь жить, несравним с миром этих людей. Он ещё ярче, ещё совершеннее. И там умирают лишь тогда, когда насытятся днями своей жизни и сами устанут от неё.

– Избранник будет там жить со мной?

Дед кряхтел: – Твоё дитя будет. Ты будешь. А он? – И ничего не отвечал.

– Будет, дедушка, будет, – уверенно говорила она.

Она подлетела совсем близко. Парень, тот, что в повязке, смеясь, ловко подпрыгнул и стащил мамину туфельку с её ноги. Вот досада! Шнурок развязался в полёте, слабо завязала. Ей было жаль туфельку. Где теперь взять такую же? Эти туфли стоили целое состояние из-за своих кристаллов. Её отец, сказочный богач, дарил маме камни и много чего. Почему это было плохо? Дедушка кривился, говоря об отце...

– Отдай! – крикнула она сердито. Но он не отдавал. Манил к себе и целовал сапфировую бабочку. И как ему было не противно касаться губами обуви? Икри хотелось спуститься и потребовать туфельку, просто вырвать её из его рук. Но дедушка настрого запретил это, пугал непоправимыми последствиями.

– Они могут увезти тебя с собой на свою базу.

– Ну и что? Ведь это так интересно!

– Дурёха, они голодные самцы! Сидят годами там, под землёй, или в горах без женщин. Так, иногда привозят им блудниц, – и он замолчал, поняв, что сказал ей лишнее. Но она не была маленьким ребёнком.

– Я же не блудница.

– Они совратят тебя. Им за это ничего не будет. Кто об этом узнает? У них же огромная территория в горах, полно объектов. Да где угодно сотворят с тобой, что им надо

– Как это бывает?

– Просто. Не успеешь и дёрнуться.

– Это плохо?

– Очень.

– Они не способны на плохое. Дедушка, как ты не видишь, что они добрые, хорошие.

– Они мужики, дурёха. При чем тут добрые, злые. Все мужики одинаковые.

– Нет. Все разные. У нас же в городе меня никто не трогает? И других девушек не трогают. Только злые бандиты по ночам воруют тех, кто ходит гулять поздно. Как Асию тогда, помнишь, дедушка? Её похитил страшный бандит.

– Сравнила! У нас традиции. А что у них? Разве мы знаем их традиции? Разве они такие же, как наши? У них вообще нет понятия о чести женщины. И потом.. – Дедушка долго вздыхал, но рассказал ей о том, как её маму вот такой же улыбчивый и статный зеленоглазый парень увёз с собою на свою базу под благовидным предлогом вылечить от болезни, от которой мама могла умереть в любую минуту... После этого она и стала падшей для мира Паралеи. А сам он этого не понимал и смеялся над дедушкой и его увещеваниями.

– Ты же должна беречь себя для Избранника. Чтобы родилось прекрасное дитя первой чистой и святой любви. Чтобы рождались красивые и умные дети нужны любящие и чистые люди.

– А зеленоглазый был плохой?

– Очень.

– Мой папа?

– Да. Он развратил её.

– Но как это делают?

– Тебе не надо этого знать! – прикрикнул дед, – достаточно помнить её участь.

– А сейчас он где живёт?

– Здесь. Где же ещё. Он у них главный в их подземелье. А тогда-то ещё и не был.

– Чего же мне бояться? Если мой отец главный над ними?

– Да что ему до них? Он и живёт к тому же на поверхности. Здесь не всегда и бывает. Как он уследит за ними всеми? Да и сам-то чем занят? Своей охотой.

– Какой охотой? На кого?

– Звериной...

Она попыталась сорвать у парня повязку с головы. В отместку за туфельку. Но он не давался, пытаясь ловко схватить её за подол платья. Она поднялась выше. Они хохотали и махали руками, играли и веселились, им нравились её полёты. Ей тоже было весело и не страшно ничуть. Но как отнять туфельку?

– Фея-бабочка, меняю туфельку за поцелуй! – кричал длинноволосый. Он и сам стащил свою повязку и подбросил её вверх, бери, мне не жалко, так можно было понять. Второй целовал ладони и показывал зачем-то ей. Она понимала, что это игра и делала так же, повторяя его движения,

прикасалась к ладоням губами и показывала им.

– У меня уже есть Избранник! – кричала она им сверху.

– Мы лучше, – крикнул ей на местном языке тот, что был коротко стриженным.

– Нет! Нет! – кричала она им сверху. – Лучше нет! Среди детей Солнца он лучший!

Они удивлённо переглядывались между собой.

– Мы тоже не худшие, мы тоже дети Солнца! – крикнул длинноволосый парень.

– Да перестань ты тут порхать! – разозлился вдруг коротко стриженный. – Не воображай, что ты подобие птицы! Летящий человек что корова с крыльями! Вы все тут скромницы, как я погляжу, а я увидел твои ляжки!

Слова «корова» Икри не поняла, но было ясно, он её обозвал. Она сбросила сверху на его макушку вторую туфлю, ей уже ненужную. Но туфелька пролетела мимо и скатилась куда-то в густые заросли.

– А зря! – захохотал коротко стриженный парень, сразу ставший неприятным для неё. Он был злой!

– Не быть тебе уже Золушкой! – орал он, – не найдёт тебя принц по твоей оставшейся туфельке!

Слова «золушка» и «принц» тоже показались ругательствами.

Из-за дальних ледяных вершин ветер притащил огромную тучу, почти чёрную, в ней сверкали молнии. Слышались глухие ворчливые угрозы приближающейся грозы. Икри ис-

пуганно взмыла вверх и полетела в пещеру, хотя и не хотелось ей этого совсем. И всё же ей было хорошо с ними играть, весело и смешно.

В горах – хорошо, а дома – уныло

– Было так хорошо с ними играть, так весело и легко, – призналась она старику.

– Вот мы отдохнём, переждём грозу, дождёмся ночи и полетим, – говорил старик. Она прилегла на такое же мягкое, хотя и каменное на вид ложе. Дед бережно прикрыл её пушистой накидкой.

– Бабкина осталась ещё с тех времен, как в горах жили, нашёл в той заброшенной пещере. И моль не пожрала, я же пещеру обработал от всякой мелкой нечисти, до сих пор там стерильно. Как хорошо нам жилось в скальном городе, как давно это было! Вот бабка и вязала нам всякую разность, там же животные были у колонистов-беженцев, мы их чесали, стригли, шерсти было! Пушистой! Мама весёленькая была, ясная вся. Глазки в темноте сияли как звёздочки. А как полюбила того, что из подземного города прилетел, все сияние ему отдала. Веришь, он тоже светиться начал, изменился, все это видели. Он же вообразил, что это он такой необыкновенный. Не понимал, что её частицы световые, чем питаны были её информационные поля, на него перешли. Думал, вот я какой, какая девушка меня избрала, – вознёсся душою

тупой. Стал над нею возноситься. Ты не можешь этого уже увидеть. Сейчас-то он тень от того, кто был рядом с твоей матерью. Её любовь наделила его такими способностями, что стал он как зеркало отражать её нездешнюю красоту, но приписал всё это своим достоинствам. Но как остался без своего источника, вот и видно, какой же тусклый человек-то оказался! Ум-то при нём, как и сила его звериная, а отсвета того неземного и нет уже. Откуда? Не ценил ничего, нечем было. Она ведь так до конца и любила его, хотя таила эту любовь, не отдавала уже недостойному такого дара. Как принесла ему свет свой звёздный из нашего Созвездия Рай в ладонях своих щедрых и чистых, он всё и взял, чего же и не взять, коли дают! И что сотворил, что сотворил с такой красотой нездешней, ангельской! – и старик болезненно застонал, завозился.

– Зачем он её обижал, бабушка?

– Кто же душу тёмную разгадает? Злобился, что отвернулась от него. Не хотел другому отдать, кого она выбрала, как более достойного её дара. Чего мы и вылезли-то тогда? Сидели бы в пещере, он и не увидел её. А то увидел. Себя забыл, где он и кто он. Не соображал даже. А была она до того пригожа и светла...

– Что он? Схватил её сразу и уволок?

– Да нет. Зачем? Он на сфере своей прилетел. Заманил тем, что вылечит. Болела она тогда. Инэлия, бабка твоя, родила её с пороком сердца, страдала много, как носила её, вот дитя и повредила ещё в утробе. Инэлия и толкала: «Лети,

поможет тебе»! Вот и помог.

– Почему у них нет женщин на их звезде?

– Есть. Как же им и не быть? Но сюда летают только мужчины. Считается, что здесь неблагоприятная зона, тут только военные и исследователи. Да и что им? Раз тут блудницы есть к их услугам? Но ты должна будешь соответствовать своему Избраннику. Полюбить их легко, да любить трудно. Они родились под другой звездой. У них там больше света и простора, чем здесь, и сил поэтому больше, да и жизнь устроена более благополучно во всём. Их небо цвета как это мамино платье, и ярче даже. Возможно, это тоже дает им силу, которой нет у здешних людей. В них заключена не только более мощная энергия, но и оптимизм, и физическая сила их несопоставима со здешними обитателями. Совершенного мира нет нигде. Но ты должна понимать, что у них развито стремление к недостижимому совершенству, как ни у кого тут. Они развитые и утончённые. Любить их вещь нелёгкая, но не для такой как ты. Ты другая. Вот твоя мать не сумела вынести любви земного человека, а местного полюбить он ей не дал. Она почему-то быстро устала от него, твоего отца. Или был он настолько сложен для неё или ещё чего. Не знаю, кто у них был виноват больше, кто не виноват совсем. Думаю, ей попался не лучший из них.

– Что же она не видела этого?

– Как ей и увидеть? Глаза лучились лаской, одежда серебрилась как у ангела. Руку его схватила, ладонь стала гладить,

понравился он ей сразу. Кого она и видела в диких горах? Он-то сразу не хотел поддаваться, это я уж признаю. Хотя и дар речи потерял, но не хотел сразу, боялся. Ей же семнадцать только исполнилось, а по их понятиям это предосудительно. Маленькая ещё. Но она выглядела-то как взрослая, раннее развитие было, да и, если честно, сама ему проходу не давала. Он и не устоял. Как устоишь? Женщин вокруг нет, а она красота нездешняя.

– Чья же мама и была?

– Мы же по необходимости шкуру эту местную таскаем. Из другого мы Созвездия. Но участь горькая наша выкинула нас сюда на муки и страдания. Ты ещё увидишь, подожди, как прекрасен наш мир, когда будет тебе дозволено туда вернуться. Когда выполнишь ты свою Миссию. Только сначала полюбит тебя твой Избранник.

– Он совсем другой, не как мой отец, да, дедушка? Он лучше, он добрый. А отец? Он же и улыбаться не умеет. Как мама этого не видела?

– Тогда-то он улыбался. Не закрывал и рта. Зубы скалил, понравиться хотел. Натуру пересилил. Или уже здесь он так испоганился потом? Кто его знает. Тогда он только прилетел с Земли. Молодой, непростой был, конечно, но вполне чистый от тех пороков, которыми тут обзавелся на местном приволье. Да чего уж. И на Земле у них всякого ещё хватает. Далеко им до совершенства, ох и далеко! Стремление сильное к нему, да достичь его – это как за горизонт прыг-

нуть. Невозможно человеку, жизни не хватает, но он всё равно идёт туда, топает. Хотя и в стороны забредают многие. Дескать, чего там искать, в иллюзиях этих, в Будущем, которое может и не наступит никогда. Вот и ломаются во все стороны, в буреломках и болотах вязнут и пропадают. Но вектор нам дан всем свыше. А цель мы постичь и не в состоянии. Мы подобны маленьким точкам на бесконечной прямой, устремлённой в этот горизонт – Будущее.

– А тот мир, где ты жил с бабушкой раньше, он совершенный?

– Совершенный ли? – он долго думал. – Какой же и совершенный, коли нас оттуда выкинули? А мы были разве там худшие? Нет. А Инэлия, бабушка твоя, лучшая из лучших, прекраснейшая. Как тебе и представить-то её теперь? Мама красотой в неё пошла.

– А я?

– Ты? Земная природа твоего отца сильна в тебе. Но это хорошо. Тебе не будет трудно с твоим Избранником. Вы с ним единой природы, и он будет тебе соответствовать во всём. Гораздо лучше, чем твой отец твоей матери. Ты лучше будешь чувствовать его, а он тебя.

– Дедушка, неужели он полюбит?

– А куда денется? Полюбит.

В сумраке они вышли из пещеры на скальный выступ – площадку, нависшую над мраком пустоты. То, что было далеко внизу, окутал плотный туман после дождя. Старик на-

дел на шею ей и себе прозрачные шнурки с кристаллами.

– Нажимай! Сильнее! – велел он. Икри нажала на твёрдую, не поддающуюся нажатию поверхность. Тут же её окутала сфера, незримая и прочная. Дед сделал то же самое. – Полетели! – и они взмыли вверх. В этом прозрачном яйце они не ощущали ни ветра, ни холода, ни движения. Планета внизу как бы и стёрлась. Ничего не было видно.

Спустя совсем немного времени они спустились в своём саду, заросшем почти непроходимыми зарослями, так что с улицы нельзя было ничего и рассмотреть постороннему любопытному взгляду, даже и днём. Маленький город спал. Вокруг стояла тишина. Только дальние поезда печально гудели, отходя от местного вокзала в столицу, или напротив из столицы в ещё более далёкую провинцию. «И кого только они везут столь позднею порой?» – думал дед, сам не нуждаясь уже ни в какой столичной жизни, не то, что раньше при жизни несчастной актрисы и матери его девочки – единственной теперь надежды на то, что они всё же вернуться в своё утраченное Созвездие Рай.

Старик нажал кристалл, тот самый на шее, и сфера исчезла. То же сделала и Икри, повторив его движения. Он нажал незримые для неё точки на крыльях, и они стремительно сжались до размеров крыльев малой птицы. Дед извлек невзрачный, по виду деревянный, но только по виду, контейнер из-под пенька, стоящего в саду, и убрал туда четыре кристалла, прикрыв сверху меленькими пластинами кры-

льев. Закрыв контейнер, как пенал, он убрал и его в пень, под самое основание, придавив сверху тем, что сел на него.

– Ну вот. И всё пока.

– А послезавтра полетим?

– Через три дня и полетим.

Но через три дня они не полетели. Не полетели и через неделю. Дедушка опять заболел. Он опять впал в запой, как называла это бабушка, а сам дедушка называл это приступом метафизической тоски. Он шастал в свой погребок, что был под домом. Вход в него был со стороны сада с противоположной стороны, с задней части дома. Таскал оттуда свои фляжки, затейливой формы и разного цвета, опустошал их, складывал аккуратно в погреб же, для будущего урожая, а сам шёл «болеть метафизической тоской». После запоя он болел уже по-настоящему. Бабушка варила ему травяные супы, делала настойки из целебных трав и корней. Он стонал и метался на плоской подушке своей взлохмаченной, старой, но казавшейся девушке красивой головой. Её былая красота представлялась ей утонувшей, но просвечивающей через мутные воды времени, оставившего на его лице наносы и борозды травм и увечий, но не способного уничтожить прекрасный некогда оттиск неведомого мира, сотворившего его. Она гладила его тонкими добросердечными, полудетскими пальцами, словно хотела очистить лицо от повреждений, дать ему облегчение от боли памяти и от физической боли тоже. Он просил у неё прощения и у бабушки тоже:

– Инэлия, прости! Я всё загубил. Тебя, Гелию, всё я один! Икри, прости меня! – Он плакал и боялся какую-то «тьму внешнюю» и Паука в его паутине. И Икри приходилось ждать его выздоровления. Не смотря на внешнюю простоту обращения с крыльями, там было много секретов, ей неизвестных. Дед не хотел ей их открывать, или не мог, она не знала. Она тоже начинала тосковать в своём саду, бродя по единственной дорожке, туда и обратно, вспоминая свои игры в горах и тех парней. Её тянуло в горы, к полётам, к ним. За пределами ограды её никто не интересовал, хотя нельзя было этого сказать о тех, кто жил по соседству. Она-то нравилась многим. За ней следили, её обсуждали. Её караулили и те, кто были ровесниками, и те, кто были старше. Звали в Сад Свиданий, – гулять, ходить за ручку. Она насмешливо фыркала, не говоря ни да, ни нет.

Приезд отца всегда радость, но скрываемая от него

Приехал отец. На своей столичной машине, но другой, чем в прошлый раз. Сколько их у него? Он легко вышел из машины, она отметила, что он и не меняется со времени её детства, не то, что люди, живущие вокруг. Насколько уже постарел с тех пор её мечта детства – лесник. Поредели его волосы, опустились радостные некогда уголки губ, затянулись дымкой усталости глаза, похожие на тёмные лесные плоды

– ягоды. Отец же не подлежал законам местного мира, и дедушка был прав. Он был во всём другой. Он стукнул ногой по колесу, которое спустило. Кто-то бросил на дорогу ржавое железо, и он напоролся колесом. Он зло что-то говорил в свой браслет, мерцающий на его руке. Кто-то должен был приехать и всё исправить, сам он не хотел марать своих рук в дорожной грязи.

– Чтобы через час был на месте! – сказал он на местном языке и грубо добавил – а то вылетишь за стену!

За какую стену, Икри и понятия не имела. Он прошёл в сад, сел на скамью, сделанную дедушкой, сбросил куртку. Икри подошла и села рядом. Её занимала куртка. Она была из кожи, блестела как металл, но была очень мягкая. Она трогала странные застёжки этой куртки, упрямо продолжая не глядеть на отца. У него и ботинки были странные. Огромные, на подошве, похожей на колеса его машины, в том смысле, что оставляли похожие ребристые следы после себя на влажной после дождя земле. Рубашка под курткой оказалась светлой, и этот цвет, белый в кремовую полоску, делал его проще и моложе, и даже лучше на вид. Он отличался от тех в горах тем, что имел не такие молодые глаза. Они тоже были усталые, как у лесника, и много чего понимающие. Она рассматривала его молодые пушистые ресницы, решая про себя, кто красивее – он или те парни. Особенно хорош был тот, длинноволосый в повязке. Удивляясь себе, она чувствовала родное чувство к человеку, сидящему на скамье. Когда-то он

был редчайшим гостем у них в доме, но не теперь, и ей хотелось погладить его по гладкой голове словно бы в утешение, о котором он и не просил. Прикоснуться к лицу, и она слегка тронула его гладкий высокий лоб, тут же устыдившись собственной нежности.

– Почему ты всегда лысый? – спросила она.

– Чтобы голова лучше думала, – соврал он и потрогал её волосы отеческим бережным жестом. Как не хватало ей таких прикосновений в детстве, а теперь ей на что они?

– Я привёз тебе много вкуснятины, – сказал он, не желая вставать. Она кивнула. Если бы хоть раз он привёз ей камушки, какие дарил маме. Но он не привозил никогда. Она же не просила, словно напомнить о них ему, значило напомнить о матери. А этого она не делала никогда. И он тоже.

– С мальчишками дружишь? – спросил он.

– С кем тут? – отозвалась она презрительно. И было ясно, как ему это понравилось.

– Поедешь со мной, увидишь, какие красавцы у меня там работают.

– В твоём подземном городе?

– Ну да. И не только.

– Они же любят только блудниц, – сказала она.

– Что? – переспросил он, пялясь на неё, как на озарение с небес.

– А ты? Тоже после мамы любишь блудниц?

– Что за бред у тебя в голове? – спросил он с возмущени-

ем, опять утратив проблеск своей светлой доброты.

– Дедушка так говорит.

– Так, – сказал он угрожающе, – я этого дедушку возьму сейчас за ногу и закину за облако.

– Но он болен. Запой, – ничуть не веря в его угрозы, сказала Икри.

– Ну и просвещение он тебе тут устраивает, идиот заоблачный. Он вообще – то понимает, что живёт не на облаках? Всё же по тверди ходит, или только ползает?

– Он никогда не ползает. Он ходит и летает, именно что в облаках, – упрямо подтвердила Икри его насмешливые слова о дедушке. Он даже не подозревал насколько попал в цель, указав на облака.

– Где он летает? В своих пьяных галлюцинациях? Ты ему веришь?

Но Икри не стала его ни в чём разуверять. Её отец и понятия не имел, что они с дедушкой летают в горах. И говоря это, она просто дразнила отца, зная, что он ничему бы не поверил. Он считал дедушку за алкоголика, ни к чему не способного на этом свете.

– Я нарочно про блудниц сказала. Злю тебя. Ты это понял? – Она искоса на него посмотрела

– Конечно, понял. Но дед всё же выжил из ума. Или ему и не из чего было выживать? У него никогда и не было ума.

– У него и был и есть ум, – заступилась она за деда, – он просто несчастный. Ты ведь тоскуешь по Земле, по Солнцу.

Он тоже по своему Созвездию Рай.

– А оно есть, это Созвездие Рай? Это не его пьяный бред? Как думаешь?

– Оно есть. Я знаю. – Они помолчали. Он ласково расправил её тунику на коленях.

– Ты выросла. Красавица стала. Когда я буду улетать отсюда, я возьму тебя с собой на Землю. Там тебе будет с кем дружить. Но, может быть, ты найдёшь себе друзей и у меня, если захочешь переехать.

– Я ещё подумаю.

– Подумай. А там хорошо. Лес, парк, красивые здания, интересная вполне жизнь. Будешь учиться.

– Не хочу.

– Будешь неучем? Всю жизнь? Как мама?

Она разозлилась. Он нарушил табу первым. О маме ни слова. Тем более, не уважительного. Но она скрыла свою злость на него, решив ответить по- другому.

– А ты нашёл ту Нэю? Что искал при жизни мамы?

Он молчал, но она почувствовала, что он внутренне напрягся, да и внешне было заметно.

– Дедушка говорил мне в пещере об этом. Он сказал: «Мамы нет, а блудниц он не любит. Вот и нашел её, Нэюшку», – так дедушка её назвал.

– В какой ещё пещере?

– Ну, в той, что под домом в погребке, – нашлась Икри, поняв, что сказала лишнее, – где он хранит свою наливку.

Он так и говорит: «Пойду в свою пещеру, за радостью своей», – она всё же заглянула ему в глаза. Они мерцали плохо скрываемыми чувствами, – злость и смех мешались в них. И всё же смех пересилил злость.

– Но дедушка сказал, что толку, что нашёл. Вот и она умылась горячими слезами. Почему ты всех бьёшь? Маму бил. Её, эту Нэю. За что?

– Никого я не бил. У него алкогольный психоз. Чему ты веришь?

– И никакой Нэи нет? Он её выдумал?

– Нет. Не выдумал. Она есть. Но я никого не бил. За что, по-твоему, я могу её бить?

– Она кто? Нэя?

– Подруга мамина была.

– А сейчас живет у вас в подземном городе?

– Нет. Она работает на поверхности в городке. А вот кстати. Хочешь, чтобы она научила тебя шить, руками что-то делать. Она там что-то изобретает, рисует и шьёт, красиво и всем нравится. Она художник, понимаешь? Талантливая девушка.

– Шить? Возиться с тряпками – нужное занятие?

– Но какое-то занятие тебе нужно? Учиться нет, а что ты умеешь? Научись чему-нибудь. Рисовать, шить. Дело же не в том, что и зачем. Дело в том, что человеку необходимо ежедневное развитие. Чтобы было занятие для ума, для рук. Понимаешь? Вот твоя бабушка, скорбная голова, но руки вол-

шебницы. Умеет всё. Ваш сад – Эдем в миниатюре. А лекарства для местных людей? Ты же не хочешь, как дедушка вальтаться без ума и мысли, потому что у бездельников нет, и не может быть мыслей – атрофия мозга.

– Раньше надо было думать о моём развитии. Отпустить меня с мамой в столицу. Я бы всему научилась. А сейчас поздно меня развивать.

– Чему бы ты там научилась? Кривляться и распутничать? По их вызолоченным, а картонным сценам? Ты хоть понимаешь, что там за мир? Что за грязь? Один разврат.

– Блудницы и кошуники?

– Ну да.

– А платья какие красивые они носят. А как красиво говорят, танцуют. Чем же они хуже, к примеру, соседних людей, грубых и неопрятных, косно говорящих и ругающихся жуткими словами? Мама была похожа на цветок, какие иногда растут на лугах. Все травы бесконечно однообразны, а эти цветы редки и душисты, вокруг них бабочки, их видно издалека, и они не сливаются со всеми в неразборчивый детально фон природы. О чём говоришь ты? Что мама была плохая?

– Нет. Не говорю я так. – И он, явно проигравший в их диалоге и не знающий, что ей сказать, замолчал.

– Твоя Нэя сошьёт мне платье, как у мамы? Если да, то я приеду к тебе жить.

– Ну да. Сошьёт. Только она не моя. Она, кажется, свободна от кого бы то ни было. Лёгкий и фантазийный моты-

лёк, а не женщина. Фея, как и ты.

– Она фея? Фея – что-то смешное? Я не понимаю такого названия.

– Фея – это то, что не поймать, как ни старайся, если человек груб и туп. Она будет тебе подругой. Она добрая утончённая женщина. По виду же юная девушка, от тебя почти не отличима. Одна там такая. А может, одна и на всю эту планету. Вместе с тобою, конечно.

– Зачем же ты её обидел?

– Да когда?

– Дедушка же сказал, что она умылась слезами.

– Верь ему, чародею из бутылки. Жаль всё же, что он пьян.

Что толку бить пьяного, он и не почувствует. – Он стал тереть свои виски, будто у него заболела голова.

– Если искренне. Да. Обидел. Но за то, что она сама виновата. Она это знает. Поэтому и простит.

– Ты всё же её бил?

Он молчал. Встал со скамьи и прошёлся по дорожке сада.

– Ты такой здоровый, – сказала девушка-дочь, – ты ведь можешь победить и самого большого силача тут. Как же ты бьёшь девушек?

– Я её не бил, – сказал он, – разве я могу, например, ударить тебя? Я её проучил за то, в чём она передо мной виновата и перед собой тоже. И она простит. И потом, это наши личные дела. Ты же должна понимать, что я имею свою личную жизнь. Точно так же она появится и у тебя. И уж я точно

не буду лезть в твою личную жизнь.

– Она у меня появится. Можешь не сомневаться. У меня уже есть Избранник.

– А говорила, никто не нравится из местных.

Но довершить этот разговор им не дал водитель, приехавший на другой машине. Отец принёс из багажника коробку с продуктами. Поставил на скамью. Дал ей денег, вынув из кармана куртки.

– Передашь хрычу, когда отоспится, – сказал он, – всё же он у вас главный казначей и соображает в вашем бытовом хозяйстве лучше тебя и бабушки. А за тобой я всё равно приеду. Не думай, что я позволю тебе бесконечно тут бездельничать. Если хочешь на Землю, будешь развиваться и учиться. Иначе, зачем ты будешь нужна Земле? Дикарь и неуч. Ты же не хочешь жить тут вечно? А не будешь слушаться, буду бить тебя плёткой по ленивой заднице.

И он ушёл. Шофер остался ремонтировать машину, меняя колесо на новое. Отец же уехал на той, на которой приехал водитель. Пока он возился с запасным колесом, его окружила местная любопытная толпа, но вскоре он уехал, и все разошлись.

Бабушка так и не вышла из дома, будто и не слышала, что приезжал муж её погибшей дочери. А может она, устав от дедушки, тоже спала. Бабушка не была здоровой, и если не возилась в саду или не готовила свои снадобья, если не бродила по местным лесам, то спала в доме. И Икри удивлялась

тому, как может человек столько спать?

Девушка вошла в дом. Было тихо. Дедушка уснул от бабушкиной успокоительной настойки, уже не хмельной, а отрезвляющей. Бабушка спала, устав от дедушки. Икри прошла в свою комнатку. У неё здесь было её главное сокровище. Она подошла к столику, сделанному дедушкой. В ящичках хранились её девичьи ценности, мамины браслетки, остатки её чудесных вещиц, которые мама забывала здесь или дарила ей. Она внутренне смеялась над плёткой отца. Скоро у неё будет своя личная жизнь, куда ему не будет доступа. Пусть теперь учит её уму, надо было делать это раньше. Она достала алую коробочку. Открыла её и вставила плоский диск в подаренное мамой устройство. В маленьком овале появилось его милое лицо. Глаза лучисто глянули ей навстречу. Яркие, как спелые ягоды, губы улыбались ей. Не видя её. Она знала о нём всё, а он о ней ничего.

– Мы скоро увидимся, потерпи, – прошептала она.

Дедушка неожиданно проснулся и позвал её слабым голосом. Она подошла к его постели, спрятанной за большим деревом, растущим в ёмкости, выдолбленной из толстого обрубка лакового дерева. Это особое дерево не пропускало влагу. Дедушка спал за ним как в лесу

«Только птичек мне не хватает», – говорил он обычно, укладываясь спать.

– Деньги оставил? – спросил он.

– Оставил,

– Пока с ним не соглашайся уезжать. Если ты встретишь Избранника в подземном городе, то твой отец может помешать вашему сближению. Не дать ему свершиться. А так, вы по любому встретитесь. Пока не торопись к нему. Успеется. Избранник найдёт тебя сам. Так надо. Жди.

– В горах?

– Как получится. А что отец?

– Обещал бить меня плёткой.

– Пусть попробует. Всё только битьё у него на уме. Самого бы кто отхлестал. Мало били в детстве.

– Он сказал, что Нэя сошьёт мне платье, как у мамы.

– Ну что же. Жди моя девочка. А с отцом пока не соглашайся. В том городке ты по любому окажешься.

ГЛАВА четвёртая. «Сын лесника, которого она уже не любила».

– Ты по любому окажешься со мною в Храме Надмирного Света, – так сказал ей однажды сын лесника, который уже работал в столице, чем и гордился. Приодевшись по столичной моде, он поймал её на улице и прижал к соседской ограде из ракушечника, не давая ей освобождения. Он держал её с двух сторон руками, как в замке.

– Ну чего? – спросил он, – попалась? – стал рассматривать её с близкого расстояния удивлённо счастливыми глазами. Но узнаваемыми, теми же детскими, и она ничуть его не испугалась и уже не могла воспринимать взрослым, каким он стал, помня его мальчишкой.

– Чего фордыбачишься? – спросил он, хмурясь, напуская на себя мужественность, – Мне любая обрадуется. Но я выбрал тебя.

Лесник уже не бедствовал как раньше. Дочки подросли, старая мать – пьяница утонула где-то в мелкой речке, упав туда, когда шла по разобранному мосту. Чего она там искала, на том берегу? Может, свою прошлую жизнь, вообразив по пьяной неадекватности, что её там кто-то ждёт в старом заброшенном селении, где и прошла её юность. Но её ждала смерть, спрятавшись за старыми гнилыми перилами моста, о которые она и уперлась, качнувшись и потеряв равновесие. После её гибели дела в доме сразу пошли на лад, будто вместе с нею смерть утащила и все их прошлые неурядицы и бедность. Лесник женился, и женщина-вдова, мать Асии, той самой Асии – «Ночного Цветка», сгинувшей без вести, вошла в дом потускневшего красавца с родинкой у сочных по-прежнему губ. Она привела в порядок и заброшенный дом с садом и самого лесника, но, приобретя внешнюю ухоженность, он утратил свою весёлую бесшабашность. Но к дедушке приходил, как и прежде, всегда опасливо косясь на свою ограду, ожидая гнева своей приобретённой, наконец-то, половины. В памяти же у всех соседей они так и остались нищими, грязными, неухоженными сиротами с бестолковым отцом, и их по-прежнему, как бы, и не уважали. Инерция восприятия тянется всегда дольше изменившихся и очевидных фактов.

Икринка смотрела ему в самые глаза, наивные и светло-коричневые, с бархатным фиолетовым переливом. Они тоже напоминали плоды, как и у его отца, но были словно недозрелыми и не такими яркими, не настолько магически влекущими. Или он и впрямь ещё не дозрел. Но он самоуверенно строил из себя покорителя девушек, а был ли он им?

– Иди к этим, кто тебя там любит, – сказала она, не делая и попытки убежать, потому что ей нравилось с ним стоять и наблюдать его лицо. – У меня такой выбор, что ты и не представишь.

– Какой у тебя выбор? – удивился он. – Отец что ли в столице припас? Так они там все распутные. Не ищи там себе никого. Лучше тех, кого знаешь с детства, земляков, не найдёшь.

Икри засмеялась. Он даже не подозревал в своем тёмном неведении о том, что даже парни из подземного города не нужны ей, а уж ему-то до них, как до гор, не дойти, не найти. Он не знал, кто жил в её овале, кто ждал её в будущем. Чей взгляд, уже реальный, она носила в себе как ожог. Кого ждала и кто приходил в снах. Ночами он ласкал её какими-то запретными ласками, остро-томительными... Он жил в ней реально, а не как мираж из овала. Она просыпалась ночью, сбросив с себя одеяло, и бабушка, всегда почти равнодушная, прибегала на её стоны из своей комнаты. Смотрела с грустью и спрашивала: – Что? – садилась рядом, ласково укрывая её.

– Не знаю, – отвечала Икри, – не понимаю. Но он что-то делал мне, а мне было хорошо.

– Да кто? – спрашивала бабушка, – сын лесника? – Все знали вокруг, как парень по ней сох.

– Нет, конечно, – она указывала на грудь, – бабушка, здесь что-то горит, жжёт. Когда он посмотрел, всё и началось. Он стал какой-то другой. Но очень сильный, очень любимый. . .

Сын лесника обиженно опустил руки.

– Гордячка, – сказал он, и его скулы покрыл смуглый румянец, – всё равно, кроме меня, кто возьмёт тебя в жены? Ты же дочь падшей? Я же женюсь, пойду с тобой в Храм Надмирного Света. Я уже и выкуп припас жрецу. Отец не против, а мать мне чужая.

– Трать свой выкуп. Мне не понадобится. Не надейся лучше. Я люблю тебя только как друга детства. И всё.

– Когда окончишь школу, я всё равно женюсь на тебе, – сказал он упрямо, думая, что её слова обычные ужимки девчонок, но слегка обиделся. После чего ушёл.

– Ещё в школе учиться, а уже с парнями к оградкам жмётся, – сказала жена лесника, проходившая мимо.

– Дочь падшей, чего и ждать? – ответила ей другая, шедшая с ней рядом. Икри усмехалась им в лицо. Что ей было до их обвинений? Их мир ей не принадлежал, а они казались ей серыми бесцветными его тенями. Телом почти подросток, в душе она уже несла пережитые в странных снах ласки мужчины, сделавшие её женщиной в душе. Это было странно, ни

на что не похоже. И не с кем было поделиться. Даже с бабушкой нельзя было о таком говорить. И покидало это ощущение только тогда, когда наступало окончательное пробуждение.

Утренний затяжной диалог с Вендом

Перед самым пробуждением вдруг всплыла, как рыбка из глубин его сна та девушка, увиденная в горах. И хотя он любил и ласкал её как Голубику, чувства к ней были острые и невероятно реальные, как и бывает во сне, когда долго живёшь один. Он узнал незнакомку, о которой не забывал ни на миг. Она продолжала всё также смотреть на него, будто она его знала и звала глазами, в которых отражалось их зелёное небо, но уже не со своей каменной, нависшей над пропастью площадки, а в пространстве его души.

Проснувшись, Антон долго удерживал в себе состояние блаженства, но подумав, решил, что, всё же, это была Голубика, трансформированная сном. Как никогда остро ощутил он своё одиночество.

В своей лаборатории он был один. И было не до работы. Вообще, Венд сослужил ему невольную службу. К себе он его ещё и не взял окончательно, но здесь в «ЗОНТе» его уже и не воспринимали как коллегу, не грузя работой. Антон слонялся без особого дела, и его никто не искал, никому он был не нужен. Венд считал его пока подданным «ЗОНТа», а главный в «ЗОНТе» Арсений Тимурович уже дал своё согласие

Венду и не обращал на младшего коллегу внимания. Это был как бы и отпуск перед его окончательным переводом в военную структуру.

Он сидел перед почти невидимым монитором, делая вид умственной загруженности, но сам смотрел фильм, данный Олегом. Возникло трехмерное изображение реки, заросшей речными плавающими цветами вдоль обрывистого берега. А по течению в середине неширокой речки плыла белая лодка. Сама по себе, её несло течение, никто ею не управлял. В лодке сидела девушка. Девушка была прекрасна. Ветер сдул полупрозрачное платье с её плеча, и открылась нежная грудь. Чёрные с блеском ночных звёзд волосы, сдуваемые ветром назад, открывали чудесной стройности шею, хрупкие плечи. Она закидывала кверху лицо, щуря глубокие глаза. Глаза были печальные, и её вызывающая вполне определенный настрой эротическая поза плохо увязывалась с печалью. Да и вся её игра не гармонировала с тоской, и в этом было нарушение законов жанра. Она положила словно выточенную волшебником руку на столь же чудесную, очевидно тугую грудь жестом прикрытия, а на самом деле для концентрации внимания именно на её груди. Слегка её поглаживая, она прекрасно понимала, как хочется смотрящим на неё сжать эту грудь сильно – сильно... Подол воздушного платья, похожего на марлю, поднял порыв ветра, и девушка засмеялась, подхватив его и подняв ещё выше, показывая зрителю, как хороша она и там. Везде. Она обещала зрителю раскрытие

своей окончательной тайны, утоление того, жажду чего она умело возбуждала. Алые губы на её лице тоже приоткрылись, она звала к невозможному – прильнуть к ней поскорее. Сбросив платье полностью, девушка молниеносно нырнула в изумрудную воду, умышленно не дав уловить в себя неведомому зрителю свою нереальную красоту, не дав насладиться запретной в мире Паралеи наготой. Перевернулась на спину и застыла на поверхности, не думая тонуть, лениво шевеля ногами и руками, как лягушка. Но лягушка расколдованная, превращённая в принцессу. Правда, принцессу особого рода. Иногда она ныряла, уйдя под воду полностью, затем из воды появлялось её гибкое тело, дразнящее дуралея, зависшего по ту сторону экрана. Вода держала её как стеклянная поверхность, а возможно, и была стеклом, она не тонула при самых рискованных телодвижениях, призрачно отражаясь в странннх волнах. Она знала, что вольна делать всё, провоцируя и, возможно, слегка глумясь над животными, которым она была недоступна в своем иллюзорном измерении. Усталая и мокрая, она, наконец, вскарабкалась в лодку, где вытерев волосы и застегнув платице, притворилась скромной и серьёзной девочкой, повязав прозрачный шарфик, взяв в руки книгу и углубившись в чтение, время от времени продолжая дразнить того, кто её наблюдал по ту сторону миража, в который она была заключена. «Достань, если сможешь», – словно бы говорило её прекрасное и отстранённое лицо. На определённый взгляд и вкус это были очень непристойные

игры, но они не казались таковыми Антону. За такую красоту ей прощалось всё! Возможно ли было и дотронуться кому-либо до подобной девушки, если она не была чьим-то невероятным техническим ухищрением? Но фильм-то был местный. А у них не было сложных и мудрёных технологий земного типа. И если девушка играла, значит, она была где-то настоящая и живая. Но где? Она не была похожа на ту, встреченную на скале, но и впечатление от неё было не такое, а каким ему и положено быть при просмотре подобной продукции. Обращаясь к незримому наблюдателю, она была занята лишь собою. Это была маленькая голографическая иллюзия, но она вызывала вполне определённые ощущения...

– Антуан! – он очнулся от голоса Рудольфа, – Что это? На рабочем месте? А дома чем занят? Работой? – не церемонясь, новый шеф протянул руку через изображение и вытянул крошечный диск. – Ну и старье тут у вас в просмотре. Антиквариат, – изучая крошечный диск какое-то время, он смял его в кулаке, сломав с лёгкостью. Исчезнув, изображение девушки всё ещё мерцало в глазах Антона. Он уже перестал поправлять Венда, ставшего его начальством, когда он его русское имя произносил на французский манер именно затем, чтобы его дразнить. Сам Венд объяснял это тем, что так Антон значился в компьютерной служебной базе данных – Соболев Антуан. И когда он переходил на официальный и отчуждённый стиль общения, он и называл его Антуаном.

Антону было жаль такого красивого фильма! Хотя и мест-

ный, но шикарный. Диск Олег дал с требованием возврата, Он не принадлежал ему, кто-то дал ему из ребят, нашедших целую фильмотеку при разборе старых информационных носителей на старой же базе. Всё это считалось хламом во всех смыслах, но они смотрели подобные фильмы, сходя с ума от одиночества. Они с любовью перевели местные шедевры в трёхмерный формат. Откуда они там взялись, такие вот киношедевры, никто и не спрашивал. Было ясно, что любителей и скучающих было всегда много в подземных лабиринтах.

– Случайно тут выяснили, что актриса местная. Как думаете, можно её найти?

– Тебе-то зачем?

– Да я так. Любопытно, что у них существует запрет на такую продукцию, у них же взаимоотношения людей очень закрыты, а фильмы есть, и много разных. Странное общество, ханжеская мораль и продажный секс бок о бок уживаются... Но не думал, что они умеют и такую тонкую красивую эротику снимать...

– Даже и в этом мы подобны троллям, – сказал Рудольф, усмехаясь тому, что застиг его в такой момент, и ничуть не церемонясь. – А их цензоры правы в том, что запрещают подделки вроде этой. Тебе самому-то не противно смотреть? Если есть насущная потребность, займись этим в реале.

– С кем же тут заняться? И не умею я, как они тут «заниматься». Да я так. Красивая девушка...

– Это же иллюзия. Можно, конечно, понять тех затворников внизу, а ты-то чего страдаешь? – Рудольф брезгливо бросил диск на пол, да ещё и наступил ботинком.

– Откуда взял?

Врать ему было бесполезно. Да и к чему?

– Олег дал.

– Олег? Они там рехнулись от безделья. Я их разбаловал по сравнению с тем, как держал их тут Горациевич. Олег не говорил тебе про летающих девочек? Они с Артуром якобы записывали её несколько раз, но браслеты оказались стерильны от всяких записей.

– Нет, – ответил Антон, напрягаясь при мысли о девушке, встреченной на скале. Её тоже не оказалось в записи. – Но, всё же, как вы считаете, можно найти эту актрису?

Венд смотрел в то самое место, где плавало только что изображение красавицы: – Её уже никто, никогда и нигде не найдёт. Она погибла. Паршивый фильм, старая запись.

– Разве вы её знали?

– Не твоё дело, кого, когда и чего я знал, – он уселся в кресло напротив. – Антон, – тут начальственный тон шефа сменился на дружеский. Что называется для семейного пользования. – Ты плохо восстанавливаешься. У тебя неважные показатели, я с ними ознакомился в медотсеке, а ещё и это. Нет равновесия духа и тела. Если ты завалишь аттестацию в ГРОЗ? Тебе могут и вообще не засчитать стаж на этой ржавой планете. Почему ты не общаешься с живыми девушками,

если есть потребность? Она же есть? Ты ведь не в штрафном отделении. Да и они там настолько распустились, если ты понимаешь, о чём я. Пользуются тем, что я их жалею, как своих родных детей, смотрю на их шалости сквозь пальцы. А они наловчились притаскивать к себе на объекты девчонок, а заодно и делать им инъекции, вызывающие частичную амнезию. И никого не выведешь на чистую воду, поскольку солидарность такая, что у них давно уже общая голова и общая совесть, или её отсутствие. Короче, спецы на все руки и прочие части тела. А ты думал, что я такой страшный, что они меня боятся? Или что я поощряю скверну? Если бы.

– Я никого не люблю, и все местные девушки для меня на одно лицо.

– Лицо? И причём в этом случае лицо? Тебе разве хочется лица? А не чего-то совсем другого? На лицо можно и маску натянуть. У меня есть премилая маска, сделал один кукольник в столице на мой персональный заказ. Дорого ему заплатил. Хочешь, уступлю? Я уже в неё наигрался. Тошнит от неё, если честно. А твоя жена была разве красавица? Я даже не помню её лица. Такая же безликая, как и все они.

– Она не была как все.

– Любил её?

– А как иначе?

– Не знаешь, как бывает иначе? Счастливчик. Но вообще, местные эгрегоры, проще их местные информационные поля, их коллективное бессознательное, архетипы, что тут у

них есть? Не может не влиять на нас. Здесь всё пропитано их неустроенностью, их развращённостью... Наша земная психика ломается. Хочешь вернуться на Землю? Там снова увидишь красивых людей, много света и простора, наше синее небо, это же вылечит сразу.

Антон молчал.

– Ты же не монах? Ты же энергичный парень. Разве я не понимаю, что это такое – молодая гиперсексуальность? А ты знаешь, кто такие монахи?

– Знаю. Я их видел. У мамы были знакомые из монастыря.

– Не знал, что они и сохранились, – сухо сказал Венд, – чем же они там заняты в своих монастырях?

– Работают. Ведут исследования. Там много бывших космодесантников, есть и учёные. Те, кто не справились и не смогли восстановить утраченное равновесие, как вы говорите, тела и духа. А ещё они молятся. Грехи замаливают. Свои и чужие.

– Грехи? Как их замолишь? Если ничего нельзя исправить? Прошлое не изменишь. – Он вернулся к девушкам, – А вот, к примеру, твоя лаборантка. Она одна из немногих, у кого есть допуск в «ЗОНТ». Ну, это благодаря её отцу. Сейчас её видел. Вышла от тебя. Премилая такая девчонка, а главное, не аристократка, так что и последствий особо-то никаких. Да и местный Храм Надмирного Света уже открыл тебе свои двери, так что давай, топай по уже проторенной тропе.

Антон смотрел на него, не понимая, чего он от него хо-

чет. – Никак я к ней не отношусь. Она мне безразлична.

– Решил стать как твой шеф Арсений? Постник и молчальник. Хотя он такой же постник, как я молчальник.

– Арсений Тимурович-то при чём тут? – разговор раздражал, как и сам Рудольф.

– Не злись, – уже мягче сказал Венд. – Это же неформальное общение. Я не буду о личном. Живи, как хочешь. – И ушёл, оставив досаду. Не дал досмотреть фильм, отнял. И упомянутая лаборантка Иви, молоденькая девушка, студентка Академии, мнящая себя местной элитой, смешная в своём самомнении, была все же чиста для подобных намёков.

– Моя маленькая Голубика, – сказал он тихо, – моя родная рыбка, зачем ты мне сегодня приснилась? Или всё же не ты? И кто сможет заменить тебя? Какой глубокий придонный слой ты во мне всколыхнула...

Венд неожиданно вернулся. Опять сел напротив, воззришись ему в лицо глазами птицы Феникс, как шутил по этому поводу Олег. Он и впрямь, подобно чародею читал в чужих душах и даже в их потёмках. Он него бесполезно было что-то скрывать. И многие не умели, не смели скрывать не только дел, но и мыслей. Антон считал себя неподвластным магии Венда. Да ему и скрывать было нечего.

– Ты знаешь, что натворил озабоченный Олег?

– Нет.

– Он ушёл в город самовольно, за стены. Ты дал ему пропуск?

– Я. Он любит гулять один, ему не хватает впечатлений. Он же не штрафник.

– Вот он и пошёл в тайный притон. Приглядел себе местную красотку. Спрятал её в горах. В своём дежурном отсеке. Естественно охрана её обнаружила. Девку я удалил. И поступил с нею мягко. А нужно по инструкции зачищать её память целиком. И кто человек после этого? Умственный инвалид. Но её все равно уничтожили местные подонки. Избили до смерти и выбросили из окна. За какую уж провинность, неизвестно. За что они там убивают друг друга? Олег должен будет улететь отсюда. Ты полетишь с ним?

– Я не решил.

– Решай. И ещё. Ты разве не понял, что в женщине, какой ты тут любовался, нет души? Ну, совершенно нет! – Он злился, и заметно. На кого? На Олега? На него? Или на несуществующую уже женщину-актрису?

– Души? Но это же была игра. Она играла и всё.

– Этим нельзя играть. Понимаешь? Ну, конечно, Эрос – бог любви! Это же демон, пожирающий любовь. Настоящую, подлинную, человеческую. Запомни! Если женщина твоя, она уже не может быть ничьей. Ни одна душа не смеет её касаться, твоей любви, ни похотливым взглядом, ни низкой мыслью. Разве можно выставлять напоказ и превращать подлинно святое в свою противоположность? В кощунство, в грех, как ты тут выразился. А если бы твою Голубику, твою луговую бабочку, какой-нибудь грязный скот смаковал сво-

ими похабными глазами? Если бы она выставляла себя напоказ, на погляд непотребному сброду? Пусть и в мягком варианте, как куклу в витрину посадил бы? Пусть все любуются. Красиво же! Будя в низких душах грязное к себе влечение. Это и есть искусство? Святое преобразование души? Тебе нравилось бы такое?

Антон опешил от его неожиданного бурного натиска. – Нет! – сказал он, – я бы не хотел так. Но Голубика, она и сама не смогла бы так...

– Тебе повезло, что у тебя была такая Голубика, и не повезло, что она погибла. А мне не повезло, что я встретил эту вот, речную лилию, любил её, как ты себе и не представишь. Но повезло, что она тоже погибла, освободив от себя мою душу. Их искусство – отражение их порочной жизни, что в нём можно ценить? Какова жизнь, таковы и творцы, таково и искусство. Порочный круг. И на кой ляд этот их театр, если живут на свалке. Не лучше ли поначалу прибрать вокруг себя, а уж потом и помыслить о прекрасном? Не надо никаких иллюзий! Жить надо реальностью. Не нравится – исправляй её. Но надо быть ей адекватным. Ты меня понял?

– Да. – Раньше до появления Нэи Антон воспринимал Рудольфа как человека без личной жизни. Но оказалось в кристаллической твёрдой глыбе имелись свои тёмные включения и свои разломы. Возникло непреодолимое желание сбить накал его слишком пылкой моральной отчитки, обращённой как бы и не по адресу.

– Шеф, а сами вы как насчёт своих там лаборанток или секретарей? Приближаете их к себе телесно? Работе не мешает? Ну, это если я подумаю насчет Иви?

– У меня нет никаких секретарей. Я что, местный бюрократ, что ли? И шутки твои неуместные, к тому же откровенно пошлые. Я думал, ты всё же тоньше. – Он был оскорблён, но быстро смягчился. – Всё равно я тебя люблю. И поверь, тут таких немного.

– А что бы вы сказали насчёт модельера Нэи? Из их смешного Дома Моды? Она же всегда одна, а я ей нравлюсь.

Венд застыл, он хотел что-то сказать, но только покривил губы. Это был удар ниже пояса. Его насмешливый взгляд стал недобрый.

– Ты все же разлагаешься тут, герой. А каким милым «ксанфиком» ты прибыл сюда. Антон, – он вздохнул, как бы посылая укор мудрого отца непутёвому сыну, – нас, землян, тут мало. Мы должны быть открыты друг другу. После Франка я самый старожил тут, и по годам я тебе отец. Все они в моём воинстве мне дети. Я не хочу, чтобы происходило нечто подобное тому, что произошло с Олегом. Он взял запрещённое к применению здесь на поверхности Паралеи оружие, наше земное, взял с собой Артура и пошёл в тот притон, где и сжёг его ко вселенской матушке. А вместе с тою мразью, кто растерзал его девушку, убил и невиновных людей.

Олег был самым близким Антону человеком здесь. Внут-

ренне он был нежным и ранимым, но закрытым внешне. Он прятал личные переживания, считая, что обнаружить их это слабость, недостойная космического исследователя и воина, каким он себя мнил в своей мальчишеской наивности. Человек – мечтатель, Олег был наивен.

– Шеф, почему у нас нет наших земных девушек как на других базах?

– Какие девушки? Что им делать тут? Тут и мужики не выдерживают. Но если честно, найди себе милую девчонку из местных, ту же Иви, или кто тут ещё есть. Да их полно! Храни её тут, защищай. Люби, наконец. Я совсем не хочу с вами ни с кем расставаться. Ни с Олегом, ни с Артуром, ни с тобой. Знаешь, я всегда прикрываю своих. Зачем тут бесконечная текучка? Среди моих любимых космических десантников, моих меченосцев Космоса. Тех, кого я досконально проверил, я не сдаю. У меня и штрафники все остаются, не спешат на Землю. Здесь и неплохо после своего сурового срока остаться. Они и остаются. Мы все тут сплочены. Грехи надо уметь прощать. Отпускаю только тех, кто сам бежит.

– А Олег?

– Как он сам захочет.

– А с Артуром-то что?

– Артур был только свидетелем, он никого не трогал.

– Как местные реагируют на бойню?

– Да я их и в расчёт не беру! Одним тараканьим гнездом меньше. Чище стало. Так они и считают. А моё отношение

к таким вещам, думаю, тебе и объяснять не надо. Я же не слюнявый гуманист. И Олега я простил.

– Если Олег останется, я тоже.

– Им ведь многое позволено, как бы и при моём неведении, да ведь я знаю даже содержание их снов! И условие только одно. Чтобы тихо. Без свалок, без бесчинств. А в трольской столице чего там искать? У них же кастовое общество. На улицах один сброд. Раз уж ты заговорил о местном кукольном театре Моды, о розовом кристалле их красоты. Там же есть девушки. И эта... – он замолчал, подыскивая определение для Нэи, – художник-модельер. – Рудольф сжал ладонью край стола и долго молчал, не глядя на Антона, очевидно, уйдя в себя. О ком он думал? О загадочной прекрасной «речной лилии», как он её обозвал? Или о Нэе, отношения с которой уже мало для кого были секретом? После того, как по городку расползлись слухи о её недолжном пьянстве и загуле, которое она явила местной публике, бредя и шатаясь у всех на виду, да и ещё в непотребном виде. Тут было о чём задуматься, но Антону не хотелось. Он не верил в пьянство Нэи, это было чьим-то злобным наветом. У неё были недоброжелатели из числа местных отвергнутых ухаживателей. Не могли не быть. Да и женщины тут не страдали избыточной добротой и тактом.

– Она знает мир столицы, – очнулся Венд, – привозит девушек из неблагополучных кварталов, но чистых и красивых, не успевших вляпаться в трольские свалки. Она их тща-

тельно отбирает. И чтобы не таскать грязь из-за стен, приходится им разрешать много чего. Мы же солдаты, нас сбросили тут как десант, и живи, как можешь, выживай. Земля немыслимо далеко, вроде, как и нет её. И мы выживаем. Но мне нужны чистые душою воины, мне не нужны развращённые люди. Но и пичкать их тем, что угнетает естественный гормональный фон, не блестящий выход, и без желания на то самого человека просто откровенно бесчеловечен. Я и наши врачи на базе в этом солидарные противники всяческого вторжения в биохимию юного организма. Они не преступники, а только оступившиеся мальчишки – почти дети. Чего и не хватало тому же Олегу? Ты ведь с ним дружен, а ничего не знал.

– Олег не впускает никого в свою личную жизнь. Это его право.

– Нет, мы должны быть хрустальными друг для друга. А Франк – психолог никакой, он же аутист. Он не смыслит в людях ничего, но это как раз и норма для психологов. Как многопрофильный врач и практик, он уникальный спец, но душа юного космодесантника – не его епархия. И вообще он архаичен, с причудами. Человек, ушибленный страшной личной трагедией. Разве может он помочь Олегу, Артуру? Мы все должны быть друг другу врачевателями нашей всеобщей тут коллективной души. Никакого индивидуализма. Мы же не пещерные люди, хотя и живем под землёй. Что же касается тебя, ты мне тут всех ближе и понятнее. Будь

со мною открыт, и я буду платить тебе тем же. Нам здесь не выжить иначе, вразбивку, каждый по своему отсеку. Мы не должны забывать, что мы единая сила! – и он сжал кулак. На его безымянном пальце блестело огромным кристаллом кольцо из тёмного, почти чёрного местного сплава. – Единственное, чего я не потерплю здесь, это появления гибридного потомства. Нам не нужны полукровки.

– Нам, кому?

– Нам, Земле. И это нерушимый закон тут. У меня! – повторил он с ударением.

– Вы так их презираете?

– Дело в другом. Мы можем не просчитать возможных опасностей таких смешений. То, что они похожи, не значит такие же.

Антону вдруг пришло в голову, что если бы у них с Голубикой кто-то родился, был бы он против? Считал бы своего ребёнка не совсем человеком? Как такое может быть? Если ребёнок возник, значит и человек. В противном случае никого родиться не может, если нет видového родства. Он внимательно посмотрел в глаза Венда. Они были пронзительны, но отталкивали и не пускали в себя. Венд вдруг сказал:

– У тебя ведь не получился ребёнок? Потому что твоя земная природа оказалась мудрее твоего влечения. Она не захотела слиться в оргазме с другим миром, как это делал ты.

– А у других были дети?

– По возможности идёт, конечно, отслеживание, но чёт-

кого и неукоснительного закона же нет. Не знаю, как там было при Горациевиче, а было там всякое, знаешь ли... Но при мне, вроде бы, нет явных союзов, приводящих к совместному потомству.

– Нет? – Антон мало что и понял из его невнятных пояснений.

– Почти, – ответил он, сосредоточенно глядя в свой кристалл.

– Что значит «почти»?

Рудольф взглянул на него искоса и непонятно, но ничего не пояснил. Антон тоже стал следить за его кристаллом. Какова его искренность, он уже понял, если, конечно, верить Франку, что у него у самого, у Рудольфа, была здесь дочь и уже взрослая. «Почти», – Антон усмехнулся. Франк никогда не сказал бы того, что сомнительно или не проверено им лично. Таков был человек – безупречный кристалл, но уже без включений. Антон опять вернулся к изучению камня Венда. Казалось, что там, в глубине камня возникает какое-то движение, набухают и исчезают неуловимые лики неуловимых существ.

– Что это у вас? – спросил Антон, поражённый игрою камня.

– Память. Подарок одного беженца из Архипелага. Видишь, как он меняет цвет? Иногда мне кажется, что он живой, неуловимо дышит. Возможно, это искусственный кристалл – порождение иного мира. Некий механизм или струк-

тура, созданная для неизвестной цели, не исключено, что и опасной.

– Зачем носите?

– Изучаю его воздействие.

– Но если опасное?

– И что? Как изучить, если не прикасаться?

– Как сейчас Олег, Артур?

– Сам понимаешь как. Артур всё перенёс спокойно. Ну, относительно. Он же не убивал. Хотя... А Олег? Девчонка была хороша даже по нашим земным стандартам. Редкая. И её жаль. В притон попала случайно. Да они все там не по призыванию, знаешь. Подонки выкрали её у родителей. Но здесь такое происходит постоянно. Если в их червивой аристократии спрос на разврат, как думаешь, мало будет желающих его удовлетворять? Любым путём? Олег был как бы её спаситель, он так думал. В столице забрёл туда случайно, из любопытства. Но забрёл не ради её спасения, сам понимаешь. Я ему говорил, если распирает в одном месте, не стесняйся и говори мне, у нас предусмотрены и эти потребности. Но он же гордый, возвышенный. Он ушёл искать любви. И что нашёл? Если бы он не был таким конспирологом, она осталась бы тут. Но я же ничего не знал! Она вышла сама, пока он был на объекте, и её выставили как нарушителя режимной зоны. Кто она? А если шпионка? Но по счастью, мне удалось прощупать её мозги, и я её отпустил. В противном случае...

– А что, были женщины – шпионки?

– Да сколько угодно.

– Их ликвидировали? Как и мужчин?

– Нет, – ответил он насмешливо, – их сажали в цветочные горшки, чтобы украшать нашу скучную жизнь в подземельях.

– И были красивые среди них, молодые?

– Я никогда не смотрю им в лица. Вернее не запоминаю.

– Их не было жалко?

– А если бы угробили нас всех тут? То как? Ты спросил бы у тех, кто выжил после нападений их диверсионных групп. Я часто привлекаю их к ликвидации, и они не против этого. Потому что избавлены от иллюзий. Какие они женщины, если влезают в мужичьи игры? Они убивают нас точно также хладнокровно, как и мужские особи. Но мы не они. Мы отпускаем женщин. Правда, им проводят полную зачистку активной памяти, и что с ними происходит, когда их вышвыривают за пределы гор, в пустыни, я не интересовался. Думаю, что им не так уж и плохо там жить, они, по сути, рождаются там заново. С чистой и девственной головой. И это ещё при Разумове изобрели такой вот новый вид ликвидации врага. Задолго до тебя, когда ты проявил свою милость убийце Голубики. А ты думал, что я тебя осуждал тогда? Нет, конечно. По инструкции же – пол врага не учитывается. Они в ГРОЗ считают, что у местных и нет никакого пола. Что они как деревья или микробы. А здесь и у деревьев есть пол – мужской и женский. А вы-то считаете меня фюрером из дикой

давности времён? Было дело, поиграл я в такого фюрера, да обмен веществ в своей душе нарушил настолько, что меня будущее, в котором ты живёшь, из себя исторгло. Я теперь человек из мира архаики. Потому и не рвусь я на Землю, в прекрасное это будущее. Но не от того, что мне и тут неплохо, напротив, очень плохо, а от того, что страшно увидеть истину. Вдруг этот разрыв для меня фатален? И я не смогу преодолеть его и на Земле? Я имею в виду разрыв между разными временами и разными Вендами. Ты меня понимаешь? Думаю, что нет. Вот Олег, тонкий и добрый мальчик. Блестящий технарь. Человек из будущего. Он попал сюда по личной детской ещё глупости, а также из-за патологической злобности того командира, кто спровоцировал его и не простил. Исправился он тут? Стал умнее или сдержаннее? Узнав о гибели девчонки, он бился головой о стену, а потом пошёл и сжёг там всё. Я считаю, правильно сделал, канализировал свою ненависть. Ненависть никогда нельзя держать в себе. – И говоря это, он был спокоен, не проявляя чувств ни к Олегу, ни к девушке, ни к палачам девушки.

– Ну, так и что же? Советуете мне «розовый» кристалл?

– Ничего я тебе не советую! Здесь эти вопросы каждый решает самостоятельно, без обсуждений в нашем совещательном холле – насмешничал Венд, – а к дамочке из кристалла подходить слишком уж близко не советую. У неё тут своя высшая инструкция, и к тебе она отношения не имеет. А ты уже столько выпил этой цветочной бурды у неё на террасе,

что от тебя разит как от цветника! – Таким вот злым выпадом Венд окончательно озадачил Антона. После чего молниеносно исчез из лаборатории, как испарился. Демонстрировать свое профессиональное умение и навыки он обожал, поражая этим новичков, да и не только. На Земле у него был, по-видимому, прекрасный тренер. И у Венда были способности и умение воздействовать на сознание людей, а также умение отвлекать и рассеивать их внимание, как это проделывают фокусники. Поэтому Антон произнёс в пустое уже пространство: – Иллюзионист!

– Я реалист, в отличие от тебя, – сказал шеф, стоя у него за спиной и уже смеясь вполне добродушно, уловив его нервную мгновенную судорогу испуга от неожиданности, – и в отличие от Олега.

Как Олег искал приключений на свою... «обратную сторону луны»

От Олега не укрылось то странное беспокойство, та не свойственная ему отчуждённость, какой закрылся от него Антон сразу же после той встречи с летающей феей гор. Если уточнять, то летающей в тот день она не была. Была обычной и без всяких крыльев. Нельзя сказать, что Олег оказался сражён ею, как Антон. Впервые его сразили только её крылья. А сама по себе она показалась почти обыкновенной, но очень высокая и худющая на его вкус. Лохматая опять же,

слегка белобрысая, простая не в смысле её появления на Паралее, а в смысле сугубо земном. Она была такой, каких полным полно и на Земле. А он любил девушек ярких, склонных к оригинальности и тёмноволосых по их природе. Причина достаточно серьёзного интереса к ней была вызвана больше её загадкой. К тому же Олег всегда был один. Он не мог, как другие довольствоваться случайными девушками. Он искал себе постоянную привязанность, но среди девушек, обитающих на поверхности, таких не находилось. Олег был романтичен, хотел глубины и искренности в отношениях. В свободное время, сидя у себя на базе среди роботов, он лазил в своём поисковике по поверхности планеты, по улицам столицы. Он смотрел на лица людей, возникающие перед ним в его мониторе. Люди шли по своим делам, не ведая того, что кто-то следит за ними. Девушки не подозревали о том, что чьи-то ищущие глаза рассматривают их из неведомой им глубины планеты. Но все эти девушки были не то, что хотелось Олегу. А ему хотелось, чтобы она лишь отчасти напоминала ту, что летала в горах, что стояла на скальном выступе над пропастью. Чтобы она была как можно более земной по виду, узколицей, но более яркой, более миниатюрной. Конечно, и та «летающая фея» сошла бы для постоянной привязанности, раз никакой другой и подходящей нет поблизости. Как глупо они с Антеем её прошляпили! Надо было сразу втаскивать её в аэролёт. Куда она делась?

Он знал, что Антон тоже рыскает в своём поисковике и

тоже не находит никого и близко на неё похожую. А что было бы тогда, если бы они её втащили? Тогда, думал Олег, выбор был бы за ней. И он был уверен, что она выбрала бы его. Антон был последнее время подавлен гибелью любимой девушки. Женой Антона Олег её не считал, считая местный ритуал игрой. Он бы тоже, найди такую, влюблённую и пригожую, пошёл бы ради её прихоти на любое театральное действие, почему и нет? Если девушке это важно для самочувствия, для уверенности, пожалуйста! Это же не членовредительство, как было у иных дикарей на Земле в древности. В этом мире многое казалось ему наивным и игровым, всё как будто понарошку. Их политика, смешное разделение сословий, их Храмы Надмирного Света, и даже их тюрьмы, где он побывал, казались фанерной и жалкой декорацией к страшному земному фильму про старину. Если бы он поделился таким мнением с Антоном, вряд ли он его понял, ведь самому Антону едва ни пришлось умереть среди этих, якобы игровых и неумелых декораций. Но чувство, будто он затесался в какой-то фильм из старой престарой жизни, или на машине времени из детской фантастики переместился в позапрошрое человечества, и это не настоящая жизнь, а трёхмерная иллюзия, не покидало Олега. Настоящим было только его одинокое томление, его роботы и машины были настоящими, и коллеги, с которыми он служил и работал не вызывали сомнения в их подлинности.

Но там, в горах, Антон поразил Олега. Флегматичный и

печальный, он, казалось Олегу, уже и утратил свою половую принадлежность. И вдруг, как из спящего вулкана, заросшего полувыялой травкой, из него пыхнуло жаром и такой мужской страстью, что Олег меньше удивился бы, если бы реальный вулкан заклокотал среди гор, шибанув раскалённым облаком – выбросом. Олег даже не мог и предположить, что «ксанфик», как его дразнили, собиратель «пестиков-тычинок» местного произрастания, такой же темпераментный искатель приключений, как и он сам, Олег. И гибель местной «жены» вовсе не сделала его безутешным монахом. Олегу даже показалось, что он летал в горах и в другие дни и искал ту незнакомку. И потом пытал шефа о колониях беженцев в горах. Где, сколько? Шеф принял его игру в любознательность, но после экскурсов в прошлое и настоящее поселений беженцев в горах, как всегда неожиданно огорошил Антона, заодно и Олега, стоявшего поблизости: – Ну что, отбросил траур? И правильно. Жизнь короткая. Только почему ищешь в горах? У вас тут что, коллективное помешательство? Чего вы там все ищете? На поверхности что ли слепнете? В ЦЭС-СЭИ полно девчонок, видимо-невидимо.

– В основном, невидимо, – буркнул разоблачённый искатель безымянного миража.

Но однажды после долгих дней поиска, Олег увидел ту, что напомнила ему летающую фею гор. Она была, понятно, другой, но в том же роде. Она шла, подняв голову, гордо, отстранённо и напряженно, так определил бы это Олег. На ней

было тонкое платье с блестящим поясом, что подчеркивало её принадлежность к той части общества, которая не утруждает рук грубой работой. Пожалуй, она и не была бедной, и для Олега это было минусом. Она могла быть и недоступной. Олег увеличил изображение, она была та, что и надо. Правда, весёлой он бы её не назвал, но здесь и вообще-то было мало радостных лиц. Он проследил, куда она скрылась. Здание не было простым домом, там была хорошая охрана, и Олег ввёл координаты местности в свой персональный браслет, чтобы найти ту улицу в столице. Туда он и отправился, без проблем найдя искомый дом, только открытие его назначения шокировало. Но он слишком долго искал, пусть вначале и не ту, к которой пришёл. Он устал быть один и храбро двинул в неизвестность. Там было нечто вроде полулегального клуба для богатеньких искателей радости. И хотя Олег был тоже в некотором роде такой искатель, но другой. Он одолжил, а точнее просто взял у друга Антея охапку трольских денег, которые платили тому за работу на поверхности, а у Олега таких бумажек не было, им в подземном обиталище не полагалось их иметь. Друг Антей не возражал, он их мало и тратил. На что ему без Голубики? Ел же он вместе со всеми в подземном городе, Венд зачислил его в их космодесантный корпус, да и редко он теперь появлялся на своём рабочем месте в «ЗОНТе».

Девушка Колибри

Укус бездны

Олег назвал её Колибри. Она вовсе не была маленькой, пёстренькой и не имела острого клювика. Олег имел в виду радужность, лёгкость и незащищённость её души, которую вдруг прозрел в ней, и вложил в её обозначение всю возможную ласку и умиление, на которые был способен. Не так и давно её отыскивали в одной из провинций агенты подлого бизнеса. Они рыскали в поисках красоток повсюду. Далеко не все были там подневольные, некоторые и сами выбирали скользкий, но усыпанный блёстками соблазна путь, часто ведущий напрямик за пепельные барханы, и редко кому выпадала заветная тропинка, уводящая в иную жизнь, в сословие блаженных избранников, за пиршественный стол их жизни. Порок Паралеи тоже был слоистый, и в верхнем украшенном слое в отличие от упрощённого низа девушек не дрессировали как зверей в цирке. Но за послушание безжалостно сбрасывали вниз к уголовному сброду. К тем вянущим и потрёпанным, кого считали самыми презираемыми и непотребными, дешёвыми, и где их нещадно колошматили за провинности и давили до последней капли сочности, грабили и выбрасы-

вали потом. А в данном клубе их обучали манерам, одевали, кормили и даже уважали право их собственности на личные сбережения. Но главное обучение состояло в умении развлекать клиентов. Кнут и пряник оставались, но система наказаний и поощрений была затейливее, чем в простых притонах. Многим нравилась такая жизнь, что и давало пищу для размышлений местным философам об аморфной природе женщины, не имеющей в душе никаких врождённых нравственных устоев. С одинаковой легкостью становящихся как приличными матерями семейств и труженицами, так и распутницами – теми же труженицами, но уже не на полях и в цехах, а в разных по комфортности, но одинаковых по назначению помещениях. В тех, через которые как через вокзал и шёл неиссякаемый поток посетителей, ярких и тусклых, душистых и изысканных во внешних деталях, а также неизысканных и воняющих потом, вином и острым соусом для пахучего жаркого, – посетителей, одинаково опустошающих. Редко много, но часто мало дающих. А выгребаящих всегда и по полной мере живую эманацию души. То, чего не ценят молодые, считая неиссякаемым даром, как атмосферу, но цену чему знают люди угасающие. Всё это было так похоже на «цветение» трофических язв в цивилизациях упадка там, где они имели несчастье сваливаться в ямы-ловушки.

Девушке Колибри, как ласково обозначил её Олег, прежде чем она попала в злачный «клуб», пришлось пережить страшную в точке своего возникновения связь с неким че-

ловеком, опалившую затем тёмным пламенем и стянувшую гладь души болезненным рубцом. Однажды он просто приехал к ним в провинцию и встретил её у порога женского профессионального училища, куда отдали её родители, скопив денег. Он показался смутно знакомым, но она не помнила толком, где видела явно нездешнего типа. Она напрягла память и как сквозь непонятный текучий смутный поток увидела тот день, когда он подвёз её из столицы в провинцию. Что она делала в столице? При усилении вспомнить, навалилась головная боль. Непонятная преграда не давала этого сделать, но удивления не было, только безразличие, как попытка вспомнить содержание малоинтересного забытого сериала.

Он практически парализовал её своим неотрывным немигающим взглядом, стоя как-то уж слишком близко. Был он дорого и изысканно одет. На её взгляд не особенно молод, не красавец точно, к тому же мужчины зрелого возраста и вообще-то все казались ей беспольными. Он был не то чтобы высок или толст, но здоров непомерно. Красномордый, со смешным гребнем на макушке, а по бокам головы волосы были сбриты. Улыбка показалась отвратительной из-за крупных ярко-пурпурных губ, словно он накрасил их помадой для стареющих дам. Он быстро облизнул их языком, как бы давая ей удостовериться, что губы не накрашены, и яркий цвет подлинный. Ну и чучело! Так скажут её подружки. Заметив её с ним рядом настолько близко, они, хихикая и

осматривая мужчину, переговаривались на её и его счет. Не уходили далеко, ждали, кто он и чего прилип, чтобы потом выпросить у неё всё.

«Чучело» же лоснилось широким полнокровным лицом на ярком свету предосеннего сезона и морщило бугристый лоб от радости непонятого свойства. Радости странной и пугающей, поскольку девушка его не знала, и знать не хотела. В глубоких глазницах мерцали синевато-чёрные глаза, опалая страхом. Впоследствии этот страх она расшифровала самой себе как предчувствие слома всей прежней жизни. Посланец из бездны, неожиданно и цепко схвативший за руку и отпугнувший от неё, оттолкнувший прочь её собственную робкую судьбу. Может, и обычную, но тихую и обещающую близкое личное счастье. Бездна же щерилась застылой улыбкой толстых губ своего посланца, обещая ослепительное будущее. Но никакого будущего, никогда, ни для кого в ней нет.

– Хочу тебя прокатить. Поговорить надо. Ты же меня помнишь? Я тебя подвозил как-то из столицы. Ты была в столице, там тебе неожиданно стало плохо, и я привёз тебя к твоим родителям. Ну, вспомнила? Я подобрал тебя на улице, отвёз к врачу. У тебя был неожиданный упадок кровяного давления. Отпускать тебя одну было рискованно. Очень далёкая дорога, и я вызвался отвезти тебя в твой городок. Просто потому, что я вообще добрый, и у меня было свободное время. А так – врач хотел тебя оставить в общественной больнице

для бедноты до следующего дня. Я привёз тебя, ты уснула от лекарств ещё в машине. Я тебя и не будил. Перенёс в дом. Мы с твоей мамой долго разговаривали, она была так благодарна мне. Неужели, она не рассказывала тебе ничего? – он распахнул дверцу сверкающей машины со стёклами необычного оттенка, зеркально-золотого.

– Да, – пробормотала Колибри, – мама рассказывала, я помню эту историю, но вас как-то смутно, если честно. Я ещё целый день потом спала, я помню. Мама сказала, что вы добрый человек, образованный, чуткий. – Это было правдой. Мама так говорила, и была после того случая долгое время радостной. Потом они решили с отцом отдать её учиться в профессиональное училище на медицинского работника вспомогательного уровня. И Колибри была рада. Так было лучше, чем работа в цехах на конвейере местного завода или на швейной фабрике. Только вот добряком человек совсем не выглядел. И какие качества мама считала уникальными?

– Аристократическая новинка, – похвастался он, – один влиятельный мужик дал покататься. Я тоже могу такую купить. Но зачем мне? Нищих дразнить, внимание ненужное привлекать. У меня своя личная машинюшка простенькая. Но сам я богаче того, кто мне дал её напрокат. За услугу одну. – Его распирало от желания дать ей прочувствовать свою значимость.

– Я имею много влиятельных приятелей и даже друзей в закрытых городах и среди аристократов тоже. Есть такой да-

же в Коллегии Управителей. Человек мне весьма близкий, но ч-ч-ч, – он приложил палец к неприятным губам, давая понять, какой важной тайной он наделён, а открыть её не может. Он даже сощурился, чтобы девушка поняла, что настаивать на огласке тайны очень опасно. Кому, – ей или ему? Понятно не было, но и бахвальством его слова не казались, как и милой шуткой тоже. В нём не было ничего похожего как на шутиливую лёгкость, так и на приятное легкомыслие. От него веяло предельно серьёзной опасностью, от которой стоило бы и убежать поскорее. А дурочка девушка ощущала себя связанной врождённой деликатностью, боясь задеть незнакомца нелюбезностью без причины. Нельзя обижать человека, не сказавшего и не сделавшего ничего плохого. Внешне нарядного, воспитанного, хорошо и дорого пахнущего. – А машину взял, чтобы тебя покатать, – любезничал он. – Ты хочешь на такой покататься?

«Нет»! – крикнуло её предчувствие.

– Да, – сказала она, увидев знакомого парня, назначившего встречу в «Саду свиданий» другой девушке. Не ей. Потому что девушка была криклива и нарядна. У её отца была продуктовая база. А Колибри скромна и одета всегда в серенькие или палевые, будничные туники. Парень застыл в удивлении на половине шага, имея намерение к ней подойти и попросить прощения – он вовсе не хотел идти с тою, и он хотел всё объяснить. И сегодня вечером гулять им вместе. Он топтался в нерешительности, опустив ногу и не сде-

лав тот шаг. Но если бы сделал? Тот самый шаг, который был способен спасти её? Важный незнакомец со странной причёской ощерился уже в сторону знакомого парня Колибри. Не изменяя положения губ, как будто ему было это трудно, и они приклеенные, он свирепо уставился на мальчишку, поняв траекторию его движения и став для этого движения препятствием.

Чего он затормозил, испугался чего? – так думала она впоследствии. Что бы мог человек с гребнем ему сделать? Но тогда она тоже решила его раздражить. Пусть он видит, какие мужчины из столичного центра, на каких машинах останавливаются рядом с ней. Она села в просторный салон с запахом странных незнакомых фруктов, одёргивая подол ниже коленей, потому что мужик застрял взглядом на её ногах. Ручища с пучками необычных оранжевых волос на внешней стороне кисти легла на колено и стала обжимать его. Вылезти было уже нельзя. Дверь он заблокировал.

– У тебя красивые, удивительные волосы. Зачем ты закрыла их какой-то старушечьей накидкой? – Он сбросил с её волос шарфик. Цвет шарфика определить было сложно. Синий в серую полоску, или серый в синюю? Достав из внутреннего кармана своего легкого шуршащего пыльника нежно-фиолетовый, большой и тончайший лоскут, украшенный кружевными мерцающими бабочками поверху, он перехватил им её волосы, стащив заколку, украшенную зелёным бархатным камнем. Такие камни находят в старых выработках работяги

и торгуют им на рынках. Человек не без интереса изучил камень. – Сколько же я их находил в подземельях, что собери все, то полы в доме ими можно было бы украсить. Но давали-то за них крохи... – Он внезапно замолчал и задумался, но пояснений не дал. Бросил кустарную, но чужую вещь куда-то в ноги под сидение. Заколка принадлежала подружке, и та дала только пощеголять. Колибри нагнулась, чтобы её поднять. Ей родители таких украшений не покупали никогда. Но заколка где-то застряла и не вытаскивалась. Человек, а он не представился, взял её сзади за рассыпающиеся волосы, нежно глядя их и перебирая, и вдруг дёрнул её голову вверх резким рывком. Поражённая Колибри не успела ничего сказать, как он прикоснулся к её губам этой же ручищей, сделав захват вокруг шеи и сунув в рот прохладную горошину. Она схватила его за светлый рукав тонкой одежды и стала куда-то проваливаться. В бездну...

Неожиданная подружка

Очнулась она в постели в узкой комнатёнке с одним окном зеленовато-голубого цвета. Атласное постельное бельё имело пунцовый цвет, как бывает только у новобрачных. Миловидная девушка с невероятным и тоже пунцовым цветом волос принесла ей поднос с горячим густым напитком из тех самых душистых фруктов, чей запах витал в машине. В вазочках было несколько сортов разноцветного суфле.

– Где тот человек? С гребнем под волосами? – спросила Колибри у девушки.

– А пёс его знает, – грубо ответила незнакомка, – он мне не докладывал. Он приходит ко мне только тогда, когда его подлое корневище поднимается выше пупка, – она села рядом. – Хочешь, помогу сбежать? Есть куда? Ты же ещё нетронутая девушка? Если выкрал, то ты не на учёте в Департаменте нравственности, и просто обязана сбежать, пока тебя не перевели на первый этаж, куда по ночам приходят за девушками клиенты. А то потом, если что, как докажешь, что ты жертва? Если медицинское обследование обнаружит, что тебя успели раскурочить?

Удушьящая волна страха поднялась выше горла, и Колибри выплюнула суфле, не успев проглотить. Так началась её другая жизнь.

Когда Олег допытывался у неё потом, где был тот адрес, чтобы отомстить за всё, она не знала где. Но если бы и знала, то не сказала бы ни за что. «Он настолько жесток и ужасен, что убьёт тебя первым», – так отвечала она Олегу. Человек подвергал её запугиванию тем, что спустит в подвал, где обитали страшные пауки. Пауки не выносили дневного света и обитали где-то в горных пещерах, но кто-то и неведомо когда заташил их в континентальную страну, и они расплозились, размножились по подземным и подвальной помещениям, поедая других насекомых, живущих там же. От их укуса возникали язвочки на коже, быстро заживающие, но

оставляющие после себя пигментацию. Да и сами арахниды были ужасны – чёрные и красноглазые, размером с большой орех, они забирались молниеносно под одежду, стоило только задеть их паутину, а паутиной этой был оплетен весь подвал. Другие девушки боялись подвала панически. У одной из них, той с яркими волосами, что и принесла ей напитки и сладости в первый день, всё тело под платьем было в пигментных отметинах, и хозяйин-громила пугал её отдать за испорченную кожу в провинцию в «дом», куда ходили только работяги из огромных наземных и страшных подземных горнодобывающих предприятий. Женщин там спаивали, били и грабили вчистую. Иногда и убивали.

Пострадавшая от пауков девушка обладала привлекательным круглым и весёлым лицом, а также пышным, но некрупным телом на довольно стройных ногах. Несмотря на то, что чаще других попадала в подвал, где её не кормили сутками, она служила страшному хозяину как безгласная раба. Мыла и оглаживала ему ноги, стригла жесткие ногти, делала всевозможные массажи, когда он, кряхтя от удовольствия, распластавшись, голый и шерстистый, лежал в большой комнате для омовений, устрашая непомерным размером багрового возбуждённого детородного органа. Там же он зачастую и овладевал массажисткой, издавая хриплые вопли в процессе оргазма. Девушка была его любимицей, она бежала на его зов быстро, панически боясь не только пауков, но и побоев. Он дрался больно, но умел не калечить. Она всегда улыба-

лась ему, всегда изображала ответную страсть, всхлипывая и причитая, когда он мял ей грудь, настаивая на соитии, и она всегда подчинялась его сексуальным фантазиям. Все живущие в «доме» девушки, а также прислуга, повар, прачка, могли это видеть и слышать при желании, так как большая комната для омовений не имела дверей, а только обширную арку для входа. Но его это не заботило. Где накатило, там он и изливался в свою наложницу, а зачастую это происходило именно там, так как она была мастер по изысканным гигиеническим процедурам, массажам, педикюрам и стрижке. Сама Колибри ничего, конечно, не видела, ей рассказывали об этом другие обитатели.

Первое время она жила одна в той самой комнате, и её никто не трогал. Страшный человек будто забыл о ней. Ей позволяли гулять по запущенному, дикому даже, саду вокруг дома, но выйти через запертые сплошные ворота она не могла. Она сидела, сторбившись, на старой скамье, найденной под тенистым огромным цветущим деревом, слушала птиц и чего-то ждала, не веря в плохое, но и не ожидая счастья, понятно. Можно было перелезть через обкрошившуюся каменную кладку старой садовой стены. Она попробовала, но на другой стороне стена была отвесной и высокой невероятно. Видимо, дом и сад находились на горе. В лучшем случае можно было искалечиться, а в худшем и вовсе расшибиться. Напротив сада через некоторое расстояние тоже была глухая стена, и ни души, никого, тупик. Куда бы она пошла без де-

нег в огромном запутанном городе, если бы выбралась? Без документов, без обуви, на её ногах были вязаные домашние носки с кожаными мягкими подошвами, в которых никто не ходил по улицам, да ещё улицам столичным, да ещё с ободранными коленями, если бы повезло. Если только окончательные психи имели смелость появляться на людях в любом виде, а молоденькой девушке не хотелось оказаться в их числе. Собственная ограниченность и робость были лучшими сторожами для неё, как оказалось впоследствии. А её строгая мать? Что она скажет?

Откровения Ягодной Булочки

Ту женщину, самую к ней приветливую пышечку, звали Анит. Она приносила ей обед в комнату, уносила бельё и тунуку для стирки, взамен дав ей очень красивую и в кружевах, и принесла затем всё выглаженным и душистым. Она делала ей удивительные, всегда разные причёски в комнате для гигиенических процедур, мыла её там в округлом небольшом бассейне, растирала спину и кожу тела ароматными питательными кремами. Комната для омовений поразила её роскошью, на красном полу под ногами лежали плотные цветные циновки, расшитые атласными нитями, а на таких же красных стенах в структуре отшлифованного камня просматривались окаменелые ракушки. И еда была очень вкусной, необычные сладости запросто лежали в вазе в её

комнате – ешь сколько угодно. По всему дому в проходных комнатах, где никто не спал, но бродил, среди цветов в напольных кашпо стояли на столиках прозрачные зелёные вазы с фруктами немыслимой расцветки – сладкими, терпкими, кислыми и приторными, на любой вкус. Но Колибри не радовалась сказочной в её представлении роскоши, тому, что за ней ухаживают так, как никогда не ухаживала собственная мать.

Анит была ей вроде воспитательницы. Все называли её Уничка – ягодная булочка. Она была добродушна и общительна. По её словам она была всегда в боевой оппозиции к суровому хозяину, всегда бесстрашна и негибаема, но со стороны наблюдалось несколько иное её поведение, ставившее в тупик – за что он над нею измывается так часто?

Уничка обычно приходила к ней в комнату перед сном и болтала едва ли ни целую ночь. Но нормального сна у Колибри не было по любому. Обладая гибким телом, Уничка как акробат садилась на обе ноги, поджав их под себя, изумляя Колибри ловкостью, что трудно было и предположить в ней, глядя на полноту. Свободные, расшитые ягодками и листьями домашние туники без пояса и впрямь делали её похожей на круглую булочку. Ровные, но несколько коротковатые её ножки завершали изумительной красоты ступни, украшенные удивительно гибкими пальчиками и ухоженными раскрашенными ноготками. Она носила какую-то диковинную ажурную обувь, полностью открывающую пальцы на ногах.

Кожа ног была белой и атласной, впрочем, как и вся девушка целиком. Особой красоты в ней и не было, а вот казалась она почти ослепительной, необычной. От неё исходила ласкающая аура очень доброго и открытого существа, и Колибри полюбила её как родную себе. Анит оказалась очень развитой и в смысле образованности. Она поражала Колибри своим умом, или же только по своей наивности она считала подругу-невольницу умной?

– Я сильно поправилась после родов. А так я была вполне тонкая. Роды – это ужасно! Выходя, ребенок всё выворачивает наизнанку, многие разрываются и их штопают как дражное белье. Долго потом болеют. Бывают и смертельные случаи. На этот свет человек рождается из раны, из крови. Да и любовь в нас женщин входит впервые как физическая травма. Только травма извне, а уж потом ребенок выходит уже как травма изнутри. Почему так? Может быть, это символ нашего своеволия перед Надмирным Отцом, и мы поторопились со своим выходом на просторы явленного, но в чём-то недоделанного ещё мира? От того и души наши сырые и незрелые, а тела некачественные? Но что за сила выпихивает нас сюда из утробной стонущей черноты, и что за сила пихает нас в объятия прекрасных зверей-мужчин? А их и совсем уж неодолимая сила влечет к нам, за что и нет нам прощения. Мы виноваты за притягательность юности, за ошибки и тупики зрелости, за шершавое увядание старости, за ум, если он есть и за глупость, если ума нет. За несовершен-

ную жизнь и за смерть тоже мы несём ответственность в их мнении, поскольку рождаем людей смертными. За всё хорошее хвалу возносят Творцу, а хулу за всё плохое возлагают на нас, на женщин. Но после рождения ребёнка, как правило, женщина своим умом всегда меняется только к лучшему. Начинаешь жалеть людей, жалеть весь мир, как будто и его ты родила заново. Я разговаривала со многими женщинами, к родам невозможно привыкнуть, сколько ни рожай – всегда мука. Мне ещё повезло, я легко родила, только небольшие ссадины, всё зажило очень быстро. Но стала, видишь, какой? – И она покачала своей милой круглой головой с детскими маленькими ушами и, подняв тунику, явила Колибри ужасающую по размеру грудь. – Я увеличилась во всех смыслах, и умом и телом. Ребёнка увезли давно, молока нет, а я всё ползу, оправдываю свою кличку, Уничка – ягодная булочка. Одно утешение, хозяину нравится моя грудь. Он ведёт себя так, словно стал заменой моего ребёнка, ложится рядом и присасывается ко мне. Мать не любила его никогда, поэтому он бывает временами настолько жесток. И когда он довольно урчит у моего сердца, я думаю о том, что каждого человека кто-то рожал, и начинаю жалеть его. Он тоже бывает в такие минуты мне родным. – Уничка гордилась своим особым приближением, как бы забывая о жестоких причудах того, кто её приблизил. Пытаясь командовать прочими, она вызывала их раздражение. Поэтому они и рассказывали Колибри, не щадя её очевидную невинность, гадости об Унич-

ке и хозяине.

В прошлом Уничка жила в общине вольных актёров, скитающихся по стране, но прельстившись жизнью в столице, попала под облаву, организованную сворой из Департамента нравственности в одном ночном заведении. Столичные власти решили очистить столицу от уголовного сброда и гуляющих вольных девиц, и ей ещё повезло! Личный жетон отняли, зато оставили в столице. Живя в бродячей актёрской общине, она научилась многим полезным навыкам – красивым телодвижениям, танцам, хорошей дикции, а также освоила искусство стрижки, грима, массажа, приобрела умение сооружать красивые причёски и маскировать любой изъян девушки нужным нарядом. Это позволило ей занять здесь привилегированное положение. Поэтому она жила на втором этаже и была вольна от всех, кроме хозяина.

– Вот взять тебя, к примеру. Ты совершенство, но выглядишь, как чучело. Ни причёски нужной, ни одежды. Что на тебе был и за хлам? Насколько же твоя мать не любила тебя, если позволяла дочери ходить в такой ветоши. – Уничка говорила о матери Колибри в прошлом времени, намекая на то, что назад домой ей хода нет. Но сама же шептала ей по ночам, что готовит для Колибри побег. Как только хозяин свалит по своим тёмным делишкам на неопределённое время, она всё организует.

– Моя мама наряжала меня всегда, я привыкла к изысканным вещам с детства, – лицо Унички расплывалось от счаст-

ливой улыбки, что украшало её ещё больше, хотя она и не была из тех, кого принято считать красотками. Простое лицо с несколько широким носом, блестящими глазами – ягодками, ярко-розовая кожа на скулах, словно она переусердствовала с косметическим румянцем, всё это делало её не похожей на прочих. Дело было не в красоте, а в необычности Анит, увидев её раз, нельзя было её ни запомнить. Умелый грим, который она тщательно наводила, преображал её в фарфоровую и бледную куклу, как и наряд её фигуру. Она становилась похожей тогда на вазу, округлый верх от округлого же низа отделял расшитый блестящими бусинками и пуговицами корсет. Талия у неё была впечатляюще узкой для её пышности. Она преображалась для выхода за пределы «дома». Волосы дикого яркого цвета она прятала под красочными шёлковыми тюрбанами и шарфами, если собиралась отбыть в столицу. Невозможно было отвести глаз от неё в такие минуты, от её впечатляющей яркости. Колибри успела привязаться к Анит настолько, что скучала без неё, как ребёнок без матери. Ей нравилось её слушать, дышать её сдобным духом, ощущать её жизнерадостные излучения, её всеохватную доброту даже тогда, когда она ругалась. Казалось, даже ругая, она любит человека, и только укоряет его за временную утрату достойного поведения. Отношения прочих к ней было сложным, но это от того, что люди завистливы, объясняла Анит, сама же она жалеет людей всегда, особенно тех, кто глуп от природы.

– Мы таскались по стране в длинном грузовике – доме, не имея порой условий на элементарную гигиену. У каждой семьи был свой отсек, грузовиков же было несколько. Жили дружно, шумно, одной семьёй, по сути. Всякое бывало, и пиры и драки, и грабежи на тёмных страшных дорогах, когда мы оставались без всего, что сумели заработать. И в тюрьмы попадали наши актёры, и убивали наших коллег ни за что, и девушек похищали. Короче, жизнь опасная, тяжёлая, но наполненная часто весельем и незабываемыми событиями, необычная, если сравнить с серым трудовым однообразием большинства людей. Тот, кто становится кочевником, никогда уже не сможет стать оседлым. При затянувшейся остановке на одном месте наваливается тоска, всё вокруг теряет вкус и словно протухает. Вот такие мы и были все, ненормальные на взгляд людей обычных. Но представь, я ложилась спать у круглого окошка, уткнув в него нос, а за ним проносились леса и поля, далёкие и близкие реки и озёра. И мне казалось, что я лечу над континентом как птица, лёгкая, упругая, укутанная мягкой сиреневой мглой, сопровождаемая тёплыми огоньками неизвестных городов и селений. Мир казался бескрайним, будущее прекрасным. Вся наша община была не богата, вернее, откровенно бедна. Но внешний шик для людей нашей актёрской профессии – это необходимость. Голодай, изворачивайся, а держись. Я привыкла к сцене, к блёсткам, к улыбкам. У мамы и отца не было денег на то, чтобы меня взяли в театральную школу, и

я так и не получила профессионального статуса. Надо было искать покровителей. Попав в столицу, я не затерялась в ней, я знала толк в нарядах, могла развлечь любого мужчину. Однажды я познакомилась с известной актрисой Гелией Хагор, она была заворожена моей необычностью и обещала мне протекцию. Гелия была настолько простой в общении, доброй и искренней, а это редкость в мире искусства. Мы иногда пили с нею чудесный напиток, от которого посещают человека красочные видения. Мы смеялись, обнимались, когда встречались, как-то она подарила мне кольцо с невероятным камушком и переливчатый браслет. Я танцевала для неё в том клубе, где она любила бывать, когда она просила об этом. Я оставалась в одной сценической набедренной юбочке из разноцветных лоскутов, только грудь прикрывала лёгким прозрачным шарфиком. Я умею танцевать на одних пальчиках. Ты бы видела, какой прекрасной, высоко поднятой была моя грудь! Мне бросали деньги под ноги, целовали мои пальчики на ногах. – Она вытащила из-под себя ногу, хвастаясь возможностью самых невероятных изгибов своей тренированной с детства ступни. Что и продемонстрировала тотчас же. Но Колибри трудно было представить себе давно погасший полдень её жизни. За окном чернела надвигающаяся ночь, плотные заросли, едва пропускающие остаточный свет гаснущего неба казались дремучим преддверием джунглей, в которых залегла безысходность.

Чёрствая судьба мягкой «Ягодной Булочки»

– Больше я ничего и никому не позволяла в том закрытом клубе. Все посетители были в восторге от моих выступлений. Наш теперешний хозяин тоже в один из вечеров пришёл туда и увидел меня на подиуме. Стал там появляться, но держался в самом неприметном углу. Он думал, что я очень дорогая женщина и ему не по карману. А я была нищей заезжей бродяжкой, но как смотрелась! И если честно, тогда вокруг меня были настолько великолепные мужчины. Даже не знаю, почему я замечала его, он казался мне мрачным чудовищем. Я думала, неужели возможно с таким иметь те отношения, которые я позволяла себе уже тогда, с немногими понятно, но чего уж скрывать. Актёрская жизнь – мы взрослеем рано. И что заставило меня заметить его. Что? Предчувствие своей страшной судьбы? Он словно светился изнутри через пугающие глаза чёрным жаром своего вожделения, и думаю, что в то время я смогла бы вышибить из его усадьбы его тупую куклу жену, если бы захотела. Но я не была корыстной. Я искала любви и красоты. Он никогда не подходил к подиуму, когда я танцевала, он всегда был жаден, но, всё же, один раз подошёл к столику Гелии. Он её знал лично. Его глаза были как у собаки, подошедшей за куском подачи. Он сел за наш столик, демонстрируя окружающим, какие женщины у него в знакомых. Гелия не сказала ему ни слова, глядя поверх его

головы. Он был скован и внутренне напряжён, хотя и хотел явить мне свою элегантность и лёгкость натуры. Стал плести невесть о чём. Чтобы поразить меня своей эрудицией и высотой ума. Да куда там! Нужен был мне его ум и его эрудиция, когда он был озабочен только своей эрекцией, и готов был разрядиться там же, сидя за столиком Гелии нелепым истуканом, вытаращив глаза. Я смеялась просто так, от счастья феерического момента. Потом сняла шарфик со своей груди, прежде чем уйти в гримерную к девчонкам, где оставила своё платье. Чтобы дразнить его. Мне нравилось, что он такой несуразный ни с чем, а затаил безумное желание, которое я никогда не буду удовлетворять, как я тогда думала. Он схватил мой шарфик. У шарфика был нежный фиолетовый цвет, и бледно – жёлтые, палевые, разноцветные бабочки были нашиты сверху. Это был подарок от восхищённого зрителя моих танцев. Я стала тянуть шарфик из его рук, и он замер, – я умышленно прикоснулась грудью к нему. Было чувство, что меня ударил электрический разряд, настолько сильное влечение он излучал. Не знаю, что это было, но он был словно прозрачным для меня, я могла читать все его мысли и желания, словно знала его всегда и давно. Но это было не так. Тот шарфик он так и не отдал. А по правилам он должен был дать мне денег за шарфик, если хотел оставить себе. Я могла бы и позволить ему коснуться своей груди. Но экзотическое чудовище только полыхало глазами, скрывая свою патологическую жадность за якобы восхищением,

ни на миг не забывая о своих деньгах.

Я ушла и больше в тот вечер не вернулась к столику Геллии. Меня сразу перехватили, уже и не помню кто. Познакомили с одним весёлым и добрым парнем. Мы поехали для дальнейшего праздника куда-то в его личную рощу. Это называлось у них «провождением в мужа». У них – у аристократов. Таков странный обычай – нагуляться от души перед ритуалом зажигания семейного огня в Храме Надмирного Света. А нам, простым людям, жрец предписывает целый месяц очищения и душевного и телесного. Но это же аристократы! Они извращают все заповеди и смеются над верностью простолюдинов своим обычаям. В удивительном растительном павильоне, освещённом разноцветными огоньками, стоял стол со всевозможной едой и напитками. Он подарил мне красивую одежду, мы пиروвали всю ночь, и когда на утро прочая компания растворилась в неизвестности, я жила у него потом целый месяц. Вот так он «очищался» перед своей женитьбой.

Я помню, какие удивительные круглые бассейны с подсветкой были в той роще, они светились как зелёные, голубые и розовые линзы, а внутри них плавали полосатые, в крапинку, оранжевые, фиолетовые и красные рыбки среди ажурных водорослей и бархатных камней. Мы с ним отдыхали в павильоне, украшенном ископаемым перламутром. И я чувствовала себя такой вот цветной, полупрозрачной и лёгкой рыбкой, попавшей из тягостной жизни туда, где ничто не

тянет вниз, где не надо каждодневно думать о пропитании, хватая сладкие крошки, появляющиеся сами собой или поднесённые свыше откуда-то доброй ладонью. И плавать, плавать, играть в растворённых в хрустальной воде серебряных лучах. Да, я признаю, что это мечта паразита, но перед тобой я честна. Кто не мечтает о том же? Только святые люди и великие подвижники имеют высшее зрение и высшие цели. Я всегда так боялась жизни реальной, боюсь. Мне настолько страшно жить, ты даже не представляешь. А тогда – это было волшебство, которое не бывает, но оно было. На самой быстрой машине мы ездили на чистые озёра с искристыми песчаными берегами, где купались в безлюдье нагишом. Я только потом узнала про странный обычай людей из аристократических роцц и скрытых от глаз простолюдинов посёлков. Как они дают себе волю напоследок перед браком. А тогда я по своей провинциальной дурости вообразила, что попала в ту самую волшебную касту счастливых, благодаря своей внешней притягательности, и навечно останусь там жить. Впрочем, бывают такие случаи, почему и не со мной? Так я думала. Такая длительная связь – целый месяц, наполненный ласками и нежностью. У меня всё это было впервые, и единожды, чтобы настолько хорошо и ослепительно красиво!

И веришь, я не помню его лица, а этого колдуна, не иначе зачатого в паучьем подвале, запомнила с первого взгляда! Даже там, в тенистых и ухоженных роццах и садах я не забывала его сумрачное и непонятное лицо. Я не знала, как

его определить – было оно злым или несчастным, умным или устрашающим? Но я долго не забывала человека, подошедшего к Гелии в том клубе, чтобы познакомиться со мной. Я не стала цепляться за того молодого аристократа, с лёгкостью покинула его, а он, помню, ждал чего-то и большего от меня, намекая на продолжение отношений после его ритуала в Храме с другой, со своей аристократкой. «Это же обычай», говорил он, «моя обязанность перед родом, а полюбил я тебя». Но мне как-то обидно тогда стало за собственные же наивные мечты, что ли. И потом, я не теряла надежд устроить себя в браке, и всегда порывала связь сама, как только понимала её бесперспективность для дальнейшего.

Я опять пришла в тот клуб. Встретила там Гелию, но того, ну хозяина, там уже не было. Гелия обещала мне достать средства для оплаты учёбы в театральной школе, она считала, что я уникальный талант. Она пригласила меня к себе в дом. Я была поражена, как небогато она жила, хотя жилье было огромным, и вещей красивых у неё было много. Но в остальном – пустые комнаты, пыль и ощущение какой-то разлитой всюду тоски, кромешного одиночества. Потом притащилась толпа каких-то людей, я стала для них танцевать по просьбе Гелии, а потом ничего не помню, меня чем-то подпоили. Я очнулась отчего-то у себя в каморке, где жила в столице у одной старухи, сдающей бесчисленные конурки в своём доме таким как я, нищим актрисам, короче. Она сказала, что меня привезли бесчувственную, голую, но завёрну-

тую в богатый пушистый плед, некие жуткие мужики и скинули лицом в кучу песка и ракушек у её порога. Хорошо, что она вышла и перевернула меня, а то бы я задохнулась. Старуха собиралась этим песком, перемешанным с ракушками посыпать дорожки в своём садике. Она при помощи других жильцов притащила меня в мою конуру. Это был такой стыд! Такое падение! Но жильцы-соседи, как и сама старуха-хозяйка на это не очень-то и обращали внимание. Насмотрелись на всякое. Да и сами были отнюдь не образцами благопристойности. А плед старуха мне не отдала, сказала, что он будет ей в качестве платы за ночные хлопоты. Да что плед! Я и думать о нём забыла. Но красивого платья, оставленного неведомо где, было жаль. И обуви. И вышитой замшевой сумочки ручной работы профессионального дизайнера с остатками всех моих денег. И драгоценностей, спрятанных в двойной подкладке сумочки, тоже у меня теперь не было. Я боялась оставлять деньги и прочие свои мелкие, но дорогие вещички в конуре, где приходилось ночевать, и всё таскала с собой, куда бы ни ходила. Я же была абсолютная трезвенница, не считая единичных случаев принятия того напитка вместе с Гелией. Но Гелия уверяла меня, что это не вино в традиционном понимании, а некий загадочный напиток, открывающий человеку дверь в его собственное подсознание, а при этом сам человек не выключается из реальности, как происходит при алкогольном одурманивании. И что за суррогат мне подсунули у Гелии в доме её приятели, я не

знаю.

А те украшения были подарками того человека из аристократических роц, они были шикарны, они были как память о нём и о тех днях. Один шарфик – подарок того аристократа и остался на мне, завязанный узлом вокруг моих бёдер. И то хорошо. Хотя чего и хорошего? – Уничка протянула свою полную руку, показывая браслет из плетений мелких туманно-звёздчатых камней. Поверху крепилась кружевная бабочка, кем-то искусно выточенная из розоватого материала, прозрачного как стекло. Она была усеяна золотистой пылью как живая и слегка трепетала крылышками при малейшем движении руки. Поначалу Колибри приняла браслет Унички за пустяковую безделицу – дешёвую игрушку. – Подарок мне от моей мамы. Удивительно, что мне удалось его сохранить! А надо тебе сказать, что Гелия знала толк в украшениях и в камнях. Как она просила у меня мой браслетик! Предлагала немалые деньги. Но как отдать собственный оберег? У Гелии в доме не было ни одной дешёвки. Она даже в руки брезговала брать то, что не соответствовало её представлениям о красоте. Красота же всегда дорогая. Во всех смыслах этого определения. Конечно, можно её не ценить, как было то со мною, например. Я и понятия не имела, как я была уникальна в юности, и как нужно было использовать свой природный дар таким образом, чтобы не сидеть теперь в позорном проклятом месте, – она поднесла руку к своему лицу, долго разглядывала браслет. – Не сняли. Бледные ка-

мушки, мелкие, да и бабочка поверху, вот воришки и решили, что детская игрушка.

– Мистика! – произнесла она, любуясь бабочкой и поворачивая запястье с браслетом в разные стороны. – Как будто бабочка не смогла улететь, оставшись за компанию с другими бабочками на шарфике. Хорошо, что воры ничего не понимали и не оценили. Да. Это так. Не все умеют отличать истинную одухотворённую красоту от её размалёванной подделки. Ты знаешь о том, что все вещи, созданные талантливым человеком, приобретают часть его души?

Колибри вялыми пальцами потрогала бабочку, ожидая, что она мягкая и непрочная. Но та была твердая. Непонятно как она шевелилась подобно живому насекомому. Вероятно, её скрепили с браслетом тонюсенькими пружинками. Не имея привычки к украшениям, девушка равнодушно рассматривала бабочку, сидящую на каменных лепестках. Ни её мать, ни те, кто окружали её по жизни, никогда не носили ювелирных изделий и не имели у себя в домах вещей, чьё назначение только украшать и радовать зрение. Если бы она нашла такой браслетик, также решила бы, что это баловство для ребёнка. Единственное, что ей нравилось, так это заколки для волос. Их продавали на выходных ярмарках, но и их ей никогда не покупали. Мать давала ей для длинных и густых волос лоскуты, остающиеся от пошива платьев. Она вспомнила о зелёной бархатистой заколке, украшенной тонкой пластинкой горного камня, чьего названия она не зна-

ла. Подумала о том, что подружка посчитает её воровкой, поскольку заколка где-то пропала. Как впрочем, и сама Колибри навсегда пропала для всех, кто окружал её прежде. И сама та жизнь навсегда для неё пропала. Она ощутила, идущий изнутри, ожог подступающих слёз. Прижала пальцы к глазам, чтобы не дать вытечь слезам наружу. Уничка заметила её жест и сочла, что девушка растрогана её повестью. Обняв Калибри как младшую сестру, она стала целовать её в волосы.

Правда, похожая на выдумку. Или повесть маленькой танцовщицы о своей жизни.

– Не плачь. Ты такая чувствительная! Пока я рядом, тебе никто не причинит обиду. Рассказывать дальше? Или хочешь спать?

Колибри вовсе не хотела оставаться наедине со своими мыслями, перепутанными в больной и колючий ком. Она задержала Уничку, обняв ту за талию и доверчиво прижавшись к ней. Довольная Уничка напевно продолжила. Где была правда, где частичный вымысел в её затяжном повествовании, не было особенно важно для Колибри. Скорее всего, вымысла и не было, а вот частичная утайка информации, конечно, была. За годы, проведённые в столице, Уничка успела проплыть довольно длительные и запутанные дистанции в загадочных глубоких течениях богемного мира. Она пови-

дала много людей, много сред, в которых те обитали, и чтобы рассказать всё, потребовалось бы время равное прожитым дням и ночам. Поэтому ни единый человек не может рассказать всё, даже если бы он желал того, или активная память хранила бы абсолютно все детали из пережитого, а не сбрасывала бы нажитый хлам в безразмерные хранилища подсознания. Ибо большая часть приобретённого багажа обесценивается и обесцвечивается до неразличимости сброшенных крыльев насекомых. Очень быстро. А повседневная пыль, куда падают отжитые дни, прессуется в тяжёлые камни. Поэтому каждый наступающий день тяжелее предыдущего. Человек теряет лёгкость, резвость, прозрачную воздушность юности. Таковой была нехитрая философия Ягодной Булочки.

– Вот я, вроде, танцевала всё лучше и лучше, как набиралась опыта, а прежней чистой радости от жизни испытывала всё меньше и меньше. Конечно, устойчивость и самомнение росли, а краски мира всё блекли и блекли. Хотя по сравнению с бедняцкой простотой детства и юности я пребывала в несопоставимо более насыщенной и сложной среде, феерически-яркой. Я забыла, что такое голодать, дрожать над сохранностью платьев. Я могла менять их настолько часто, насколько быстро они мне надоедали. Я всегда была сыта и нарядна. Мне даже нужно было прикладывать усилия, чтобы заставить себя недоедать ради сохранения изящной формы. Конечно, у меня не было очень уж дорогих нарядов или до-

рогих апартаментов, как у той же Гелии, не было и её славы. Да и прочного устройства не было никакого. Но не покидали мечты и устремления попасть в другой уровень жизни. Ах, я очень меркантильная женщина! Моя голова с самого детства была очарована миражами красочной и богатой жизни, которую настолько правдоподобно изображают, как правило нищие, актёры. Порочные мечты и привели меня туда, где я и оказалась, а вовсе не любовь к прекрасному искусству. Для меня искусство было лишь средством достичь возможности выпрыгнуть из кузова вечно колесящих машин бродячего театра. Моя мама была совсем другой. Она была пожизненно влюблена в своё ремесло, как и в моего отца. А отец мой был силач, каких поискать. Она любила радовать бедных людей своим умением создавать чудесные иллюзии другой реальности и терпеть не могла настоящих богачей. Даже не знаю, говорила ли она мне правду, но она уверяла меня, что сбежала с моим отцом-актёром и акробатом от очень влиятельного отца, живущего в аристократических рощах. Рассказывала, что отец был хромоногий чёрствый вдовец, и что с ним осталась младшая сестрёнка, которую она нянчила. Мама забыла, каким было её лицо, настолько давно это было, но всегда плакала, если видела сестрёнку во сне. Если бы им удалось встретиться, сёстры не узнали бы друг друга. Мама постарела, а сестра выросла. Когда мама сбежала со своим самовольно выбранным мужем, отец сразу же вычислил их, хотя они и скитались в составе бродячего театра. Но устраивать

гонки за ними не захотел. Сбежав из отцовского дома, она лишила себя его любви навсегда. Он только прислал ей этот самый браслет и письмо через своего посланца. Он написал, что она, избрав себе в спутники жизни не просто недостойного бродягу, но и красноволосого человека, носителя иного расового типа, перестала быть его дочерью. Он же, отец и аристократ, как человек властный и сильный, мог бы уничтожить её любовника, но не станет отягчать свою душу. К тому же расправа над тем, кто в его глазах животное, недостойное занятие. Он всегда был против охоты на животных. О ней он ничуть не сожалеет. Наоборот, рад, что она избавила его от хлопот о ней, от возможных затрат на её пристойное будущее. Теперь же её будущее – грязная засаленная изнанка жизни. Жестокий механизм судьбы ещё перетрёт её красоту и талант в никчемные опилки. Может быть, для развития души и её посмертной участи это и полезно, а уж о телесных долгих радостях ей быстро придётся забыть. Моя мама так не считала. Более жизнерадостного и доброго человека, чем моя мама, я и не встречала. У неё была белоснежная кожа, длинные шёлковые волосы и тонкие черты лица. А я, видишь, пошла в своего отца. Только рост унаследовала невысокий, как у мамы. Отец же у меня рослый, а в молодости сиял и волосами, и глазами так, что мама как влюбилась в него однажды, увидев представление бродячего театра на одном из престонародных праздников, так и не смогла разлюбить до сих пор. Она в те времена часто посещала

народные гулянья, переодеваясь простонародной девушкой, поскольку была очень любознательной и хотела знать, как живут люди из других сословий, чему они радуются, как общаются между собой. Конечно, так поступать было опасно, но мама была хитрая и умела вводить свою воспитательницу в заблуждение, когда хотела этого. Не исключено, что воспитательница и сама была не прочь погулять на славу. Так что они обе обманывали, хотя и сурового, да вечно занятого отца. Надо тебе сказать, что мой родитель имел надежду поживиться за счёт соблазнённой дочери влиятельного богача. Обременять себя женой он, вряд ли, и хотел, чтобы уж очень. Думал, что какое-никакое, а приданое ей родитель даст, даже если и выгонит от себя прочь. Они купят дом и заведут маленький бизнес, а то и большой затеют на аристократические денежки. Уж очень он устал от бродячей доли. Да где там! Так что жили они не особенно и ладно. Папа мой любил погулять и поскандалить, да и обижал нас часто. Мама легко его прощала, она и сама была великолепным костюмером и визажистом, отлично владела искусством управления теми финансами, что удавалось заработать нашему вольному театру. Она была самой образованной в среде тех, с кем жила. Да и общаться умела на равных с любым представителем власти, с любым чиновником. Её все любили и все уважали, исключая того, кого сама она любила беззаветно. Когда я напала на папу с укорами, что он плохой и не стоит мамы, он смеялся и говорил мне, – «Да кому ты веришь? Она бродяж-

ка, которую я нашёл однажды на одном из народных гуляний в окрестностях столицы. Прибилась к нам, а я добряк, пожалел её и взял с собою. Все актёры, скажу я тебе, уникальные выдумщики. Они свято верят в собственные фантазии. Будь это иначе, им и зрители бы не верили». Я же верила маме, а не ему, забулдыге с перебитым носом и драчуну. Он уже давно утратил свою красоту, а силищу-то нет! Мог на одной ладони маму держать, как пёрышко какое. А меня так и вовсе вертел на вытянутой руке, словно тряпичную куклу. Он меня и выучил акробатическим трюкам. А танцам меня учила наша театральная танцовщица. Мама же научила меня красивой и правильной речи, хорошим манерам и прочим тайностям театрального искусства. Так что мне и образования особого не требовалось. Всю науку я на практике с детства постигала. Только и нужна была протекция в столичное учебное заведение. Гелия обещала, а вон как всё обернулось! Вон во что я вляпалась! Проклятие деда погубило и мою судьбу. Да и у мамы сладких дней было немного... Как я могу после всего вернуться к своим? Какими глазами я буду смотреть в лица тех, кого мечтала превзойти во всём? Да и форму я утратила. А тут ещё рабыней стала, с торгов пошла как животное, как мясо! Думаешь, об этом никто не узнает? Нет мне обратного хода в прежнюю ту жизнь. А в чужой театр, пусть и провинциальный, бродячий, кто меня возьмёт, если без рекомендации? Как после этого не верить в родовое проклятие? Однажды мама рассказала мне свой сон. Он был

как явь. Ей не спалось. Она ворочалась с боку на бок и вдруг увидела отца. Он сидел перед нею и горестно вздыхал, глядя на маму. Было темно, но ей казалось, что она отлично видит его скорбное и страшно бледное лицо. «Я поступил с тобой жестоко. Я отторг тебя, но я не лишал тебя наследства. Всё моё состояние присвоил муж твоей сестры, человек подлый и развратный. Завещание на твою половину хранится в надёжных руках. К несчастью, пока живо это чудовище, тебе нельзя себя обнаруживать. Он убьёт и тебя и твою прелестную дочку. Тот негодяй рыщет в поисках упрятанных документов, но не найдёт. Хоть в чём-то я оказался хитрее него. Сам я давно мёртв, моя любимая и несчастная дочь. Кончина моя была страшной. Я сполна получил за все свои злодеяния, а они были. И немалые. А поскольку душа не подвластна распаду, в отличие от временной молекулярной структуры тела, я пока ещё имею возможность для общения с тобою на уровне более тонких полей. Мне это дано, поскольку наш род имел некогда кровную связь с кланом давно поверженных жрецов старой веры. Если бы ты сразу принесла ко мне свою дочь, как родила её, то её участь была бы иной, чем твоя. К сожалению, ей предстоит не самая счастливая молодость. Но спустя годы и годы, всё изменится к лучшему. И у тебя, и у неё. Храни её, как умеешь. А уж я влиять на ваши судьбы уже не могу». – Мама очнулась, трепеща от ужаса. В жилом маленьком прицепе, где мы и жили, никого не было. За шторкой спала я. Папаша где-то гудел, как и было у него

принято после удачного, а также и неудачного выступления. Он практически и не жил с нами. Он приходил только скандалить, да требовать у мамы денег. Мама тут же записала своё видение, если это и было сном, то такие сны снятся не каждую ночь. Она отлично владела художественным стилем письма, творческой фантазией и, конечно, могла выдумать всё то, о чем мне и поведала. Но веришь, я жду, что однажды придёт некто и скажет, что всё в моей судьбе развернулось в другую и ярко-освещённую сторону. Тогда мне становится легче и совсем не страшно жить дальше. Ты тоже должна придумать себе что-то такое, что будет поддерживать тебя у самого края чёрной беды. Не даст тебе туда упасть и расшибиться насмерть.

– Я так не умею. Выдумывать.

– Почему выдумывать? Твой внутренний мир должен иметь автономное освещение, внутренний лад. Тогда ты не оглохнешь и не ослепнешь в кромешном мраке, если оступишься, или кто толкнет туда. Всегда найдёшь спасительную тропку...

Гл. шестая. «Где же она, спасительная тропка»?

– Что было дальше, как ты вернулась в столицу из «закрытых островов блаженства»? – Колибри были интересны её приключения, а не рассуждения о том, как устроен тайный и жестокий механизм судьбы. Всё равно никто того не знает. А болтовня к чему? Колибри не была приучена к многословной философии о загадках бытия.

– Я была самолюбива, я обиделась на Гелию, что она так поступила со мной, то есть позволила другим тварям так поступить. Я не стала искать Гелию, чтобы напоминать об обещанной протекции для входа в столичную театральную среду. И вдруг неожиданно узнаю, что Гелия погибла в том самом эпицентре страшного взрыва, потрясшего всю столицу. Я настолько переживала, даже спала плохо, и не только потому, что утратила надежду на её поддержку, а из-за острой жалости к ней, из-за мыслей о страшной изнанке всего нашего мироустройства. О зыбкости человеческой жизни, о её бессмысленности, если хочешь.

Но потом как-то вылезла из своей апатии, опять потащилась в тот самый клуб, на что-то ещё надеясь, хотя знала, что Гелию, добрейшую и прекраснейшую из всех тех, кого я знала в столице, я уже не встречу никогда и нигде. Куда было идти, если я была одна? Возвращаться в громяющий и ржавый фургон на колёсах и таскаться по всей стране ради пропитания, я уже не могла, вкусив другой жизни, увидев блеск столицы, пропитавшись её липкими соблазнами, заразившись от других злокачественным стремлением к блестящему паразитизму. О, ты ещё не понимаешь, что эта болезнь духа трудноизлечима. Вскоре произошла та облава, и я попала на подлый продажный аукцион. Вот где и возник человек из паучьего подвала, но это фигура речи, ты же понимаешь. Он и забрал меня.

«Ну что?» – спросил он, – «мы и не могли ни столкнуть-

ся в этой жизни опять. Мы с тобой одной крови, как любит говорить один любопытный тип, возомнивший о себе, что он сотворён из звёздного вещества, но живущий под землёй. Если бы наша встреча произошла раньше и при других обстоятельствах, ты стала бы хозяйкой в моей усадьбе, а так? Ты теперь покупная животи́на, и пахучее стойло тебе обеспечено. Раньше я смеялся над шаблонностью и убожеством ваших театральных пьес и прочих наработанных схем мира искусства. Но однажды понял, что искусство отражает жизнь, а жизнь-то как раз и удручает своей банальностью и однотипностью человеческих судеб. Кому-то свыше просто лень изобретать оригинальные модели для множества и множества людей, сбросили вниз некие трафареты – заготовки, вот мы в них и ползаем, а люди искусства хоть как-то пытаются учить нас разнообразию. За что мы над ними смеёмся и издеваемся, упорно следуя по нарисованной Неким Игроком линии, считая её судьбой. Ленив Он, бездарен ли, слишком ли занят для того, чтобы изобретать нам иную, достойную для существ, наделённых разумом, жизнь, или Он и не существует, мне уже без разницы». \

«Это у тебя-то разум»? – так я его перебила, но он продолжал, – «По мне Тот, кто терпит незаслуженные страдания одних людей и позволяет совершаться бесконечным злодеяниям и несправедливостям, творимыми другими людьми, всё равно что и не существует. И я живу так, как и положено жить вселенской сироте – выживаю, выгрызаю, выпихи-

ваю, вышибаю конкурентов, но ничего и ни у кого не вымалываю, не выпрашиваю, не вылизываю чужих копыт. Да я лучше сдохну в канаве, как пойманный в капкан зверь, когда придёт мой час. Жрецы говорят, что даже за такие мысли Надмирный Отец лишает вечности. А что делать человеку с вечностью, если он не знает, что ему делать со своей короткой жизнью? Жрец, у которого я спросил об этом, меня выгнал, но выкуп за нечестивые мысли принял, простил. Я почти знал, что рано или поздно куплю тебя. Я просчитал в тот же вечер твою заданную силовую линию. А вдруг это я натравил ищеек-хупов в ту ночь? Клуб же был тихий, пристойный. Как думаешь, кто дал заявку, что в нём роятся нелегальные рыбки-любительницы щедрой кормёжки из холёных рук смазливых аристократишек»? – И хохотал своим зубатым ртом, в который мне хотелось плюнуть! Я запомнила его речи, у меня редкая природная память, и только бедность моих родителей стала препятствием для моего образования. И что думаешь? Я плюнула. Но попала на его дорогую рубашку. Он сказал тому, кто отвечал за проведение аукциона, будь он неладен вместе с нашим подлым миром! «Сбавляй цену! Она дерзка и с нею будут проблемы у любого. Она сбежит в первый же день. Нет, так я ухожу, а вы берите её, если мечтаете остаться без глаз и ушей, которые она вырвет и отгрызёт любому, кто приблизится к ней. Этой девке нужна сильная рука, снабженная плёткой. Она успела прославиться в своем блудном ночном мире диким нравом. Посмотрите,

она и выглядит не так, как должно. Она выродок!»! Это была вопиющая невозможная ложь. Я была тогда, да необычной, но яркой и очень привлекательной, как все считали. Даже Гелия была восхищена моей внешностью, даже тот утончённый мальчик-аристократ. И была я, хотя и озорной, но приветливой и воспитанной девушкой. Мама с детства обучала меня не только грамоте, но и хорошим манерам. Актёрам без этого нельзя. А тот лжец свирепо мерцал глазами, в которых я заметила красные всполохи, как бывает это у пауков в полутьме. Все отступили, не потому что поверили паучьему родственнику, а потому что боялись с ним связываться.

И он взял меня за сущие гроши. Будь иначе, встретить я его в ночном клубе после того, как я туда вернулась, пролетев мимо участи стать женой аристократа, я бы смогла его полюбить, как и знать. Но после всего, я его ненавидела! Я долго не смирялась, я скормила паукам половину своей крови, стала бледной как подвальная поганка. У меня даже привыкание к паукам возникло, веришь? Но как-то постепенно он понял, что может загубить меня. Стал жалеть, дарить мне многое такое, чего не видели прочие. Дал свободную жизнь, по сути. Отчего-то не продал дальше, не столкнул по скользкому скату вниз. Думаю, он имеет в себе и другой, более светлый слой личности. Отсюда его двойственность. За это я и простила его. Как знать, думала, вдруг он возьмёт меня в усадьбу. Ведь кроме него, я не обслуживаю никого. Я как бы его жена, но живу тут. А та, что торчала в его усадьбе, за-

конная перед очами Надмирного Света, никогда не любила его, не чувствовала, и он это знает.

Какие акробатические прыжки совершает порой жизнь! Скажи мне кто в то время, когда радостная и глупая, я танцевала перед восхищенными поклонниками моего самобытного танца, что я буду сидеть в этом сыром старом логове продажного секса, я бы поверила? В то, что жалкая каморка и та будет за счастье уже тем, что повыше этажом! А я сама изобретала свои номера ещё в те времена, когда мы путешествовали по континенту, я даже умела ходить по узким перилам моста над глубочайшей рекой. Почему я не свалилась ни разу ни с одного из мостов и не утонула! Насколько это было бы лучше! – Она покраснелась, пылая гневными глазами как угольями. – Я не умею плакать, и от этого мне не бывает облегчения, как прочим женщинам, вот что! – Она удалилась и вернулась с подносом, заставленным вкусными деликатесами. Лицо остыло и выражало привычное довольство всем тем, что её окружало.

– Совершила ледяное омовение. Мне помогает от внезапно возникающих приступов душевной муки. Вся еда куплена только для тебя. Но ты не против, что я к тебе присоединяюсь? Толстое мое тело стало требовать много еды. Это ловушка. Чем больше ешь, больше толстеешь, больше толстеешь – больше требуется еды. Но я-то знаю, отчего я поползла. От переживаний. Да, да. Кто-то худеет чрезмерно, а другой, напротив, начинает расплзаться. И всё от горькой нера-

достной жизни. Эта комната, где ты сейчас, у нас детская. Здесь девушки из тех, кто рожают, выкармливают детей, живут с ними, пока их не заберёт Департамент нравственности для добропорядочных семей. Я сама недавно кормила тут своего малыша. Он настолько хорошо кушал, такой крепыш, так мило кряхтел после еды, потягивался и пукал! – и она радостно смеялась, будто и забыла, что ребёнка уже нет рядом. – Он весь в своего папу. Молока было так много, и из-за опасения, что оно загрубеет в груди, хозяин сам отсасывал моё молоко.

Видя изумление молоденькой пленницы, она объяснила, что хозяин и есть отец ребёнка.

– Он хотел взять его в свою усадьбу, в семью. Но его жена – мерзавка! Та самая, что и понятия не имела, что были времена, когда я могла свернуть шею её судьбе. А она не удостоилась бы и взгляда тех мужчин, кто целовали мне тогда мои холёные душистые ножки. Когда она узнала о рождении мальчика, она потребовала у мужа привезти её сюда. Она сказала, осмотрев меня и ребёнка, что не нуждается в помеси рыжего ящера и низкосортной толстой лепешки. У моего мальчика просматривался гребень на голове через его красные волосёнки, как и у отца. Она стояла, еле дыша, потому что утянула свою талию кожаным корсетом до состояния спицы, щёки пылали от ревности, а пухлый рот она сжимала, воображая, что он походит на свежий бутон цветка. Ей было так важно явить всем тут свою неотразимость. Но где

была её неотразимость, когда её муж постоянно и с усердием впихивал своё семейное достояние в меня? Она была похожа на застывшую куклу из витрины, из тех, которые никто и никогда не покупает ввиду их бестолковости и несусветной цены. Но это она воображала, что цена её непомерна высока. Какая может быть ценность в отлитой пустой болванке с раскрашенным и плоским личиком? Я расцарапала ей это личико! Если бы она любила хозяина, он бы не сопел и не храпел на моей груди как на подушке, мешая мне толком выспаться. Тем не менее, этой дряни на тонких ногах повезло, и у неё есть муж. Я даже такого себе не нашла. Только зря таскалась по ночным заведениям и тратила себя в надежде найти, кого побогаче.

Теперь видишь, кого я нашла. А чем я хуже? Я, когда он вернулся ко мне ночью пьяным после тех смотрин нашего ребёнка своей женой, похожей на кукольного пупса в корсете, и попытался влезть в то, что он называет «источником блаженства», такшибанула его, что он скатился с постели. Мы стали с ним драться, сломали сплетённую из гибкой древовидной лианы колыбельку. Мальчика по счастью забрала к себе одна девушка, чтобы искупать его. Он уснул, и она не стала его тревожить, оставив у себя. У неё в своё время тоже был ребёнок, и ей так хотелось подышать его молочным и безгрешным духом, я не возражала.

«У тебя в усадьбе свой, но, похоже, мелкий и безвкусный источник. А тебе хочется поглубже, послаще», – сказала я.–

«Я тут работаю, конечно, но по закону я не обязана обслуживать бесплатно, и я могу искать защиту в таком случае там, где и отслеживаются властями нормы закона». Я знала, что пока кормлю своего крепыша, он не спустит меня в подвал к паукам. Потому что их яд, хотя и слабый, попав в кровь и молоко, вызовет отравление у ребёнка. Он скрипел зубищами от ярости, и из глаз сыпались искры. Он мог бы ими прожечь дорогое постельное бельё. Ради себя он не скупится, и я сплю только на атласном бельё. Это, конечно, шутка, но знала бы ты, насколько он может быть чудовищен!

– Ну и где же она, твоя спасительная тропка? – спросила вдруг Колибри.

– Найду. Главное, не упасть в отчаяние.

Странная любовь к похитителю

В один из дней быстрая Уничка умчалась по делам, пообещав, что уже завтра рано утром разбудит её, и они уедут вместе на вокзал. Она, Уничка, лично проводит Колибри до поезда в провинцию, даст ей денег на билет, а сама тоже уедет искать свою бродячую общину, где бы они сейчас ни путешествовали, как бы далеко от столицы ни находились, она останется с ними. Но утром вместо Унички явился похититель-хозяин, он же и проводник в «ослепительное будущее». Разодетый, благоуханный и красномордый ящер, бугрясь мышцами, лоснясь от принятого где-то по пути возлия-

ния, распёртый предвкушением входа в свой «новый источник блаженства», застыл на пороге узкой комнаты, навсегда преградив выход из бездны. О том же насколько был он чудовищен, Колибри пришлось испытать в тот же день. Свой первый раз она пережила, как люди, наверное, переживают смерть...

Детская открытость её души стала для Олега потрясением и, не переходя всё же границ, она рассказала достаточно, чтобы у Олега возникла мысль об убийстве неведомого похотливого тролля, укравшего её из родного дома. Колибри так и не раскрыла ему до конца тайну своих взаимоотношений с похитителем. Не призналась, что ужас сменило привыкание к нему. Он стал ласковым и добрым, таким, каким и предстал перед ней в тот день возле училища в провинциальном городке, когда повёл по дорожке к сияющей аристократической машине, за распахнутой дверцей которой и ожидал её обрыв прежней жизни, шаг в бездну... Он перестал замечать и тиранить других девушек. Признался, что хочет пройти с нею ритуал в Храме Надмирного Света, что строит ей чудесный флигель в своей усадьбе, и одна из спальных комнат будет среди увитых вьющимися растениями ажурных стен. Он видел такие комнаты для отдыха у аристократов. На свежем воздухе под пение птиц и благоухание цветущих лиан любовь способна порождать иллюзию, что человек пребывает в селениях Надмирного Отца. И женщина, которую человек держит в объятиях, кажется воздушным творением.

Так он ей говорил. «Но ты и так моё воздушное творение. Если же мы будем с тобою просыпаться в той ажурной спальне, наше наслаждение возрастет настолько, насколько ты и не представляешь себе теперь. Потому что это грязное место не способствует возвышенным чувствам, ни моим, ни твоим. Есть аристократы, которые любят своих женщин в хрустальных спальнях. И я когда-нибудь построю тебе такую же. Только мастера нужного найду. Но даже там, в закрытых городах влиятельных богачей нет такой девушки ни у одного из них, И в этих своих сияющих башнях они совершают любовное соединение с обычными женщинами. Такой как ты нет ни у кого. Я долго искал себе такую. И нашёл. Я всегда добиваюсь того, чего хочу. И то, что я не послал за тобой агентов, а приехал сам, это должно тебе дать понимание, насколько я оценил твою уникальность».

Уничка тоже никуда не сбежала. Со своей пигментированной грудью и спиной она не могла быть соперницей Колибри. Она перестала, конечно, приходить, перестала смеяться и общаться со всеми. И все поняли, что её чувства к хозяину не были притворством, а были подлинными, но она стеснялась это признать. Она почти ничего не ела, бродила ночами вокруг здания по саду, за которым не ухаживали из-за экономии или жадности хозяина, и сад напоминал обрывок диких джунглей в городе. Там не было ни бассейнов, похожих на хрустальные линзы с рыбками в них, ни цветов, ни павильонов с поющими птицами в густых ветвях, не было душистых

цветов, вплетающихся в живые древесные ажурные стены. Маленький клочок городских джунглей не имел выхода для Унички. Там ползали по стволам юркие, но зябкие ящерицы, так и норвящие заползти в комнаты и желательно в тёплые постели, орали по ночам бродячие кошки, и девушки бросали в темноту камни, заготовленные днём. Один из камней попал как-то в голову страдающей и стремительно худеющей толстушки, что вызвало неопишное веселье у всех прочих. Ей не сочувствовал никто, потому что каждый выживал тут в одиночку. И Колибри тоже была равнодушна к её участи. Личной её вины не было в подобном раскладе подлых перемен с другими. У неё самой была украдена нормальная человеческая жизнь. Круглое лицо бывшей веселушки утратило весёлость, да и круглым его было назвать уже трудно. Когда хозяин потребовал, чтобы она перебиралась на первый этаж ко всем прочим, пока на неё ещё есть спрос, она сбежала от него навсегда. И он не искал её.

Как-то во время его длительного отсутствия явилась разряженная особа, увешанная драгоценными цепями, браслетами, в одежде, расшитой блестящими камнями и дорогим кружевом. Она не была женой. Жена хозяина сбежала ещё до появления в этом месте Колибри. Эта женщина была во всём антиподом Анит. Худая, с юрким извилистым телом ящерицы и с глазами свирепой кошки. Она перемещалась по тесному пространству комнаты, словно ища тёплого укрытия, не обращая внимания на саму Колибри. Вначале посмотре-

ла постель, вроде и впрямь желала туда залезть и согреться. Долго ела огромный фрукт, взятый из вазы, полностью занятая процессом поглощения, громко чавкая. И только вытерев руки и губы выглаженным и чистым платьем Колибри, принесённым прачкой и небрежно брошенным ею же на постель в знак презрения к новой любимице господина, незнакомая посетительница оглядела саму Колибри.

Утром, когда Колибри совершала омовение в округлой чаше бассейна красной комнаты, злобная прачка, стоя в проёме арки, тоже разглядывала её – жадно и ненасытно, как будто примеривалась вцепиться зубами в её бок. Добрая Анит уже не была её защитницей и не обитала рядом, прислуга же жгла Колибри молчаливыми выбросами завистливой ненависти. Но незнакомая женщина изучала её иначе. Так оглядывают неодушевлённый манекен в салоне, выставленный для демонстрации дорогих вещей – деловито, тщательно и серьёзно, будто ища ценник и попутно раздумывая о целесообразности покупки. Низким голосом и вполне равнодушно объяснила Колибри, что если она не покинет «дом утех», где не место ей, нормальной девушке, то в один из дней её просто найдут с отрезанной головой в мусорной канаве.

– Ты не попалась Департаменту нравственности на крючок, поэтому ты можешь пристроиться и выйти замуж, обладая сексуальной внешностью. Не скажу, что ты красавица, потому что я повидала на своём веку таких настоящих кра-

савиц, которым ты и пятки чистить не годишься. Ты так – соблазнительная дешёвка, годная на год-два, после чего ты будешь банальной обтрёпкой, поэтому торопись, ищи себе мужа. После такого любовника, который пробудил твои сучьи задатки, ты сможешь совершенствоваться и дальше, увлечь любого мальчишку. – Попутно разговору она так же спокойно швырнула в проём открытой двери зелёную вазу с огрызками съеденных фруктов. Наглая некрасивая прачка, зависшая в этом проёме в жажде подслушать их тихую беседу, взвизгнула и увернулась, но успела заполучить удар по хребту.

– Кыш отсюда! Потом уберёшь, – спокойно и повелительно приказала женщина любопытной злыдне и продолжила, не меняя тональности. – Я знаю, о чём говорю. Я сама стала подлинной женщиной только после него, а у меня в отличие от тебя к тому времени были уже многие десятки половых контактов. Если бы не моё пагубное пристрастие к колдовским травам, на которые меня посадил один мой партнёр по танцам, я бы давно уже жила в аристократических рощах. Но в моей голове очень часто происходит полный обвал, как в шахтах, и я всё теряю. Если бы не он, тот, кого ты хочешь похитить у меня втихую, я бы давно уже разложилась в тухлом пруду у далёкого и необитаемого бывшего селения, где утаили бы мой труп уголовные подонки. Но его все боятся. А этот вонючий «домишко утех» – только ширма для него, и не более того. Статус – фальшивка. Поэтому этим сукам так

вольготно тут жить. И ты ещё не знаешь, как бывает в других заведениях подобного рода. Там оставляют от женщин только полуживую шкуру, не годную даже на то, чтобы о неё вытирали ноги последние люди в нашей Паралее. И привет! Дикий ветер пустынь и необъятных джунглей уносит навсегда их полудохлые тела. Хороша перспектива? Так что хватит! Позадирала свои пригожие ножки на его могучие плечи, отведала настоящего мужчину и исчезай, пока я тебе в помощь.

– Он животное, а не мужчина. У него даже гребень на голове как у дракона. Я не желала такой участи. Он совершил насилие. И по закону Надмирного Света должен пройти со мною ритуал в Храме. Иначе я стану падшей.

Воспроизводя в себе самой тот диалог спустя некоторое время, Колибри никогда не рассказывала об этом Олегу. Есть вещи, – и много их, – о которых женщина не расскажет никому и никогда. Она вовсе не хотела убежать, исчезать, хотела повторения того, что происходило у неё с человеком – ящером. Достаточно было его прикосновения в уединённой комнате, ведь её он не подвергал таким унижениям, как добрую Уничку или всех прочих. Она была особенная, не как все. И Колибри изгибалась горячей и чувственной дугой, обвивала его и исчезала как мыслящее человеческое существо. И её несдержанные крики слышали и за закрытыми дверями. Конечно, над нею не потешался никто. Она жила за пределами мира падших девушек, и они старались её не замечать.

Не общались. Она жила над ними. Другие, прочие спали на первом этаже, а корпус, где происходили их встречи с теми, кто не мог взять их в свой дом или в ночное развлекательное заведение, стоял на противоположном конце глухого «Кошачьего сада», как его все называли. Мечта об ажурной спальне, желание пережить чудесный ритуал зажигания небесного огня, жажда красивых платьев, которые он ей обещал, как будущий муж, ожидание всего этого было важным наполнением её пустых дней. А любовь – эта вековечная выдумка персонажей из мнимо живых картинок кино и захватывающих легенд, – в окружающей жизни её не было ни у кого. Так она считала тогда.

– Животное ли, дракон ли, но тебе уже достаточно.

После этого они вышли на улицу, сели в роскошную машину и поехали к родителям Колибри, о чём сообщила ей женщина по дороге. Объяснила также, что следующее её путешествие из столицы, вернись она туда, состоится к полям для погребения, но самой ей, Колибри, не придётся наслаждаться окружающей красотой рощ и простором цветущих степей, так как она будет доставлена туда в похоронном контейнере.

– Этот человек – моя судьба, и уступать свою судьбу я не намерена никому, – сказала разряженная и душистая женщина, тая злобу под маской равнодушия. – Одна я люблю его на этом страшном свете, назвать его белым и язык не поворачивается, лично для меня он чёрен с тех самых пор, как

я стала женщиной. Никто, кроме меня, не понимает устройства этого человека. Ты же просто заблудишься в извилистых лабиринтах его души, как это уже и случалось с другими до тебя. Его душа как закрученная окаменелая ракушка. Видела такие? Иногда они чёрные, шершавые, а упадёт луч света, и они загораются дивными переливами. То синими, то зелёными и красными. Не обольщайся, думая, что ты, если ты ничего себе, ему за дар богов. Ведь он так странен, так несуразен внешне, думаешь ты, когда он почти теряет сознание во время любовного соития с тобою. Но и до тебя красавиц побывало у него достаточно. Чем яростнее половое влечение, тем с большим чадом и шипением оно угасает, уж поверь. А чем иным ты способна его привязать? Он корыстен, развратен с молодости, жесток. Вчера спокоен, сегодня взбаламучен, завтра безумен. То жалостлив, то злобен как людоед, способен ввести в каталепсию одним взглядом чёрных и пробивающих мозг глазниц. Непредсказуем никогда. Он такой. Урод, короче. Я же не спрашиваю, зачем ты пошла за ним, когда могла убежать в своём родном городе. Потому что я знаю почему. Он просто подавил твою волю к сопротивлению, он это умеет. А то, что ты испугалась его страхолюдности, я нисколько не сомневаюсь. И страсть к себе он умело возбудил в тебе, растревожив нужные зоны в твоей глупой и податливой голове и усыпив те, которые могли заставить тебя критически осмыслить происходящее. Он превратил тебя в животное. Это древняя магическая способность людей

погибшей расы, этому не научишься, не поймёшь вот так с полуслова. Их осталось мало, они забыли о своём прошлом и пользуются своим превосходством в этом подлом смысле по наитию больше, чем по здравому рассудку. Один умный аристократ говорил мне об этом. Он называл эту способность странным словом, но я запомнила. Называется это «интердикцией». Врождённая способность управлять другими без видимого насилия, подавлять, парализуя нервную систему намеченной жертвы. Я не учёная, но умная от природы. И если бы я всё могла тебе рассказать о нём, то завтра уже лежала бы без головы в той самой воняющей за столичной границей канаве для отходов.

Колибри было страшно. Было понятно, что женщина говорит правду. Похоже, она и сама обладала таким вот интердиктивным воздействием. Все её слова обретали ощутимую плотность и страшную образность, подавляющую душу Колибри. Она будто держала её за ноги головой вниз над чёрным зевом колодца, вызвав упадок сил и долго не оставляющий страх. На дне этого колодца сидела смерть и щерилась навстречу. Страшный мир окутывал страшную женщину как незримым покрывалом, из-под мглы которого напоследок улыбнулось Колибри её красивое равнодушное лицо. Она сунула ей и деньги, остановив машину у дома родителей глубокой ночью, погладив напоследок её по щеке.

– До чего нежна твоя кожа, счастливица. Захочешь жить, устроишься. Не ты первая такая. Никто ничего не узнает о

тебе, если твои родители не окончательные уроды и любят тебя. Объясни им, как сумеешь.

Всё остальное происходило как в бредовом сне. Когда потемневший от гнева влюблённый рабовладелец прибыл следом ровно через сутки, родители не сообразили даже спрятать её подальше, хотя бы на время, он забрал её назад, запугав их всех позором и разглашением её последнего местопребывания, о чём незамедлительно узнают в Департаменте нравственности.

– А так, – сказал он родителям, – я беру её в законные жены и уже заплатил жрецу аванс за будущий обряд. Так что не дёргайтесь и живите спокойно себе до вызова, когда вас пригласят в Храм Надмирного Света для торжественного праздника, – и глаза его при этом зловеще и непонятно полыхнули далеко не радостью счастливого жениха. Мать девушки, кое-что понимавшая всё же в людях, вздрогнула своим сердцем в предчувствии надвигающегося кошмара, но робкая и запуганная вжалась в свой угол, согласно кивая головой. Отец подчинился страху матери, а старший брат работал в ночную смену на местном производстве. Но смог бы он встать поперёк вооружённому бандиту, за спиной которого маячили два явных уголовника – охранника. Этого уже нельзя было и проверить.

Колибри покорно залезла в неприметную машину, двое верзил успели укатить вперёд на своём транспортном средстве. Отъехав за пределы городка в лесной массив, любов-

ник долго трепал её в машине, разъяв её ноги, словно соби-
рался разорвать до смерти, повторив тот самый ужас, како-
му подверг её впервые. Она терпела, тупо воспринимая про-
исходящее за продолжение мутного сна. Каждый очередной
его мстительный рывок погружал её всё глубже в тот чёр-
ный колодец, крышку которого открыла зловещая женщина
в бесчисленных цепочках. Ей чудилось, что эти худые руки
в браслетах из чёрной бездны залезли внутрь, ухватились за
нежные сотрясаемые внутренности, норовя убить. Внешняя
чернота леса сливалась с чернотой внутри. Любовь, если и
была она возможна в любом своём качестве, не в подлинном
и прекрасном, так в чувственном и заземлённом, стала окон-
чательной невозможностью к тяжкому «ящеру», как назвала
его когда-то Уничка.

– Это тебе аванс, – сипел он, – ты ещё не всё и отведа-
ла, сопливая нищенка! Вместо того, чтобы гордиться, что те-
бя избрали быть госпожой в дальнейшем, ты повернулась ко
мне своим птичьим задом, – и он больно ущипнул малень-
кую ягодицу железными пальцами – клещами.

– Ты ящер из болот! Тварь ненавистная! – закричала она
и вцепилась в его грубое лицо ногтями, неожиданно вспом-
нив Уничку. Или её ответный выпад, или его усталость после
насилия была тому причиной, но мстительный и обиженный
ящер заплакал, едва отвалился от неё на своё сидение. Из
царапин на толстом носу текла тёмная кровь.

– Я полюбил тебя, и это впервые после стольких лет... Я

купил тебе самое дорогое платье для Храма в Салоне Моды, где одежду заказывают только аристократы, а ты... Я строю дом с ажурной спальней для тебя в усадьбе, наняв настоящего архитектора. Ты же только притворялась. Я знаю, что был виноват перед тобой, я хотел искупить всю вину. Я не мог забыть тебя после того вечера, когда в столице во время праздника ты сыпала в бокал блёстки...

– Никакие блёстки и ни в какой бокал я не сыпала, бредишь что ли, наркоман помешанный! Ты и не брал меня ни разу ни на один праздник. Никогда! Никуда! Сам спи в своей спальне среди пауков, только их ты и способен привлечь на свое отвратительное туловище! А платье подари той заразе... – И тут она замолчала, губы сомкнулись и уже не разжимались всю остальную дорогу назад. Её мотало от тоски и жалости к мучителю, явившему вдруг настолько жалкую свою сторону. Рассказать ему о женщине было невозможно. Незнакомка предупредила, что последствием её откровения будет всё та же канава за столичной границей, где она будет валяться без головы, замазанная дерьмом. И Колибри молчала на все его расспросы. Но вместо ожидаемого подвала с пауками и побоев, – Колибри решила, что они по любому лучше канавы среди зловонных мусорных полей, где будет валяться среди костей животных и тухлого тряпья её юное тело, сводившее с ума человека, удивительно быстро сумевшего её приручить, – она оказалась в клубе, где и нашёл её Олег.

Она так и не определилась с тем, каково было её чувство к тому – похитителю, насильнику и притягательному любовнику в разных его лицах – то пугающему, то трогательно-покорному, то ненавистному, а под конец и жалким оно было. Он расщеплялся как веер на пучок разных лиц, не похожих одно на другое. Создать из них какое-то одно – для этого ей не хватило времени.

Явление небесного человека

В клубе старшая женщина – воспитатель стала внушать ей, смотри, как тебе повезло, в отличие от тех, кто свою скоропортящуюся юность замуровывает в фабриках и ремесленных цехах, или пылится и вялится, как рыба под жарким светилом, в полях и плантациях. Как быстро гаснут их глаза, как сохнет кожа под ветром или в духоте цехов, как высушивает каторжный труд. Некоторым умным и смышлёным везёт, смотри, их берут в индивидуальное пользование.

Колибри, поскольку она не была добровольцем в их клубе и не рвалась туда, толкаясь на подпольных конкурсах, смирилась не сразу. По ночам она тосковала о первом, и до встречи с Олегом остающемся пока единственным, любовнике, хотя и отчётливо уже понимала, что это не было любовью. Это было нечто другое, что и пыталась объяснить та, напугавшая её женщина, непомерно обвешенная блестящими изделиями. Это было что-то, за что Колибри себя не уважала. Сны и

мечтания о его волосатой могучей наготе давали ей отчасти такое понимание. Он подверг её непонятной магической обработке, открыв в ней животный и реликтовый тайник. Распечатал некое подполье, из которого по ночам, когда он хватывал её всю ласковыми ручищами и лизал горячим языком, выбиралась нимфоманка, чей животный крик потрясал и её саму. А стены там были тонкие. И утром ей было стыдно перед прислугой. Но перед ним никогда. Даже утром она творила с ним многое такое, чего не позволяет себе большинство женщин и ночью. Просто не имеют в этом потребности, или не знают, что так можно. С ним было можно, и у него была в этом потребность. О какой любви могла идти речь, если она и не разговаривала с ним толком. Он появлялся только по ночам, а утром исчезал. Иногда и надолго. Не все чувства имеют обозначение в словах, особенно те, что возникли и развились где-то в предваряющей фазе становления, созидания сознательного человеческого существа. Когда связь человека с напитавшей его материальным соком почвой мира была плотна, глубоко заземлена, раскалёно страстна. Когда воздушные духи ещё ожидали своего часа, чтобы дать остынуть тому, чему они и придали, коснувшись, отпечаток своих божественных крыльев, отразив в природных водах коллективной души свой индивидуальный лик.

Об этом Колибри, конечно, Олегу не рассказала. Она и не сумела бы, даже если захотела это сделать. С Олегом она начисто и искренне забыла о своём первом и нечистом опы-

те. Подполье также необъяснимо, как и открылось, захопнулось в ней. Душа приобрела прозрачность и стремление к далёкой сияющей перспективе, как бывает во время редких, пригожих розовато – золотистых дней среди наполовину облетевших деревьев парка или леса перед мрачным сезоном затяжных дождей,

В клубе её обрабатывали долго, но не били, не портили редкую красоту, давали гулять и самой делать выводы об окружающем мире вокруг. Особенно рекомендовали посещать кварталы бедноты и рабочих. Чтобы она убедилась, как живёт большинство, кому не повезло, как ей. И она видела, как девушки, не все и некрасивые, но спрятанные за убогим фасадом бедности, зарабатывали свой совсем невкусный кусок физически затратным трудом. Убежать ей было некуда. У неё отняли её индивидуальный жетон, да к тому же адрес её родителей знал человек-дракон, что и вывез её в столицу. Он обещал спалить её родителей в их доме, если она сбежит. И он не был похож на пустомелю. Он был страшен не только словами, но и делами. И лицо имел под стать ремеслу. Он не оставил ей выбора.

Бродя по центральным улицам столицы, где она была впервые, она отчего-то помнила, как смутные образы из сновидений, эти улицы и дома, подобных которым не было в её малоэтажной провинции. И она ждала чуда, которое ей кто-то и когда-то уже обещал, но отчего-то не исполнил его. И чудо это было совсем иной фактуры, чем жажда ажурной

спальни или ритуала в Храме с недавним любовником, ужаснувшим её при первом взгляде, но ставшим настолько необходимым. Было что-то и ещё. На глубоком и не просматриваемом в дневном состоянии уровне её сознания, будто под водой, жило какое-то иное воспоминание, или то был образ будущего? Что она будет или же была? Где-то жить ещё. Или же жила? В красивой одежде она ела из красивой посуды вкусные вещи. И кто-то ласковый и странно одетый её ласкал, шептал в уши непонятные слова, погружая в томление души, когда инстинкты нетронутого тела дремали и казались отсутствующими. Всё это жило в ней, как в незримой, но непробиваемой капсуле, и ускользающие образы, размытые той странной водой, и реальные ощущения, оставшиеся в памяти тела, которое не умело ни к чему привязать их в её сознании. Удивительной пышности сказочный красно-зелёный фейерверк вспыхивал во мраке и осыпался долго светящимися блёстками в полупрозрачный зеленоватый бокал, но где, когда, и главное с кем это происходило? Вспышка длилась очень короткое время и, шипя, гасла, погружая душу в колеблющийся тёмно-синий перламутровый сумрак...

Но чудо пришло к ней вдруг. Оно имело облик большого красивого, доброго и почти мальчика. Он заплатил за неё кучу денег, будто и не понимал их цены. Девчонки потихоньку утащили у него часть, чтобы не досталась наглým надсмотрщикам. Он увёл её. Там, в клубе, решили, что на несколько дней. Но он не вернулся. Адрес его в столице был липовый,

он указал на полуразрушенный квартал вокруг сторевавшего старого телецентра. В клубе решили, что он её убил. Такое и случилось. Но деньги были заплачены, а девушки найдутся и ещё, хотя и жалко было. Столько в неё уже вложили трат. Но где искать?

А у Олега и его Колибри была в это время любовь в горах и в его служебном отсеке, где его не беспокоил никто из сослуживцев. А начальству и не положено знать всего, как и оно, начальство, не очень и посвящает их в свои увеселения. А жизнь продолжается и здесь, на чужой планете. Олег впервые нашёл то, что искал, и чего так долго не было. Девушка заполнила пустое пространство вокруг и дала его душе вибрацию счастья. После окончания школы космодесантников в системе ГРОЗ у него это было впервые. Она же нашла в его лице то, чего лишила её страшная блестящая баба сообща с тем, кто назвался женихом после того, как через насилие стал её мужем. Своё женское счастье.

Олег был доверчивый и даже застенчивый. Было невозможно не полюбить такого даже после тех травм, что нанесла ей судьба. Он привозил ей сладости с поверхности, дал красивую одежду. Это был ярко-синий серебристый комбинезон, маленький на вид, но, когда она надевала его на себя, он принимал её размер. Олег любовно вращал её, смеялся, называл произносимым именем «космодесантница» и, смеясь, целовал. Они летали в горах над вершинами, над лесами и озёрами на его диковинных машинах. Объяснял и

показывал роботов на объектах, и даже однажды они полетели в сторону страшной пустыни за горами, о которой она слышала столько ужасов и не догадывалась о её невероятной красоте. Огромный мир расстилался вокруг, а казался он ей когда-то, не так и давно, до того маленьким и ограниченным. И этот расширяющийся мир расширял её сознание, и места для любви становилось в ней всё больше и больше. В горах были скрыты чудесные озёра с волшебной изумрудной, синей и опаловой по своим меняющимся оттенкам, водой. Они были созданы будто для уединения влюблённых. Она бродила по берегу одного, ставшего её любимым озера. Безлюдное, оно было окружено сиянием чьего-то бывшего счастья, так ей чудилось. Девушка бродила по голубоватому песку, глядя на рубиновые горы и далёкие снежные вершины, уходящие куда-то вверх, в самую твердь, тоже изумрудную, как и вода, но словно размытую, более бледную. Почему они были белые? Там холод, там ледники, – говорил Олег. Ледники? И он объяснял и не уставал ей объяснять и показывать всё, о чём она спрашивала.

Когда она гуляла одна, горы общались с ней. Они рассказывали ей печально и беззвучно историю чьей-то любви, и было ощущение, что те неведомые события не имели счастливого завершения. Духи гор не могли ей объяснить на словах, что это была за история, но посылали ей чарующие образы из чьего-то прошлого, которые она видела, хотя и размыто, воспринимая их больше чувствами, а не зрением.

Олег буквально гладил её, как гладил бы и колибри, целуя её перышки. Он целил её сломанные крылышки, и они быстро срастались, и её душа уже пробовала летать, и иногда ей это удавалось. Она забыла прошлое, и это за столь короткий период времени.

Чудо может явить себя в жизни, но не может стать жизнью

Как-то в один из дней Олег был вынужден отлучиться на некоторое время. Где-то в горах на далёком объекте произошла авария, и роботы вышли из строя. Олег с другими обитателями подземного города, от которых Олег предпочитал её скрывать, вынужден был срочно туда лететь. Оставшись одна, а с Артуром она не захотела уходить туда, где она и жила с Олегом, девушка решила остаться у озера и искупаться. Артур обещал вернуться через два часа и ушёл по своим делам. Она разделась и вошла в изумрудную тихую заводь. Она не умела плавать и плескалась у берега, хлопая в ладоши и стремясь уловить маленьких прибрежных рыбок, играющих в мелководье. Так резвясь как в детстве, ведь никого вокруг и не было, брызгаясь и визжа, она вдруг ощутила, что не одна.

Обернувшись, она замерла. На камне сидел человек одетый во всё серое. На голое до пояса, мощное и золотистое тело была накинута сверху безрукавка, распахнутая на груди. Неизвестная кожа, из какой была сшита его одежда, была

похожа на кожу змеи, такими же были и узкие штаны, а голова его была лобастая и гладкая, без волос, равномерно загорелая. Глаза пристальные и давящие куда-то внутрь её существа. Она вышла и на его глазах, не сводимых с неё, стала одеваться, путаясь в одежде, как во сне. Она почувствовала, что он опасный, но не убежала. Он был из подземного города, что было ей ясно по его мерцающему крупному браслету на запястье, по знакомому уже фасону обуви – высоким ботинкам, примерно таким же, какие носил и Олег. Те люди, кто там жили, а удивление от их вида и образа жизни успело в ней притупиться, не могли причинить вред, так говорил ей Олег. О ней знали многие из них. Некоторые были добры, некоторые безразличны, занятые своей загадочной деятельностью.

Она подавила первый импульс – бежать! В горах можно было спрятаться, затаиться. Там было много пещер, и Олег их ей показывал. Но она осталась. Он подошёл, и её накрыла его тень. Не внешняя, а как бы внутренняя. Ей был будто и знаком его запах, а сам он нет. Он внимательно, с затаённым, но ей очевидным мужским интересом оглядел её всю, с головы до кончиков пальцев на ногах, изучая их особенно долго. Взял за плечи и рванул к себе ближе. Его зрачки расширились, блестящие зелёные глаза потемнели, и он сурово спросил:

– Ты как сюда попала? – и так страшно он смотрел ей в глаза, что она не могла врать ему. Он как смерч втягивал в

себя из неё всё, и она лепетала слова, которые не хотела произносить, но всё говорила и говорила. Про Олега, про тайный клуб для элиты, откуда он её взял. И что она там делала, чему там училась, и кто были эти «учителя». Она не понимала, зачем она ему всё рассказывает, почему? Если не было не только желания общаться, но был и страх перед ним, и чувство непоправимой какой-то беды, нависшей над ней.

– Так ты проститутка? – понял он, и губы его скривились брезгливой и жестокой усмешкой.

– Нет, – защищалась она, – меня хотели заставить, но Олег не дал этому свершиться. Олег спас. Меня некому было спасти. Только Олег.

– Олег? Чего он там забыл в вашем вонючем притоне?

– Он пришёл за мной. Он искал. Спасти...

– Тебя уже нельзя спасти. А Олега я спасу от тебя! – и он опять уставился в её зрачки, проникая через них туда, где хранилась та непонятная незримая капсула, и она чувствовала, что его взгляд физически ощутимо давит именно ту часть сознания, или того спящего его уголка, где эта капсула и хранилась. Сила, идущая из глаз человека, продолжала давить, болезненно вдавливать ещё глубже все те её странные образы – не то прошлого, не то будущего, – пока они, наконец, не ухнули куда-то в окончательный мрак, вызвав приступ дурноты и головокружения. На миг она отключилась и повисла в его ручищах. Он тряхнул её за плечи. Она открыла глаза, не понимая, где она и что с ней? Отпустив её, человек

нажал на свой браслет. После чего погладил её волосы уже ласково.

– Дурочка, – сказал он, – твоё счастье, что я тебя узнал. Иначе тебя отправили бы в пустыни, и быть бы тебе там невестой людоеда, если не едой. Так ты всё же стала девкой для утех? Я решил вначале, что ты шпионка.

– Я не знаю вас, – сказала она.

– Откуда? – согласился он, – конечно нет. Олег дал тебе комбинезон? Тебе идёт. Ты в нём совсем как человек. Жаль, что я не воспользовался тобой тогда. Думал, ты будешь счастлива. Лучше бы это была ты, чем всё то, что произошло потом.

Но понять его она была не в силах. О чём он говорил? Она никогда не видела этого человека. Кто был безумен, он или она?

– Меня тошнит, – пожаловалась она. Он протянул ей прозрачный шарик, маленький, он возник на его ладони из ниоткуда, так ей показалось. Она взяла и положила в рот, хотя и не знала, что так надо, но рука сделала это сама. Во рту стало прохладно, и её охватило безразличие ко всему.

Вскоре на аэролёте прибыли двое, бесстрастные и ей неизвестные. Те, кого она знала, заступились бы. Но эти были отчуждены, будто она не была живой. Они посадили её в машину, а затем по подземной дороге доставили наверх. На поверхности её ждали другие, явно местные, но чистые и вылинные, тоже бесстрастные. И уже эти выдворили её за стены,

высокие и неприступные, за которыми остался неведомый красивый, уже наземный город в садах и рощах, осмотреть его ей так и не удалось, – Олег обещал, да всё некогда было. Очутившись у входа в рай с внешней его стороны, она, пребывая в состоянии полусна – полуяви, пошла, сама не зная куда. Но кто-то схватил её за руку. Молодой парень, уже и не такой бесчеловечный на вид, вежливо посадил её в машину. Она села всё также покорно. Он молчал всю дорогу, пока они ехали по лесной дороге. Её клонило в сон, и возможно, она какое-то время спала, так что зафиксировать время поездки, её длительность или краткость, она не могла. За окнами машины всё время был лес, а когда лес расступился, и возникли пространства пригорода, то очень скоро молодой и молчаливый водитель высадил её в шум и трескотню самого центра столицы, сам же укатил.

У неё оказалось в кармане новёхонького платья немного денег, но не было жетона, удостоверяющего её личность, поскольку он так и остался у владельца того клуба. А Олегу разве был нужен какой-то там жетон? С удивлением она рассматривала платье на себе, которого не знала, приличное, но незнакомое. Точно по её размеру. Где был серебряный комбинезон? Кто её переделал? И почему она этого не помнила? До вечера она бродила по столице, зашла поесть, потом сидела на скамейках в скверах, глядела на прохожих и не могла понять, было или не было Олега, города под поверхностью и прекрасного города на поверхности? И того в сером мер-

дающем одеянии человека, лица которого она не помнила уже совсем. При попытке его представить, возникало мутное ощущение, пограничное с физической тошнотой, и лицо его окончательно превращалось в туман. А Олег? Он остался в ней целёхонький, красочный и любимый, явственный настолько, что можно было осязать его образ. Нет, он не был сном. Он был. Но где он теперь? Где тот город? В каком направлении? Как он назывался? Ничего этого она и не знала. Не спрашивала. Не до этого было. Но если идти и идти по лесной дороге, и найти самой те стены, ходить там и ждать. Он выйдет. Не может не выйти. Но дорог из столицы было много, и все они вели в леса, в которых располагались поселения богатых и просто состоятельных людей. Она даже не знала, в какой стороне был именно тот город за стенами.

Ночью она прибрела в полуразрушенный квартал, снесённый взрывной волной чудовищной силы. Адрес приблизительно этого места и дал хитрый Олег хозяину клуба. Народ отсюда выселили за черту столицы. Им не повезло. Как и ей. Они стали провинциалами. Думая всякую чушь о неизвестных людях, здесь живших до того страшного происшествия, когда с неба на близко расположенный к этому кварталу Телецентр упал огненный гигантский шар, она на самом деле спасалась от отчаяния. У её отца и матери были и другие дети, родные. Она была приёммыш. Этого от неё и не скрывали. Конечно, они её любили. Но чем они могли помочь теперь, когда она стала падшей, пусть и не по своей вине. Всю ночь

она провела в раздумьях, укрывшись в каком-то коробе без окон и дверей, замотавшись в грязный половик, оставшийся тут. Из него сыпался песок, но ей было всё равно.

Пустое жилище, как ни странно, сумело сохранить остатки тканей, которыми были обиты стены. Какое-то время, пока было светло, она, уплетая купленные сладости, рассматривала красивые пейзажи, вытканные на стене. Выдуманная страна, вместо земли облака, возле ажурного дворца прелестная девушка с развевающимися волосами смотрит вниз на маленькие домики и сады людей, на холмы, затканые цветами. Вспомнилась Уничка с её воображаемыми полётами. Несмотря на пыль и на обליнявшие краски, картина впечатляла чудесной выдумкой, сожалением о невозможности существования в заоблачных мирах.

Когда стемнело, Колибри встала и содрала часть плотной, но обветшавшей обивки, легла на половик и укрылась этой ветошью, бывшей не так уж и давно нарядным и уютным элементом декора личной скорлупы неизвестного человека или целой семьи. Закутавшись больше от страха, чем от прохлады, и став похожей на кокон бабочки, она продолжала раздумывать, ибо больше делать ничего не оставалось. В какое такое будущее она вылезет из своего кокона завтра утром? Бездна вовсе не думала быть отменённой. В отличие от полётов в облаках вместе с Олегом. Но его превосходящие понимание машины – сферы не были волшебством, если и чудом, то чудом инопланетной техники. В небе нельзя было ходить

по облакам, там не было ажурных дворцов.

Вспомнились мечты об ажурной спальне с игрою утренних лучей, проникающих через прорези в стенах, увитых цветами, листьями и стеблями экзотических лиан, о зелёном, изготовленном на заказ платье для обряда в Храме Надмирного Света. Вслед за этим вернулась память о содроганиях во мраке реликтовых чувств в объятиях инкуба – посланца этой бездны, – чувства эти уже перестали принадлежать её существу. Но из бесформенной возникшей наличности этой бездны вдруг слепилось грубое лицо с характерной мужественностью утрированных черт, ужаснувшее там, в родном городке, и ставшее необходимым впоследствии. Только вместо искажающих его страсти или гнева, оно выражало печаль и зов, направленные к ней. Вернуться к Чапосу? Чтобы попасть в подвал к паукам? Да она даже не знала, где в нагромождении улиц и площадей находится то обиталище продажной любви. И не могла знать о том, как метался он по столице в её поисках.

Метания Чапоса

Сразу после того дня, как забрал её Олег, Чапос накануне не спал, сунув нелюбимое прежде всего им самим, отторгаемое душой, когда видел своё отражение в зеркале, лицо в тонкую ткань зелёного, купленного для обряда, платья. Он дышал этим платьем в тщете уловить хоть молекулу её запа-

ха. Но его не могло быть. Она даже не примерила платья. Он хотел потрясти её подарком, оглушить счастьем. Оглушил. В клубе он, злясь и суетясь, не умея никого просить, стал требовать её возврата, бросив превосходящую, чем получил, сумму денег владельцу заведения, угрожая расправой за отказ. Но тот не мог вернуть той, кого не было. А угрозы вызвали скрытую злобу. Если бы устрашающий и унижающий всех Чапос просто попросил по-человечески, всё могло бы сложиться иначе. Владелец заведения боялся и ненавидел бандита, поэтому он и поступил впоследствии так, как поступил. Страх породил потребность хоть как-то отыграться, по подлому, на ком-то другом и беззащитном. Конечно, явись она, он бы вернул, но заставил бы её отработать вложенные в неё затраты. А уж потом всучить тому, кто так очевидно и безумно жаждал её вернуть. Для чего и продавал? «Где она»? – хрипел безутешный Чапос. «Украли». «Кто»? «Мужик, естественно. Молодой и странный. По сути, почти мальчишка. Поиски ничего не дали». «А искали»? «А то. Девчонка дорогая, неиспользованная совершенно». Чапос, выпытав подробности её исчезновения, вздрогнул от пронзившей догадки. Те, кто обитали в загадочной глубине планеты, один из тех. Вход туда вёл через город ЦЭССЭИ, но Центр этот доступен не был. Обратиться же к тому, при одной мысли о ком, сводило всё внутри? К Рудольфу? Он не мог. Девушка Колибри обладала глубокой душой, тончайшей психикой, но была плохо развита в своей простой среде, что и понял

Олег, поймав её глазами и полюбив затем. Но и Чапос это ухватил в ней сразу. В своей, давно обжитой, клоаке он никогда не переставал желать себе нечто совсем другое, чем то, что его окружало. Когда сбежала Эля, он заплатил жрецу штраф за расторжение первого обряда и дал задаток для второго ритуала зажигания огня, обещая жрецу очиститься от своей внешней и внутренней скверны, прежде чем привести в Храм новую невесту. Но вовсе не Азиру он представлял новой своей женой. Азира же крутилась вокруг, угождая и заходясь от надвигающейся, как она мнила, великой радости стать женой Чапоса. И он её не разубеждал, привыкнув ей лгать всегда и зная, что никогда эта грязная и душевно больная всеобщая подстилка не войдёт в его супружескую спальню. Даже ночуя в столичной квартире, оплачиваемой им совместно с Азирой, он редко к ней прикасался, лицемерно проявляя заботу об её отдыхе, здоровье, а на самом деле давно тяготясь связью с нею.

Едва девушка Колибри оказалась в его власти, как он стал лихорадочно готовить усадьбу для новой хозяйки, но очищение души и тела отодвинул на потом. По устоявшейся привычке принуждал, ставшую вдруг строптивой, Уничку к сексу. Ухаживая за новенькой девушкой, проявляя к ней весьма странную, внезапную привязанность, Уничка, тем ни менее, визжала и толкала самого Чапоса, едва он пытался играть в привычные старые игры с нею в купальной комнате, и держала дверь, не пускала, когда он совался к ней ночью. Зная, что

она способна устроить скандал, поднять шум и среди ночи, Чапос, чтобы не ронять достоинства, гордо уходил. В душе он понимал, что Уничка, сильно ревнуя, хочет того же самого, что и он, если не сильнее. Она изображала из себя обиженную жену, кем не была, догадываясь о причине появления юного создания в лучшей уединённой и изолированной комнате кошмарного заведения. Как-то утром после массажа травмированной в рабочей юности, но уникально массивной, практически железной спины, удовлетворённо кряхтя и привычно возбуждаясь под сильными искусными руками Унички, он рывком втащил её в круглый бассейн и глубоко вошёл в тугое, разом откликнувшееся тело, едва не утопив её лицом вниз. После случившегося, пузырясь наполовину мокрым подолом по поверхности воды, отфыркиваясь, она положила растрёпанную рыжую голову ему на грудь и застыла от счастья, наскучавшись и желая повторения страстного натиска после совместного отдыха и купания. Её бормочущие ласкающие губы щекотали его кожу сквозь густую поросль на груди, но совершенно не затрагивали глубин этой грубой груди. Пролившись в неё в процессе остро-сладкой судороги, он уже забыл о ней. Небрежно толкнул её от себя, опрокинул навзничь в воду, перешагнул через неё и ушёл, не испытывая никакого ответного счастья, а только необходимое на данный момент утоление. Так отшвыривают от себя опустошённую тарелку в опостылевшем, пропитанном прокисшим духом вчерашнего пиршества, «доме яств».

Девушку наверху Чапос не трогал и старался её не видеть, чтобы не иметь соблазна, пока одна из прачек не нашептала ему, что Уничка вытащила деньги из тайника, где их прятала. Прачка видела, как она считала купюры. Из зависти к Уничке тётка выследила, что та бегала на вокзал и приобрела там два билета, которые подлый следопыт выкрала и вручила торжественно хозяину, злорадно ожидая экзекуции для негодницы Унички. Чапос изучал билеты и не думал ни о какой экзекуции, не желая ради торжества злорадной гадины мучить надоевшую, но столько лет утешающую любовницу, по-своему её жалея. Он наказывал её из-за неизлечимого пристрастия к воровству, особенно из его карманов, а также из-за приступов её драчливости, когда она, визжа, нападала и больно царапалась. Надо было отдать Уничке должное, она никогда не делала этого в присутствии других, а только за закрытыми дверями, чтобы не ронять его авторитета среди рабынь- шлюх.

Билеты были в тот самый городок, откуда была вывезена Колибри. Это и толкнуло его на насилие. В его представлении подобный решительный шаг навстречу совместному будущему и был той самой цепью, что прикует её к нему. День за днём, ночь за ночью ковал он звенья этой цепи и, перебирая потом её разорванные клочья, он задыхался, но не от злобы, а от понимания своей тяжкой порчи. Последний шанс на личный просвет в глухой чащобе его жизни был утрачен. Он перестал прикасаться к женщинам, да и не мог этого после

любви со своей нимфеткой, сжимал зубы до скрежета, когда услужливая память озвучивала её голос, её вскрики, рисовала её изгибы и всаживала в тело внезапный разряд, сводивший мышцы мукой. Личная память была его врагом, ненавидя своего носителя. Пришла запоздалая жалость к Уничке – Ягодной булочке, кличку ей придумал он. Сожаление об утраченном ребёнке – в отличие от детей, рождённых Элей, он был маленькой копией Чапоса. И душа ящериода стонала от обид и ущербности собственного детства – вполне вероятно, что и этому крепышу-сыну предстоит пройти похожий путь. Но узнать об этом было невозможно, как и исправить одну из множества ошибок или же сознательно совершенных жестокостей.

Страшная развязка

То ли место способствовало, то ли это дышала залёгшая за порогом полуразрушенного дома бездна, но Колибри думала о Чапосе, уже отчётливо понимая, что любви к нему не было у неё никогда. Любовь вошла в неё на высоте в аэролёте Олега над горами. Белые вершины были подобны облакам, долины украшали уже цветные облака растительности, а она была тою, утратившей вес, тяжесть ощущений и токсичную горечь мыслей, серебристой небесной девушкой – «космодесантницей». Но небесные образы выскальзывали из неё, падали вниз, утягивая за собой ставшее прежним, тяжёлым

по ощущению, тело, завёрнутое сейчас в грязный тряпичный мираж.

Она не могла толком вспомнить ни одного их общего с Чапосом диалога. Как будто провела она то время с ним в полной немоте. Он-то говорил всегда.

...– Мне хорошо, как было только в мечтах, но они посмеялись надо мной. А теперь я стал светлее через тебя, или же только пытаюсь? Я вовсе не был таким грубым раньше. Но с другими я не испытывал ничего похожего на то, что теперь с тобою.

– И я, – ответила она.

– Ты-то с кем? Глупыш. Ты только моя.

– Ты не отдашь меня другим?

– Нет. Никогда. – Это было правдой тогда, но было ложью теперь. Отдал, продал.

– Когда я смотрел в её спину, сидя у дерева в старом парке, я и не верил, что всё вернется. – Что за бред он нёс? – Она была в синем платье, с синим цветком в волосах, и я куплю тебе такое же платье и такой цветок. Только ты лучше, она не хотела меня полюбить, а ты смогла это.

Но разве Колибри полюбила его? Она смогла полюбить только Олега. Олег никогда не смог бы посадить её в подвал с пауками или продать в клуб разврата. Как не смог бы он являть посторонним людям то, что составляло суть и наполнение их взаимно личного таинства. Представить Олега, валяющегося голым, как валялся Чапос кверху ржаво-воло-

сатым животом на плетенном из гибких древесных лиан ложе для массажа, в то время как за широкой, едва не во всю стену, аркой шныряют другие люди – было невозможно. Чистая и прекрасная нагота Олега принадлежала только глазам и рукам Колибри. Колибри засмеялась даже теперь, представив Олега в роли хозяина «дома любви». По утрам она ясно всё же понимала, видя в свете заспанного и волосатого любовника Чапоса рядом, что это не может быть любовью. И понимание её отсутствия давало ей, – нет, не свободу, – а животное бесстыдство. Она мстила ему таким образом. За то, что вместо светлой водоносной жилы вскрыл в ней пласт, откуда забил грязевой горячий вулкан... По утрам вставать и идти в комнату для омовений, ту, что с красными стенами, куда имели право входить только сам Чапос и Уничка, а потом и Колибри, было лень и ей, и ему. Поэтому тот запах пролитого ночью семени в её памяти стал сутью Чапоса и её самой в то время. Стал духом той связи. Утро открывало суть происходящего ночью. Её экстаз мог питать только мрак. Остывая, душа коробилась неприятием тела, это был миг ясности, – душа и тело не одно и то же. Но человек рядом наваливался с тою же ночной всеохватностью, и она подчинялась, и её тело откликалось. Глаза же фиксировались на картине, изображённой на стене – цветущее дерево, не имеющее запаха и живого трепета. Толстые губы присасывались к её груди, ласкали соски. Уродство происходящего тем ни менее усиливало похоть. Он поглощал её, и она становилась

частью его физиологического процесса, она была пропитана его пищеварительными соками. Она была его дичь, – утратив волю, перестав биться и страдать, она вошла в его обмен веществ, став также и частью его пиршественного экстаза.

– Так будет происходить всегда?

– Да, моя желанная.

В эти моменты она вспоминала раздутые как шары груди Унички и представляла, как он высасывал женское молоко, которым питался вместе со своим ребёнком. Уничка часто становилась незримым третьим в их утреннем слиянии. Сама она где-то суежилась в это время и не знала о своём присутствии.

– Посмотри, каким шедевром я обладаю, разве он не бесподобен? – бормотал звероподобный внешне любовник, лаская её своим твёрдым и налитым готовностью к повторным слияниям орудием любви, проводя им по её животу, грудям, стремясь ещё выше – к губам, – ты любишь на него смотреть?

– Как он ужасен! – Колибри отворачивалась от Чапоса. Казалось, что и свет утра высвечивал тело любовника не без отвращения в данный момент к своей светоносной, но неотменяемой законами мира работе. Зато с удвоенной яркостью он словно ваял воздушную плоть девушки, каждый её тонкий волосок в отдельности, нежнейшую паутинку голубоватых сосудов под кожей на груди, трепетно гладил бледные бутоны недоразвитых девичьих сосков, путался в прикрытых ресницах.

– Ему и не надо быть красивым. Ему надо быть только желанным. Она его желает, а у неё нет там глаз, только ощущения.

– Но, я же красива. Ты же говоришь это. Во всём и в каждой своей части.

– Да. Чтобы он тебя желал.

– Зачем так всё устроено? Кем?

– Чтобы оплодотворять и размножаться дальше. Всё бессмыслица. Это верно. Женщина – ловушка пустоты.

Без любви – да. Всё бессмыслица. Телесный позор. Жизнь – бесконечная свалка, приговорённая к вечному гниению. Но кем так устроено? Зачем? Чапос жил на свалке. Олег в мире заданных свыше, встроенных в его жизнь смыслов. У Чапоса была его похоть, у Олега – любовь. В отсеке Олега голографические деревья казались настоящими, и там никогда не было места никому третьему, между душой и телом не было разрыва. Воспарив однажды, Колибри не хотела вниз. Её крылышки трепетали от восторга. Чудовищные наплывы лежащих внизу ржавых пустынь принадлежали миру, в который она не вернётся никогда. Ведь Олег дал ей понимание, что она птица, то самое воздушное творение, которым называл её Чапос, давая ей при этом плотное пахучее воплощение – земляное. Ладони же Олега были той силой, которая держала её на лету. Уставая, она опускалась на них, и он прикасался восхищёнными губами к её вздрагивающей и открывающейся ему навстречу душе... И вдруг она летит

вниз в страшные пески бездны и ударяется плашмя об их чудовищную спресованность, и видит себя с выбитыми передними зубами, разбитым лицом, захлёбывающейся кровью и болью... И Колибри очнулась от сна или бреда, трясась от холода. Заскорузлая тряпка не грела, кошмар продолжал вытекать за пределы сна. Чтобы загнать его ползущие щупальца назад туда, откуда и вылезают кошмары, она стала напрягать сознание, заставляя себя проснуться окончательно. Это же надо было уснуть в таком месте!

Она стала раздумывать об Уничке, раз уж она вспомнилась. Бедная маленькая Уничка со своими странными волосами, детскими ушами и ступнями, влюбившаяся в Чапоса с первого взгляда в том ночном клубе, но устыдившаяся этого из-за его нестандартной внешности, вовсе не бывшей уродливой, как сразу поняла это Колибри. И он тогда влюбился в Уничку и, злопамятный, не простил, что она упорхнула с легкомысленным баловнем – обитателем аристократических роц. Не прощал, сажая Уничку в подвал с пауками за малейшую провинность. Колибри представила, как Уничка танцует на своих пальчиках, вращая круглым животом и подрагивая высокой грудью – предметом её гордости. Гибкая, невысокая, очаровательная и улыбчивая с фиолетовым шарфиком на груди. Чапос хранил шарфик и отдал его Колибри как знак её избранности, исключительности. Где был этот шарфик? Где-то остался валяться в той узкой комнатке. Где была теперь Уничка? Вот бы найти её. Она бы спрятала, спас-

ла. То, что Уничка не пропадёт, не вызывало ни малейших сомнений. Жалко было её ребёнка, родившегося с гребнем на голове – признак, характерный для другой расы Паралеи, а вовсе не мутагенеза, так рассказывал Олег. На островах в океане, в стране Архипелага жило много таких людей, приземистых, широченных, очень сильных и с атавистическим гребнем на макушке. Конечно, Уничка хотела её спасти, но не по причине доброты, а из-за ревности. Но Уничка была и уникально добра, что Колибри поняла с первого взгляда на Ягодную Булочку. В то время как женщина в цепочках и браслетах с камнями невероятной расцветки была по-настоящему страшна. Кто она была? У неё были глаза лишённые души, пустые. Не появись она, не было бы в жизни Колибри и Олега. Но где Олег? И где она сама?

Одни люди губят и создают чёрный ад на белом свете. А другие любят и спасают, хотят не только сами жить в раю, но, чтобы и другие жили там. И получается, что ангелы и демоны не вымышленные духи в их невидимой миру войне, а сами люди в каждодневном взаимодействии и схватках. Только оружие демонов – смерть и чёрные, порождаемые ею страхи, а оружие ангелов – свет, любовь и обещание вечности.

Она вдруг ухватила за радостную мысль, что Олег придёт опять. Не сможет не придти. А придёт он туда же, где её и нашёл. В клуб. И она пошла туда. И её впустили. Дали поесть, отвели вымыться и выспаться. Вечером пришёл хозяин и отвёл на четвёртый этаж, самый высокий, самый

дорогостоящий, для дорогих клиентов. Втолкнул в помещение, где уже сидел чрезмерно плотный и неприятного облика человек. Не пожилой слишком, но и не молодой давно. Откормленный гладкий хряк. Он уставился на неё с видом оценщика, кому принесли заказанное, такими глазами, про которых говорят, бездушные. Они не выразили по отношению к ней никакого особого чувства, лишь прищурились и слегка заволоклись мутной дымкой похоти. Ему просто приспичило, а такие моменты посещали его нечасто, и он спешил их ловить, не мешкая. Несмотря на последние, сумбурные и тяжкие впечатления, райская энергетика любви ещё питала её изнутри. Но увидев воочию страшное и, казалось, навеки уже исчезнувшее прошлое, поняв, что бездна не исчезла и опять втягивает её в своё чрево, она истерично завизжала и набросилась безумной молнией на ошалевшего хряка. От внезапности броска он свалился на постель с приготовленным шелковым бельём. Она оцарапала его лицо, стала давить на веки, стремясь закрыть его чужие и ненавистные глаза, их поганое существование, не нужное ей. Он хрюкнул, как хряку и положено, ничего не понимая, решив, что ему подсунули безумную. Участь этого притона была уже решена. Он был слишком влиятельный, слишком высоко поднятой над прочими персоной, чтобы такое прощалось. Вбежала охрана, оттащила её. Человек поднялся и пнул её ногой с выражением безмерной брезгливости, что пришлось к ней прикоснуться. Верхние штаны он успел снять, и она увиде-

ла его ноги, опутанными синими раздутыми венами. Что позорного в болезни? Ничего. Но нездоровый человек обязан быть тихим, если уж не просветлённым, и тогда не важно, как он выглядит. Как неважно это для его зависимой жены и обласканных привилегиями детей. Возможно, и внуков уже. Поскольку он был из вельможных слоёв их жизни, на него нельзя было и глаз поднять с дерзкой мыслью в них, а уж за слово против, а уж за действие, даже и случайно дерзкое, ждала кара. Но то, что позволила она...

Как её звали? Никто и не узнал. Олег не спросил даже. Дал своё имя и уже считал его изначальным. Считал их собственные имена трудно произносимыми кличками. Что было потом? Олег вернулся, а растерянный Артур всё рассказал. Олег бросился её искать. И тогда он узнал, что она была растерзана и выброшена с высоты четвёртого этажа. Олег не умел поверить, что местные каннибалы пустили по ветру пёрышки его Колибри. Он взял оружие, взял Артура в помощь, надел и ему, и себе под одежду эластичные и незаметные бронежилеты, которые взял без спроса. И они отправились вершить свой Страшный Суд.

Страшный суд

Артур был нужен Олегу для подстраховки. Девушки в клубе рассказали ему всё и назвали виновных. Олег велел всем уйти отсюда, иначе они попадут в нехорошую свалку.

И девчонки, и обслуга попрятались, кто где.

Олег, для устрашения отбросив белым лучом из маленького оружия двух напавших на него охранников, затолкал прочих типов, попавших под руку, в одно из помещений, по пути убив и ещё одного, кто артачился и пытался нанести удар исподтишка, в спину. И уже в закрытом помещении он стал вершить свой Страшный Суд. Артуру он запретил использовать оружие, чтобы ему не марать чистых рук и быть только на подстраховке. Побелевшие и посеревшие люди прижались к стенам и замерли в ожидании кары. Перед этим они с Артуром выбили у них у всех их примитивное оружие из рук и карманов. В страхе за себя они выдали главного палача, карателя его Колибри. В школе космодесантников их обучали приёмам борьбы и обороны, точным концентрированными ударами, способным и убить при необходимости. Но Олег не хотел убивать сразу. Вначале он вышиб ему колено и сломал руку, а когда тот упал, он наступил ботинком на его лицо и спросил:

– Тебе больно? И ей было больно. – А потом добил его ногой в военном ботинке со встроенным приспособлением, способным крошить и камень. Его коллеги в ужасе взирали на дикую казнь. Артур с трясущимися губами держал их всех на прицеле мгновенно убивающего луча. Сам Олег после казни главного убийцы хладнокровно приказал им встать на колени и оставаться неподвижными в помещении, что они и исполнили. Затем он вышел и спокойно закрыл дверь. Блед-

ный Артур не произнёс ни слова, не делая ничего, когда Олег стал разрушать притон, направляя вокруг страшный луч и всё сжигая. После их ухода полыхал весь первый этаж.

После прибытия местной службы порядка, подобной полиции, ни Олега, ни Артура в полыхающем здании, понятно, уже не было. На допросе свидетели показали, что пришли двое верзил в странных полумасках и всех выгнали, во всяком случае, тех, кто был внизу, кроме нескольких человек, с которыми они, вероятно, сводили некие преступные счёты. Верхние этажи не пострадали, только второй этаж полностью закоптился. Притон накрыли, а всех девиц распихали, кого куда, кому и домой удалось удрать в суматохе, прихватив, что плохо лежало. Старый клуб исчез, но других было много.

Вельможного хряка впоследствии нашли убитым, задушенным женским нежно – лиловым шарфиком, в лесу у своей усадьбы. Легкие, бархатные, трепещущие бабочки казались настоящими, когда касались от порыва ветра искажённого страшного лица убитого. Лицо было в кровоподтёках. Неизвестный убийца вначале избил аристократа, проломил переносицу, и только потом задушил. Лютая казнь, очевидно, была мучительной. Один из родственников хряка, муж его дочери, присутствовавший на опознании, с тайным удивлением смотрел на петлю из скрученного женского шарфика, смутно припоминая, что когда-то подарил такой рукотворный лоскут одной маленькой рыжеволосой танцовщице, с которой провёл незабываемы дни и ночи. Казалось бы, ка-

кой пустяк – шарфик. Но шарфик этот он заказал для своей невесты у дорогой мастерицы, чтобы просто порадовать её пустячком. Бабочки обладали невероятной правдоподобной фактурой, они трепетали от малейшего дуновения, но девушка-невеста сказала, что художник по тканям изобразила среди бабочек одну редчайшую, чёрную с золотым рисунком на крыльях, и если присмотреться, то рисунок похож на крошечный череп. Бабочка – обительница джунглей являлась по старинной легенде заколдованной дочерью Владыки трясины, и была чёрным вестником, приносящим несчастье тому человеку, на которого она вдруг садилась. «Это же чушь!» – сказал он, – «Как ты можешь верить? И потом, это же не живая бабочка, а всего лишь аппликация на лоскуте ткани». Но она отшвырнула шарфик прочь. Ему было жаль затраченных средств, да и шарфик казался пригожим, и он подарил его той танцовщице, надеясь на её внимание. Внимание было обретоно. Чудесная девушка с красными искрами в волосах вдруг выплыла из памяти в такую страшную минуту, закружилась перед ним своим ладным телом, перебирая пальцами ног во время быстрого верчения. На её крупной для такой пичужки груди была простенькая накидка из тех, что выдавали её бедность. Он вытащил шарфик из кармана и подарил бескорыстно, из-за восторга перед её умением и личным очарованием, потому что не верил в мистику и не был суеверен. Девушка была рада и оказала ему своё расположение потом, понятно, не из-за какого-то шарфика. Да

и мало ли было таких шарфиков? Старая мастерица могла создать их бесчисленное множество. Ни малейших улик не было найдено, кому мог помешать хряк? О его предсмертном визите в клуб покупных радостей никому известно не было. Свидетели или разбежались или были уничтожены в страшном побоище. Владелец клуба спустя время после своего побега из столицы тоже был обнаружен в одном пригородном озере, где его труп всплыл на поверхность. Его дело было ещё безнадежнее, в виду его многочисленных тёмных дел и контактов с уголовным миром.

Когда душа омрачена

После бойни Олег попал в медотсек к доктору Франку. Но, было похоже, что он переживал не за убитых людей, а от того, что эти убийства не могли вернуть ему его Колибри. Она продолжала биться в его сознании своим хрупким и растерзанным телом, а он не умел её оживить и опять нарядить в серебристый комбинезон. Рудольф лично допрашивал Олега. Он был бесстрастен, и в своей серой одежде металлических оттенков, казался и сам металлическим. Единственное, что он позволил, ударил Олега по лицу. А потом простил. Сказал, что всё уладит сам. И никто не узнает в ГРОЗ об этом инциденте. Те же, кто жили здесь, понятно, ничего и никому не поведают. Потому что ГРОЗ властвует на Земле, а здесь они сами себе власть. Система же наблюдения была,

по сути, фикцией, и давно была подконтрольна тем, кто жил и работал в Паралее.

Спустя время Рудольф пришёл к Олегу сам в его жилой отсек. Он попросил Олега рассказать, что предшествовало этой бойне на поверхности Паралеи. Слушая рассказ Олега, Рудольф казался отсутствующим и во времени, и в пространстве отсека, пребывая своими мыслями где-то и ещё. Олег это видел, но подчиняясь субординации, что-то бубнил себе под нос, злясь на Рудольфа за удар на глазах у многих, хотя и понимая, что заслужил и большее воздаяние за собственный произвол, приведший к преступлению, в которое он вовлёк и друга Артура. Но Олег знал, что Артур сын Венда. Поэтому он знал, что история будет навсегда погребена в недрах их подземного мира. И не такое тут творилось. И не такое покрывалось не только Вендом, но и справедливым, безупречным Разумовым. Во все времена люди никогда не жили и не живут по инструкциям свыше, разве что отчасти.

Олег потом доказывал Антону, что надо уничтожать подобные планеты, злые, неисправимые.

– Всю целиком? – спрашивал Антон.

– Всю. Если они так терзают своих девушек. Так мучительно и страшно живут. Если не умеют иначе, пусть исчезнут!

– Но уничтожив всех, ты погубишь большинство невинных людей, девушек, детей, животных, птиц. Как это?

Олег молчал, сказать ему было нечего. Возродившись уже

из душевного пепла, пройдя сеансы психического восстановления у доктора Франка, он стал как бы и прежним. Но прежним ли? У себя в жилом отсеке он поместил изображение своей Колибри в искусственный, прозрачный кристалл, взятый в лаборатории «ЗОНТа». Уменьшенное изображение девушки сидело там, внутри, на цветке. Олег при помощи компьютерной графики сделал ей крылья, как у настоящей колибри. И девушка – колибри сидела в цветке и смотрела на Олега из своего, защищающего её уже навеки от страшного мира, кристалла, улыбаясь пунцовыми губами. Но глаза её остались печальными. Олег не успел сделать их радостными и лучистыми. У него было слишком мало времени, чтобы исцелить её окончательно.

Увидев кристалл, Рудольф взял его в руки и долго смотрел на девушку – птицу, навеки исчезнувшую Колибри, имени которой никто в подземном городе не узнал. Лицо его не выражало никаких особенных эмоций, но в выражении глаз возникло нечто, что он пытался скрыть, прищурившись, будто прозрачный кварц мешал ему разглядеть заключённый в нём мираж. Олег счёл это за его сочувствие, потому что ничего не знал об их встрече у горного озера.

– Эта планета никому из землян не приносила счастья, – сказал он.

– А какое счастье принесли им мы? – спросил неожиданно Антон. Но Венд проигнорировал его вопрос, обратившись к Олегу:

– Ты остаёшься. Я так решил. В ГРОЗ никто и ничего не узнает об инциденте. Такие, как ты и Антон, прошедшие здесь свою школу взросления, вы тут незаменимы. На других планетах и колониях бывают эксцессы и более жуткого свойства. Но люди там живут и даже рожают детей. Мы космические воины, а не земные благополучные и сонные обыватели хрустальных городов. Нечеловеческое напряжение жизни в нечеловеческой среде рано или поздно даёт о себе знать именно дикими срывами. Мы все здесь понимаем это, потому и прощаем, помогаем друг другу, а не топим, и не судим с позиций тех, кто носа за всю жизнь не сунул выше сада на крыше своего управленческого небоскрёба. Они созерцают иные миры в красочных многомерных картинках, потому никогда не поймут нас, кто в реале прочувствовал на своей шкуре, какие грызущие пасти и кромсающие зубы часто таят в себе подобные райские лики якобы идиллических планет. Останешься? Если хочешь отбыть, я дам тебе превосходную характеристику, но лучше оставайся, Олег.

Олег не сказал ни да, ни нет. Он таращился в пустой серебристый потолок, будто в некий экран, светлые глаза перемещались за невидимым для посторонних движением незримых никому фигур. Пребывая в трауре, он отключил свои интерактивные обои в отсеке, не желая наслаждаться земными миражами, не желая ничего. Мимика выразительного и открытого лица выражала страдание. Шрам от удара на правой стороне, оставшийся после операции доктора, был пока

заметен, и нарушал идеальную природную лепку осунувшегося лица. Неделя, другая, и следа не останется, но вот в отношении души – этого не мог знать никто. Что происходило там, какой лютый хаос сотрясал и сметал прежние, упорядоченные построения его личного глубинного космоса? Венд долго и пристально смотрел на него, после чего ушёл.

От Антона Рудольф не скрыл, что принимал личное участие в выдворении девушки отсюда, но Антон и не собирался говорить об этом Олегу. Болтливость не была качеством, которое тут приветствовалось. Если надо, шеф скажет Олегу обо всём и сам. Нет, значит, нет.

Глава четырнадцатая. «У Колибри было имя. Ласкира».

– Нет, значит, нет, – сказал сам себе под нос Рудольф, но обращаясь к отсутствующей Нэе, – я оставляю тебя в покое уже навсегда. Жаль, что я так поступил. И насколько я этого хотел в действительности? – а сам продолжал сидеть на поваленном бревне за стеной кустарников. В просветах между ними была видна терраса дома «Мечта». И он слышал голос Нэи, щебечущей как птица. Она возилась с цветами, доставая рассаду из контейнеров, принесённую дворником из питомника садовых культур. Волосы были спрятаны под повязкой, руки в почве, ноги босые. И в этом смешном, совсем деревенском виде она была привлекательна для него как никогда. Она отстраняла лёгкую ткань от своей пышной груди настолько земным жестом, как делают девушки, если им жарко и на Земле, что ему не верилось, что он завис где-то

в безмерной бездне настолько далеко от планеты, где родился и вырос. А вот жил там всего лишь на несколько лет и дольше, чем здесь. Причём, жизнь здесь пришлась на самые молодые его годы. А на Земле он только учился и совершал ошибки. Хотя ошибок он не перестаёт громоздить и на Паралее. Наблюдая за её мельканием в просветы между ветвями и листьями, отмечая с умилением, что даже её движения, быстрые и деловито забавные, напоминают птицу, он думал о той девушке, ставшей птицей по воле Олега, о Колибри. Нэя, эта фея сиреневого кристалла, не имела с нею ничего общего.

...Ещё когда Нэя заброшенно жила в лесном посёлке недалеко от столицы в доме сгинувшего старого мужа-психиатра, а Рудольф давно перестал искать Нэю и даже не надеялся увидеть когда-нибудь, Чапос и приволок ему «услугу», о которой никто его и не просил. Девушку Колибри звали Ласкира, о чём влюблённый Олег и не удосужился у неё спросить, или же искренне забыл её имя, дав свою кличку.

Чапос уверял, что перекупил Ласкиру у местных бандитов, выкравших её где-то по случаю. Приехала в столицу с подружками, и как девочка из русской сказки – деревце за деревце, улочка за улочкой, а подлые подружки покинули. Девушка заблудилась среди бесконечных домов и тупиков, и её увидел один из шакалов Чапоса, подсел за столик в дешёвой забегаловке, где она пила овощной напиток, давась следами. Заболтал, проводил. Только проводил прямо в отстой-

ник Чапоса. У Чапоса были проблемы с деньгами, и он настырно навязывал «безутешному вдовцу», кем был Рудольф, уникальную девушку. «Нэя в юности»! – прошептало гребнистое чудовище, при этом плотоядно дыша и давая понять, что не будь у него самого больших затрат в связи с постройкой для себя нового дворца в усадьбе, Рудольф никогда не увидел бы это чудо. Так Ласкира и была привезена к нему, не в «Сады Гора», понятно, а в маленькую арендованную квартирку в столице. Что имел в виду подлый Чапос, обещая сходство, которого не было и в помине? Она была неразвита в смысле образованности, не умела толком и разговаривать, не понимала зачастую, о чём он ей говорил. Молчала и жалась по углам. Но Рудольф даже не собирался её трогать, а хотел только вытащить девушку из лап бандита, где она была бы обречена, отвергни он этот «свеженький деликатес» к праздничному столу. Он не мог спасти всех, но и единичное вмешательство разве не было благом для чужой судьбы, втащенной под давящую социума, безмозгло пятящегося к своей гибели. Девушка привыкла быстро, как только поняла, что ничего ей не угрожает, и дядя не собирается её обижать. Отпустить её сразу же было бы неосторожно, поскольку Чапос наверняка выкрал бы её повторно. Надо было создать иллюзию, что «подарочек» используется по назначению, – пусть поживёт в столице в своё удовольствие. Девушки Паралеи с самого раннего возраста обладали практичностью и хозяйственными навыками, их так воспитывали – су-

рово и не особенно жалея даже в детстве. Поэтому провинциалка быстро освоилась на новом месте и вступила в права хозяйки своего жилья. Ни грязной посуды, ни разбросанных вещей вокруг не было никогда. Лениость, бытовая отрешённость, что так часто бывают свойственны девушкам земным, здесь была непредставима. Слегка полноватая для своего юного возраста, но гладкая и будто фарфоровая вся, девушка была быстра в движениях и страдала от безделья, замкнутая в маленькой столичной клетке. Дома она вела трудовую активную жизнь, о чём говорили её мозолистые трогательные ладошки. Наверное, через несколько лет, думал Рудольф, она станет мало привлекательной, этаким типичной бесформенной простолюдинкой – женой и матерью, бесцветной, скрыв своё бесспорное сокровище – дивные волосы в нелепой чалме. А всё остальное было спорным с точки зрения красоты в понимании Рудольфа. Из чувства жалости, думая о своей дочери, которую она напоминала длинными, пепельными и редчайшего на Паралее цвета, волосами, он к ней не прикоснулся даже недолжным взглядом. Создавать из неё местную жену по методике Чапоса, приручая, шлифуя и развивая, – не хотелось уже. Хватило и одной Гелии – сколько сил было на неё затрачено, но разве она избежала участи, уготованной здесь всякому уникальному женскому существу – стать развлечением, аттракционом для высших дегенеративных сословий, давно забывших, извративших божественный миропорядок, данный им в наследие

от таинственно исчезнувших, словно провалившихся в бездну какую, создателей. У них на Паралее были свои «сумерки Богов». Некогда чистейшая Мать Вода растеклась гнилыми лужами по душным кабинкам разврата, залегла, красочно заросшим цветочками поверху, засасывающим болотом по скудным и постепенно пустеющим равнинам, подступила подземными отравленными водами к подошвам их городов. Стыло Небо, оставленное их Творцом, но гудело в чёрном своём торжестве обиталище похотливого бесплодного духа преисподней Трола.

По земным методикам он зачистил её память о днях, проведённых в столице, о стрессе, связанным с похищением. Он надеялся, что она вернётся в нормальную жизнь, будет учиться. Её родителям была дана немалая сумма денег на её дальнейшее обучение. Была оплачена и взятка их местному департаменту нравственности, и девушке вернули персональный личный жетон, которого лишали тех, кто становился падшей. Но она не была никем тронута, что и подтвердило их подлое обследование. И несмотря на всё это, она не избежала участи притонной девки. Подозрение, что подлый торговец не забыл о ней, оправдалось. Вонючий хищник, всё же, наложил на неё волосатую звериную лапу и определил её будущую судьбу. Ведь именно Чапос отвозил её к родителям и оставил деньги в качестве компенсации на её дальнейшее обучение, дав также щедро оплаченное обязательство уже не прикасаться к «использованному товару». Иногда наиболее

«добрые потребители» так и поступали, возвращая девушек в родной дом, если имели возможность подкупить, кого следует, в аморальном «Департаменте нравственности». Родители Ласкиры были небогаты, почти бедны, и чтобы проверить все ли деньги Чапос отдал, и отдал ли вообще, Рудольф не поленился и попросил ещё одного своего агента из числа жителей Паралеи проверить это. Тот привёз поразительное сообщение – Чапос отдал всё, и родители Ласкиры были благодарны, считая, что Чапос спас их дочь от торговцев девушками и являлся служащим по борьбе с тайными торговцами – рабовладельцами. Было проще думать, что виноват во всём Чапос, а сам он? Ведь не по его вине она была украдена, а по извращённым закономерностям их мира. Он-то хотел её спасти, не так, конечно, как осуществил эту попытку спасения Олег, но с тем же самым провальным результатом.

Девушка для безмолвных прогулок

...На выданное денежное пособие Ласкира купила себе пару платьев под его чутким присмотром, прочую дребедень, в которой посчитала потребность. Какое-то время она жила в той квартире, где и Асия – «Ночной Цветок» в своё время. Рудольф привозил ей еду, разрешал гулять, и сам гулял с нею. Гелии уже не было, душа была опустошена, и девушка стала своеобразной молчаливой голограммой для редкой вечерней релаксации. Физический контакт был ис-

ключён. Во время прогулок он прикасался к ткани на её рукаве и представлял, что гуляет со своей дочерью, такой же замкнутой и молчаливой, обещая не ей, а Икри, будущее на Земле. Что она понимала из его речей? Она сосредоточенно изучала мусор и камешки под своими ногами, стараясь избегать взглядов проходящих мимо парней, очевидно волновавших её больше, чем скучный человек рядом, бубнящий о мирах, простирающихся там, где их и не может быть, кроме как в больной голове идущего с нею. Представить её на том самом месте, на атласном пунцовом постельном белье, где он вытворял с одурманенным «Ночным Цветком» все возможные из телесных непотребств, было невозможно. Рядом с нею было стыдно даже от наличия этих картиночек в своей памяти, не говоря уж о том, чтобы реализовать что-то подобное этому с половозрелой дитятей, доверчиво гуляющей с ним за ручку по сумрачным улицам инопланетной столицы.

Город переливался тёмно-синими и зелёно-лиловыми оттенками в кольцеобразных тёмных расщелинах улиц и переходов, неожиданно выводя на обширные пространства редких площадей, и напоминал гигантский живой халиотис – чёрный перламутровый наплыв в колеблющейся желеобразной от испарений атмосфере. Сей «Град обречённый», «Град на холме», тоже возлежал на бесчисленных холмах, вовсе не казался примитивным или убогим порождением недоразвившейся, или наоборот, уже пребывающей в стадии сворачивания, как отпавший лист старого вселенского дерева, ци-

визации. Он обладал уникальной красотой, смешанной в невообразимых пропорциях с уродством. Он и удивлял, и подавлял, пугал и привлекал. Он казался зыбким и неправильным, нарушающим все известные пространственные закономерности, как бывает во сне. Выглядел несуразным, но зовущим в свои бесконечные каменные пещеры, лабиринты, где обитали не только жуткие призраки, но и хранились сказочные сокровища.

Именно тут, на Паралее, или правильнее в Паралее, ему, чужаку, и стал понятен тот подсознательный исток, что питал иных художественных творцов от литературы в прошлом Земли при создании странных и мистических произведений, где человеческие, особенно столичные города становились похожими на планеты, населённые нечеловеческими персонажами. Какие-то коты Бегемоты, гуляющие под ручку с профессорами чёрной магии. Или государственные чиновники, медсестры, мясники и студенты, преобразующиеся по ночам в воинство «Ночного дозора». Лавки старьёвщиков, где в свободной продаже «шагреньевые кожи», исполняющие желания, таятся в глухих переулках, а летающие, пузатые человечки живут за трубами на высоких крышах в персональных коттеджах. Прикрытая фантазией, озорной или страшной, это была духовная дезориентация, подавленный страх ошеломлённого провинциала, пришельца, одним словом, перед огромностью неизученного, вечно клочущего мегаполиса. Попытка совместить со своей душев-

ной геометрией плотно усеянную вертикальными нагромождениями безразмерную горизонталь, населённую отстранёнными, закрытыми, безразличными, деловитыми людьми, поражающими своим количеством, контрастностью, красотой, безобразностью, внешним разнообразием в сочетании с личностной стёртостью на грани механистичности. Древний ужас больших городов, неодолимо засасывающая воронка, обещающая выход в иное и счастливое измерение, но устрашающая своей бездонной чернотой, из которой большинству выход был куда-то совсем не в сторону искомой и дивной Вселенной, усыпанной алмазными звёздами. Юношеское былое презрение, высокомерие давно сменилось пониманием неподдающейся рациональному исследованию глубины чужого мира. Любые научные формулы только издевательски плавали на, кажущейся ясной, плёнке его поверхности, как отражённые световые блики на воде, а сам человек всегда мог провалиться в омут, не имеющий дна.

Тогда же пришло и внезапное понимание, как древних, так и современных монахов и прочих отшельников Земли и Космоса. Возможно, что большинству из них не было и надобности в том, чем бывает озабочено способное к репродукции, и даже не способное к ней человечество, – они просто не хотели низших наслаждений, их головы работали только в высшем режиме, устремляясь навстречу или вдогонку Животворному Началу Вселенной. Они испытывали отвращение, отстранение от того узла – ретранслятора в се-

бе, который был связан напрямую с тёмным прожорливым демиургом, скрытым в глубинах столь же тёмного вещества, не желая питать его собою, не желая соучаствовать в его недолговечных проектах. Любуясь красочной девушкой глазами, Рудольф был отстранён от неё даже в помыслах.

Однажды в ночном открытом кафе они столкнулись с сумрачной глыбой Чапосом. И на фоне чёрно-синего искрящегося перламутра мегаполиса запылали блики в глубине его звериных зрачков, когда он изучал тонкий профиль лица девушки, отвернувшейся от неизвестного и некрасивого человека. Она ела воздушный деликатес, погрузив в него и кончик нежного носа, и Чапос, наблюдая за ней неотрывно, расширял свои ноздри, стараясь уловить в них то, чем наслаждалась её детская душа. Она не была обжорой, и пирожные привлекали её больше затейливой красотой и ароматом, чем вкусом. Размесив их ложечкой, она оставила вазочку, и волосатая рука незваного, как обычно и бывало, подсевшего гостя подхватила вазочку. Опрокинув в жадный рот её содержимое, он издал странное громкое фырканье. Словно зеленоватым фосфором замерцал его выдох, и Рудольф в безразличности отшатнулся, но понял, что ему это только прикинулось. Сверхплотный демиург, с которым Чапос, несомненно, имел органический канал связи, в своём раскалённом ядре не иначе поколебал и внешнюю литосферу, ворочаясь там от неутолимой похоти. От чужого выброса в атмосферу и без того насыщенную не лучшими излучениями

обитателей ночного инопланетного Вавилона, возникла даже мысль навсегда стать космическим монахом. Настолько противен и далёк от разумности был для него в тот момент сам механизм полового взаимодействия гуманоидных и разумных форм жизни. Девушка – ребёнок даже не почувствовала мутного наката вскипающей волны, окатившей её всю до зауженных ноготков, до трогательных завитушек ушных раковин со стороны взбудораженного её чистотой продавца, о котором она и не подозревала как о продавце её личной красоты. Как и о Рудольфе – покупателе того же. Но что она думала о нём, осталось тайной.

Чапос же в тот вечер для неё не существовал, вытесненный впечатлениями от гуляющей столицы. Только Рудольфу она предоставляла некоторое местечко в своём внутреннем пространстве, возможно, и ожидая дальнейшего развёртывания событий, возможно, и готовясь к ним. Она ловила блёстки от трескучих фейерверков. Они разрывались снопами вверху, вниз же падали мельчайшие искристые бисерины, делаая еду несъедобной, если попадали в тарелки. Ласкира подставляла ладошки с длинными пальцами, характерными для творческих натур, но её натура развита не была – некому было. С весёлым искренним смехом она ссыпала блёстки в бокал к Рудольфу, дававшему ей скромный праздник, принятый ею за предбанник счастья. Она смахивала с его обнажённой руки кровососущих насекомых, роящихся над галдящими распаренными людьми в ночном плотном и

стоячем воздухе. Стараясь замаскировать свою ласку, о чём-то маловразумительно говорила, изменив обычной немоте, улыбалась всем окружающим, в том числе и Чапосу, не видя при этом никого, кроме Рудольфа. Возможно, что чувства её были сложнее, чем простая благодарность. Бедная, она и не подозревала, что угрюмый гребнистый выползень из клоаки с затаённым полыханием в своей утробе, – а у Чапоса все физиологические процессы протекали и разворачивались в одной горизонтальной плоскости, – сидящий в тот момент в неразличимой тени для неё, и есть тот, кто отворит ей закрытую пока дверь в будущее. И не та рука, с которой она ласково смахивала мошкарку, и которая обнимала её красивые, но неуверенно ссутулившиеся плечи ошеломлённой столичным шиком провинциалки, а волосатая безжалостная ручища «третьего лишнего» на том празднике станет ручищей судьбы и утянет её туда, откуда она не найдёт выхода.

Для самого Рудольфа в тот момент она тоже не существовала, или вернее, ничего не значила, а только порождала сожаление, что на её месте не сидит совсем другая. Воображение в расцветенной фейерверками полутьме рисовало сладкоежку с аппликацией бабочки на груди полудетского платья. Воображаемое лицо тонуло во мраке, потому что плохо уже вспоминалось, и не было чёткого представления о том, какой она стала за эти годы. Временной отрезок, короткий сам по себе, был всё же значителен для жизни той, кто из юной девушки уже оформилась в женщину. А юная Ласки-

ра, ничуть не похожая на Нэю в те короткие, но застрявшие в нём глубоко, дни и ночи, смеялась рядом в чёрно-синем и душном интерьере под открытым, отчего-то беззвёздным небом, и не развлекала утонувшую в водах метафизической реки его душу. На одном берегу этой реки, пологом и песчаном, стояла Нэя, и зелёная вода ласкала её босые ноги. В отличие от покорных чёрно-лиловых как у лошади глаз Ласкиры, в светлых глазах Нэи отражался бирюзовый полдень. А на другом берегу, непроглядно-далёком и скалисто-обрывистом, стояла Гелия, не пожелавшая оставить тёмному потоку и своего отражения...

Даже в воспоминании он пребывал с Нэей, которой в тот вечер рядом не было, но в мыслях его она была – это абсолютно точно, и сами мысли помнились вполне отчётливо. Они не имели ярко выраженного сексуального наполнения, а были только оформленной в её образ тоской. С одного бока сидела незримая Нэя, уплетая кремовые шедевры кондитерского местного изготовления. С другого бока Ласкира – Колибри, раздавившая пирожное в вазочке в неприглядное месиво. Или она объелась или была поглощена тревожными мыслями о своей дальнейшей участи, когда приступ веселья покинул её...

Ноющая каверна души

В тот злосчастный день на берегу озера он увидел, на-

сколько ошибся в своих прогнозах. Девушка радикально изменилась в сторону характерной и впечатляющей красоты, похудев и выправив свою неуверенную осанку, войдя в самоощущение собственной женской неотразимости. Она как будто сбросила зыбкую кисею с себя, лишаящую её в первой юности чёткости и окончательной выраженности лица и всех форм также. Утратила, видимо, от стрессов свой подростковый жирок, детскую сонливость удивительных тёмно-фиолетовых глаз. Чапос сумел рассмотреть в пухлом бутоне взрыв будущего и близкого цветения, а сам Рудольф остался равнодушен к ней, к её просыпающемуся яркому темпераменту, к её робкому зову. В этом и была скрыта причина, почему «козлу доверили капусту», почему Чапосу предоставили миссию спасения украденной Чапосом же девушки. Безразличие самого Рудольфа и не только к самой Ласкире, а ко всему окружающему миру Паралеи в то время. С противоположного берега реки вселенской жизни – ночного непроглядного берега, поглощённые этой ночью светлые глаза Гелии излучали космическую черноту запредельности. Её приговор грешнику, её запрет на человеческие радости неразборчивому животному. И Рудольф посадил животное в силовое запретительное поле, а Ласкира досталась другому хваткому чудовищу. Неумелая попытка Олега «спасти» её из лапищ бездны, упорно тянущих свою добычу назад, провалилась.

Он вспомнил свой кошмар, навеянный порнографически-

ми откровениями Чапоса, в которых гнусный ящероид смаковал подробности своих случаев с нею, с Ласкирой, о чём не подозревал тогда Рудольф. Кошмарный сон, реализованный им самим в подземном отсеке в отвратительную явь. Кошмар, вылезший за пределы сугубо индивидуального закрытого пространства, в который был вовлечён и другой человек, – Нэя с навязанной ей ролью жертвы чудовища, – не желал рассасываться и освободить его личный светлый покой. Покоя не было, как не было и света внутри. Определённо, Чапос чёрный колдун. На иной, конечно, манер чем Хагор, но способен оказывать подавляющее воздействие на мозг возомнивших о себе землян. Кто был тут низший, кто высший, не имело значения. Не было земных соответствий, они другие инопланетные твари при полном подобии внешнем. И не они, а он вторгся в их мир со своим мериллом человечности или бесчеловечности, это смотря с какой стороны смотреть.

Так была его вина или нет в истории Олега и Колибри? Ласкира – Колибри могла и вспомнить его. Динамика подобных процессов плохо поддавалась контролю, и память могла автономно выйти из искусственной амнезии. Оставлять её на военной базе у Олега он не мог уже по любому. Ведь там, на берегу озера, в ней что-то и всколыхнулось, и возможный прорыв заторможенных образов прошлого стал главной причиной, по которой он её удалил. А так? Пусть бы мальчик и тешился. Хотя какова была бы и перспектива подоб-

ной связи? Пришлось бы создавать семейное общежитие в подземном городе, как и на поверхности в ЦЭССЭИ. Но это было запрещено. Коренные жители Паралеи на секретных объектах землян – это было одно из серьёзнейших нарушений их внутреннего закона. Только закон хронически нарушался. Тот удар Олегу в челюсть был во многом не столько от гнева за содеянное им в клубе, сколько от потрясения её жуткой мученической гибелью, к которой привела её любовь подземного «демона» Олега, если по терминологии Чапоса. Или всё же вина Рудольфа была основной? Любую другую девушку он бы, скорее всего, оставил, закрыл глаза на очевидное нарушение. Но Олегу не повезло. Вернее, не повезло злосчастной путешественнице Колибри.

Молодой дворник косолапил вокруг Нэи, стремясь ей помочь в её растительных хлопотах. Рудольф боялся, что он отдавит её узкие босые ступни, которые очень хорошо представлял себе, они были у неё изящны и нежны, с выточенными аккуратными пальчиками, с мягкой округлой пяткой...

– Скотина, – сказал он сам себе. – Чего и кому ты доказал?

Нэя засмеялась над чем-то. Что её веселило? Взволнованный бубнёж молодого дворника? Его прикосновения, будто случайные и вполне галантные. Несмотря на то, что он недалёко ушел в своих стандартах красоты от Чапоса. Даже своей милой суетой, своим щебетом и порханием, своей очевидной весёлостью она являла своё моральное превосходство над ним, над тоскливым низким насильником. Она замолчала и

стала вглядываться в просветы кустарников. Он видел, как она замерла и стала жалкой, потому что обратила, наконец, внимание на того, кто за нею наблюдал. Он встал и быстро ушёл.

Доктор Франк

Неизлечимое одиночество доктора Франка

Он встал и быстро ушёл, как только Франк появился в столовом отсеке. Недоеденное второе блюдо осталось, и не было похоже, что Рудольф наелся. Поскольку Франк редко приходил к началу обеда, и даже к середине не всегда, то тут сердобольный врач подумал о том, что надо бы ему приходиться совсем к концу, чтобы шеф подземного космодесанта не похудел от недоедания. И если другие замечали их антагонизм, то молчали по этому поводу. А постоянно обедать Рудольфу в местных дорогуших «домах яств», это ж никаких денег не хватит, а печатать фальшивые у себя на базе они не имели этического права, чтобы не подрывать экономику страны. Деньги на нужды самой космической миссии имелись всегда, но эти деньги были подлинными деньгами Паралеи. Конечно, теперь у Рудольфа не было Гелии, а уж Франк знал, что при её жизни большая часть законно заработанных Рудольфом денег в структуре ЦЭССЭИ – структуре, принадлежащей корпорациям самой Паралеи, тем, кто и принимал участие в её деятельности и дальнейшем развитии, – почти полностью перетекали к ней. Сам же Рудольф довольно ча-

сто брал нужные ему уже лично, а также и для его ребёнка деньги у других коллег, кому и полагалось их иметь, короче вёл себя как откровенная побирушка, и не один Франк знал причину такой стремительной утечки его денежных средств. За это, за поведение непонятно кого, способствующего паразитической роскоши развращённой женщины, его не уважали те из землян, кто не были причастны к вкушению соблазнов неправильно устроенного, неблагополучного социума. В целом же земляне проводили стратегию невмешательства в развитие цивилизации планеты – только скрытое, ненасильственное, тщательно взвешиваемое воздействие по возможности к благу и оздоровительному течению всех процессов. Но это по декларации было так, а в реальности? По-всякому было. Да уж какое там невмешательство, когда изгрызли такую солидную часть под поверхностью планеты, использовали её ресурсы и недра для собственных нужд, когда вели войны с десантом повелителя островной страны, когда... Тут доктор обязательно бы неловко хмыкнул, если бы вёл своё повествование вслух. Когда столько детей оставляли после себя, в том числе и те, кто уже давно покинули Паралею, или вообще саму явленную в её физическом аспекте Вселенную. Нет, он не был старым ханжой, он был тем, кого принято называть однолюбом, а на данный момент старым и по сию пору безутешным вдовцом.

Доктор Франк, как и Рудольф был тут старожилом. Он был самым старшим по возрасту среди землян на Паралее.

У него была давняя личная трагедия. Но она осталась в нём навсегда сегодняшней, а не давно-давно вчерашней, не подвластной времени. На одной из инопланетных баз, в другом и ближайшем к Земле секторе, погибла вся его семья, когда произошёл взрыв под куполом земной колонии. Франк с тех пор был всегда один. Его служение тут было подобно монашеству. И сам он, как монах схимник, молчаливо сидел в своей келье, глядя временами вглубь себя. Смотрел вслед уходящему потоку времени, как монах смотрит вслед уходящему ливню, оставившему после себя поваленные деревья, сорванные крыши и град. Но и как метафорический этот монах, он также упивался свежестью и мощью того, уже уходящего навеки потока, и не мог надышаться.

Вначале Франк любил Рудольфа и не потому, что сам был немцем. А потому, что Рудольф напоминал ему сына в его молодости, погибшего со своими детьми в той самой колонии. Очень деятельный. Надёжный, волевой и не изнеженный, но психологичный. Франк был резко против решения Разумова поставить Рудольфа главным в военном корпусе базы после убитого Шандора. Как-то понимая, что такая должность его испортит. И он не ошибся, и это бы тот редкий случай, когда подтверждение собственного предвидения не радует совсем. Когда у Франка прошло обольщение этим человеком? Всё началось с той истории с их милым и всеобщим ангелом – девушкой Гелией. Эта невероятная девушка появилась и впрямь, как сошедший со звёзд ангел. Мо-

лоденькая, живейшая и чистая, с добрейшими, завораживающими глазами, она была впервые привезена Вендом сюда, как только что и сам он сюда прибыл, в тот же год. И у Франка, лечившего её, началась какая-то иная фаза его тусклого доселе существования. Ему было легче дышать в её присутствии, забылась боль утраты, очистились прежние дали его жизни, казалось, навеки уже омрачённые тучами непроглядного горя. Именно с её появлением к Франку стали возвращаться светлые и милые лики утраченных близких людей, без муки их лицемерия в своём внутреннем измерении.

Он целил её тело, а она его душу. Она, просыпаясь после процедур в восстановительной капсуле, рассказывала ему сны о хрустальных садах, где она летала. И голос её тоже был хрустальный, а глаза всё ещё где-то летали. Казалось, в её глазах так и застыл этот полёт в неведомых мирах. Почему она выбрала именно Рудольфа? Возможно, и привлекательного, и мужественного, развитого физически идеально по земным стандартам, но не самого развитого и лучшего в остальных своих качествах. Вероятно, сыграла роль их первая встреча, поразившая её ещё полудетское сердце. Да они все тут мечтали о ней. И этот Рудольф, тогда ещё ценный Франком, возможно, был и худшим из всех для неё. Он и сразу-то вёл себя довольно бесцеремонно. Приходил, когда она спала без одежды под прозрачной сферой медкапсулы, и откровенно изучал её спящую, пока Франк его не выпроваживал. Конечно, тогда Франк многое списывал на его мо-

лодость. Ему ведь не было и двадцати пяти ещё. А голод по женщинам давал себя знать и не такому ярко выраженному самцу, как Рудольф. Ведь и сам Франк полюбил эту девушку. Но тайно. Без всякой надежды, довольно быстро переводя эту любовь в русло отеческой.

Когда все считали их уже состоявшимися мужем и женой, Франк знал, что это не так. Она, Гелия, долго не шла на близкие отношения с Рудольфом. Часто, сидя у Франка в его медотсеке, она ему, как самому старшему здесь, (она ведь считала Франка старым) и самому доброму, простому, рассказывала, что хочет с ним, с Рудольфом, только дружбы. Хочет повторения тех полётов на их орбитальную станцию «Ирис» над Паралеей, и не хочет того, что он ей предлагает. А если я, говорила она, не буду ему этого давать, он обещает отнять у меня свою дружбу. Франк впервые вынужден был обратиться к её просвещению в таких, казалось бы, естественных вопросах, о которых она в диких горах ничего не знала. А родители и не думали ей ничего объяснять. И для неё эти отношения были шоком, и она не хотела их упрямо принимать в принципе. А может быть, думал потом Франк, её тонкая природа дала ей некий знак, что Рудольф Венд не был её человеком. Конечно, она не могла, в конце концов, не уступить напору Рудольфа. К тому же она уже и жила в его отсеке. Но довольно скоро их отношения стали, мягко говоря, мало гармоничными. Он у всех на глазах её прогонял от себя, отсылал в пещеру к родителям, чтобы она не мешалась тут

никому, путаясь вечно под ногами. Но она никому и не мешала. Все были по-прежнему рады ей, как рады люди лучу солнца, мерцающему в пасмурный день из-за прорехи в облаках. Она уходила покорно, страдая в душе, Когда она возвращалась, спустя время, и находила его во время их вечернего отдыха в столовом отсеке, где они вели свои совсем уже не рабочие беседы, Гелия доверчиво садилась к нему на колени и замирала от счастья. И он лишь снисходительно позволял ей это. Все же вокруг замолкали и расходились, неся в душе свою зависть к нему, или сожаление о ней. Возможно, этот человек и не умел иначе проявлять свою любовь. А то, что он любил, не было ни для кого секретом.

Но однажды Хагор увёл её, никого не предупредив, да он и не общался ни с кем, своим секретным ходом на их старое место обитания, где они жили ещё до их поселения в колонии беженцев Архипелага. Она пропала неожиданно и надолго, Рудольф носился по всем горам, но не мог найти никого. Видимо, мудрый старик понял натуру Рудольфа и, видя страдания дочери, уговорил её на время скрыться от него. И она подчинилась. Рудольф не мог найти их целый месяц, страшно похудел, перестал есть и толком спать. И все тогда увидели, что его внешнее отношение к ней было его своеобразной игрой. Она же ему невероятно дорога и необходима, как кислород. А потом они вдруг объявились у колонистов-беженцев. И он с ликованием привёз её назад, и уже не отпускал от себя к Хагору. Вскоре опять вернулось

привычное и развязное его отношение к ней. Его нельзя было переделать. А оторвать её от него, это было не под силу Хагору. Она уже сама не могла жить без него. Над всей их жизнью внутри базы и на поверхности, где был их совместный с местными научный проект ЦЭССЭИ, возглавляемый в то время Рудольфом Горациевичем Разумовым, по кодовому обозначению «ГОР», (имелось в виду его верховное владычество, а не случайное созвучие с его отчеством, а также и с его умом и справедливостью), существовал всесторонний контроль со стороны искусственного мозга – суперкомпьютера. Он всё записывал, всё фиксировал. Но важным было лишь то, что касалось деятельности и безопасности в рамках обеспечения их земной миссии. Всё остальное сбрасывалось в подсознание компьютерного мозга. И коды доступа туда были лишь у специальной секретной структуры в системе ГРОЗ. Но Франк давно понял, что Рудольф Венд в течение своей жизни тут, когда стал заведовать подземным городом, вскрыл секретные коды, и умел зачищать ту информацию, которую считал для себя компрометирующей и опасной. Поэтому все последующие художества его, сваливающейся куда-то вниз, в личное падение, жизни не были никому известны. И о них можно было лишь догадываться. А догадывался только Франк. Самый старший, самый проницательный.

Как-то раз Франк заметил у Венда зарубцевавшиеся шрамы от пуль.

– Откуда?! – спросил потрясённый врач, – почему не при-

шёл ко мне?! Это же могло иметь и последствия.

Но Рудольф, усмехаясь, сказал, что это ерунда, пули были выпущены неумелой рукой.

– Местные бандиты, – пояснил он Франку. На поверхности, в их столице случилось всякое, там было опасно, много неустройств, уголовных сообществ, перенаселённости и бедности, чреватой грабежами и преступлениями. Но спустя ещё некоторое время он, белый как мел, принёс Гелию в медицинский отсек к нему, Франку, доверяя ему больше, чем другим врачам. Она была без сознания, а он не захотел ничего объяснить, сказав лишь, что это издержки её жизни в столице, где в порочном мире её душу давно покалечили, а тело это пустяки по сравнению с остальным. И Франк стал лечить, и увы! периодически, травмы несчастного ангела, и молча плакал своей душой, всё уже поняв. Разум старого добряка очень долго отталкивал от себя подозрения, пытаясь обмануть себя спецификой жизни актрисы в этом инопланетном «Вавилоне», долго не веря в садизм главного космодесантника. И чем сильнее жалел он прекрасную, но и беспутную, как внушал ему Рудольф, женщину, тем сильнее ненавидел самого Рудольфа, уже давно не общаясь с ним так глубоко и искренне, как прежде. Вскоре он для него окончательно умер как человек, прибывший сюда, а этого, кем он стал, Франк и знать не хотел. И Венд, поняв его отношение, как-то сказал, издеваясь:

– А хотелось бы тебе попробовать, как это бывает с таки-

ми волшебными женщинами. Только у тебя ничего уже не будет! – и перестал его воспринимать, как живущего тут, перейдя к другому врачу, молодому и безразличному к чужому нравственному наполнению, или к полнейшему отсутствию этого самого наполнения. Да и сам Венд, неординарный во многих своих проявлениях, очень неплохо освоил азы их медицинской науки, ни в ком особенно и не нуждаясь. И часто Франк вспоминал слова древнего апостола Павла: «Всё мне позволено, но не всё мне полезно». А у Рудольфа не было внутри никаких ограничителей. На Земле были, а тут вышли из строя.

Разъярённый лик Кристалла

Франк не раз замечал на руке у Рудольфа странный кристалл на кольце местного изготовления. Рудольф как-то недолжно тяготел к излишествах местных аристократов во всём. К их чрезмерно изукрашенной одежде, к их изошрённой кухне, к их, – и опять увы! – сексуальным утехам. Нет, и ещё раз нет, Франк не был усыхающим ханжой, но использовать для тончайшей сферы жизни человека продажных несчастных женщин, привозимых и к ним в подземелья, это для него было падением уже окончательным. А чтобы самому не было так скверно разлагаться в одиночестве, Рудольф приобщил к своим забавам и скучающих внизу космических штрафников, которые «исправлялись» под его главенством.

В последнем умозаключении Франк не был справедлив, не был и проницателен, нисколько не веря тому, что после гибели Гелии Рудольф чисто физически стал монахом. Редкие же развлечения юных космических десантников были сугубо их молодёжной тайной, закрытой, как им мнилось, от тех, кто ими управлял. Вся вина Венда заключалась только в его снисхождении к ним. Собственную же снисходительность к молодым нарушителям доктор Франк Штерн в вину себе не ставил.

Поражающий зрение подвижной сменой цветов кристалл в кольце делал Рудольфа окончательно похожим на древнего сатрапа, когда он сверкал им. Кристалл, поразительный, огромный, тяжкий искрил и ослеплял разноцветьем своих граней. Приковывал взгляд, удивляя прозрачной чернотой! Чернота камня имела не просто глубину, но и переливалась всеми цветами, как диковинный и редчайший опал, как северное сияние полярной ночью. И тот же холод шёл от камня, как и от чёрного неба над полюсом, как и от самого владельца временами. Мистический страх касался тогда души, совсем не склонного к подобному врача Франка. Он мог быть и страшным оружием на руке такого агрессивного и сильного человека, каким был Рудольф. Франк не удержался однажды и попросил примерить этот кристаллический абсурд. Рудольф с готовностью предоставил его в руки врача. Непонятно, как он вообще-то его носил! Он был чудовищно тяжёл, впечатление не обмануло Франка. Он едва мог дви-

нуть рукой, окольцованной великолепным прозрачным булыжником, накрывшим все пальцы разом с внешней стороны кисти. Руку свело, пальцы утратили чувствительность, пронзила глубинная боль, будто кровавые тельца внутри застывали в своём движении и превращались в ледяные кристаллы.

– Что это?! – пробормотал он потрясённый от неожиданного эффекта, – как вы его носите? Он же не создан для декоративного украшения. Чудище какое-то...

– А он и не украшение, – ответил хозяин артефакта, – Он космическая тайна. А возможно, и опасное оружие. Только я её разгадаю. Тайну. – И он с лёгкостью взмахнул ручищей перед носом отшатнувшегося в испуге Франка. Может, и планировал задеть ненароком. Якобы нечаянно царапнуть кончик любопытного носа.

– Не являешься ли ты и сам объектом изучения тех, кто и создал это? Меня не раз посещала мысль о том, что ты пребываешь под неким, не совсем благим воздействием. Я мог бы сказать, если по первому впечатлению, что ты наркоман, каких в стране колоссальное количество, но я же регулярно проверяю кровь у вас, тут живущих землян. Уж не поражён ли ты и сам этим оружием, которое собираешься изучить? Сколько лет уж изучаешь и что? Тайна тебе не по зубам, хотя тебе в твоей самонадеянности, а также добавлю самостоятельности, даже не приходит такая простая мысль в голову. А вот твоя странная личная трансформация очевидна не

только мне как психологу, но и многим твоим коллегам. У тебя и глаза светятся иногда как нечеловеческие. Задумайся об этом, Рудольф! Уничтожь его! Если это безделушка, то туда ей и дорога, а если нечто опасное не только для тебя?

В ответ Венд изобразил непонятную гримасу, больше страдальческую, чем издевательскую: – Помоги мне, я же не против. Но ведь не можешь ты ничего тут понять. Ты, психолог как бы, даже не понимаешь, с какой инопланетной фуррией я живу, а ты считаешь её ангелом, – а в то время, как происходил этот разговор, Гелия была ещё жива. – И я не могу её оторвать от своих внутренностей, где она и обитает. И только по внешней форме она снаружи, как всем и кажется. В том числе и тебе. Она голографическая обманка. Она питается мною, поскольку она форменный паразит, наделяющий и меня некоторым кайфом в награду. – И он напирал на Франка своим мощным корпусом, тесня его к стене медицинского отсека, и доктору было очевидно, что такой человек может и удушить в приступе гнева.

– Уйди прочь! – закричал неожиданно громко доктор, испытывая даже не страх, а нечто подобное мистическому ужасу. Хотя Рудольф даже не прикоснулся к нему, у Франка возникло вполне физическое удушье. Рука шефа космодесантников, та самая, на которой и был кристалл, была опущена, а у доктора возникло ощущение, что он запихивает кристалл ему в горло, и тот царапает его лютой болью, одновременно замораживая губы и язык. Так что Франк уже не мог издать и

звука. Жуткий старик в чёрном одеянии скалился ему в лицо, полыхая сияющими какими-то, но вовсе не прекрасными, глазами в его глаза, вызывая и в них режущее ощущение. Куда делся сам Рудольф, доктор уже не был способен анализировать здраво. Совершив над собою немалое усилие, он вернул себе здравомыслие. Возникший чёрт был галлюцинацией, взяться ему было неоткуда. Сам же Рудольф, безмерно удивленный поведением врача, маячил за страшным стариком и никуда не исчезал. Франк протянул храбрую руку, он и всегда был бесстрашен, в намерении исследовать возникший объект, не исключено что и голографического свойства, а тот в ответ сам схватил его. Прикосновение было реальнее некуда – жёсткие, сильные пальцы перехватили запястье Франка. Врач стал оседать по гладкой стене и вдруг очнулся, как от кошмарного сна, придерживаемый испуганным Рудольфом.

– Что с вами, доктор? Вы сами-то здоровы? У вас не аллергическая астма случайно?

Доктор заходился астматическим кашлем. – Что это было?! Что за видение из преисподней?

– Где было? Какую помощь вам оказать? Говорите!

Но Франк уже приходил в себя, еле переводя дух. Лицо из багрового стало опять смугло-загорелым и нормальным. – Где же старик? – спросил он спокойно.

– Старик? Да когда... Какой старик? Вы не в себе.

– Только что тут был старик в чёрном бесформенном одеянии. И где-то я видел его, вернее, на него похожего. Толь-

ко не такого жуткого, понятно. А! Вспомнил. Он был похож на отца Гелии. На Хагора! Если бы я не испугался, я бы сразу его узнал. Откуда возникла трансляция? Это же была элементарная трансляция, голографическое изображение. Ваш кристалл и наслал его. Вы же видели?

– Ничего я не видел, – похоже, что Рудольф был искренен. Да он и не любил никаких розыгрышей в подобном духе, в отличие от скучающих временами мальчишек – космодезантников, жестоких как в силу своего молодого возраста, так и из-за вынужденной суровой и отчасти подавляющей дисциплины. Поняв, что Франк уверен, что в кристалле скрыт некий источник, транслирующий любые голографические картинки по желанию владельца, и тот отомстил доктору за назидание, Рудольф тяжело вздохнул.

– Франк, я не имею привычки лгать или развлекаться тем, чтобы пугать старых и уважаемых людей. Я ничего не видел, уверяю вас. Я не понимаю, что за приступ у вас был. Вам необходимо срочно обратиться к другому врачу и провести исследование вашего состояния.

– Зато я понимаю, – доктор рассматривал своё запястье с проявившимся под кожей багровым синяком. – Ваша кристаллическая штука не просто техническая дребедень неизвестно откуда, она живая! И она обладает способом воздействия на наше сознание. Вот и все чудеса в решетке. Вернее, в вашем кристалле. Уж не Хагор ли вам и подарил его? Хагор не прост, я его помню, как и его жену Инэлию. Я бы посове-

товал вам не играть в их игрушки и не принимать больше подарков от инопланетян. А вашу космическую тайну, как вы выразились, очень уж недобрую тайну, верните её владельцу.

– Да хрен горький я ему верну в его унылую пасть! А что если эта хреновина успела записать в себя все уже наши тайны? Для чего-то же мне его подсунули, этот перфоманс? А по поводу уничтожения вот что я скажу. Его невозможно уничтожить теми средствами, которыми мы обладаем, доктор. Потому что я пробовал. Он, что называется, в огне не горит, в воде не тонет. Он, я уверен, вернётся и из около космического пространства, запули я его туда. Благодаря встроенной некой программе он прямиком попадёт в руки или лапки, этого уж не знаю, тем, кому и было нужно его внедрить к нам на базу. Есть, конечно, некие зоны, откуда он уже не вернётся к своим, но это где-то за пределами системы Магнус. Она же полностью подконтрольна мифическому лишь по названию «Созвездию Рая». А вот из рук человека они вырвать его не могут отчего-то. Потому что мы сильнее их. Не технически, нет. А духом своим, я думаю. Информационно, что ли. Воздействовать-то могут, а победить – нет! У них свои ограничения имеются в этом их воздействии. И если я нащупаю программу самоликвидации в нём самом – в кристалле, то я её активирую, будьте уверены. Но из своих рук я его уже не выпущу! А если бы вы знали, как ему самому-то хочется от меня удрать. Вам странно такое услышать? Это же поводок, доктор. Всего лишь поводок, на котором и сидит

та самая собачка, которая вознамерилась подвергнуть меня жёсткой дрессуре, а сама стала дрессированной. И зря вы её испугались, она не кусается, а только скалится устрашающе. Странно, что мне он ни разу не явился вот так откровенно, как вам. А почему? Потому что боится.

Оставшись один и поразмышляв некоторое время, Франк решил, что синяк на его руке возник от захвата самого Рудольфа, он искренне испугался приступа удушья, поразившего доктора, и потому не контролировал свою силу. Что же касается неприятного кино, то тут уж наверняка была активирована некая программа в самом приборе, по всей вероятности являющемся ничем иным как чужеземным компьютером, а сам Рудольф мог и не иметь к тому отношения. Поскольку он не понимал принципа его работы, а играя в опасные игрушки, не подозревал обо всех наличествующих возможностях «подарочка». Был тот самый классический случай «обезьяны с гранатой». Доктор долго раздумывал о том, стоит или нет отправить послание на Землю в ГРОЗ. Но в чём оно будет заключено, его послание? Он опишет свой собственный контакт с тем, что явилось? Или о наличии у Венда странной и страшной штуковины, которая похожа на безделушку и никому пока ещё не причинила ни малейшего ущерба? А в какой степени порча характера самого Венда связана с кристаллом, а в какой с его службой и долгим пребыванием в чужом мире? Один Венд, что ли, изменился к худшему в процессе своей жизни? А тут вскоре произошла одна любо-

пытная встреча, после неё Франк не думал уже ни о каком послании в ГРОЗ.

Прогулка с Хагором

Он давно мечтал приобрести себе домик на берегу реки для личного отдыха в тихом и красивом месте. Для возможной личной жизни, которую вовсе не исключал для себя. У него скопилось не только достаточное количество местных денежных знаков для подобной покупки, но осталось бы и для обеспечения в будущем вполне возможных детей. Если они тут появятся. А почему нет? У других же появлялись с завидной регулярностью. Когда же он улетит, то и оставит своей гипотетической семье домик в наследство. Женщины Паралеи привлекали его ничуть не меньше, чем прочих землян. Они были милы, миниатюрны, доверчивы и послушны желаниям того, кто их избирал. И бродя как-то в поисках такого привлекательного местечка для персонального «дома отдыха», он и обнаружил печального старичка Хагора, сидящего на берегу, заросшем цветастыми травами. Оказалось, что Хагор, его жена Инэлия и дочь Рудольфа живут тут поблизости. Хагор не стал избегать беседы, напротив, узнал доктора сразу. Охотно с ним пообщался о том, о сём, в целом ни о чём, разыгрывая из себя простоватого недалёкого селянина. Доктор долго вглядывался в Хагора, но не мог в прибитом житейской пылью и усталостью, изношенном физиче-

ски человечке найти ничего общего с тем чудовищем, которое явилось ему в медотсеке. При том, что сходство внешнее имелось! Если найти соответствие для понимания, то было так, как если бы актёр появился в превосходном гриме и изображал из себя какого-нибудь Кашея или иного галактического вымышленного монстра для детей. Человеческое лицо актёра по любому будет узнано тем, кому он знаком вне роли и без грима.

Долго бродя вокруг, да около, Франк, человек откровенный, рассказал Хагору ту историю. И тут Хагор переменялся в лице. Заметная бледность проступила сквозь тёмно-красную и нездоровую его кожу. По очевидности бедняга страдал от кожной болезни, связанной с общим нарушением обмена веществ в его организме. Доктор взял это на заметку, имея намерение излечить беднягу впоследствии. Хагор схватил его за руку жёсткими и на удивление сильными пальцами.

– Если бы вы только знали, как мучает меня этот человек, завладевший моим Кристаллом по моей собственной же опрометчивости! Кристалл вовсе не прибор, как вы тут его обозвали. Он живое и страдающее существо, попавшее когда-то в обладание жестокого мальчишки, ставшего сущим демоном подземелья. Он постоянно подвергает его пыткам. Мой Кристалл подвергается жёстким излучениям, дроблению. Его погружают в плазму. Но ни сверхнизкие, ни сверхвысокие температуры не способны оказать воздействие на

то, что пребывает в другом волновом диапазоне. Кристалл обладает регенерацией и восстанавливает утраченные свои части. Но понимаете, это происходит и за счёт моего живого ресурса тоже. От того я и болею непрерывно. Я не могу освободиться от этого человека! И я не могу убить его, поскольку он через Кристалл стал частью нашего мира. Кристалл за столько лет успел врасти в его информационные структуры, успел стать его неразрывной частью. Вы понимаете, хотя бы приблизительно, о чём моя исповедь? Моё владение вашей речью ограничивает мои же возможности выразиться яснее. А мой язык в вашем понимании и не язык вовсе, вы и не смогли бы его выучить. У вас для адекватного восприятия более многомерной информации в наличии нет соответствующих структур. Даже Паук не способен уже убить Венда. А он Паука да! И тем самым спасти всю Паралею от его замыслов. А замыслы Паука таковы. Он желает стать единственным владыкой тут. Создать свою династию и вырвать Паралею из ваших рук, а также лишить тех, кто готовит ему возмездие, способности совершить это. Если закроется портал, то Паралея навсегда уйдёт в своё Галактическое странствие без дальнейшего доступа на неё наших посланцев.

– Милая фантастика, – поёжился Франк.

– Не фантастика. А Паук уже воспитывает для своего ставленника будущую избранницу. Она будет способна рожать детей от землянина, и эти дети дадут другое будущее

бедной планете.

– Избранница? Вы имеете в виду Гелию?

– Нет. Гелия уже обречена на возврат туда, откуда её и послали. Она скоро умрёт. Её уже перестали поддерживать там, где и находится источник её существования. Вы же не способны её исцелить? Она чахнет. И вовсе не Рудольф, как вы думаете, тому причина. Она просто никому тут не нужна. Вот и всё. Она свою Миссию выполнила. Хотя произошло это не так, как было спроектировано. И так всюду. Нас преследуют один сбой за другим.

– И кто же та, новая избранница, как вы говорите? Вы её видели? Она какая?

– Ты любопытен как мальчик. Но мне это в тебе нравится. Ты добрый открытый человек. И помочь мне, увы, ты не способен. К чему мне твои лекарства, если я болен неисцеляемой тоской по своей Родине? Опять же, к чему мне внешняя красота, если меня по любому никто не любит, и детей создавать я не способен? А моя милая внучка любит меня любого. Потому что ей не важна моя кожа, какая она там. Белая, красная, шершавая. Она любит меня такого, каков я и есть, ибо ей было дано прозреть мой подлинный лик.

– Каков же он, ваш мир? – но сам вопрос казался Франку каким-то несерьёзным и неуместным всей окружающей обстановке. Сонная зелёная речка текла в нешироком русле, так что прекрасно просматривались улицы сонного и безлюдного по виду городка на том берегу среди разноцветной,

преимущественно розоватой и бледно-салатной растительности, с проблесками яркой и насыщенной зелени с фиолетовой изнанкой, как у свёклы. Сюда на берег Хагор перебрался по мосту, так как городок был разделён рекой на две части. Хагор жил на том берегу. И он указал врачу на одну из улиц, убегаящую к лесу. Начинаясь близко от речного берега, улицы поднимались выше, так как местность была холмистая. Крошечные и словно пряничные домики прятались за белыми оградами из известнякового камня. Сами улочки, как и зеленоглазые сплошь домики, ведь окошки были зелёными, казались отсюда настолько манящими и уютными, что создавалось впечатление, – там обитают только счастливые люди – дети.

– Попробуй, расскажи о своей Земле? Тебе и жизни на это не хватит, чтобы я понял хотя бы малую часть того, как у вас там всё устроено. Да и сами люди, живущие на Земле, всё ли знают об окружающем земном мире и о самих себе? Нет, конечно. Так и я. Я мало что и понимал, живя там. А теперь-то, когда меня выбросили, что я могу тебе рассказать? Вот ваши там мальчики из подземного города, – они летают на машинах по самой небесной тверди, как считают это местные жители, они одолели и межзвёздную дорогу сюда. А много ли они и понимают в этих машинах в том смысле, что не они их изобретали, не они их создавали. Их просто научили всем этим пользоваться, вот и вся наука. Так и я. Я пользуюсь своими Кристаллами, вовсе не понимая толком их устройства.

Я их не создавал, они были созданы миллионы лет до меня. Кем? Теми, кто перешёл в иное качество нашего бытия. А я только наследник чужого добра и чужого ума.

– Ну, так и какая же она, та избранница, предназначенная Рудольфу? – Франк перевёл тему, имея в данный момент состояние благодного наслаждения прекрасной природой, отдыхом, мягкой теплотой предосеннего дня, когда жара давно отступила, и каждый день казался подарком свыше. Он понял, что старикан – на замке, а ключ утерян. Что было толку его пытаться о том, о чём он не расскажет, если только соврёт.

– Она имеет в себе и земную природу. Но частично. Она маленькая и доверчивая женщина, уже испытавшая личную травму. От этого она выглядит печальной, как и всякий много думающий человек. Можно ли быть весельчаком, глубоко постигая страдальческую пульсацию Мироздания? Или ты думаешь, что великое и совершенное по замыслу целое может не страдать, если его малая часть больна и кричит от боли? – Хагор упёрся неожиданно яростным взглядом в глаза доктора, и Франк опять ощутил ту самую режущую боль в них, как было во время наваждения в его медотсеке. Заломило в области переносицы.

– Нет, – ответил он, прикрывая глаза, – ну и свет сегодня, до чего ярок, – добавил он.

– Нет? Как же нет, когда да! Я был выброшен на страдания, а те, кто остались, они и не шелохнулись, не подавились своей вселенской гармонией. Где же оно, их страдание

за другого страдальца? А Инэлия? Знаешь ты разве, что пережила она? А бедняжка моя Гелия? Моя звёздочка нездешняя? И что? Кто там вздрогнул, вскрикнул? А Паук... Если бы он только понимал, насколько я поддерживаю его в его отрыве от тех паразитов, он бы перестал меня преследовать. Но он боялся меня. А я боялся его. А теперь, когда я убил сына от дочери его первой и единственной Избранницы, я стал его кровным и не прощаемым уже врагом. Он по любому уничтожит меня тут. Не вообще, объясняю это тебе, а именно что тут. Информационная матрица разумного существа неуничтожима в принципе. Никем.

– Разве ты убийца?! – поразился доктор, взглядываясь в бурое пятнистое лицо и не веря этому задохлику.

– А что? Не похож? А на насильника я похож? На того, кто овладевает женщинами в минуты безумного приступа похоти и ненависти к ним, одновременной с этой похотью? Ведь именно женщины вызывают у мужчин такую вот невыносимую похоть к своему телу. А уж насколько они её хотят вызывать, так это их личная тайна, и её клещами из них не вырвешь. По словам-то и личикам их лицедейским они все белые горные голубки!

– Ты же хилый больной старик, и вдруг насильник? Как это возможно? Тебя всякая, даже самая хрупкая девушка способна оттолкнуть так, что ты развалишься на части от самого небольшого удара. Что ты несёшь?

– А живые усилители на что? Те, коими я могу овладевать

в подобные минуты через мощное воздействие, известное только мне одному? Нечеловеческое воздействие, заметь себе, а потому и не устранимое никаким врождённым запретом и психологической выучкой. Как ты это проверишь? – на минуту Франку показалось, что его зрение утратило чёткий фокус обзора, и сама картина вокруг стала плавиться, становясь красным дрожащим студнем. Огненные точки на поверхности студня вызывали головокружение и желание лечь на траву. Доктор обхватил голову руками, делая себе привычный массаж и отгоняя дурноту.

– Или я должен как тот из сказки, которую ты читал моей Икринке в детстве, носить на лбу несмываемое кровавое пятно? – дребезжал над ухом Хагор.

– Да ты бес! Я никогда не читал таких ужасных сказок твоей внучке. Это ты придумал. Или у вас в ходу там такие сказки?

– Забыл я, какие там сказки, а вот слушай присказку. Брата будущей избранницы Венда я убил. Она же думает, что это сделал он, Рудольф. Был я тогда в некотором безумии, поскольку вышел я тогда из одного нечистого местечка под названием «Ночная Лиана», хлебнул там немного наркотического напитка. И вот тут-то представился мне вдруг шанс выслужиться перед теми, кто меня изгнал. А вдруг зачтётся? Знай, что, лишив жизни одного из потомков клана Паука, это я так для удобства твоего понимания говорю, я лишил значительной силы и его самого. Поскольку теперь ему уже

гораздо труднее будет осуществить его замысел относительно будущего Паралеи. А может, и невозможно это окажется. Поскольку тот Нэиль входил очень существенной составляющей в его проект будущих событий. Камень из кладки вывалился, а всё строение и поползло! Да и не первым из числа его потерь был мальчик его внук. После того, как от зловредной инфекции угасла его... скажем так, первая найденная уже здесь Избранница, спустя годы была убита и дочь его Избранницы. Это уже потом он освоил многие загадки здешней природы и научился лечить многое из того, что недоступно здешним лекарям. А в то время он был со здешней природой на вы. Даже не скажу тебе, кого он сильнее любил, первую найденную или её дочь, но страдал он настолько сильно, что стал по виду совсем стариком, как и я, вовсе не будучи стариком в здешнем понимании. Ресурс его сильно просел, но мощь его как была колоссальной, если в твоём понимании человеческой мощи, то таковой и осталась, поскольку не человеческая она.

– Как же он смог породить дочь с местной женщиной, не будучи человеком?

– Не он породил эту дочь. Да и не была его первая Избранница местной женщиной. Она была... впрочем, это история для меня темна, и уведёт нас с тобой в такие умственные блуждания, что для меня утомительно, а для тебя бесполезно. Пойми лишь то, что дочь, внук – это понятия, приспособленные для твоего восприятия. Они были ему безмерно

дороги, вот что это означает. И не Венда он вначале замыслил как Избранника для своей внучки. А та девушка, она его внучка, если по существу вопроса. Другого человека он ей, а вернее, себе для исполнения задуманного хотел. Тоже вашего землянина, любителя вековечных тайн и одинокого скитальца по жизни, но сама девчонка его планы спутала.

– Кто же? Разумов если. Он один и был у нас любитель тайн и скиталец по жизни. Себя не предлагаю в качестве ответа, ибо я стар.

– Ты-то стар? Да ты шутишь! А Разумов, где он теперь? Побоялись его ваши иерархи оставить тут на Паралее. Не он это. А тоже ведь, Разумов этот, как ни крути – мой кровный родственник.

– Как же это? – любопытный разговор вполне тянул на общение психиатра и пациента, но кто тут был психиатром, кто пациентом, этого доктор уже не понимал.

– А так. Он однажды Инэлию – мою Избранницу оплодотворил во фруктовой роще у озера. Честно сказать, она сама, одержимая вполне и понятной бабьей похотью, увлекла его. Ведь она стала тут обычной женщиной со всеми сопутствующими тому животными инстинктами. Страсть его была настолько неконтролируемой, что он помчался за нею, только подошвы ботинок засверкали, а штаны уж на бегу снял. Так и свалился к ней в траву уже горячий да голенький. Что Инэлия – ах, ох! Заплатила за своё безумие трагедией собственной дочери, которую мне пришлось отнести в огород к од-

ной дуре с толстым задом, да с тощей душой. Не мог я обзавестись целым выводком в горах, где постоянно за мной охотились агенты Паука. Я и так за Гелию трясся каждый час. Он же мог всех уничтожить в отместку, весь мой клан. А также, чтобы не дать уже Гелии выполнить нашу Миссию. Чем она ему мешала? Наша Миссия? А тем, что не могли наши управляющие структуры, – это если по-твоему разумению, – бесконечно долго держать портал открытым для возврата тех, кто и должен добыть искомое. Это ж затраты колоссальные и непредставимые вам. А так, захлопнулась бы дверца, и свобода Пауку навсегда от тех, кто готовил ему возмездие за непослушание. У нас там милости нарушителям нет. Эх! А дочка та, что вторая была у Инэлии, так и не ведает о своём происхождении и о том, что родная мать её рядом живёт, а о ней и не догадывается. А может и догадывается, да что она может уже исправить, если девочка стала взрослой без всякого её участия? Я умышленно и выбрал этот городок и ту улицу, где подкидыш жила. Разумову-то, когда он Рудольфу помогал ребёнку обустроить в провинции, и невдомёк было, что по соседству его потомство подрастает. А я надеялся как-то исправить её судьбу, хотел её под присмотром держать. Да где там! Усмотришь за такой, если от матери – шлюхи ей природа шлюхи и передалась.

– Я не верю, что вы пришелец, – отозвался Франк, – вы до того банальный и циничный даже болтун, что я думаю, вы нереализованный сказочник.

– А с Кристаллом как быть? Или и он выдумка сказочника? Или не он хватал тебя за руку в медотсеке и оставил тебе синяк на запястье, а оно потом распухло и болело, поскольку был повреждён и сустав. Откуда же я это знаю, если меня там не было? Или это ты сказочник?

Доктор опешил, и сказать ему было нечего. – Что же твой Кристалл не отхлестал как следует Рудольфа, если он настолько агрессивен, что распускает свои руки?

– Вроде, рук у него и нет. Какие ж у Кристалла могут быть руки? Руки имеются у его нынешнего хозяина, как и сама человеческая агрессия не может быть Кристаллу свойственна. Тебя схватил Рудольф, а силу его увеличил Кристалл, это правда. Ты ж задыхался, а он испугался за твою жизнь, вот и поддержал тебя, когда ты падал.

– Хочешь сказать, что контакт двух цивилизаций может быть вот таким?

– Каким? Сидит, мол, старый местный пьяница и бормочет околесицу...

Доктор сорвал нежно-сиреневый колосок и попробовал его на вкус. Вкус был кисленький, приятный. – Да нет. Почему ты был настолько страшен, когда явился в медотсек?

– Да с чего ты взял, что это я явился? Я молниеносно, да ещё сквозь стены перемещаться не умею, я не дух. Я как был в своём доме, так там и остался. Понимаешь, это был лик Кристалла. А поскольку он мой, и у меня с ним самая прямая информационная связь, то вполне понятно, что у него мой

образ.

– Что же ты так страшен? Вроде, обычный ты, вполне себе...

– Он явил тебе лик гнева. А гнев чувство страшное и опасное, особенно если имеет высокий накал.

– Реликтовое, – добавил Франк, – слепое и безумное...

Что такое Кристалл Хагора? Загадка для доктора

После страшного погрома в столичном притоне, что учинил молодой космодесантник Олег Пермяк, ужасного безотнositельно к самому подлому месту, Рудольф, не удержавшись, в гневе залепил виновному такую оплеуху, что сломал ему челюсть этим камнем, рассёк лицевую мышцу. Франк лечил Олега, и тот плакал от своего горя и унижения, не чувствуя физической боли. Снимая нервный срыв у Олега, Франк, сначала жалея его, сошёлся с ним ближе. И Олег стал самым близким ему человеком на военной базе, почти сыном и внуком в одном лице. Душа юноши, спрятанная за маской бравого воина, была нежна и ранима, расплющена под извержением ненависти, оглушена собственным диким преступлением и потеряна во мраке. И этот мрак сотрясался в нём, наполняя его страданием, как из-за утраты девушки, так и от потерянных ориентиров. Растерзавшим его возлюбленную местным подонкам он и отомстил совсем в ду-

хе тех старинных обычаев, которыми восхищался любитель истории Рудольф. Франк, как мог, целил душу Олега, веря, что молодость и сила всё исцелят в нём и сами. Ведь впереди у Олега была долгая и долгая жизнь. Как и у Антона. И у прекрасного Артура, сумевшего спрятаться за свою детскую наивность, как за щит, хотя он и присутствовал при жуткой расправе, его психика и не пошатнулась, разве что слегка вздрогнула. Как мало был он похож со своим отцом Вендом. Как ни вглядывался Франк, он не мог найти в них похожих внешних черт, когда они стояли рядом. Опытному профессионалу, однако, было ясно, что без экспертизы гадать бессмысленно. На свете очень много похожих, но посторонних друг другу людей, а бывают и близкие кровные родственники настолько чужие как по внешним данным, так и по проявлениям характера. И чтобы разрешить для себя хотя бы эту тайну прошлой жизни Венда на Земле, впрочем, и не особенно и важную Франку, но чем меньше тайн, тем меньше ненужных мыслей по их поводу. Втайне он проверил все данные Артура и составил его полный генетический паспорт. Артур оказался родным сыном Венда. Но лучше бы тайна рождения мальчика так и осталась ненужной Франку тайной. Над ним опять нависла незримая тень его врага. Змеелова – Вайса. Франку стало трудно дышать. И надо было всего лишь повторно убедить себя, как было и в случае с самим Вендом в самом начале его появления здесь, в том, о чём знают все люди на свете, – дети за отцов не отвечают. Хотя и несут

на своих плечах все тяготы от последствий их поражений и пользуются плодами их побед.

Было бы иначе у него с Гелией, если бы он был юным, как Артур или Олег? Но разве, тут же одёрнул он себя, был Венд не молод, когда впервые увидел на местном небосклоне воссиявшую ему навстречу девушку-звезду? Когда его алчная рука потянулась к вышине, откуда она приветливо мерцала ему. Она и сама благосклонно сошла к нему по наклонному небу, но он не сумел удержать у себя это диво. Она погасла, но сожгла душу Венду. И после он жил тут, весь обугленный, и от него долго чадило его горем, которое он, в отличие от других несчастливцев, сотворил сам. То, что Гелия погибла под руинами телецентра, почему-то не отложилось в памяти доктора Франка. Она была обречена по любому, даже если бы звездолёт не упал туда, где она оказалась, то дни её были сочтены всё равно. Она угасала, и лечение земных врачей в подземном городе было уже бессильно. Если бы, думал Франк, она попала на Землю вовремя. Всё можно было исправить, но её не допустили, а Рудольф отказался лететь без неё и их дочери.

Нэя – ещё одна загадка для Франка

На поверхность в сады Гора доктор выходил редко, предпочитая гулять в горах. Бескрайние, они никогда не заселялись людьми, они были первозданны в этом смысле. Но ино-

гда он, всё же, и выходил в лесопарк и прилегающие участки леса. В этот день он сидел на том поваленном бревне, которое решили не убирать и оставить для отдыха у дорожки, обрубив только ветви и отшлифовав его для удобства тех, кто решил бы там отдохнуть в тенистом укромном уголке. Свойства древесины так называемого «лакового дерева» были удивительны. Она годами оставалась неизменной, пока верхняя, будто специально отполированная кора сохраняла свою целостность.

Нэя тоже любила это бревно. Оно было близко к её дому «Мечта», но в то же время лежало в укромном уголке, где можно было от всех спрятаться. Она шла туда, но увидела там человека, которого не видела раньше. Трудно было определить его возраст. Он был беловолосый, как Тон-Ат, как была бабушка, но гладок лицом как молодой мужчина, хотя глаза были слишком умудрёнными и усталыми для молодого человека. И Нэя почуяла, он землянин. Она поздоровалась и нерешительно затопталась на месте.

– Садитесь, – сказал он мягко и с тем особым акцентом, уловив который, Нэя поняла, что попала в цель своей догадкой. С подобной чёткостью здесь говорили только земляне. Незаметный для большинства жителей Паралеи, принимающих выговор как одну из особенностей индивидуального тембра голоса человека, он был очевиден для Нэи. Одет незнакомец был просто и неброско. Но браслет на запястье был чрезмерно замысловат для местных насельников «Садов

Гора». Опять же, иной любопытный взгляд примет это как пустое украшательство или причудливо оформленную дороговизну дизайна вещи, но только не Нэя, слишком знакомая с их особенностями. Она села с самого края. Он внимательно изучал её бледное лицо, чей недавний и такой нежный румянец выцвел.

– Я Франк, – сказал он, – врач. Из «Зеркального Лабиринта», – добавил он, решив, что она может знать местных лекарей в лицо. – А вы Нэя? Я не ошибся? Да и возможно ли ошибиться. Вы же тут одна такая. Все о вас у нас говорят.

– А что говорят? – спросила Нэя, прикрывая лёгким шарфиком грудь до шеи, хотя в последнее время она уже и не носила платьев с открытым вырезом.

– Что вы – уникальная здесь. Как появились, о вас узнали все.

– Да? – переспросила она без всякой радости.

– Я хочу с вами поговорить. Не люблю ходить околицей да кругами. У нас, понимаете, очень серьёзная структура, очень серьёзный контроль всюду. Но следит машина, бездушная, запрограммированная. Всё личное сбрасывается в её, если можно так сказать, подсознание. До него добирается только особая спец структура. Если надо. Мы там так устроены, что никогда не лезем в личную жизнь других. Подразумевается, конечно, что это личная жизнь человека, а не монстра. Но бывают же и исключения. Бывает же, что личное касается других. А есть люди тут, умеющие стирать информацию ма-

шины. Словам веры нет, если нет доказательств. Поймите, этого человека необходимо отсюда убирать. Но где факты? Их нет. А если вы запишите на бумаге, а потом всё прочтёте, тихо, наедине, но вслух, чтобы никто не услышал, вот сюда, – и он дал ей маленькую пластинку, полностью уместающуюся в ладони. – Нажмете вот этот значок, и всё запишется. Ваши показания будут прочтены в тех спец структурах, и больше нигде. Этого человека отсюда отзовут. Он, я считаю, утратил право управлять другими, поскольку утратил человечность, необходимую для такой вот деятельности. Каким примером он может тут быть для своих младших коллег?

– И что же с ним будет? Его посадят в дом неволи? Сошлют в пустыни? Он станет изгоем? – Нэя смотрела на доктора со страхом, как будто он и есть повелитель над жизнью и смертью Рудольфа. – Вы главный над ним?

– Нет. В том-то и дело, что тут нет над ним главных. Но чего вы так испугались? Как будто я держу за пазухой наточенный топор и намерен рубить ему голову, – он невесело усмехнулся собственной шутке, удивляясь волнению девушки за того, кто и был причиной её недавнего унижения. Подробности произошедшего предстояло выяснить. Франк лишь предполагал, что произошло нечто отвратительное, подобное тому, что вытворял Венд и прежде над Гелией...

Он тяжело вздохнул, – У нас там нет тюрем, нет казней, – успокаивающим жестом он прикоснулся к девушке, но та нервно и поспешно отдернула руку и потрясла ею в возду-

хе, будто Франк был ядовитым гадом и куснул её. Тут бы и изумиться неадекватной реакции, но только не Франку. Он сразу же понял свою оплошность и сказал, – Простите меня за то, что я нарушил дистанцию при общении с незнакомой женщиной! Но я не просто прохожий. И не вам опасаться за участь Рудольфа Венда. Его направят в какое-нибудь другое место, где и будут востребованы его опыт и профессионализм, приносящие пользу нашей цивилизации, но не будет уже возможности причинять вред другим. Вы понимаете, о чем я? Я говорю с вами открыто, потому что я знаю, что вы уже посвящённая в наши тайны.

Нэя замотала головой, отрицая всё, что он говорил, не желая ничего постороннего вмешательства. Желая только одного, чтобы этот человек ушёл. Встать самой и уйти она не пожелала, поскольку тут было её место для отдыха, да и сама территория прилегалла впритык к холму, где и возвышался кристалл здания. Пусть он сам уходит!

Но седовласый человек, претендующий на её тайны, не уходил, – Я вас прошу, – произнёс он с мягким убеждением, но с ноткой повелительности в голосе. – Его нет поблизости. Его не будет в ближайшее время. Он довольно далеко отсюда, а поскольку подземный город – не тайна для вас, то пройдёмте со мной в мой медицинский отсек. Я должен вас осмотреть. Пройдёмте, – и он властно взял её за рукав цветастого тонкого платья.

– Где же он? – спросила она.

Доктор поднял руку кверху, – Там, – ответил он.

– На Ирис? – спросила она.

– Да, – ответил он, изумлённо тараща на неё светлые, чисто-серые и довольно молодые глаза, несколько не соответствующие его седине. – Не ожидал такой глубокой вашей осведомлённости о вещах, столь закрытых. Вот это да! Вот это конспирологи... – и он умолк.

– Вам не стоит беспокоиться. Я знаю о пришельцах уже давно. Задолго до времени своего вселения сюда. И тот, кто открыл мне ваши тайны, лично для вас не представляет никакой угрозы.

– Вот как? Надеюсь, не сразу, но постепенно в процессе нашего общения, узнаю и ваши тайны. Идём? Или вы меня боитесь?

– Никого я не боюсь, – Нэя покорно пошла с ним, подчинившись его властному тону или ещё почему. Она не знала.

В загадочном и тихом месте, светлом и свежем, как будто рядом шумел первозданный лес, и где-то пела свои прозрачные песни вода в реке, Нэя таращила глаза, не понимая, что за странные предметы окружают её.

– Разденьтесь, – ласково и властно сказал немолодой, но очень красивый человек, и она подчинилась, отлично понимая, что вреда ей не будет. Без стыда перед ним, без страха она, абсолютно нагая, легла на прозрачное ложе. Оно оказалось мягким и тёплым, оно просто и не ощущалось её кожей. Сверху на неё напозала некая прозрачная сфера. Ме-

лодичная вибрация проникла в уши, а глаза закрылись сами собой. На анализ собственных ощущений времени не хватило. Лёжа в прозрачной капсуле, она утратила его восприятие вместе с собственным сознанием. Будто отключилась на миг, а встала как после ночного сна. Сферы сверху уже не было. Остатки ускользающей мелодии продолжали нежно тренькать в её голове.

– Ну вот, – сказал врач, – Я вас починил, и вы теперь как юная и чистая девушка. – Он подал руку и помог ей встать. Всё также с доверием к нему, поскольку он на данный момент был как бы и бесполом по своему воздействию на неё, Нэя не спеша оделась. Он пригласил её сесть в очень удобное круглое сидение и дал алый напиток, вероятно сок, в прозрачном бокале. – Пейте.

– Вкусно-то как! – восхитилась Нэя. – Сколько времени я тут лежала?

– Примерно пару часов.

– Как?! Я даже ничего не поняла.

– Ведь вам давали особые препараты, которых нет, не может быть у вас? Я же вижу, регенерация тканей совсем недавняя. У вас совсем недавно произошёл выкидыш. Слушайте, но это же чудовищно! Вы могли погибнуть! Вы что же, не заметили кровотечения? Ничего не болело?

– Было что-то, но всё ведь прошло. Я жива, последствий особых нет. Я понятия не имела ни о какой беременности. К чему мне ребёнок? Откуда бы...

– То есть, вы сознательно совершили нечто, что и привело к самопроизвольному аборту? Это было криминальное воздействие на организм, или вы пили какие-то сильнодействующие травы?

– Ничего я не совершала. Ничего не пила. Не была я беременной. Я не могла. У меня нет мужа. Я одна, но я – достойная женщина, а не падшая.

– Конечно, вы достойная. Не в этом и дело. Вы знаете, в чём принцип действия подобных препаратов? В маленьких капсулах скрыты особые программы, это чтобы вы лучше поняли, микро роботы, программы, они лечат повреждения и усиливают многократно естественную регенерацию, а потом самоликвидируются, выполнив своё дело. Но след-то от их воздействия остаётся какое-то время. И потом, были травмирующие обстоятельства, приведшие к тому, что и произошло. Я же понимаю, что вы боитесь сказать, кто сотворил с вами подобное..

– Когда? Вы хотите сказать, что беременность стала следствием некоего принуждения меня к тому, чего я не хотела?

– Ну, я не знаю, чего вы хотели, но уж точно забеременеть без статуса законной жены, то есть, не имея законного мужа, вы не стремились? И ведь срок вашей беременности был приличный...

– Не могла я. Как? Если...не замужем.

– Хотите сказать, что у вас было непорочное зачатие?

– Не было никакого зачатия. От кого бы...

– Ладно. Я всё понял. Ваша личная жизнь меня не интересует. Кроме того, что и виновником вашего непорочного и столь трагически-неудачного зачатия, как и последующего травмирующего для вас воздействия был один тот же... Даже не знаю, имею ли право называть его человеком. У меня возможности несколько иные, чем вы можете себе вообразить. Я же всё прочёл по оставленным следам. Не буквально, конечно, не своими наличными глазами, а при помощи своих сложнейших, тончайших технологий. Так что, не надо подвергать себя дополнительному душевному мучению. Я же не допрашиваю и не караю никого.

– Я ездила в столицу по делам. А на улице, у заброшенного квартала, я убежала от напавшего бандита, но потом открылось кровотечение. Может, и от испуга. Я взяла машину частного извоза, и меня привезли. От пропускного пункта пришлось идти пешком. Вот я и шаталась от приступа боли, если кто вам о том донёс. То, что меня видели в неадекватном состоянии...

– Если видели, почему не помогли? Почему не отправили в медицинский пункт, который тут отменно функционирует? Да тут и клиника есть!

– Почему же не помогли? Меня проводил один хороший человек до самого дома. Но дома мне стало гораздо легче, и я попросила его не беспокоиться. Если будет хуже, тут есть кому обо мне побеспокоиться.. Я уснула. А уже потом я попросила Элю взять у Антона нужные лекарства. Мне не нуж-

на огласка, поймите.

– Эля? Антон? Ваша Эля дружит с одним нашим парнем. И она, будучи очень разговорчивой девушкой, рассказала ему, что вы пришли вся истерзанная и спали почти сутки странным лекарственным сном. Она испугалась за вашу жизнь, но не стала вас позорить, обо всём рассказав Олегу. У вас очень, ну очень, своеобразные тут нравы. Обвинили бы вас. Олег же видел сам, как вас забрал в свой отсек, сами знаете кто. Тот, кто любит развлекаться подобным образом. И ничего невозможно доказать. У нас там, знаете, существует некое «общество защитников местных животных». Вот они их к себе берут для развлечения. Натешатся, подлечат даже, возомнив себя самонадеянно профессионалами на все руки от скуки, а потом выбрасывают наружу. И ведь до чего же добряки! Что такое ответственность перед всякой прирученной душой? Они забыли, а может, и не знали о том никогда. Рано или поздно это должно было привести к ещё большему обесцениванию таких вот живых игрушек, а также к изобретению более изошрённых игр с ними. Я всегда это предвидел, что рано или поздно кто-то перейдёт все допустимые границы... а может, и давно уже нет никаких границ для некоторых... – Франк принёс ей блюдо клубники,

– Что же плохого в том, что люди любят животных? – спросила Нэя, – Спасают их и лечат?

– Что же хорошего, если они за людей их не считают! – ответил доктор.

– Как же можно животных считать за людей? – не понимала Нэя, вдруг усомнившись в его здравомыслии.

– Ешьте ягоды, вкусно, – сказал Франк.

Нэя прижала к губам потрясающе ароматную ягоду. В сумбурной и взволнованной речи седовласого врача она ничего не поняла. Причём были какие-то животные, с которыми некие любители играли как с домашней живностью?

– Конечно, плохо, когда прирученных, но надоевших животных выбрасывают, – сказала она.

– Да разве я о животных, милая вы дурочка? – спросил он, – Могла бы и понять, о чём именно моя речь...

И вдруг Нэя всё поняла. Наверное, её лицо выглядело жалким, поскольку доктор подошёл к ней совсем близко и ласково погладил её по волосам как маленького ребёнка, когда того утешают. – У нас в горах растёт, в наших оранжереях, ешь, – сказал он, лучась глазами от того, что доставил ей радость вкусными ягодами.

– Он не мог такими вещами заниматься... он не такой...

– Не такой? А какой? Может, и не занимался сам просто потому, что брезгует местными «животными», а другим-то не запрещал! А должен был! Он тут как никак власть!

– Над кем он власть?

– Он власть над теми, кого ему и доверили. Не надо мною, к счастью. И запомните, не над вами уж точно!

– Почему же вы всё время говорили «животные», если речь идёт о... женщинах?

– Разумеется, я не считаю местных людей животными! Таким вот иносказанием я всего лишь даю вам понять, какие печальные повреждения у нас тут имеют место быть. Но почему такая личностная деградация? Они подцепили местный информационный вирус? Или затащили сюда сами некую спящую в себе спору, затаившуюся в них до времени? А не справившись с давлением местной среды, попустили этой заразе расправить условные плечи во всю уже ширь?

– Да кто они? О ком вы говорите?

– Они, потому что он тут не один такой. «Не такой»! Именно что такой! На собственной коже, собственными внутренностями не почувствовала, что ли, какой он! – Франк сжал свои кулаки, – Дать ему, что ли, в морду при случае? Так ведь он не один такой и пойдём стенка на стенку. Архаичные кулачные бои сделаем ещё одной забавой? И тогда уж точно всё полетит кубарем местному владыке преисподней в огненную пасть!

У неё выступили слёзы, – А что со мною всё так плохо?

– А ты сама-то что чувствовала? – спросил он, как ей показалось, сердито. – Великолепно разве себя чувствовала? Как ещё и работала после всего...

– Я боялась даже прикоснуться к себе и... я запретила себе что-либо чувствовать...

– Чего боялась? Умереть? Или запрятала головушку под крыло и думала, всё само как-нибудь рассосётся? А если бы последствия были? Да от той же чудовищной дозы препара-

тов, что он в тебя всунул...

Он какое-то время ходил по просторному помещению без видимой цели, – Теперь ты в полной безопасности. Я всё поправил, на то я и врач, – подходя, он обхватил её ладонь своей тёплой и сухой ладонью, будто просил защиты от собственного гнева, – А кожа-то у тебя до чего же нежная... да к тебе притронуться чуть плотнее боязно, а тут... А тебе жалко его!

Нэя сжалась невольно от неведомо какой вины. Доктор взглянул быстро и пронзительно, тут же взяв под контроль свои эмоции,

– Защитница животных это вы, – сказал он с мягкой насмешкой в голосе. – И когда же так случилось, что я... да я и сам олух настоящий! Как назвала меня одна женщина, – «затворником, живущим в горе». Как она была права!

– Мне кажется, я знаю, о ком вы говорите... – еле слышно сказала она.

Он опять приблизился, вперил в неё свои чисто-серые глаза под чёрными и густыми бровями, и они блеснули, – Да откуда вы можете это знать... – но не договорил и отвернулся.

– Вы не сможете заставить меня ничего и никому говорить, – сказала Нэя, не удержавшись от поедания ягод. – Да и о чём я могу рассказать? Я сама же приняла эликсир жрицы Матери Воды, но не рассчитала дозировку...

– Зачем? – поразился доктор. – Какой ещё эликсир?

– Затем, что мне требовалось успокоение для нервов. Я

устала...

– От чего ты устала? Или от кого?

– От своей неудачной личной жизни я устала. И при чём тут тот, кого вы обвиняете? А если я вам скажу, что причина всего произошедшего Чёрный Владыка, вы поверите?

– Какой чёрный владыка?

– Такой. Он не в реальном плане существует, если соотносить его с человеческим пониманием реальности. А у себя, в центре планеты. Моя бабушка несла вину за прошлое, и Чёрный Владыка потребовал через своего жреца, чтобы я стала жрицей его возлюбленной Матери Воды. Но бабушка пожалела меня и... потому так всё случилось. Я так и не стала ничьей женой, не имею детей в своём возрасте, не имею законного мужа. Пришельцы очень красивые, но они чужаки. Взаимопонимание затруднительно бывает порой. Вот и вы тоже. А он виноват лишь в одном. Что не хочет идти со мной в Храм Надмирного Света. За это я мучаю его, а он... огрызается иногда...

– Эх вы, ягодка – клубничка! – сокрушенно сказал доктор, – вы просто сделайте, как я сказал. И храните пластину как свою защиту. Если он посмеет ещё раз вас тронуть, вы отдайте её мне. Если вас мучают ненормальные отношения, не стоит ли сделать вывод, что вы выбрали себе ненормального партнёра?

– Может, это как раз я ненормальная и мучаю его?

– Ну, как хотите. Спите хорошо?

Нэя молчала.

– Возьмите, – доктор протянул ей маленькую капсулу с двумя шариками. – Если возьмёте в рот перед сном, хорошо уснёте. Сладко, крепко. Психика восстановится.

– Я не понимаю, какой Олег и где мог меня видеть в неадекватном состоянии? Я не знаю Олега. Он же мог ошибиться, перепутав меня с кем-нибудь и ещё.

Франк смотрел на неё с жалостью, с грустью в серых умных глазах. Брови были густые и чёрные, губы сочные. На старика он совсем не был похож.

– Сколько вам лет? – спросила, не удержав любопытства Нэя.

– Много. У меня внуки давно взрослые и правнуки вашего возраста.

– Много? Внуков-правнуков? – она смотрела с удивлением и недоверием в неопишимо-прекрасных глазах. И это недоверие было отрадным для доктора. Как для мужчины. Ведь девушка-то не обычная, а эксклюзивное изделие местного Творца, а не каких-то там подмастерьев его...

– Много. Могло быть и ещё больше.

– Хорошо, когда много детей, потом внуков... нет! Вы всё придумали про взрослых правнуков! Вы же не старый совсем.

– Мечтаете о детях?

– Конечно. Но ведь прежде надо найти того, кто стал бы им хорошим отцом.

– Вот именно! И вам ли печалиться об этом? Только моргните синим глазком, и любой будет ваш, кого и выберете. Разные, к счастью, люди вокруг, не только же чёрные владыки и любители-экзоты. Разве здесь, в ЦЭССЭИ, мало образованных и прекрасных людей? Но если честный разговор у нас, то в смысле наших, тех, кто работает и живёт здесь, отношения бесперспективные для местных девушек. И дети редко рождаются. Не подходим мы в чём-то глубинном вашим женщинам. В смысле потомства. Нет его. Хотя связей таких много.

– Как же не бывает, если были дети? Даже тут, в подземном вашем городе, родился однажды ребенок, я знаю. Только давно...

– Это скорее редкие исключения. И им нет внятного объяснения у наших исследователей. А вы боитесь этого феодала? Ведь он именно таковым и стал. Думаете, он тут всемогущ и выкинет вас отсюда? Если вдруг узнает? Он ничего не узнает. Как? Его просто отсюда отзовут и всё!

– Я не понимаю вас, – ответила Нэя.

– И я не понимаю вас, – ответил Франк.

Когда лифт привёз их наверх, и открылась прозрачная панель в холле, Нэя и Франк увидели Рудольфа. Он и двое землян, одетых в так называемый «маскарад», то есть одежду для выхода на поверхность, а не ту, какую они носили внизу, оживлённо что-то обсуждали. Лицо Рудольфа, весёлое и смеющееся, почти неузнаваемое, поразило Нэю. Он уви-

дел её и перестал смеяться. Глаза вопросительно вперились в доктора Франка.

– Принесла ж его нелегкая! – сказал доктор сквозь зубы. Очень тихо, и Нэя не поняв того, что он сказал, поняла его досаду и даже мимолётный испуг. – Истинный демон, – сказал он уже на языке Паралеи. Он взял Нэю за руку и провёл её через холл на глазах замолкнувших сразу людей. Они с интересом рассматривали Нэю. Тонкое белое платье, расшитое поверху как бы случайно обронёнными на подол лепестками из пунцового атласа, окутывало её, мерцая подобно перистому облаку. Туфельки, пунцовые и маленькие, похожие на игрушечные, затейливое плетение прически делало её похожей, действительно, на фею, как насмешливо обозначал её Рудольф. Глаза Рудольфа ощутимо жгли её спину.

– Скажу, что вы обратились сами из-за вашего плохого самочувствия. А познакомились в лесопарке. Да ведь это и правда.

– Вы боитесь его?

– Нет. Но он обязан по долгу службы контролировать посещение подземелий всеми посторонними. – Доктор сунул пластину в её украшенную вышивкой пунцовую сумочку. – Тут ваша защита. Помните, – повторил он уже у выхода из «Лабиринта».

Нэя не до конца поверила доктору. Не было у неё никакой беременности! Его тончайшие волшебные технологии ошиблись. Она словно бы закрыла незримой, а непроница-

емой сферой от самой себя всякую мысль о том, что слова доктора о возможном ребёнке могли быть правдой. Этого не было. Не было и всё! А то, что отболело, чего о том помнить?

– Ничего не было. Ни до, ни потом! – произнесла она по-лушёпотом. Доктор почти неощутимо прикоснулся к её шее, нежно тронул ушную раковину, – Как скажешь, – спокойно, но заметно без прежних и мягких интонаций, отозвался он. Она пошла от доктора к выходу. Он остался стоять на том же месте. Выходить вслед за нею он не стал. Вначале хотел проводить её до того же места, где и встретил. А потом передумал. Он был раздосадован на глупое всепрощение прекрасной женщины того, кто ничего подобного не заслужил. Франк отлично уловил все её внутренние метания одновременные с её же непоколебимым чувством любви к Венду. Да за что ему боги Паралеи несут свои чудесные дары? А Франку? Тихому подвижнику и труженику таких даров нет.

Она шла спокойно. Она знала, что Рудольф стоит за прозрачной изнутри стеной и смотрит ей вслед, тараща глазищи и не умея ничего скрыть, но за нею следом он не выйдет. Она шла, гордо выпрямив спину, она его не боялась и не собиралась любить. Никогда!

Оторвав от её удаляющейся спины свой взгляд, отмечая про себя напряжённость и манерность её походки, скрывающей сильное волнение, Рудольф обернулся к Франку, тесня его к стене.

– Как она сюда попала?! Как вы посмели пригласить сюда

местных, без моего ведома?! – свирепо напирал он, но доктор ловко ускользнул от его мощного натиска.

– Какой-то подонок нанёс ей психическую травму и, как показалось мне, сдвинул в ней душевное равновесие. Она стала пить какие-то местные колдовские эликсиры, чем вызвала у себя же выкидыш. Боясь огласки и позора, спасаясь от местных блюстителей нравов, которые её бы и обвинили во всём, она обратилась за помощью к Антону за необходимыми лекарствами. К сожалению, ко мне она не обратилась, и время для выделения из тканей организма и дальнейшего исследования биологических следов быстро разлагающегося токсина было упущено. Я её осмотрел, подлечил, дал препараты для восстановления психики. А что?! – крикнул вдруг доктор и закашлялся от напряжения, – запрещено помогать людям в их беде? – он впился с ненавистью во взгляде в расширенные и смятённые глаза шефа земной военной базы. – Вам ли и не знать, насколько жестоки порой местные люди, особенно по отношению к очень красивой, но абсолютно одинокой женщине? – и добавил, посылая ему прозрачный намёк на прошлое, – И не только местные мужчины жестоки к местным женщинам. А ведь, как известно, здесь нет земных женщин. А вот земные мужчины вполне себе пользуются местными женщинами, не всегда отвечая за их благополучие.

– Кто рассказал вам о том, что было некое её принуждение к сексу? Откуда такая информация? Может быть, там было взаимное желание...

– Взаимное желание? – доктор не говорил, а зловеще шептал, удерживая себя от откровенного уже припадка гнева, когда или толкают или бьют по лицу. – Она сама и сказала мне про психическую травму, которую пыталась излечить каким-то эликсиром. Я уверен, что она придумала и про прогулку в столице, где её испугал какой-то напавший на неё бандит, от которого она убежала. Она же врать абсолютно не умеет!

– Какой бандит? Она сама рассказала вам о своей беде? – веря и не веря, спросил Рудольф.

– Да, она сама рассказала. А кто же и ещё мог мне о том рассказать? Я вот думаю, не подвергнуть ли мне девушку регрессивному гипнозу, поскольку она утратила память о самом событии. Ты же намеренно ввёл её в неадекватное состояние, только вот отчего-то не стал зачищать её память о произошедшем. Никак пожалел? Испугался причинить ей более существенный вред? Ты же тут и врачом стал с творческой, так сказать, жилкой, – Франк откровенно издевался ему в лицо, – Чего побелел-то лицом? Даже жизнерадостный загар твой слинял! Была бы моя тут власть, на дыбу бы тебя вздёрнул, нечестивец!

Недавние собеседники Рудольфа невольно стали прислушиваться, поражённые грубой бранью деликатного старого врача, свернув своё весёлое общение между собой. Смысла слов они не улавливали, – всё же доктор приглушал свою речь, порой переходя на шипение, но самую грозovou атмосферу.

сферу отлично уловили.

– Ну, вы и загнули, праведник подземный! Да я и без всякой дыбы суставы тебе выверну!

– Если живым останешься, как только прикоснёшься ко мне, киборг неотрегулированный! Или опять джина инопланетного из кристалла на помощь призовёшь? Не успеешь и моргнуть, как я тебе яйца твои тугие скальпелем отсеку!

Уловив последнюю фразу доктора, произнесённую уже на повышенных тонах, присутствующие в холле напряглись, не понимая, что происходит.

– Кажется, тут возник риск насильственной кастрации? – спросил один из мужчин, в намерении подойти к ним. Рудольф остановил его повелительным движением руки, давая понять, что вмешиваться в беседу его никто не приглашал. На заметно напряжённых скулах проступил нервный румянец, и такое доктор видел впервые. Рудольф вообще никогда не краснел, а только заметно белел от сильных эмоций, что во мнении Франка было признаком его жёсткости. Его гораздо больше располагали к себе люди, которые наливались зримой краской при выходе чувств за пределы нормы, а этот выхода своим чувствам наружу никогда не давал, лишь иногда издевательски шурился или скалился. Франк чувствовал, что ещё мгновение, и ГОР у всех на глазах сшибёт его с ног. Он благоразумно отодвинулся в сторону группы поддержки, каковой уж точно стали бы для него присутствующие ребята.

– Сами-то в какую архаику провалились, что смеете вот

так громогласно клеймить нечестивцев? – Рудольф перешёл на полужёпот, давая понять разъярённому Франку, что тут не место для выяснений отношений. Однако и сам сделал попятное движение в сторону от доктора в попытке удержать самоконтроль. Вид его был таков, что Франк опомнился и только покачал головой, будучи невероятно мягкосердечным.

– Стыдно? И то отрадно, что совесть-то, пусть и остаточная, ещё шевелится... По счастью, девушке ничего уже не угрожает, а ведь был вполне вероятен и более трагический поворот после этого, как вы сказали, «взаимного желания», – говорил он уже негромко, как и положено в приватной беседе, чтобы никто, кроме Рудольфа, не услышал. Полыхание его скул усилилось, а из-за хронического загара, от которого он никогда не предохранялся, считая подобное бережное отношение к коже женским качеством, казалось, что он потемнел, как реальная уже грозовая туча. Но Франк, израсходовав свой запал гнева, ощущал только опустошение.

– Хорошая вещь «взаимное желание», но в хорошем необходимо чувство меры. Зло это и есть утрата меры. Из-за того, что вы утратили меру человечности в себе, эта чудесная женщина расплатилась своим здоровьем.

– В каком смысле? Что не так у неё со здоровьем? – также остывая на глазах, спросил Рудольф.

– А что может быть так после того, как она принялась самодеятельно лечить свои нервы каким-то эликсиром? У неё

выкидыш произошёл, а она даже того не поняла. Отвалялась пару дней и опять за работу. А если кровотечение открылось бы, то зная здешнюю медицину, да и женские предрассудки не позволили бы ей поспешить за скорейшей помощью, то она бы погибла! Мне пришлось провести вмешательство в её организм для устранения последствий выкидыша и устранить риск возникновения уже злокачественных перерождений тех биологических структур, что и остались после разрушения плода в матке. Всё могло иметь куда как более серьёзные последствия! Здесь полно таких случаев, особенно в студенческой среде. Даже здесь в ЦЭССЭИ!

– Разве у неё есть муж? Откуда бы...

– Передо мной-то «валенок не валяй», не так ли говорите вы, русские? Ты отлично знаешь, что хуже, чем есть, моё отношение к тебе стать уже не сможет. Ты-то кто, если не муж? Пусть муж тайный и нечестивый, а жалость человеческую и естественную где потерял? – Франк задохнулся, не имея уже сил как говорить, так и выносить сам вид Венда. Венд понял и ушёл, оставив доктора с теми, кто остался в холле среди призрачных городов Нэиля.

– Доктор, – спросил один из мужчин, приближаясь к нему, – кто была эта волшебная девушка с вами? Познакомьте. Или вы наметили её себе?

– Боюсь, что вам придётся спрашивать разрешения на это у Венда, – раздосадовано ответил Франк.

– Она его собственность? Или у нас тут уже рабовладе-

ние? – засмеялись они.

– Можно и так сказать! – у Франка не было ни малейшего желания отвечать на бестолковые шутки. Он решил навесить Арсения, который работал на поверхности, раздумывая над тем, на месте ли тот? Или куда-нибудь убрёл?

– Мы и сами познакомимся, – сказал один из парней, – она, кажется, работает в их швейном центре.

– Если Венд пригрёб её себе, нам ничего уже не светит, – урезонил его другой.

– А я-то всё думал, почему он запрещает нашим и близко подходить к этой местной «Мечте», – продолжал первый.

– Правильно делает. Боятся, что при тесном контакте с женщинами из ЦЭССЭИ, информация перетечёт из наших биополей в их биополя, и нас таким вот образом расшифруют местные спецы из тех, кто владеет подобной секретной практикой и тайнами, что называется, «психе».

Они дружно засмеялись, а тот, кто и озвучил намерение познакомиться с владелицей «Мечты», добавил, – Запрет касается лишь города. За его пределами наше поведение уже не есть зона его слежения. Там тоже немало привлекательных психей.

– Возьми себе на заметку, сколько наших ребят исчезло в пределах континента за всё то время, что мы тут. Статистика удручает. Для здешних власть имущих мы уже давно не тайна. Другое дело, что они соблюдают дистанцию, видя, что мы в их властные механизмы не суёмся.

– Кроме тех нежнейших и мыслящих механизмов, что так похожи на наших земных подружек.

– По поводу мыслящих, тут ты не обольщайся. Скорее уж, чувствующих...

– «Механизмы», разложились тут все! – крикнул им Франк, поражая их необъяснимым, если для них, гневом. – Какие они вам механизмы! Они такие же люди, а если кто того не соображает, то не стоит ему обольщаться своей причастностью к роду «мыслящих»!

И долго потом, потрясённый красотой девушки и своей жалостью к ней, он не находил себе места успокоения, пока Арсений не увлёк его в горы, на фруктовые плантации, чтобы похвалиться своим новым методом борьбы с вредителями. Но и слушая Арсения, наблюдая за всем, что тот ему показывал и рассказывал, доктор не переставал думать о Нэе. Если бы она нашла в себе силы не прощать этого «лидера-победителя», как много бы он сделал для неё. Ведь Франк был совсем не стар телом и совершенно молод душой. После работы на плантациях до самой темноты, он без сил уже свалился спать прямо в павильоне для отдыха там же, даже не имея сил подняться в личную квартиру на поверхности. Все гнетущие мысли о Рудольфе он умело отключил. И ему даже приснился сон, на удивление светлый и тихий. Он гулял вдоль берега тихой и прозрачной речки, чьи берега заросли дуплистыми вётвами, и всё искал белый песчаный пляж, чтобы искупаться. И не только песочек искал он, а и купаю-

щуюся где-то поблизости белотелую наяду, чьё присутствие было просто необходимо, а само пространство вымысла с готовностью шло ему навстречу. В подобных и насыщенных запретным счастьем снах он был молод и прекрасен.